

Лоис Макмастер Буджолд Игры форов

Барраяр – 4

Авторский текст перевода с «Лавки Миров» <http://lavka.lib.ru/bujold>

Аннотация

Майлз Форкосиган — сын высокопоставленного сановника при дворе императора планеты Барраяр — один из самых известных героев американской фантастики 80—90-х годов. Его приключениями зачитываются миллионы читателей во всем мире. Роман, получивший премию «Хьюго», «Игра форов» — настоящий подарок любителям фантастики.

Лоис Буджолд Игры форов

Посвящается маме. И с благодарностями Чарльзу Маршаллу за сведения из первых рук об арктическом оборудовании, а также Уильяму Мельгаарду за комментарии по войнам и военным играм.

Глава 1

— Служба на корабле! — торжествующе воскликнул стоящий четвертым в очереди перед Майлзом мичман. Ликование осветило его лицо, пока глаза бежали по строчкам приказа, отпечатанного на слегка трясущемся сейчас в его руках пластиковом листке. — Я буду младшим офицером по вооружению на имперском крейсере «Коммодор Форхалас». Приказано явиться немедленно в космопорт на базе Тейнери для перелета на орбиту.

Получив тычок в спину, он совсем не по-военному отскочил с дороги следующего в очереди, продолжая радостно пришепывать от восхищения.

— Мичман Плоз. — Пожилой сержант, управлявшийся за столом, аккуратно держал следующий пакет большим и указательным пальцами, всем своим видом демонстрируя одновременно скуку и превосходство.

«Как давно он уже занимает этот пост в Имперской Военной Академии? — подумал Майлз. — Сколько сотен — или даже тысяч — молодых офицеров прошли под его равнодушным взглядом в этот первый определяющий момент их карьеры? Возможно, после нескольких лет все они стали для него на одно лицо? Та же новая зеленая форма. Те же голубые блестящие пластиковые прямоугольники — символы только что полученного блестящего звания — словно броня на высоких воротниках. Те же голодные глаза. Бесшабашные выпускники самой элитной школы имперских вооруженных сил, полные мечтаний о военном предназначении. «Мы не просто шагаем в будущее, мы атакуем его».

Плоз отступил в сторону, коснулся большим пальцем к пластине замка и расстегнул свой конверт.

— Ну? — поторопил Айвен Форпатрил, стоящий в очереди сразу перед Майлзом. — Не держи нас в неведении.

— Лингвистическая школа, — ответил Плоз, продолжая читать.

Он уже в совершенстве владел всеми четырьмя языками Барраяра.

— Студентом или инструктором? — поинтересовался Майлз.

— Студентом.

— Ага! Значит, это будут галактические языки. А потом тебя затребует разведка. Служить будешь вне планеты, это точно, — сказал Майлз.

— Не обязательно, — заметил Плоз. — Они могут просто посадить меня куда-нибудь в бетонный бункер, чтобы я программировал компьютеры-переводчики, пока не ослепну. — Однако в его глазах светилась надежда.

Майлз милосердно не упомянул основной недостаток службы в разведке — тот факт, что в конце концов оказываешься под началом шефа Имперской безопасности Саймона Иллиана, человека, который помнит все! Но, возможно, на уровне Плоза ему не придется встречаться с язвой Иллианом.

— Мичман Любачик.

По степени болезненно ревностного усердия Майлз считал Любачика вторым человеком из всех, кого он встречал. Поэтому он не удивился, когда Любачик расстегнул свой конверт и задохнулся от волнения:

— Имперская СБ! Продвинутый курс по безопасности и борьбе с терроризмом.

— А, школа дворцовой охраны, — сказал с интересом Айвен, подглядывая через плечо Любачика.

— Это большая честь, — заметил Майлз. — Иллиан обычно набирает своих студентов из отслуживших двадцать лет ветеранов, увешанных медалями.

— Может, император Грегор попросил Иллиана набрать кого-то ближе ему по возрасту, — предположил Айвен. — Чтобы слегка освежить ландшафт. Эти занудные ископаемые, которыми Иллиан его обычно окружает, меня лично привели бы в депрессию. Не давай никому повода считать, что у тебя есть чувство юмора, Любачик. Думаю, это приведет к автоматической дисквалификации.

Майлз прикинул, что если это так, опасность потерять свой пост Любачику не грозит.

— Я действительно увижу императора? — спросил Любачик. Он обратил нервный взгляд на Майлза и Айвена.

— Тебе, наверное, каждый день придется смотреть, как он завтракает, — ответил Айвен. — Бедный парень.

Он имел в виду Любачика или Грегора? Определенно, Грегора.

— Вы, форы, знаете его — какой он?

Майлз вмешался, пока искорка в глазах Айвена не материализовалась в какую-нибудь подходящую шутку.

— Он человек открытый. Вы найдете общий язык.

Слегка обнадеженный, Любачик сдвинулся в сторону, перечитывая свое назначение.

— Мичман Форпатрил, — протянул сержант. — Мичман Форкосиган.

Высокий Айвен забрал свой пакет, а Майлз свой, и они отошли в сторонку вместе со

своими двумя товарищами.

Айвен расстегнул свой конверт.

— Ха! Мне достался имперский штаб в Форбарр-Султане. И быть мне, да будет вам известно, адъютантом commodora Джоллифа, оперативный отдел. — Он поклонился и перевернул листок. — Фактически начиная с завтрашнего дня.

— О-о! — сказал мичман, который вытянул службу на корабле — он все еще слегка подсакивал от возбуждения. — Айвен будет секретарем! Смотри, как бы генерал Ламиц не попросил тебя посидеть у него на коленках, говорят, он...

Айвен послал ему дружеский неприличный жест.

— Зависть, чистая зависть. Я буду жить как гражданский человек. Работать с семи до пяти, жить в собственной квартире в городе. И там наверху на этом твоём корабле никаких девочек, позволь заметить. — Голос Айвена был ровным и бодрым, только его глаза не могли полностью скрыть разочарования. Айвен тоже хотел службу на корабле. Все они хотели.

И Майлз хотел. «Служба на корабле. В конце концов, командование, как у моего отца, как у его отца, и его, и его...». Желание, мольба, мечта... Он помедлил из соображений самодисциплины. И из-за страха. И ради последнего тягучего мгновения напряженной надежды. Он приложил палец к замку и расстегнул конверт с выверенной точностью. Один пластиковый лист, несколько дорожных пропусков. Его собранность длилась только короткое мгновение, понадобившееся на то, чтобы впитать смысл маленького параграфа перед его глазами. Он застыл, отказываясь им верить, и начал читать заново.

— Ну, и что там, братец? — Айвен заглянул через плечо Майлза.

— Айвен, — придушенно спросил Майлз, — у меня приступ амнезии, или метеорологии действительно не было среди наших научных курсов?

— Пятимерная математика, да. Ксеноботаника, да. — Айвен задумчиво почесал памятную царапину. — Геология и топография, да. Ну, были погодные условия для авиации еще на первом курсе.

— Да, но...

— Ну, что они с тобой сделали на этот раз? — спросил Плоз, очевидно готовый поздравлять или сочувствовать — по обстановке.

— Я назначен старшим офицером по метеорологии, база Лажковского. Где, черт возьми, эта база Лажковского? Я никогда о ней даже не слышал!

Сержант, сидевший за столом, вскинулся с неожиданной злорадной усмешкой.

— Я слышал, сэр, — поделился он. — Она находится на острове Кайрил, рядом с полярным кругом. Тренировочная база для пехоты. Солдатня зовет ее «лагерь «Вечная мерзлота».

— Для пехоты?! — выдавил Майлз.

Айвен нахмурился и посмотрел вниз на Майлза:

— Пехота? Ты? Тут что-то не так.

— Да уж, — слабо отреагировал Майлз. Холодной волной его накрыло осознание своей физической неполноценности.

Годы изощренных медицинских попыток почти исправили серьезные анатомические деформации, от которых Майлз едва не умер при рождении. Почти. Скрученный в детстве как лягушка, сейчас он стоял почти прямо. Хрупкие как мел кости сейчас были почти прочными. Усохший как какой-нибудь гомункулус, сейчас он вырос почти до ста сорока пяти сантиметров. В последние годы его рост стал вопросом баланса между длиной костей и их прочностью, и его доктор по-прежнему считал, что последние пятнадцать сантиметров были ошибкой. В конце концов Майлз переломал себе ноги достаточное количество раз, чтобы с ним согласиться, но к тому времени было уже поздно. Но он не мутант, не... Впрочем, это едва ли уже имело значение. Если бы только они позволили ему проявить свои сильные стороны на службе императору, он бы заставил их забыть о его слабостях. В этом был весь смысл.

В вооруженных силах есть, должно быть, тысяча занятий, на которых его странный внешний вид и скрытая хрупкость никоим образом не отразились бы. Например, адъютант или переводчик в разведке. Или даже офицер по корабельному вооружению, следящий за своими компьютерами. Ведь они понимали это, конечно, понимали. Но пехота? Кто-то нечисто играет. Или была допущена ошибка. И это, кстати, было бы не в первый раз. Он помедлил долгое мгновение, сжимая листок в кулаке, а затем направился к двери.

— Куда собрался? — спросил Айвен.

— Увидеть майора Сесила.

Айвен выдохнул через поджатые губы.

— Да? Желаю удачи.

Майлзу показалось, или сидящий за столом сержант действительно скрыл улыбочку, склонившись над следующей кипой пакетов?

— Мичман Драут. — Очередь продвинулась еще на одного.

Майор Сесил, присев одним боком на стол своего клерка, консультировался по какому-то вопросу, склонившись над видео, когда Майлз вошел в его офис и отдал честь.

Майор Сесил взглянул на Майлза, а потом на свой хронометр.

— А, меньше десяти минут. Я выиграл.

Майор ответил на приветствие Майлза, в то время как клерк, кисло улыбаясь, вынул из кармана небольшую пачку денег, отделил купюру в одну марку и молча протянул ее своему начальнику. На лице майора читалось одно лишь удовольствие. Он кивнул на дверь, и клерк, оторвав пластиковый листок, только что отпечатанный его машиной, вышел из комнаты.

Майор Сесил был мужчина примерно пятидесяти лет, подтянутый, уравновешенный и внимательный. Очень внимательный. Хотя он не был титулованным главой управления кадров — эта административная должность принадлежала офицеру более высокого звания — Майлз давно понял, что именно Сесил принимал окончательные решения. Через руки Сесила в конечном итоге проходило каждое назначение каждого выпускника Академии. Майлз всегда считал, что к нему легко можно обратиться за помощью, — учитель и ученый брали в нем верх над военным. Его юмор был тонкий и суховатый, его преданность делу была огромна. Майлз всегда доверял ему. До этого момента.

— Сэр, — начал Майлз. Он недовольным жестом предъявил свое назначение: — Что же это такое?

Глаза Сесила все еще светились тайным весельем, пока он убирал в карман купюру.

— Вы просите меня прочесть вам приказ, Форкосиган?

— Сэр, я спрашиваю... — Майлз прикусил язык и начал заново: — У меня есть несколько вопросов касательно моего назначения.

— Офицер-метеоролог, база Лажковского, — процитировал Сесил.

— Значит... это не ошибка? Я взял правильный пакет?

— Если там написано именно это, значит правильный.

— Вы... знаете, что единственный курс по метеорологии, который я проходил, был о погодных условиях для авиации?

— Знаю.

Из майора ничего нельзя было вытянуть. Майлз помолчал. Сесил отослал клерка — это ясный сигнал о том, что разговор предстоял откровенный.

— Это какое-то наказание? — «Что я вам такого сделал?»

— Ну почему же, мичман, — мягко возразил Сесил. — Это совершенно нормальное назначение. Вы ожидали чего-то необычного? Моя работа заключается в том, чтобы подбирать под вакансии подходящих кандидатов. Каждая вакансия должна быть кем-то заполнена.

— Эту вакансию мог бы заполнить любой выпускник технического училища. — Майлз усилием воли удержался, чтобы не зарычать, и разжал пальцы. — Он подошел бы даже лучше. Для такой вакансии не нужен кадет Академии.

— Верно, — согласился майор.

— Тогда почему? — воскликнул Майлз. Более громко, чем намеревался.

Сесил вздохнул, выпрямился.

— Потому что я заметил, Форкосиган, наблюдая за вами — а вам хорошо известно, что из всех кадетов, когда-либо проходивших по этим коридорам, за исключением разве что самого императора Грегора, вы находились под самым пристальным наблюдением, — Майлз коротко кивнул, — что несмотря на проявленную вами одаренность в некоторых областях, вы также проявили некоторые хронические слабости. И я не имею в виду ваши физические проблемы, которые, как ожидали все, кроме меня, должны были заставить вас уйти еще до окончания первого года учебы — вы проявили в этой сфере удивительное здравомыслие...

Майлз пожал плечами:

— Боль неприятна. И я на нее не напрашиваюсь.

— Очень хорошо. Но ваша наиболее коварная хроническая проблема лежит в области... как бы это поточнее выразиться... субординации. Вы слишком много спорите.

— Нет, не много, — возмущенно начал Майлз. И замолк.

Сесил сверкнул улыбкой.

— Весьма, весьма. Плюс ваша довольно раздражающая привычка относиться к вашим старшим офицерам как, э... — Сесил замолчал, очевидно, снова нащупывая правильное слово.

— Как к равным? — рискнул Майлз.

— Как к стаду, — аккуратно поправил Сесил. — Ведомому вашей волей. Вы манипулятор *par excellence*, Форкосиган. Я вас изучаю уже три года, и ваши навыки группового взаимодействия потрясают. Командуете вы или нет, каким-то образом всегда именно ваша идея в конечном счете проводится в жизнь.

— Я был настолько... непочтителен, сэр? — Майлз почувствовал холод в животе.

— Напротив. Учитывая ваше происхождение, просто чудо, что вам удастся столь удачно скрывать этот, э... небольшой налет высокомерия. Но Форкосиган, — Сесил, наконец, стал совершенно серьезен. — Имперская Академия — это не все имперские вооруженные силы. Вы заставили ваших товарищей ценить вас, потому что здесь мозги в большом почете. Вас выбирали первым в любую стратегическую команду по той же причине, по какой выбирали последним для любых чисто физических соревнований — эти молодые сорвиголовы хотели выигрывать. Все время. Во что бы то ни стало.

— Я не смог бы выжить в роли обычного человека, сэр!

Сесил склонил голову:

— Я согласен. И все же, в определенный момент вы должны, помимо прочего, научиться командовать обычными людьми. И подчиняться их командованию! Это не наказание, Форкосиган, и не шутка, в моем понимании. От моего выбора зависят не только жизни наших новоиспеченных офицеров, но также и тех невинных, которым я их навязу. Если я допущу серьезный просчет, переоценю или неправильно оценю пригодность человека к какой-то деятельности, я рискую не только им, но также и теми, кто будет вокруг него. Так вот, через шесть месяцев (плюс непредусмотренные задержки) Имперская Орбитальная верфь собирается закончить подготовку «Принца Серга».

Майлз задержал дыхание.

— Вы поняли, — Сесил кивнул. — Самая новая, самая быстрая, самая смертоносная штука из тех, что его императорское величество когда-либо выпускало в космос. И с самым большим радиусом действия. Он будет уходить в полет и оставаться вне базы дольше, чем что-либо, что у нас было раньше. Как следствие, все на борту будут стоять над душой друг у друга в течение более долгих непрерывных периодов времени, чем когда-либо ранее. Верховное командование в этот раз ради разнообразия действительно уделяет некоторое внимание психологическим портретам кандидатов.

— Теперь послушай, — Сесил наклонился вперед. И Майлз тоже, рефлекторно. — Если ты сможешь удержаться от неприятностей в течение только шести месяцев на

изолированном захолустном посту — короче, если ты докажешь, что способен справиться с лагерем «Вечная мерзлота», то я буду считать, что ты способен справиться со всем, что вооруженные силы могут тебе предложить. И я поддержу твою просьбу о переводе на «Принца». Но если ты облажаешься, то не будет ничего, что я или кто-либо другой смог бы для тебя сделать. Тони или пльиви, мичман.

«Лети, — подумал Майлз. — Я хочу летать».

— Сэр... А насколько захолустна эта дыра?

— Мне бы не хотелось, чтобы у вас сложилось предвзятое мнение, мичман Форкосиган, — ханжески ответил Сесил.

«Я тоже вас люблю, сэр».

— Но... пехота? Мои физические ограничения... не помешают службе, если будут приняты во внимание, но я не могу делать вид, что их не существует. Или я, с тем же успехом, мог бы прыгнуть со стены, немедленно себя уничтожить и сэкономить всем время. — «Проклятье, зачем они позволили мне три года занимать часть самого дорогого учебного пространства на Барраяре, если они намеревались прикончить меня на месте?» — Я всегда предполагал, что они будут приняты во внимание.

— Офицер-метеоролог — это техническая специальность, мичман, — заверил его майор. — Никто не будет пытаться бросить на вас полную боевую выкладку и расплющить вас ею. Я сомневаюсь, что в вооруженных силах найдется хоть один офицер, который пожелал бы объясняться по поводу вашего мертвого тела с адмиралом. — Его голос слегка охладел: — Это твой спасательный круг. Мутант.

Сесил был лишен предубеждений, он просто испытывал. Постоянно испытывал. Майлз мотнул головой:

— Таким кругом могу стать и я. Для мутантов, что последуют за мной.

— Так вы осознали это? — взгляд Сесила внезапно стал оценивающим, и в нем мелькнуло одобрение.

— Много лет назад, сэр.

— Хм, — Сесил, слегка улыбнувшись, слез со стола, прошел вперед и протянул руку. — Тогда удачи. Лорд Форкосиган.

Майлз пожал ее:

— Спасибо, сэр. — Он перетасовал пачку дорожных пропусков, приводя их в порядок.

— Где будет ваша первая остановка? — спросил Сесил.

Опять испытывает. Должно быть, уже дурная привычка. Майлз ответил неожиданно:

— Архивы Академии.

— А!

— Для скачивания служебного руководства по метеорологии. И дополнительных материалов.

— Очень хорошо. Кстати, ваш предшественник на этом посту останется еще на несколько недель, чтобы помочь вам окончательно войти в курс дела.

— Я чрезвычайно рад это слышать, сэр, — искренне ответил Майлз.

— Мы не пытаемся сделать это невозможным, мичман.

«Просто очень сложным».

— Это я тоже рад знать. Сэр.

Прощаясь, Майлз отдал честь почти в рамках субординации.

Майлз проделал последний отрезок пути на остров Кайрил в большом автоматическом транспортном шаттле, вместе со скучающим запасным пилотом и восьмьюдесятью тоннами груза. Он потратил большую часть проведенного в одиночестве пути на зубрежку метеорологии. Так как график перелета быстро пришел в беспорядок из-за многочасовых задержек на последних двух загрузочных станциях, к моменту, когда шаттл, громыхая, приземлился на базе Лажковского, Майлз обнаружил, что углубился в своих познаниях дальше, чем он ожидал, что обнадеживало.

Двери транспортного люка открылись и впустили бледный свет крадущегося рядом с линией горизонта солнца. Температура воздуха в этот самый теплый летний период была около пяти градусов выше точки замерзания. Первыми солдатами, которых увидел Майлз, была команда одетых в черные комбинезоны людей, встречавших шаттл с погрузчиками, под руководством устало выглядящего капрала. Создавалось впечатление, что никому не дали особого указания встретить нового офицера-метеоролога. Майлз поежился в своей парке и подошел к ним.

Пара одетых в черное человек, наблюдавших, как он соскакивал с трапа, обменивались репликами на диалекте одного из нацменьшинств — барраярском греческом, происходящим с Земли и основательно искаженном за века Периода Изоляции. Майлз, уставший от своего путешествия и догадывавшийся о содержании реплик по слишком хорошо знакомому выражению на их лицах, принял поспешное решение игнорировать все, что они скажут, просто притворившись, что не понимает их языка. Все равно Плоз довольно часто говорил ему, что у его греческого отвратительный акцент.

— Погляди-ка, это что, ребенок?

— Я знал, что они посылают к нам молодых офицеров, но этот просто рекордно мал.

— Эй, это не ребенок. Это какой-то чертов гном. Повитуха определенно не пристукнула его вовремя. Это ж мутант!

Усилием воли Майлз удержался, чтобы не посмотреть на комментаторов. Все более уверенные, что их не понимают, они перешли от шепота к нормальному тону.

— И что же он делает в форме, ха?

— Может, это наш новый талисман.

Старые генетические страхи укоренились столь глубоко и незаметно и были столь распространены даже сейчас, что вас могли до смерти забить люди, которые даже не вполне осознавали бы, почему они вас ненавидят, просто отдаваясь самовозрастающему возбуждению толпы. Майлз прекрасно осознавал, что его всегда защищал ранг его отца, но с менее удачливыми в социальном плане странными парнями могли происходить гадкие вещи. Всего два года назад в районе Старого Города в Форбарр-Султане произошел один зловещий инцидент. Нищий инвалид был кастрирован разбитой бутылкой из-под вина группой пьяных людей. И считалось прогрессом с большой буквы, что это событие вызвало скандал, а не было принято как должное. Недавнее детоубийство в собственном округе Форкосиганов еще более леденило душу. Да, ранг, социальный или военный, имеет свои преимущества. И Майлз намеревался получить все, что он дает, и побыстрее.

Майлз отдернул свою парку так, чтобы его цветные офицерские петлицы были ясно видны.

— Здравствуйте, капрал. Мне приказано явиться в распоряжение лейтенанта Ана, офицера-метеоролога базы. Где я могу его найти?

Майлзу пришлось подождать, пока ему отдадут честь, как положено. Капрал все еще пялился на него сверху вниз, и приветствие задерживалось. Наконец, до него дошло, что Майлз действительно может быть офицером. Он запоздало отсалютовал:

— Прошу прощения, э... что вы сказали, сэр?

Майлз холодно отдал честь в ответ и ровным тоном повторил свою фразу.

— А, лейтенант Ан, ну да. Он обычно прячется... то есть он обычно в своем офисе. В главном административном здании.

Капрал крутанул рукой в направлении двухэтажного блочного корпуса, торчащего за линией полузакопанных складских зданий на конце асфальтированной полосы, где-то на расстоянии километра.

— Вы его не пропустите — это самое высокое здание на базе.

А также, заметил Майлз, отмеченное россыпью коммуникационного оборудования, торчащего с крыши. Очень хорошо.

Не следует ли отдать свой багаж этим громилам и молиться, чтобы он последовал за ним в конечный пункт его назначения, где бы он ни был? Или прервать их работу и

прикомандировать себе погрузчик для транспортировки? Ему на мгновение представилось, как он будет торчать на этой штуке словно носовое украшение корабля, катясь навстречу судьбе вместе с полутонной нижней белья, утепленного, длинного, по 2 дес. в упаков., артикул № 6774932. Он решил кинуть походный мешок на плечо и пойти пешком.

— Спасибо, капрал.

Он зашагал в указанном направлении, остро ощущая свою хромоту и скобы на ногах, скрытые под штанинами и принимающие на себя часть дополнительного веса. Расстояние оказалось больше, чем ему представлялось, но он позаботился о том, чтобы не спотыкаться и не останавливаться, пока не свернул из зоны видимости за ближайший склад.

База казалась почти покинутой. И неудивительно. Ведь основой ее населения были тренирующиеся пехотинцы, которые прибывали и убывали в два захода за зиму. Только постоянный персонал был сейчас здесь, и Майлз был уверен, что большинство из них взяли отпуска во время этой короткой летней передышки. Майлз, запыхавшись, вошел в административное здание, никого не встретив по пути.

Монитор со списком персонала и планом здания, согласно сделанной от руки записке, приклеенной к экрану, был сломан. Майлз прошелся по первому и единственному коридору направо, разыскивая занятый кабинет, любой занятый кабинет. Большинство дверей были закрыты, но не заперты, свет выключен. В кабинете с надписью «Общ. бухгалтерия» сидел человек в черной рабочей форме с красными лейтенантскими петлицами на воротнике, полностью погруженный в свой головизор, на котором отображались длинные колонки данных. Он тихо ругался.

— Метеорология. Где? — спросил Майлз, остановившись в дверях.

— На втором, — лейтенант, не оборачиваясь, ткнул пальцем вверх, еще больше подобрался и возобновил ругательства. Майлз на цыпочках удалился, больше его не беспокоя.

На втором этаже Майлз, наконец, нашел нужный кабинет: закрытая дверь с надписью помутневшими буквами. Он остановился, поставил мешок, сложил на него парку и осмотрел себя. Четырнадцать часов путешествия подпортили его первоначальную свежесть. Однако ему удалось уберечь свою повседневную форму и полуботинки от остатков пищи, грязи и прочего непривлекательного налета. Он разгладил головной убор и поместил его на пояс точно в нужном месте. Он пересек полпланеты, полжизни ради этого момента. Три года тренировок до абсолютной степени готовности лежали за его плечами. И все же годы в Академии всегда имели легкий налет притворства, дескать, мы только тренируемся. Сейчас, в конце концов, он стоял лицом к лицу с реальностью, своим первым реальным командиром. Первые впечатления могут оказаться жизненно важными, особенно в его случае. Он вдохнул и постучал.

Хриплый приглушенный голос послышался из-за двери, слов было не разобрать. Приглашение? Майлз открыл дверь и шагнул внутрь.

Он уловил отблеск компьютерных панелей и неяркий свет видео дисплеев, расположенных вдоль одной из стен — и качнулся назад от жара, ударившего в лицо. Воздух внутри был на уровне температуры тела. За исключением света от дисплеев, в комнате было темно. Заметив движение слева, Майлз повернулся и отсалютовал:

— Мичман Майлз Форкосиган, прибыл по приказу для прохождения службы, сэр, — выпалил он, поднял глаза и никого не увидел.

Движение было ниже. Небритый мужчина примерно сорока лет, в нижнем белье, сидел на полу, опершись спиной о комм-пульт. Он улыбнулся Майлзу, поднял бутылку, на половину заполненную янтарной жидкостью, пробормотал: «Прият, парень! Я тя люблю», — и медленно завалился на бок.

Майлз посмотрел на него сверху вниз долгим, долгим задумчивым взглядом.

Мужчина начал храпеть.

Выключив обогреватель, скинув китель и набросив покрывало на лейтенанта Ана (а это

был именно он), Майлз взял полчаса на размышление и внимательно изучил свое новое хозяйство. Без сомнений, он запросит инструкции касательно работы лаборатории. Помимо поступающих в реальном времени изображений со спутника, данные, по видимому, автоматически поступали от дюжины фиксирующих микроклимат приборов, разбросанных по острову. Если инструкции по соответствующим процедурам и существовали, в настоящий момент их нигде не было видно, даже в компьютерах. После некоторых благородных колебаний и смущенного изучения храпящей и подрагивающей на полу фигуры Майлз также воспользовался возможностью просмотреть папки и компьютерные файлы Ана.

Открытие нескольких относящихся к делу фактов пролило некоторый свет на наблюдаемую Майлзом картину. Лейтенант Ан, по видимому, отслужил свои двадцать лет и через несколько недель увольнялся со службы. Прошло очень, очень много времени с момента его последнего повышения по службе. И еще больше времени с момента последнего перевода: он был единственным метеорологом острова Кайрил в течение последних пятнадцати лет.

«Бедняга торчит на этом айсберге с тех пор, как мне было шесть», — подсчитал Майлз и внутренне содрогнулся. Сейчас, после стольких лет, уже трудно было сказать, являлось ли пьянство Ана причиной или следствием его положения. Что ж, если он достаточно протрезвеет в течение следующих суток, чтобы показать Майлзу, что тут и как, то и славно. Если нет, то Майлз может придумать пяток способов — от довольно жестоких до весьма необычных — чтобы привести его в чувство, хочет он того или нет. Если Ана удастся заставить выдать техническую ориентировку, то потом пусть себе пребывает в своей коме, пока за ним не придут и не запихнут в уходящий транспорт.

Решив судьбу Ана, Майлз облачился в свой китель, убрал вещи под стол и отправился на разведку. Где-то в цепочке командования здесь должен быть сознательный, трезвый и вмняемый человек, который действительно делает свою работу, а иначе это место просто не смогло бы функционировать на таком уровне. Или, как знать, может, здесь всем заправляли капралы? Если так, предположил Майлз, его следующей задачей будет найти и взять под контроль наиболее эффективного капрала из имеющихся в наличии.

В нижнем фойе к Майлзу приблизилась человеческая фигура, силуэт которой был виден поначалу на фоне света из передних дверей. Совершая пробежку в четком ритме, фигура на поверку оказалась высоким, крепко сложенным мужчиной в тренировочных брюках, футболке и кроссовках. Очевидно, он только что прибежал с какой-нибудь поддерживающей форму пятикилометровой пробежки, возможно, с несколькими сотнями отжиманий на десерт. Серые стальные волосы, жесткие стальные глаза. Должно быть, он был особенно суровым сержантом-инструктором по строевой подготовке. Он резко остановился и уставился сверху вниз на Майлза, с изумлением, переходящим в хмурый взгляд и поджатые губы.

Майлз слегка расставил ноги, запрокинул голову и в свою очередь с не меньшей силой уставился на человека. Тот, кажется, совершенно не замечал майлзовы цветные петлицы. Раздраженный, Майлз рявкнул:

— Что, весь персонал в отпуске, или кто-то действительно управляет этим чертовым зоопарком?

Глаза человека вспыхнули, как будто сталь его взгляда столкнулась с кремнем. Они зажгли маленький предупредительный огонь в мозгу Майлза, опоздав буквально на несколько слов.

«Привет, сэр! — закричал истеричный комментатор в воображении Майлза, скакнул, поклонился и помахал шляпой. — Я ваша самая новая зверушка!»

Майлз жестко подавил голос. Ни в одной линии морщинистого лица, нависающего над ним, не было ни капли юмора.

Широко раздувая ноздри, командующий базы вперил взгляд в Майлза и прорычал:

— Я управляю им, мичман!

Густой туман накатывался с дальнего бормочущего моря, когда Майлз, наконец, добрался до своего нового жилья. Офицерские бараки и все вокруг было погружено в серую морозную тусклость. Майлз решил, что это предзнаменование.

О Боже, эта зима будет долгой.

Глава 2

К удивлению Майлза, когда он прибыл в лабораторию Ана на следующее утро в час, с которого, по его оценкам, могла начинаться смена, он обнаружил лейтенанта проснувшимся, трезвым и одетым в форму. Нельзя, правда, сказать, что он выглядел так уж хорошо: с бледным лицом, тяжело дыша, он съехал на стуле, уставившись заплаканными глазами в раскрашенный компьютером погодный график. Голограмма меняла размеры и головокружительно вращалась в соответствии с сигналами от устройства управления, которое он сжимал во влажной и дрожащей ладони.

— Доброе утро, сэр, — Майлз милосердно смягчил голос и прикрыл за собой дверь, не хлопнув ею.

— А? — Ан поднял голову и автоматически ответил на салют Майлза. — А вы кто еще такой, э... мичман?

— Я ваша замена, сэр. Разве никто вас не предупреждал о моем прибытии?

— О, да! — Ан сразу просветлел. — Очень хорошо, входите.

Так как Майлз уже вошел, он вместо этого коротко улыбнулся.

— Я хотел встретить вас на посадочной площадке для шаттлов, — продолжал Ан. — Вы рано. Но, похоже, вы сами прекрасно нашли дорогу.

— Я прибыл вчера, сэр.

— Да? Вы должны были доложить.

— Я так и сделал, сэр.

— Да? — Ан с беспокойством прищурился, глядя на Майлза. — Вы так и сделали?

— Вы обещали, что дадите мне полную техническую ориентировку этим утром, сэр, — решил воспользоваться возможностью Майлз.

— Да? — Ан моргнул. — Хорошо, — его обеспокоенный взгляд слегка прояснился. — Ну, э...

Ан потер лицо, оглядываясь вокруг. Он ограничил свою реакцию на необычный внешний вид Майлза одним брошенным украдкой взглядом и, должно быть, рассудив, что они еще вчера покончили с ритуалами, связанными со знакомством, с ходу принялся описывать стоящее вдоль стены оборудование, в порядке слева направо.

Оно было в буквальном смысле Майлзу представлено, так как все компьютеры имели женские имена. За исключением тенденции говорить о своих машинах как о людях, Ан казался вполне вменяемым, пока описывал детали своей работы, и скатывался на беспорядочную речь с последующим похмельным молчанием, только когда случайно сбивался с темы. Майлз мягко направлял его обратно на погоду соответствующими вопросами и делал записи. Совершив полное замешательства броуновское движение по комнате Ан в конце концов обнаружил диски с описанием рабочих процедур своей лаборатории, приклеенные снизу к соответствующим экземплярам оборудования. Он сделал свежий кофе на неуставной кофеварке — по имени Жоржетта — предусмотрительно размещенной в угловом шкафчике, а затем повел Майлза на крышу здания, чтобы показать ему установленный там центр по сбору данных.

Ан прошелся по собранным на крыше измерительным приборам довольно поверхностно. Похоже, его головная боль усиливалась по ходу утренней деятельности. Он тяжело облокотился на перила из нержавеющей стали, окружавшие автоматическую станцию, и прищурился на далекий горизонт. Послушный долгу, Майлз следовал за ним, в то время как он на несколько минут, казалось, погружался в глубокую медитацию, обращаясь по очереди в каждую сторону света. Или, может быть, этот направленный внутрь взор просто

означал, что его сейчас вырвет.

Этим утром все было бледно и прозрачно, солнце уже встало... Впрочем, солнце уже встало в два часа пополудни, напомнил себе Майлз. Как раз только что прошло время самых коротких ночей на этой широте. С этой высокой точки обзора — что было здесь редкостью — Майлз с интересом разглядывал базу Лажковского и плоский ландшафт за ней.

Остров Кайрил представлял собой глыбу в форме яйца около семидесяти километров шириной и ста шестидесяти километров длиной, и в более чем пятистах километрах от какой бы то ни было еще земли. Бурая и бугристая — так можно было описать большую часть и базы, и острова. Большинство близлежащих зданий, включая офицерские казармы, где жил Майлз, были вкопаны в землю и покрыты сверху местным дерном. Никто не утруждал себя здесь сельскохозяйственным терраформированием. Остров сохранил свою первоначальную барраярскую экологию, хранившую следы употребления и злоупотребления. Длинные толстые пласты дерна покрывали казармы пехотинцев, проходящих здесь зимой подготовку — сейчас казармы были тихи и пусты. Грязные, наполненные водой борозды веером разбегались к заброшенным стрельбищам, полосам препятствий и тренировочным площадкам с ямами от взрывов боеприпасов.

Недалеко на юге шевелилось свинцовое море, заглушая все попытки солнца блеснуть на воде. Далеко на севере серая линия отмечала границу тундры у гряды мертвых вулканических гор. Майлз прошел свой офицерский краткий курс по зимним маневрам в Черном Сбросе — гористой местности в глубине второго барраярского континента: конечно, много снега и убийственный ландшафт, но воздух был сухой, колючий и бодрящий. А здесь даже сегодня, в самый теплый период лета, морская промозглость, казалось, заползала к нему под свободно одетую парку и грызла каждый старый перелом. Майлз поежился, безрезультатно пытаясь отогнать ее.

Ан, все еще висящий на поручне, заметив это движение, искоса глянул на Майлза.

— А скажите-ка мне, э... мичман, имеете вы какое-нибудь отношение к тому самому Форкосигану? Я еще когда увидел имя на приказе, про это подумал.

— Мой отец, — коротко ответил Майлз.

— Бог ты мой, — Ан моргнул и выпрямился, потом, смутившись, опять, как и раньше, согнулся, олокотившись на поручень. — Бог ты мой, — повторил он.

Он прикусил губу в восхищении, а его затуманенный взор на мгновение озарился искренним любопытством.

— И какой он в действительности?

«Что за нелепый вопрос», — подумал Майлз раздраженно. Адмирал граф Эйрел Форкосиган. Колосс барраярской истории этой половины столетия. Завоеватель Комарра, герой жуткого отступления с Эскобара. Шестнадцать лет беспокойного несовершеннолетия императора Грегора — лорд-регент Барраяра, а в последующие четыре года — доверенный премьер-министр императора. Сокрушитель восстания Фордариана, инженер необычной победы в третьей цетагандийской войне, оседлавший и двадцать лет крепко удерживающий смертельно опасного тигра барраярских политических междоусобиц. Тот самый Форкосиган.

«Я видел, как он смеялся в полном восторге, стоя на причале в Форкосиган-Сюрло и выкрикивая разносящиеся по воде команды в то утро, когда я, впервые идя под парусом, опрокинул и самостоятельно выровнял яхту. Я видел, как он рыдал, более пьяный, чем ты был вчера, Ан, в ту ночь, когда мы получили сообщение, что майор Дювалье был казнен за шпионаж. Я видел его в гневе, такого кирпично-красного, что мы боялись за его сердце, когда пришли отчеты, в полных деталях описывающие глупости, приведшие к последним беспорядкам в Солстисе. Я видел, как он на рассвете бродил по особняку Форкосиганов в нижнем белье, зевая и призывая мою сонную мать помочь ему найти два одинаковых носка. Его не с кем сравнить, Ан. Он уникален».

— Он заботится о Барраяре, — наконец сказал Майлз вслух, когда молчание стало неудобным. — И... за ним трудно угнаться.

«И вот еще: его единственный сын — уродливый мутант. Это тоже».

— Да уж, надо думать, — Ан выдохнул с сочувствием, а, может, его просто тошнило.

Майлз решил, что может выдержать сочувствие Ана. В нем, кажется, не было намеков ни на проклятую покровительственную жалость, ни, что любопытно, на более привычное отвращение.

«Это потому, что я его здесь заменяю, — решил Майлз. — У меня могло быть две головы, и он все равно был бы чертовски рад меня видеть».

— Так вот чем вы занимаетесь, идете по стопам отца? — нейтрально спросил Ан. И, оглянувшись вокруг, добавил с сомнением: — Здесь?

— Я фор, — нетерпеливо ответил Майлз. — Я служу. Или, по крайней мере, пытаюсь. Куда бы меня ни послали. В этом и смысл.

Ан пожал плечами, недоумевая. По поводу Майлза или по поводу превратностей службы, закинувшей его на остров Кайрил, — этого Майлз определить не мог.

— Ну, — Ан со вздохом оттолкнулся от поручня. — Сегодня признаков ва-ва нет.

— Признаком *чего* нет?

Ан зевнул и ввел ряд цифр — взятых из разряженного воздуха, насколько мог судить Майлз — в свою отчетную панель, отображающую почасовой прогноз погоды на сегодня.

— Ва-ва. Что, никто не сказал вам про ва-ва?

— Нет...

— А должны были. И в первую очередь. Чертовски опасные, эти ва-ва.

Майлз начал прикидывать, не пытается ли Ан его надуть. Как обнаружил Майлз, розыгрыши могли быть достаточно тонкой формой издевательства, чтобы проникнуть даже сквозь броню ранга. В конце концов, искренняя ненависть избиения доставляла только физическую боль.

Ан снова перегнулся через поручень, чтобы на что-то указать.

— Видите все эти веревки, которые тянутся от двери к двери между зданиями? Это на случай, если будет ва-ва. Хватайтесь и висите на них, чтобы вас не сдуло. Если сорветесь, не раскидывайте руки, пытайтесь остановиться. Я видел, как многие парни таким образом поломали себе запястья. Сгруппируйтесь и катитесь.

— Что это, черт возьми, за ва-ва? Сэр.

— Сильный ветер. Внезапный. Я однажды видел, как он поднялся с полного штиля до 160 километров, а температура упала с плюс десяти до минус двадцати — и все это за семь минут. Длится он от десяти минут до двух дней. И почти всегда дует с северо-запада, при нормальных условиях. Удаленная станция на берегу дает нам примерно двадцатиминутное предупреждение, и мы включаем сирену. Это означает, что вы никогда не должны оставаться без теплых вещей или в более чем пятнадцати минутах от какого-нибудь бункера. Там вокруг тренировочных площадок полно бункеров. — Ан махнул рукой в соответствующем направлении. Он казался серьезным, даже очень. — Если услышите сирену, бегите со всех ног к укрытию. Учитывая ваши размеры, если вас однажды поднимет и сдует в море, вас никогда больше не найдут.

— Хорошо, — сказал Майлз, про себя решив обязательно, при первой возможности проверить эти предполагаемые факты в метеорологических записях базы. Он вытянул шею, чтобы заглянуть в отчетную панель Ана. — Откуда вы взяли эти данные, которые только что ввели сюда?

Ан с удивлением уставился на свою отчетную панель:

— Ну, это правильные цифры.

— Я не подвергал сомнению их точность, — терпеливо ответил Майлз. — Я хочу знать, как вы их получили. Чтобы я смог проделать это завтра, пока вы еще здесь, чтобы поправить меня.

Ан взмахнул свободной рукой в незаконченном, досадливом жесте:

— Ну...

— Вы же не выдумываете их, правда? — спросил Майлз с подозрением.

— Нет! — ответил Ан. — Я как-то не задумывался, но... Думаю, это то, как пахнет

день.

Он вдохнул, как бы демонстрируя сказанное.

Майлз поморщил нос и, в целях эксперимента, принялся. Холод, морская соль, вынесенная на берег гниль, влага и плесень. Нагретый пластик в некоторых из мигающих и вращающихся инструментов рядом с ним. В обонятельной информации, поступающей в его ноздри, средняя температура, атмосферное давление и влажность в настоящий момент, а тем более через восемнадцать часов, никак не проявились. Он оттопырил большой палец и указал на метеорологическое оборудование.

— Есть здесь какой-нибудь запахомер, чтобы дублировать то, что вы делаете?

Ан пребывал, кажется, в искреннем замешательстве, как если бы его внутренняя система, чем бы она ни была, в результате внезапного осознания ее существования вдруг расстроилась.

— Сожалею, мичман Форкосиган. У нас, конечно, есть стандартные компьютерные прогнозы, но, по правде говоря, я уже много лет их не использую. Они недостаточно точны.

Майлз уставился на Ана и пришел к ужасной догадке. Ан не лгал, не шутил и не выдумывал. Пятнадцать лет опыта, ушедшего в подсознание, — вот что выполняло эти тонкие функции. Резерв опыта, который Майлз не мог скопировать. «Да и не хотел бы», — признался он про себя.

Позднее в тот же день, объяснив абсолютно честно, что он знакомится с системами, Майлз скрытно проверил все поразительные утверждения Ана в метеорологических архивах базы. Ан не врал о ва-ва. Хуже того, он не врал о компьютерных прогнозах. Автоматическая система проводила локальные прогнозы с точностью 86%, опускаясь до 73% на долгосрочных недельных прогнозах. Ан и его волшебный нос давал точность 96%, падающую до 94% на недельных периодах.

«Когда Ан уедет, этот остров испытает падение точности прогнозов на величину от 11 до 21%. И это будет заметно».

Офицер-метеоролог, лагерь «Вечная мерзлота» — эта должность была, очевидно, более ответственным постом, чем Майлзу показалось вначале. Погода здесь могла быть смертельной.

«И этот парень собирается уехать, оставить меня одного на острове с шестью тысячами вооруженных людей, и советует принохиваться к ва-ва?»

На пятый день, когда Майлз почти уже решил, что его первое впечатление было слишком резким, у Ана случился рецидив. Майлз провел час, ожидая, пока Ан и его нос появятся в метеорологической лаборатории, чтобы приступить к выполнению дневных обязанностей. В итоге, за неимением лучшего, он снял положенные показания с компьютерной системы, ввел их в отчет и отправился на охоту.

В конце концов он обнаружил Ана все еще лежащим в койке в его комнате в офицерской казарме, отупевшим от алкоголя, храпящим и пахнущим перегаром... фруктовый бренди? Майлз содрогнулся. Встряска, тычки и вопли в ухо Ана не смогли его разбудить. Он только еще глубже закопался в постельное белье и ядовитые миазмы. Майлз с сожалением откинул мысли о применении насилия и приготовился справляться самостоятельно. Все равно скоро он останется один.

Он поковылял в гараж. Вчера Ан взял его на плановую обслуживающую проверку пяти ближайших к базе метеорологических станций, оснащенных дистанционными датчиками. Более дальние шесть были запланированы на сегодня. Обычные поездки по острову Кайрил выполнялись в вездеходном транспортном средстве — гусеничном скутере, что оказалось почти также весело, как вести антигравные сани. Скутеры выглядели как плотно прилегающие к земле и переливающиеся всеми цветами капли, которые хоть и вспарывали тундру, но зато были гарантированы от сдувания ветрами ва-ва. Персонал базы, как дали понять Майлзу, весьма утомился подбирать потерянные антигравные сани с поверхности холодного моря.

Гараж был таким же полузакопанным бункером, как и большая часть остальных зданий базы Лажковского, только покрупнее. Майлз обнаружил капрала — как там его имя? — Олни, который отправлял Ана и его самого накануне. Техник, который помогал ему, вывозя скутеры из подземного хранилища наружу, тоже выглядел как-то знакомо. Высокий, в черной рабочей одежде, темные волосы — так можно было охарактеризовать восемьдесят процентов населения базы — Майлз не мог его вспомнить, пока он не заговорил со своим заметным акцентом. Он был одним из авторов комментариев вполголоса, подслушанных Майлзом на посадочной площадке для шаттлов. Майлз дал себе задание не реагировать.

Он аккуратно прошелся по всему списку приданных к транспорту предметов, прежде чем расписаться за него, как учил его Ан. Все скутеры всегда должны быть снабжены полным набором для выживания в условиях холода. Капрал Олни с легким презрением смотрел, как Майлз возился, отыскивая каждый экземпляр.

«Да, я медлительный, — раздраженно думал Майлз. — Молодой и зеленый. И это единственный способ стать менее молодым и зеленым. Шаг за шагом».

Он прилагал усилия, чтобы контролировать свое смущение. Предыдущий болезненный опыт научил его, что это было весьма опасное состояние сознания.

«Концентрируйся на задаче, а не на чертовых зрителях. У тебя всегда были зрители. И, возможно, всегда будут».

Майлз разложил лист карты на корпусе скутера и показал свой предполагаемый маршрут капралу. Такой инструктаж, по словам Ана, был еще одной стандартной процедурой техники безопасности. Олни буркнул нечто утвердительное с отлично подобранным выражением давно преследующей скуки на лице, очевидным, но недостаточно открытым, чтобы Майлз мог явным образом на него отреагировать.

Одетый в черное техник, Паттас, глядя поверх перекошенного плеча Майлза, поджал губы и произнес:

— Э, мичман, *сэр*, — и снова ударение лишь чуть-чуть не доходило до иронии. — Вы собираетесь на станцию-9?

— Да?

— Вам следует позаботиться о том, чтобы припарковать ваш скутер, э, подальше от ветра, в этой низине, как раз пониже станции, — толстый палец прикоснулся к карте на помеченном синим цветом участке. — Вы увидите это место. В этом случае ваш скутер точно снова заведется.

— Блок питания в этих двигателях может быть использован даже в космосе, — заметил Майлз. — Как он может не завестись?

Взгляд Олни загорелся, а затем вдруг стал абсолютно нейтральным.

— Да, но в случае внезапного ва-ва, вы же не хотите, чтобы его сдуло.

«Меня сдует раньше, чем его».

— Я думал, эти скутеры достаточно тяжелые, чтобы их не унесло.

— Ну, не то чтобы унесло, но они, бывает, переворачиваются, — пробормотал Паттас.

— Хм. Что ж, спасибо.

Капрал Олни кашлянул. Паттас приветливо помахал Майлзу вслед.

Щека Майлза дергалась в старом нервном тике. Он глубоко вздохнул и позволил вздыбившейся на загривке шерсти улечься. Уводя скутер прочь от базы вглубь природной пересеченной местности, он разогнался до более приличной скорости, прорубаясь сквозь похожие на папоротник заросли. Он потратил — сколько? полтора года? два? — в Имперской Академии доказывая каждому встречному поперечному свою компетентность каждый раз, когда за что-нибудь брался. За третий год он, наверное, расслабился — и потерял навык. Неужели так будет каждый раз при новом назначении? «Вероятно», — подумал он с горечью и еще добавил скорости. Что ж, это часть игры, и он знал о ней, когда просился играть.

Погода была почти теплой, бледное солнце почти ярким, а Майлз почти радостным к тому времени, как он добрался до станции-6, расположенной на восточном берегу острова.

Было приятно оказаться, наконец, в одиночестве: только он и его работа. Никаких зрителей. Можно было спокойно потратить необходимое время и сделать все как надо. Он аккуратно работал: проверял блоки питания, опустошал пробоотборники, осматривал оборудование на предмет ржавчины, повреждений или слабых контактов. И если он ронял инструмент, то не было никого, кто мог бы выдать что-нибудь насчет мутантов-спазматиков. Напряженность спадала, и он делал меньше неловких движений. Тик прекратился. Он закончил работу, потянулся и с удовольствием вдохнул влажный воздух, наслаждаясь непривычной роскошью одиночества. Он даже потратил несколько минут на прогулку вдоль берега и отметил разнообразие выброшенной на берег мелкой морской живности.

Один из приборов на станции-8 был сломан — разбился измеритель влажности. Когда он заменил его, он осознал, что спланированный им график работ был слишком оптимистичным. Солнечный свет сменяли зеленоватые сумерки, когда он покидал станцию-8. К моменту прибытия на станцию-9 — в место, представлявшее собой смесь тундры и каменных выступов, рядом с северным берегом — было уже почти темно.

Станция-10, как еще раз убедился Майлз, проверив свою карту с помощью светового карандаша, находилась выше, в вулканических горах среди ледников. Лучше не пытаться выходить на поиски в темноте. Он переждет короткие четыре часа до рассвета. Он сообщил об изменении своего плана по комм-линку на базу, находящуюся в 160 километрах к югу. Дежурный, судя по голосу, ничуть этим не заинтересовался. Вот и славно.

Майлз с удовольствием решил воспользоваться возможностью и, пока не было зрителей, опробовать всю эту чудесную экипировку, которая была уложена в багажник скутера. Гораздо лучше попрактиковаться сейчас, пока условия хорошие, чем среди какой-нибудь очередной метели. Маленький пузырь двухместной палатки, будучи установлен, показался Майлзу, который был невысок и в одиночестве, почти палатами. Зимой палатка должна была изолироваться спрессованным снегом. Он разместил ее с подветренной стороны скутера, который был припаркован в рекомендованной низине в нескольких сотнях метров от метеостанции, взгроможденной на каменный выступ.

Майлз мысленно сравнил массы палатки и скутера. Видеозапись типичного ва-ва, которую Ан ему продемонстрировал, все еще живо стояла у него перед глазами. Передвижная уборная, пролетавшая мимо по воздуху со скоростью сто километров в час, произвела особенно неизгладимое впечатление. Ан не смог сказать, был ли кто-нибудь внутри в момент, когда снималось видео. Майлз принял дополнительные меры предосторожности, прицепив палатку к скутеру короткой цепью. Удовлетворенный, он забрался внутрь.

Оборудование было первоклассным. Он повесил теплотрубку к потолку, включил ее и теперь купался в ее излучении, сидя скрестив ноги. Рационы были лучшего качества. Дернув за кольцо, он согрел упаковку тушенки с овощами и рисом и смешал приемлемого качества фруктовый сок из прилагавшегося порошка. Поев и убрав остатки, он устроился на мягком коврике, сунул книжный диск в проигрыватель и приготовился провести короткую ночь за чтением.

Эти последние несколько недель он был довольно напряжен. Эти последние несколько лет. Книжный диск — бетанский роман нравов, который графиня рекомендовала ему, — ничего не имел общего с Барраярром, военными маневрами, мутациями, политикой или погодой. Он даже не заметил, в какой момент задремал.

Он проснулся внезапно, моргая в густой темноте, позолоченной только слабым медно-красным светом от теплотрубки. Он чувствовал, что спал долго, однако прозрачные сектора пузыря палатки были черными как смоль. Непонятная паника схватила его за горло. Черт возьми, неважно, проспал он или нет, он не опоздает здесь на экзамен или еще что-то. Он бросил взгляд на светящееся табло своего наручного хронометра.

Должен быть уже самый разгар дня.

Гибкие стены палатки прогнулись внутрь. От прежнего объема осталось меньше трети,

и пол сморщился. Майлз ткнул пальцем в тонкий холодный пластик. Он медленно подался, как мягкое масло, и остался в таком вдавленном виде. Что еще за черт?..

В голове у него стучало, горло сжималось: воздух был спертый и влажный. Это было как... как утечка кислорода и избыток CO₂ во время аварии в космосе. Здесь? Дезориентация и головокружение, кажется, создали иллюзию наклонившегося пола.

Пол действительно наклонен, понял он с изумлением, — втянут глубоко вниз с одной стороны и зажал его ногу. Он выдернул ее из захвата. Борясь с паникой, вызванной CO₂, он снова лег, пытаясь дышать медленнее, а думать быстрее.

«Я под землей».

Засосанный во что-то вроде зыбучего песка. Зыбучей грязи. Неужели те два проклятых ублюдка в гараже подстроили это для него? И он попался, попал прямо в западню.

Впрочем, возможно, грязь не столь уж зыбучая. Скутер не просел заметно за то время, пока он устанавливал палатку. Иначе он бы разгадал ловушку. Конечно, было темно. Но если он проседал несколько часов, пока спал...

«Расслабься», — яростно приказал он себе. Поверхность тундры, свежий воздух, могли быть буквально в десяти сантиметрах над головой. Или десяти метрах... «Расслабься!» Он пощупал вокруг в поисках чего-нибудь, что могло послужить щупом. Где-то была длинная, телескопическая остро заточенная трубка для взятия образцов льда с ледников. Упакована в скутер. Вместе с комм-линком. Расположенном сейчас, как оценил Майлз по углу наклона пола, примерно в двух с половиной метрах вниз и на запад от его теперешнего местонахождения. Именно скутер тянул его вниз. Палатка в одиночку вполне могла держаться на поверхности замаскированного тундрой грязевого озера. Если бы он смог отцепить цепочку, могла бы она всплыть? Недостаточно быстро. Его легкие были как набитые ватой. Он должен срочно прорваться к воздуху, или он задохнется. Утроба — у гроба. Будут ли его родители присутствовать, когда его в конце концов найдут, откроют эту могилу, скутер и палатку вытянут зависшим над трясинной тягачом... его тело, замерзшее с разинутым ртом в этой чудовищной пародии на матку... «Расслабься».

Он встал и уперся вверх, в тяжелую крышу палатки. Его ноги увязли в податливом полу, но ему удалось высвободить одно из несущих ребер, согнувшееся от напряжения. В плотном воздухе он почти потерял сознание от усилия. Нашупав верх застегнутого входа в палатку, он оттянул пальцем застежку на несколько сантиметров. Ровно настолько, чтобы прошел стержень. Он опасался, что черная грязь вольется внутрь и мгновенно его поглотит, но она только вползала медленно выдавливаемыми каплями и падала с сочащимися шлепками. Сравнение, приходившее на ум, было очевидным и отталкивающим.

«Господи, а я-то думал, что и раньше бывал в полном дерьме».

Он стал пропихивать несущее ребро вверх. Оно шло тяжело, скользя в его потных ладонях. Не десять сантиметров. Не двадцать. Метр, метр тридцать, и длины стержня уже не хватало. Он переждал немного, перехватил руки и снова толкнул. Ослабилось ли сопротивление? Прорвался ли он на поверхность? Он потолкал стержень туда сюда, но засасывающая слизь крепко держала его.

Может быть, может быть, расстояние немного меньше его собственного роста разделяло верхушку палатки и возможность дыхания. Дыхание-подыхание. Как долго через эту грязь продираться? Как быстро заросла в ней дыра? У него потемнело в глазах, и не из-за того, что свет потускнел. Он выключил теплотрубку, сунул ее в нагрудный карман куртки и содрогнулся от ужаса, порожденного жуткой темнотой. Или, может быть, CO₂. Сейчас или никогда.

Повинуясь импульсу, он согнулся и расстегнул застежки на ботинках и ремне, а затем — на ощупь — застежку на палатке. Он начал копать, как собака, откидывая большие комья грязи вниз в оставшееся небольшое пространство палатки. Он протиснулся через вход, подобрался, сделал последний вдох и рванулся наверх.

Его легкие пульсировали, а в глазах стоял красный туман, когда его голова пробилась на поверхность. Воздух! Он выплюнул черную грязь и куски папоротника и поморгал,

безуспешно пытаясь прочистить глаза и нос. Он вырвал наверх одну руку, затем другую, и попытался вытянуть себя на поверхность в горизонтальное, по-лягушачьи расплоснутое положение. Холод ударил по нему. Он чувствовал, как грязь схватывает его ноги, парализуя, как объятия ведьмы. Пальцы его ног оттолкнулись на всю длину от крыши палатки. Она пошла вниз, а он приподнялся еще на сантиметр. И это все, что он мог получить, толкая. Теперь он должен тянуть. Его руки схватились за папоротник, тот оторвался. Еще. Еще. Он потихоньку двигался, и холодный воздух скреб его благодарное горло. Объятия ведьмы сжались еще сильнее. Он безуспешно поелозил ногами еще раз. Ну все, сейчас. Пошел!

Его ноги выскользнули из ботинок и брюк, бедра с хлюпаньем освободились, и он откатился в сторону. Он лежал, распростершись, чтобы обеспечить максимальную опору на предательскую поверхность, лицом вверх к серому крутящемуся небу. Форменная куртка и длинные подштанники пропитались слизью, и он потерял один утепленный носок, а равно и ботинки, и брюки.

Шел мокрый снег.

Его нашли несколько часов спустя, свернувшегося вокруг притухающей теплотрубки, забравшегося в выпотрошенный отсек для оборудования в автоматической метеостанции. Глаза на испачканном лице запали, ноги и уши побелели. Его застывшие фиолетовые пальцы стучали двумя проводами друг о друга в ровном, гипнотическом ритме — армейском сигнале о помощи. Который должны были прочесть в всплесках помех на измерителе атмосферного давления в метеолаборатории базы. Если и когда кто-нибудь дал бы себе труд взглянуть на внезапно ненормальные данные, поступающие от станции, или заметил бы определенную систему в белом шуме.

Его пальцы продолжали дергаться в этом ритме еще несколько минут после того, как его вынули из его маленькой коробки. Лед с треском слетел со спины форменной куртки, когда его попытались выпрямить. Долгое время из него нельзя было вытянуть ни слова, только шипящий свист. Лишь глаза его горели.

Глава 3

Плавая в обогревательном резервуаре в лазарете базы, Майлз придумывал мучения для двух диверсантов из гаража и рассматривал их под разным углом. Например, вниз головой. Свисающими с антигравных саней, летящих над морем на низкой высоте. А еще лучше воткнутыми по горло в трясину во время снежной бури... Но к тому времени, как его тело согрелось, а медик вынул его из резервуара, чтобы он смог вытереться, пройти еще один осмотр и съесть положенную порцию пищи, его гнев остыл.

Случившееся не было попыткой убийства. А значит, это было не то дело, которое он был бы вынужден представить на рассмотрение Саймону Иллиану — нагоняющему страх шефу Имперской Безопасности и левой руке отца Майлза. Видение зловещих офицеров СБ, которые приходят, чтобы забрать двух шутников и увести их далеко-далеко, было приятным, но непрактичным, вроде как стрелять из мазера по мышам. И вообще, в какое место, хуже чем это, могли бы их заслать офицеры СБ?

Наверняка они хотели, чтобы его скутер затащило в трясину, пока он обслуживал метеостанцию, и Майлзу пришлось бы униженно вызывать базу и запрашивать грузовик, чтобы вытянуть его. Унизительно, но не смертельно. Они не могли — и никто не мог — предугадать майлзову вдохновенную предосторожность с цепью, каковая предосторожность, как показывает итоговый анализ, чуть его не убила. Максимум, это было дело для армейской СБ, что, в общем, достаточно неприятно, или для обычного дисциплинарного расследования.

Он свесил ноги со своей койки — одной из нескольких в пустом лазарете — и отодвинул недоеденный обед на подносе. Медик вошел и глянул на остатки.

— Как вы себя сейчас чувствуете, сэр?

— Прекрасно, — ответил Майлз мрачно.

— Вы, э, не доели обед.

— Я часто не доедаю. Мне всегда дают слишком много.

— Ну да, полагаю, вы довольны, хм... — Медик сделал запись в своей отчетной панели, склонился, чтобы обследовать уши Майлза, и нагнулся исследовать пальцы на ногах, катая их между опытными пальцами. — Не похоже, что вы потеряете какие-нибудь кусочки. Повезло.

— Вы часто имеете дело с обморожением? — «Или я единственный идиот?» Текущие наблюдения свидетельствуют в пользу такого предположения.

— О, когда приедут солдатики, в этом месте будет тесно. Обморожение, пневмония, переломы костей, контузии, сотрясения... Здесь все оживает с приходом зимы. От стенки до стенки — придур... неудачливые курсанты. И несколько неудачливых инструкторов, которых они прихватывают с собой. — Медик поднялся и ввел еще несколько позиций в свою панель. — Боюсь, я вынужден вас пометить как выздоровевшего, сэр.

— Бойтесь? — Майлз вопросительно поднял брови.

Медик выпрямился, приняв бессознательную позу человека, приносящего официальные дурные вести. Этот знакомый взгляд типа «мне приказали это сказать — я не виноват».

— Вам приказано прибыть с докладом в кабинет командующего базой, как только я вас выпишу, сэр.

Майлз обдумал, не испытать ли ему немедленный рецидив? Нет. Лучше расправиться с неприятными делами сразу.

— Скажите, медик, кто-нибудь когда-нибудь топил гусеничный скутер?

— О, конечно. Солдатики теряют около пяти или шести за сезон. Плюс, бывает, слегка завязнут. Инженеры жутко бесятся по этому поводу. Командир пообещал, что в следующий раз он... хм! — Медик примолк.

«Чудесно», — подумал Майлз. Просто замечательно. Он предчувствовал — что-то будет. Впрочем, трудно было не предчувствовать.

Майлз бросился в свою комнату, чтобы быстренько переодеться, предчувствуя, что больничная роба не будет подходящей формой одежды для предстоящей встречи. Он сразу же обнаружил небольшую проблему. Его черная рабочая форма казалась слишком неофициальной, а парадная зеленая, напротив, слишком формальной для любого заведения, кроме Имперского Генерального Штаба в Форбарр-Султане. Брюки и полуботинки от повседневной зеленой формы все еще находились на дне трясины. С собой он привез только по одному экземпляру формы каждого стиля: запасная одежда была, предположительно, в пути и еще не прибыла.

Он едва ли был в состоянии занять одежду у соседа. Его форма была сделана в частном порядке как раз под него, по цене примерно в четыре раза выше обычного имперского варианта. Часть этой цены выплачивалась за то, чтобы его форма внешне не отличалась от формы, изготовленной машинным способом, и в то же время частично скрывала несообразности его тела с помощью тонкой ручной портновской работы. Он тихо выругался и натянул парадную зеленую форму, в полном наборе — с начищенными до зеркального блеска высокими сапогами. По крайней мере, сапоги избавляли от необходимости носить скобы на ногах.

«Генерал Станис Метцов. Командующий базой», — гласила табличка на двери. Майлз старательно избегал командующего базой с самого момента их первой неудачной встречи. В компании Ана это было не так уж трудно сделать, даже несмотря на ограниченную населенность острова Кайрил в этом месяце: Ан избегал всех! Сейчас Майлз жалел, что не приложил побольше усилий к завязыванию разговоров с братьями-офицерами в столовой. Позволить себе оставаться в изоляции, даже для того, чтобы сконцентрироваться на новых обязанностях, было ошибкой. За пять дней даже самых случайных разговоров кто-нибудь обязательно упомянул бы о прожорливой убийственной грязи острова Кайрил.

Капрал, управлявшийся за ком-консолью в приемной, проводил его во внутренний кабинет. Сейчас ему следует достучаться до хороших сторон Метцова, если они у него есть. Майлзу нужны были союзники. Генерал Метцов без улыбки наблюдал через стол, как Майлз отдал честь и замер в ожидании.

Сегодня генерал был агрессивно одет в черную рабочую форму. На том уровне в иерархии, на котором находился Метцов, выбор такого стиля одежды обычно символизировал намеренную идентификацию с Настоящим Солдатом. Единственной уступкой рангу была ее гладкая аккуратность. Из всех его наград присутствовали лишь скромные три — все высокие боевые награды. Псевдоскромные, лишенные окружающей пестроты других наград, они бросались в глаза. Майлз мысленно аплодировал и даже завидовал произведенному эффекту. Метцов выглядел на все сто: настоящий боевой командир — абсолютно, бессознательно естественный.

«С формой был шанс пятьдесят на пятьдесят, и я, конечно, не угадал», — раздраженно подумал Майлз, в то время как взгляд Метцова саркастически пробежался вверх-вниз, обозревая приглушенный блеск его парадной зеленой формы. Ну что ж, как сигнализировали брови Метцова, Майлз сейчас выглядел как какой-нибудь дурачок фор из штаба. Не то чтобы Майлзу и такой типаж был незнаком. Майлз решил избежать медленного поджаривания и оборвал инспекцию Метцова, спровоцировав начало беседы:

— Да, сэр?

Метцов откинулся в кресле, скривив губы:

— Вижу, вы нашли себе брюки, мичман Форкосиган. А также, э... кавалерийские сапоги. Знаете, а ведь на этом острове нет лошадей.

«В Имперском Генштабе их тоже нет, — раздраженно подумал Майлз. — Не я изобрел эти дурацкие сапоги».

Его отец однажды предположил, что офицерам у него на службе кавалерийские сапоги нужны, чтобы иметь возможность иногда оседлать своего любимого конька, всегда быть на коне и совершать время от времени ход конем. Не найдя достойного ответа на генеральский выпад, Майлз хранил благородное молчание. Стойка «вольно», подбородок приподнят:

— Сэр.

Метцов склонился вперед, сцепив руки. Он отбросил свой тяжелый юмор, и его взгляд снова затвердел.

— Вы потеряли ценный, полностью оборудованный гусеничный скутер в результате того, что припарковали его в месте, ясно помеченном как зона инверсии вечной мерзлоты. Что, в Имперской Академии больше не учат читать карты, или в обновленных вооруженных силах будет только дипломатия — как пить чай с дамами?

Майлз мысленно вспомнил карту. Он видел ее вполне ясно.

— Синие зоны были помечены как ЗИВМ. Аббревиатура не была расшифрована. Ни в легенде карты, ни где бы то ни было еще.

— Значит, как я понимаю, вы, кроме прочего, не смогли прочесть соответствующую инструкцию.

Он погряз в инструкциях с момента прибытия. Процедуры метеолаборатории, спецификации оборудования...

— Которую, сэр?

— Устав базы Лажковского.

Майлз судорожно пытался вспомнить, видел ли он вообще такой диск.

— Я... думаю, лейтенант Ан, возможно, предоставил мне копию... Накануне вечером.

Ан действительно вытряхнул целую коробку дисков на койку Майлза в офицерских казармах. Сказал, что начинает потихоньку упаковываться и оставляет Майлзу свою библиотеку. Перед отходом ко сну той ночью Майлз прочел два диска по метеорологии. Ан, ясное дело, вернулся в свою квартиру, чтобы начать потихоньку праздновать. А на следующее утро Майлз взял гусеничный скутер...

— И вы его еще не прочли?

— Нет, сэр.

— Почему нет?

«Меня подставили», — мысленно завыл Майлз. Он чувствовал весьма заинтересованное присутствие клерка, которого не отпустили и который молчаливым свидетелем стоял у двери за его спиной. Что превращало происходящее в публичную расправу. И если б только он прочел этот чертов устав, смогли бы тогда вообще эти два ублюдка из гаража его подставить? Как бы там ни было, ему придется за это ответить.

— Виноват, сэр.

— Так вот, мичман, в третьей главе устава базы Лажковского вы найдете полное описание всех зон вечной мерзлоты вместе с инструкциями, как их избегать. Вы могли бы заглянуть туда, когда у вас появится немного свободного времени... свободного от чаепитий.

— Да, сэр, — лицо Майлза было непроницаемо. У генерала было право снять с него шкуру виброножом, если он того захочет, но в частном порядке. Власть, которую давала Майлзу его форма, едва уравновешивала уродство, делавшее его жертвой сильнейших генетических предрассудков, уходящих корнями в историю Барраяра. Публичное унижение, ослаблявшее эту власть перед теми, кем он также должен был командовать, смахивало на акт саботажа. Намеренный или неосознанный?

А генерал еще только разогревался.

— Армия еще может предоставить в Имперском Генштабе место для хранения избытка форских лордиков, но здесь, в реальном мире, где нужно сражаться, нам не нужны трутни. Вот что, я в сражениях заслужил повышение по службе. Жертвы восстания Фордариана пали перед моими глазами еще до вашего рождения...

«Я сам был жертвой восстания Фордариана еще до моего рождения», — подумал Майлз, все более и более раздражаясь. Солтоксиновый газ, который почти убил его беременную мать и сделал Майлза таким, каким он был, был исключительно военным ядом.

— ...И я сражался с мятежниками во время комаррского восстания. Вы, детишки, пришедшие в последние десять лет и больше, ничего не смыслите в войне. Эти длинные периоды прочного мира ослабляют армию. Если так и дальше будет продолжаться, то, когда придет кризис, не останется никого, кто имел бы хоть какую-нибудь реальную боевую практику.

От внутреннего напряжения у Майлза глаза начали собираться в кучку. «Тогда, может быть, Его Императорскому Величеству стоит обеспечивать своих офицеров войной каждые пять лет для удобства продвижения по службе?» У Майлза слегка поехала крыша, когда он попытался осознать концепцию такой «реальной практики». Быть может, он получил сейчас первую подсказку, почему этого отлично выглядящего офицера занесло на остров Кайрил?

Метцов, накручивая сам себя, распалялся все более.

— В реальной боевой обстановке экипировка солдата имеет жизненно важное значение. Она может определить разницу между победой и поражением. Мужчина, потерявший свою экипировку, теряет свою эффективность как солдат. Мужчина, разоруженный в технологической войне, может с таким же успехом быть женщиной — бесполезной! А вы разоружили себя!

Майлз кисло подумал, согласится ли в таком случае генерал, что женщина, вооруженная в технологической войне, может с таким же успехом быть мужчиной. Нет, наверное, нет. Только не барраярец его поколения.

Тон Метцова снова понизился, опускаясь от военно-философского к немедленно практическому. Майлз почувствовал облегчение.

— Обычное наказание для человека, утопившего свой скутер в болоте, — выкапывать его самому. Руками. Однако я понимаю, что это невыполнимо, поскольку глубина, на которую вы утопили свой, стала новым рекордом лагеря. Тем не менее, вы должны прибыть в 14:00 к лейтенанту Бонну из инженерной службы и помогать ему, делая то, что он сочтет нужным.

Что ж, это было, пожалуй, честно. И будет, возможно, познавательно. Майлз молился,

чтобы этот разговор наконец иссяк. «Ну, теперь я свободен?» Но генерал замолчал и, прищурившись, задумался.

— За ущерб, который вы нанесли метеостанции, — медленно начал Метцов, затем изменил позу на более решительную, и его глаза — Майлз мог бы поклясться — загорелись слабым красным огоньком, а уголок сжатого рта искривился вверх, — вы будете ответственным за неквалифицированные работы в течение недели. Четыре часа в день. Это в дополнение к остальным вашим обязанностям. Будете являться к сержанту Ньюву в эксплуатационную службу в 05:00 ежедневно.

Капрал, все еще стоящий позади Майлза, издал приглушенный прерывистый вздох, который Майлз не смог интерпретировать. Смех? Ужас?

Но... Это несправедливо! И он потеряет значительную часть ценного времени, которое у него осталось на то, чтобы выжать из Ана технические навыки.

— Ущерб, который я нанес метеостанции не был глупой случайностью, как со скутером, сэр! Это было необходимо для моего выживания.

Генерал Метцов вперил в него очень холодный взгляд.

— Пусть будет шесть часов в день. Мичман Форкосиган.

Майлз проговорил сквозь зубы, выдергивая слова как клещами:

— А вы бы предпочли участвовать в беседе, которая бы сейчас имела место с вами, если бы я позволил себе замерзнуть, сэр?

Наступила тишина. Мертвая тишина. Набухающая, как убитое на дороге животное под летним солнцем.

— Вы свободны, мичман, — наконец процедил Метцов. Его глаза были двумя сверкающими щелочками.

Майлз отсалютовал, повернулся кругом и зашагал, прямой и натянутый, как какой-нибудь допотопный шомпол. Или как доска. Или как труп. Кровь стучала в висках, щека подергивалась. Мимо капрала, который стоял по стойке «смирно», не без успеха подражая восковой фигуре. Наружу за дверь, наружу за наружную дверь. Наконец в одиночестве в нижнем коридоре административного здания.

Майлз отругал себя мысленно, затем вслух. Ему действительно стоит попытаться выработать более нормальное отношение к старшим по званию. Он был уверен, что в корне проблемы лежало его чертово происхождение. Слишком много лет он путался под ногами целых стад генералов, адмиралов и высших управленцев в особняке Форкосиганов: за обедом, за ужином, все время. Слишком долго он сидел, тихий как мышь, стараясь стать невидимым, когда ему позволялось слушать, как они вели весьма откровенные споры и обсуждали сотни тем. Он видел их такими, какими они, вероятно, видели друг друга. Когда обычный мичман смотрит на своего командира, он должен видеть богоподобное существо, а не... будущего подчиненного. Свежеиспеченные мичманы в любом случае должны были быть существами достоинством ниже человека.

И все же... «Что это с этим парнем Метцовым?» Он встречал людей такого типа раньше, принадлежащих к разным политическим течениям. Многие из них были энергичными и эффективными солдатами, пока не лезли в политику. Звезда военных консерваторов как партии исчезла с небосклона еще во времена кровавого падения клики офицеров, ответственных за катастрофическое эскобарское вторжение, более двух десятилетий назад. Но опасность революции со стороны крайне правых, некой возможной хунты, собравшейся, чтобы спасти императора от его собственного правительства, — эта опасность оставалась вполне реальной в мыслях отца Майлза, он это знал.

Так не из-за некоторого ли тонкого политического запашка, исходящего от Метцова, у Майлза волосы встали дыбом на шее? Определенно, нет. Человек действительно политически тонкий попытался бы использовать Майлза, а не расправиться с ним. «Или ты просто рассержен на то, что он сунул тебя заниматься какой-то унижительной работой по уборке мусора?» Не обязательно иметь радикальные политические взгляды, чтобы испытать некое садистское удовольствие от того, чтобы назначить на такую работу представителя

класса форов. Возможно, Метцова самого также опустил в прошлом какой-нибудь наглый фор-лорд. Политические, социальные, генетические... — возможностей было не счесть.

Майлз вытряхнул шум из своей головы, и заковылял прочь, чтобы сменить одежду на рабочую и найти затем инженерную службу базы. Сейчас уже ничем не поможешь, он завяз глубже, чем его скутер. Ему просто надлежит как можно больше избегать Метцова все ближайшие шесть месяцев. То, что так хорошо получалось у Ана, определенно получится и у Майлза.

Лейтенант инженерной службы Бонн готовился зондировать почву в поисках гусеничного скутера. Это был худощавый мужчина лет, вероятно, двадцати восьми — тридцати, со скуластым, щербатым лицом и с нездорового цвета кожей, покрасневшей от местного климата. Оценивающие карие глаза, руки умельца и некоторый сардонический дух, который, как почувствовал Майлз, был, должно быть, постоянно ему присущ, а не только направлен конкретно на Майлза. Бонн и Майлз хлюпали по поверхности болота, в то время как два техника из инженерной службы в черных утепленных комбинезонах сидели на крыше своего тяжелого транспорта, надежно припаркованного на ближайшем каменном выступе. Солнце было бледно, а непрекращающийся ветер холоден и влажен.

— Попробуйте где-нибудь здесь, сэр, — предложил Майлз, указывая направление и пытаясь оценить углы и расстояния на местности, которую ему довелось видеть только на закате. — Думаю, вам придется углубиться по крайней мере метра на два.

Лейтенант Бонн без улыбки посмотрел на него, поднял длинный металлический щуп в вертикальное положение и ткнул им в болото. Щуп застрял почти сразу. Майлз в недоумении нахмурился. Скутер определенно не мог всплыть наверх.

Бонн, не выказывая никакого удивления, навалился на стержень своим весом и повернул. Стержень начал вкручиваться вниз.

— На что вы наткнулись? — спросил Майлз.

— Лед, — буркнул Бонн. — Сейчас толщиной сантиметра три. Мы стоим на корке льда, он под слоем этой дряни. Похоже на замерзшее озеро, только вместо воды — грязь.

Майлз для проверки топнул ногой. Мокро, но твердо. Ощущения те же, как когда он разбивал здесь лагерь.

Бонн, наблюдавший за ним, добавил:

— Толщина льда меняется в зависимости от погоды. От нескольких сантиметров до полного промерзания. В середине зимы на это болото можно спокойно парковать транспортный шаттл. Приходит лето, и лед истончается. При правильной температуре он может за несколько часов растаять от кажущейся твердости до жидкого состояния. И обратно.

— Я... думаю, я это понял.

— Нажмите, — лаконично приказал Бонн, и Майлз, обхватив руками стержень, стал помогать его проталкивать. Он мог чувствовать хруст, с которым щуп прорывался сквозь слой льда. А если бы температура упала еще немного той ночью, когда он себя утопил, и грязь бы снова замерзла, смог бы он тогда пробиться сквозь ледяной панцирь? Он внутренне содрогнулся и наполовину застегнул свою парку, надетую поверх черной рабочей формы.

— Холодно? — спросил Бонн.

— Нет, подумал кое о чем.

— Хорошо. Пусть это станет привычкой. — Бонн дотронулся до кнопки, и эхолот щупа запищал на частоте, от которой заломило зубы. На дисплее отобразился яркий каплевидный объект, находящийся в нескольких метрах от них. — Вот он, — Бонн прочел цифры на дисплее. — Он таки действительно там внизу. Я бы заставил вас выкапывать его чайной ложкой, мичман, но, полагаю, прежде чем вы закончите, уже наступит зима. — Он вздохнул и уставился вниз на Майлза, как бы представляя себе эту картину.

Майлз тоже вполне мог ее себе представить.

— Да, сэр, — осторожно ответил он.

Они вытащили шуп обратно. Холодная грязь блестела на его поверхности под их перчатками. Бонн отметил место и махнул своим техникам:

— Здесь, ребята!

Они махнули в ответ, соскочили с крыши транспорта и залезли внутрь. Бонн и Майлз отошли подальше, вскарабкавшись на камни к метеостанции.

Транспорт с воем поднялся в воздух и замер над болотом. Его мощный, космического класса тяговый луч ударил вниз. Грязь, остатки растений и лед с ревом брызнули во все стороны. Через пару минут луч создал сочащийся кратер с блестящей жемчужиной на дне. Стенки кратера сразу начали сползать вниз, но оператор транспорта сузил и обратил луч, и скутер поднялся, с шумным чмоканьем освободившись из своей формы. На цепи с него непривлекательно свисала обмякшая пузырьковая палатка. Транспорт аккуратно поместил свой груз на каменистую поверхность и приземлился рядом.

Бонн и Майлз выдвинулись, чтобы осмотреть размокшие останки.

— Вас ведь не было в этой палатке, мичман? — Спросил Бонн, пробуя ее носком ботинка.

— Нет, сэр, я там был. Ждал, пока рассветет. Я... заснул.

— Но выбрались прежде, чем ее засосало.

— Вообще-то нет. Когда я проснулся, она уже целиком ушла вниз.

Изогнутые брови Бонна поползли вверх:

— И насколько глубоко?

Майлз остановил ребро ладони на уровне щеки.

Бонн выглядел удивленным:

— И как же вы выбрались из трясины?

— С трудом. И не без помощи адреналина, я думаю. Я выскользнул из ботинок и брюк. Что мне, кстати, напомнило... Можно мне немного поискать свои ботинки, сэр?

Бонн махнул рукой, и Майлз побрел обратно на болото, огибая кольцо грязи, срыгнутой тяговым лучом, и на безопасной дистанции от кратера, который сейчас заполнился водой. Он нашел один покрытый грязью ботинок, другого не было. Не сохранить ли ему этот ботинок на тот сомнительный случай, что ему когда-нибудь ампутируют одну ногу? Скорее всего, это будет другая нога. Он вздохнул и вскарабкался обратно к Бонну.

Бонн хмуро посмотрел на испорченный ботинок, свисающий из руки Майлза.

— Вы могли погибнуть, — высказал он свой вывод.

— Даже три раза. Я мог задохнуться в палатке, увязнуть в трясине или замерзнуть, ожидая помощи.

Бонн пристально взглянул на него:

— Действительно.

Он отошел от сдувшейся палатки, неторопливо, как бы желая получше осмотреться. Майлз последовал за ним. Когда они отошли достаточно далеко, чтобы техники не могли их услышать, Бонн остановился и окинул взглядом болото. Как бы в продолжение беседы он заметил:

— Я слышал — неофициально — что некий техник из гаража, по имени Паттас, хвастался одному из своих товарищей, что это он подстроил вам ловушку. И что вы слишком глупы, чтобы даже сообразить, что вас подставили. Это хвастовство было бы... не очень умно, если бы вы погибли.

— Если бы я погиб, было бы неважно, хвастался он или нет, — пожал плечами Майлз. — То, что пропустило бы армейское следствие, выявило бы следствие Имперской СБ — я в этом не сомневаюсь.

— Вы знали, что вас подставили? — Бонн изучал горизонт.

— Да.

— Тогда я удивлен, что вы не вызвали Имперскую СБ.

— Правда? Подумайте об этом, сэр.

Взгляд Бонна вернулся к Майлзу, как бы проводя инвентаризацию его неприятных

физических недостатков.

— Что-то не сходится насчет вас, Форкосиган. Почему вас допустили в вооруженные силы?

— А как вы думаете?

— Привилегия фора.

— В яблочко.

— Тогда почему вы здесь? Привилегия фора — служить в Генштабе.

— Форбарр-Султана прекрасна в это время года, — согласился Майлз. И как там сейчас всем этим наслаждается его кузен Айвен? — Но я хочу служить на корабле.

— И вы не смогли это устроить? — Скептически поинтересовался Бонн.

— Мне сказали, что я должен это заработать. Вот почему я здесь. Чтобы доказать, что я могу служить в вооруженных силах. Или... не могу. И в первую же неделю после прибытия вызывать сюда волков из СБ, чтобы они вывернули базу и всех в ней наизнанку в поисках заговора с целью убийства — заговора, которого, по моему суждению, вовсе не существует — все это не приблизило бы меня к моей цели. И не важно, насколько забавно это было бы.

Смутные обвинения, его слово против слов двух других — даже если Майлзу удалось бы добиться официального расследования, и использование фастпентала доказало бы его правоту, в долгосрочной перспективе скандал повредил бы ему гораздо больше, чем двум его мучителям. Нет. Никакая месть не стоила «Принца Серга».

— Гараж находится в ведении инженерной службы. Если бы Имперская СБ на него наехала, она наехала бы и на меня, — карие глаза Бонна сверкнули.

— Вы вольны насесть на кого угодно, сэр. Но если у вас есть неофициальные каналы получения информации, значит, у вас должны быть и неофициальные каналы ее передачи. И в конце концов, в доказательство того, что все случилось именно так, у вас есть только мое слово.

Майлз взвесил на руке свой бесполезный ботинок и зашвырнул его обратно в болото.

Бонн задумчиво проследил, как ботинок проделал дугу и плюхнулся в лужу коричневой талой воды:

— Слово фор-лорда?

— Это ничего не значит в наши вырождающиеся времена, — Майлз оскалился в чем-то вроде улыбки. — Спросите любого.

— Ха, — Бонн покачал головой и направился обратно к транспорту.

На следующее утро Майлз явился в ремонтный ангар для исполнения второй части работ по возвращению гусеничного скутера — чистки всего покрытого засохшей грязью оборудования. Солнце светило ярко и уже несколько часов как взошло, хотя тело Майлза знало, что было только 05:00. За час работы он разогрелся, почувствовал себя лучше и начал входить в ритм.

В 06:30 прибыл лейтенант Бонн, сохранявший самый невозмутимый вид, и передал Майлзу двух помощников.

— О, капрал Олни, техник Паттас. Мы снова встретились, — Майлз улыбнулся в невеселом приветствии. Парочка обменялась беспокойными взглядами. Майлз держался с абсолютной невозмутимостью.

Затем он заставил всех, начиная с себя, пошевеливаться. Разговор, казалось, чисто автоматически свелся к короткому, настороженному обмену специальными техническими терминами. К моменту, когда Майлз должен был закончить работу и явиться к лейтенанту Ану, скутер и большая часть экипировки были восстановлены в состояние лучшее, чем когда Майлз их получал.

Он искренне пожелал своим двум помощникам, к этому моменту доведенным неопределенностью почти до судорог, удачного дня. Что ж, если они к этому моменту еще ничего не поняли, они безнадежны. Майлз с горечью задумался о том, почему у него настолько легче получалось устанавливать взаимопонимание со светлыми головами типа

Бонна. Сесил был прав, если Майлз не научится командовать также и тупицами, он никогда не сможет стать настоящим офицером вооруженных сил. Во всяком случае, не в лагере «Вечная мерзлота».

На следующее утро — третье из назначенных ему в наказание семи — Майлз представил себя сержанту Ньюву. Сержант, в свою очередь, представил Майлзу скутер, полный оборудования, диск с соответствующими оборудованию инструкциями и расписание работ по обслуживанию водопроводных и канализационных коммуникаций базы Лажковского. Очевидно, это должно было стать еще одним познавательным занятием. Майлз прикинул, не лично ли генерал Метцов выбрал для него эту задачу? Пожалуй, да.

Положительным моментом было то, что при нем опять были два его помощника. Этот тип гражданской инженерной работы, похоже, на долю Олни и Паттаса тоже никогда раньше не выпадал, так что у них не было преимуществ в больших знаниях, с помощью которого они могли бы запутать Майлза. Им тоже приходилось начинать с чтения инструкций. Майлз щелкал процедуры и назначенные операции с энтузиазмом, переходящим в манию, в то время как его помощники становились все угрюмее.

В конце концов, хитрые трубоочистные устройства вызвали определенное восхищение. И горячий интерес. Прочистка труб под сильным давлением могла привести к некоторым примечательным результатам. Были также некоторые химические соединения, обладавшие свойствами, которые вполне можно было использовать в военных целях, такое, например, как способность мгновенно растворять все, включая человеческую плоть. В последующие три дня Майлз узнал об инфраструктуре базы Лажковского больше, чем он даже в своем воображении мог пожелать. Он даже рассчитал точку, где один правильно установленный заряд мог бы вывести из строя всю систему, если бы он когда-либо возжелал разрушить это место.

На шестой день Майлз и его команда были посланы на очистку засорившегося протока, расположенного около тренировочных площадок для пехоты. Его легко можно было заметить. Обширная серебристая водная поверхность охватывала насыпь дороги с одной стороны, а с другой только слабый ручеек вился прочь по дну глубокой канавы.

Майлз вытащил длинный телескопический щуп из багажника их скутера и опустил его в мутную воду. Кажется, ничто не закрывало затопленный конец протока. Что бы это ни было, должно быть, оно застряло где-то дальше. Прекрасно. Он протянул щуп обратно Паттасу, прошагал на другую сторону дороги и заглянул в канаву. Проток, как он заметил, был что-то около полуметра в диаметре.

— Дай-ка мне свет, — обратился он к Олни.

Он скинул парку, забросил ее в скутер и полез вниз в канаву. Он посветил в отверстие трубы. Проток, очевидно, слегка загибался — он ни черта не мог разглядеть. Он вздохнул, оценив относительную ширину плеч Олни, Паттаса и своих.

Может ли быть что-то более далекое от службы на космическом корабле, чем это? Самое похожее, что он мог придумать в этом роде, это скалолазание в пещерах Дендарийских гор. Земля и вода — против огня и воздуха. Кажется, он накапливает широченный запас *инь*, и уравнивающее *ян*, которое ему предстоит, должно быть действительно огромным.

Он сильнее сжал фонарь, опустил на ладони и колени и начал протискиваться в трубу.

Ледяная вода проникла сквозь брюки его черной рабочей формы. В результате колени онемели. Вода просочилась через верх одной из его перчаток. Ощущение было как от лезвия ножа, прижатого к запястью.

Майлз коротко поразмышлял об Олни и Паттасе. Они выработали прохладные, довольно эффективные рабочие отношения за последние несколько дней, основанные, на этот счет у Майлза не было никаких иллюзий, на страхе Божьей кары, внушенном в этих двоих добрым ангелом Майлза — лейтенантом Бонном. Как, вообще, Бонну удалось достичь

такого негласного авторитета? Он должен в этом разобраться. Прежде всего, Бонн хорошо делает свою работу, но что еще?

Майлз протиснулся вокруг загиба, посветил в сторону затора и с проклятиями отпрянул. Он на мгновение остановился, чтобы восстановить контроль над дыханием, затем более подробно изучил препятствие и отполз назад.

Он встал на дне канавы, с хрустом выпрямляя позвоночник. Капрал Олни просунул голову над ограждением дороги вверх.

— Что там, мичман?

Майлз оскалился в его сторону, все еще пытаясь совладать с дыханием:

— Пара ботинок.

— И все? — спросил Олни.

— И они все еще надеты на своего хозяина.

Глава 4

По комм-линку скутера Майлз вызвал военного врача базы, срочно затребовав его присутствия вместе с инструментами для проведения судмедэкспертизы, мешком для тела и медицинским транспортом. После чего Майлз и его команда заблокировали верхний конец дренажной трубы пластиковым щитом, принудительно позаимствованным с ближайшей заброшенной тренировочной площадки. Вымокший и замерзший к тому времени настолько, что ему было уже все равно, Майлз заполз обратно в трубу, чтобы привязать веревку к обутым лодыжкам неизвестного. Когда он выбрался, врач и санитар были на месте.

Врач, крупный, лысеющий мужчина, с сомнением уставился внутрь дренажной трубы.

— Что вы там видели, мичман? Что случилось?

— С этой стороны не видно ничего, кроме ног, сэр, — доложил Майлз. — Он здесь здорово застрял. Похоже, проток над ним засорился. Нужно будет посмотреть, что там вместе с ним выплеснется.

— Какого черта он там делал? — врач почесал свою веснушчатую лысину.

Майлз развел руками:

— Станный способ покончить с собой. Топиться, вообще, способ медленный и ненадежный.

Врач поднял брови, соглашаясь. Майлзу и врачу пришлось присоединиться к Олни, Паттасу и санитару, тянувшим веревку, прежде чем застывшее, зажатое в трубе тело начало высвобождаться.

— Крепко застрял, — заметил санитар, пыхтя. Наконец тело выскочило вместе с хлынувшим потоком грязной воды. Паттас и Олни уставились на труп издалека, а Майлз буквально приклеился к плечу врача. Тело, одетое в насквозь промокшую черную рабочую форму, было синим и как будто восковым. Нашивки на воротнике и содержимое карманов позволяли идентифицировать его как рядового из службы снабжения. На теле не было заметных повреждений, за исключением синяков на плечах и поцарапанных ладоней.

Врач наговаривал на диктофон короткие, отрицательные фразы — предварительные результаты осмотра. Сломанных костей нет, волдырей от нейробластера нет. Предварительное заключение — смерть через утопление или переохлаждение, или и то и другое, в пределах последних двенадцати часов. Он отключил диктофон и добавил поверх плеча:

— Смогу сказать точно, когда мы разложим его у себя в лазарете.

— Подобные вещи здесь часто случаются? — тихо спросил Майлз.

Врач бросил на него хмурый взгляд.

— Я упаковываю несколько идиотов каждый год. А чего ждать, когда пять тысяч ребятишек в возрасте от восемнадцати до двадцати собирают вместе на острове и предлагают им поиграть в войну? Допускаю, этот парень, кажется, открыл абсолютно новый способ себя укокошить. Полагаю, все способы увидеть просто невозможно.

— Так вы думаете, он это сам с собой сделал?

И правда, было бы по-настоящему нелегко убить человека и *потом* засунуть его туда. Врач прошелся к трубе, присел и заглянул в нее.

— Похоже на то. Не взгляните ли еще разок туда, а, мичман? На всякий случай.

— Хорошо, сэр, — Майлз понадеялся, что это будет в последний раз. Он никогда бы не смог представить, что чистка дренажных труб окажется таким... волнующим занятием. Майлз прополз весь путь под дорогой к протекающему щиту, проверяя каждый сантиметр, но нашел только оброненный погибшим фонарик. Так. Рядовой, очевидно, забрался в трубу намеренно. С определенной целью. Какой целью? Зачем карабкаться по трубам посреди ночи, посреди сильного ливня? Майлз протиснулся обратно и передал фонарик врачу.

Он помог санитару и врачу засунуть тело в мешок и загрузить его на транспорт, затем приказал Олни и Паттасу поднять блокирующий щит и вернуть его на прежнее место. Бурая вода с ревом хлынула из нижнего конца трубы и покатила дальше вниз по канаве. Врач постоял рядом с Майлзом, облокотившись на дорожное ограждение и наблюдая, как падает уровень воды в маленьком озере.

— Думаете, там может быть еще один на дне? — с болезненным любопытством поинтересовался Майлз.

— Этот парень единственный отмечен в утреннем отчете как отсутствующий, — ответил врач. — Так что, наверное, нет.

Однако не похоже было, что он готов биться об заклад.

Единственная вещь, которая обнаружилась, когда вода спала, была промокшая парка рядового. Он, очевидно, повесил ее на поручень, перед тем как войти в трубу, и она с него упала, или ее сдул в воду ветер. Врач взял ее с собой.

— А вы довольно спокойно к этому отнеслись, — заметил Паттас, когда Майлз отошел от медицинского транспорта и врач с санитаром уехали. Паттас был совсем не намного старше самого Майлза.

— Вам никогда не приходилось иметь дело с трупами?

— Нет. А вам?

— Да.

— Где?

Майлз помедлил. События трехлетней давности промелькнули перед его мысленным взором. О тех коротких месяцах, когда он оказался втянут в отчаянную битву вдалеке от дома, по воле случая спутавшись с армией космических наемников, нельзя было здесь не только упоминать, но даже и делать какие-то намеки. Регулярные имперские войска, правда, с презрением относились к наемникам, живым или мертвым. Но кампания у Тау Верде определенно научила Майлза различать «учебное» и «реальное», войну и военные игры. Она показала ему, что у смерти есть более тонкие способы воздействия, нежели прямое касание.

— Бывало, — приглушенно ответил Майлз. — Пару раз.

Паттас пожал плечами, отходя.

— Ну, — неохотно признал он через плечо, — по крайней мере, вы не боитесь испачкать руки. Сэр.

Майлз удивленно изогнул брови. «Нет. Этого я не боюсь».

Он отметил прочистку трубы на своей отчетной панели, вернул гусеничный скутер, оборудование и необычайно тихих Олни и Паттаса сержанту Ньюву в эксплуатационную службу, после чего направился к офицерским казармам. Никогда в жизни он еще так сильно не хотел принять горячий душ.

Майлз хлюпал по коридору по направлению к своей комнате, когда один офицер выглянул из-за двери:

— Э, мичман Форкосиган?

— Да?

— Вам недавно звонили по видео. Я там записал для вас номер.

— Звонили? — Майлз остановился. — Откуда?

— Из Форбарр-Султаны.

У Майлза похолодело внутри. Что-то случилось дома?

— Спасибо.

Он развернулся и направился напрямик в конец коридора, где находилась кабинка с видеоконсолью, которой совместно пользовались офицеры, живущие на этом этаже.

Майлз в мрачном предчувствии скользнул в кресло и вызвал сообщение. Номер был ему незнаком. Он ввел его вместе с кодом своего счета и стал ждать. Раздалось несколько гудков, затем видеопанель с шипением ожила. На ней материализовалось симпатичное лицо его кузена Айвена, каковое лицо широко улыбнулось Майлзу.

— А, Майлз. Наконец-то.

— Айвен! Где ты, черт побери? Что там у тебя?

— О, я дома. И это не значит дома у матери. Я подумал, тебе будет интересно взглянуть на мою новую квартиру.

У Майлза появилось смутное, потустороннее ощущение, что он каким-то образом подключился к линии связи с некой параллельной вселенной или иным астральным планом. Форбарр-Султана, да. Он и сам жил в столице. В своем предыдущем воплощении. Много веков назад.

Айвен поднял свою видеокамеру и с головокружительным эффектом поводил ею из стороны в сторону.

— Она полностью обставлена. Я перехватил арендный договор от одного капитана из оперативного управления, которого перевели на Комарр. Реальная сделка. Переехал только вчера. Видишь балкон?

Майлз видел балкон, залитый вечерним солнечным светом цвета теплого меда. Дома Форбарр-Султаны возносились как в каком-то сказочном видении, плавая в летней дымке, затянувшей все позади них. Алые цветы густо облепили ограждение — такие красные в ровном свете, что было почти больно глазам. У Майлза было такое чувство, что он сейчас пустит слюни в карман своей рубашки или просто разрыдается.

— Красивые цветы, — выдавил он.

— Ага, моя девушка принесла.

— Девушка? — Ах да, человеческие существа делились на два пола. Когда-то. И от одного из них пахло гораздо лучше, чем от другого. Гораздо лучше. — Которая?

— Татъя.

— Мы с ней встречались? — Майлз усиленно вспоминал.

— Не-а, это новая.

Айвен перестал размахивать видеокамерой и вновь появился на экране. Обостренные чувства Майлза слегка успокоились.

— Ну, и как там погодка? — Айвен более внимательно взгляделся в него. — Ты мокрый? Чем ты занимался?

— Судмед... трубоочисткой, — ответил Майлз после паузы.

— Что? — Айвен изогнул брови.

— Да так, ничего, — Майлз чихнул. — Слушай, я рад видеть знакомое лицо и все такое, — он действительно был рад — какой-то странной болезненной радостью, — но у меня тут середина рабочего дня.

— А я сменился пару часов назад, — заметил Айвен. — Сейчас поведу Татъю на ужин. Так что ты меня случайно застал. Ну, рассказывай быстренько, как там жизнь у пехоты?

— О, отлично. База Лажковского — это реальная вещь, знаешь ли, — Майлз не стал определять, что это за реальная вещь. — Не какое-нибудь... место для хранения избытка форских лордиков типа Имперского Генштаба.

— Я делаю свою работу, — ответил Айвен слегка уязвленно. — На самом деле, тебе бы понравилась моя работа. Мы обрабатываем информацию. Поразительно, сколько всего поступает в оперативное управление за день. Ощущаешь себя на вершине мира. Такая

скорость была бы как раз по тебе.

— Забавно. А я думал, что база Лажковского была бы как раз по тебе, Айвен. Может, они просто перепутали наши назначения?

Айвен легонько постучал себя по носу и хихикнул:

— Да я бы не сказал, — его юмор слегка остудился во вспышке неподдельной заботы: — Ты, хм, будь там поосторожней, ладно? Ты правда выглядишь что-то не очень.

— У меня было необычное утро. Если бы ты от меня отстал, я бы пошел в душ.

— Хм, ладно. Ну, бывай.

— Желаю приятно пообедать.

— Заметано. Пока.

Голоса из другой вселенной. Хотя, вообще-то, Форбарр-Султана была только в паре часов суборбитального перелета. Теоретически. Майлз испытывал смутное удовлетворение от напоминания, что вся планета не съежилась до свинцово-серого горизонта острова Кайрил, даже если его жизненное пространство выглядело именно так.

Весь остаток дня Майлзу было трудно сосредоточиться на метеорологии. К счастью, его начальник не обращал на это внимания. С тех пор как затонул скутер, Ан был склонен в общении с Майлзом хранить виноватое, нервное молчание, нарушая его, только когда Майлз прямо запрашивал у него определенную информацию. По окончании своего рабочего дня Майлз направился напрямик в лазарет.

Врач все еще работал, или, по крайней мере, сидел, за своей настольным терминалом, когда Майлз просунул голову в дверной проем:

— Добрый вечер, сэр.

Врач поднял голову:

— Да, мичман? Что у вас?

Майлз посчитал, что сказанное, несмотря на отнюдь не поощряющий тон, можно расценить как приглашение, и скользнул внутрь.

— Я хотел спросить, что вам удалось узнать о том парне, которого мы сегодня утром вытащили из трубы.

Врач пожал плечами.

— Не так уж много там было узнавать. Идентификация личности проведена. Причина смерти установлена: он захлебнулся. Все физические и метаболические свидетельства — стресс, переохлаждение, гематомы — соответствуют предположению, что он застрял там примерно за полчаса до наступления смерти. Официальное заключение: смерть в результате несчастного случая.

— Да, но почему?

— Почему? — врач поднял брови. — Это он себя уколошил, его и следует спрашивать, угу?

— А вы не хотите это выяснить?

— С какой целью?

— Ну... наверное, чтобы знать. Чтобы быть уверенным, что вы не ошиблись.

Врач холодно взглянул на него.

— Я не ставлю под сомнения ваше медицинское заключение, сэр, — быстро добавил Майлз. — Но это было так чертовски странно. Вам разве не любопытно?

— Больше нет, — ответил врач. — Мне достаточно того, что это не было самоубийство или злой умысел, так что независимо от деталей в конце концов все сведется к смерти от глупости, не так ли?

Майлз подумал, не такой ли была бы последняя эпитафия врача относительно его, Майлза, гибели, если бы он затонул вместе со скутером.

— Полагаю, да, сэр.

Позже, стоя за дверью лазарета на влажном ветру, Майлз пребывал в сомнениях. Труп, в конце концов, не был личной собственностью Майлза. Это не тот случай, когда кто нашел

— того и вещь. Он передал ситуацию в руки соответствующих органов. Сейчас это дело уже не было в его компетенции. И все же...

Оставалось еще несколько часов светлого времени суток. Все равно Майлзу плохо спалось в эти почти бесконечные дни. Он вернулся в свою комнату, надел тренировочный костюм и кроссовки и отправился на пробежку.

Дорога, идущая за пределами базы вдоль заброшенных тренировочных площадок, была пустынной. Солнце, как краб, ползло к горизонту. Майлз перешел с бега обратно на ходьбу, затем на медленную ходьбу. Под штанами на ногах натирали скобы. Пожалуй, очень скоро в один из этих дней он мог бы найти время на то, чтобы заменить хрупкие длинные кости ног на синтетические. Кстати, какая-нибудь необязательная хирургическая операция могла бы стать квазизаконным способом сняться с острова Кайрил, если все обернется слишком безнадежно еще до того, как истечет шесть месяцев. Впрочем, это смахивало на жульничество.

Он огляделся, пытаясь представить, как эти места выглядели в темноте и при сильном дожде. Если бы он был рядовым, пробиравшимся по этой дороге около полуночи, что бы он увидел? Что могло привлечь внимание этого парня к канаве? И вообще, какого дьявола он пришел сюда посреди ночи? Эта дорога не вела ни к чему, кроме полосы препятствий и стрельбища.

А вот и канава... хотя нет, та канава была следующая, немного дальше. Четыре водопропускные трубы протыкали дорожную насыпь на протяжении этого полукилометрового прямого отрезка. Майлз нашел ту самую канаву и облокотился на поручень, уставившись вниз на теперь уже вяло текущий ручеек дренажных вод. В настоящий момент ничего привлекающего внимания здесь не было — это точно. Почему, почему, почему?..

Майлз прошелся сверху по склону дорожной насыпи, изучая поверхность дороги, ограждение и росшие за ограждением, мокрые папоротники. Он дошел до поворота, повернул обратно, исследуя противоположную сторону, и вернулся к первой, ближайшей к базе канаве, так и не обнаружив по пути ничего привлекательного или интересного.

Майлз оперся на ограждение и глубоко задумался. Ну ладно, пора попробовать логику. Какое всепоглощающее чувство заставило рядового забиться в дренажную трубу, несмотря на очевидную опасность? Гнев? Что он преследовал? Страх? Что могло преследовать его? Ошибка? Майлз знал все об ошибках. Что если парень выбрал не ту трубу?..

Поддавшись импульсу, Майлз сполз в первую канаву. Либо парень методично прошелся по каждой трубе — если так, то начинал он от базы или от тренировочных площадок? — или же он в темноте под дождем упустил свою цель и забрался не туда. Майлз был готов на карачках проползти по всем трубам, если понадобится, но предпочел бы угадать с первой же попытки. Даже если никто и не смотрит. Эта труба была немного шире в диаметре, чем вторая, смертельная. Майлз вынул из пояса фонарик, присел и начал проверять ее сантиметр за сантиметром.

— Ага, — выдохнул он удовлетворенно где-то на полпути под дорогой. Вот он — его приз, прилеплен провисшей лентой к верхнему изгибу трубы. Пакет, завернутый в непромокаемый пластик. Как *интересно*. Он выполз обратно и сел у отверстия трубы, не обращая внимания на воду, но следя за тем, чтобы его не было видно с дороги сверху.

Он положил пакет на колени и стал изучать его с приятным предвкушением, как будто это был подарок на день рождения. Может, это были наркотики, контрабанда, секретные документы, преступные деньги? Сам Майлз предпочел бы секретные документы, хотя было трудно представить кого-то засекречивающего что-либо на острове Кайрил, кроме, разве что, отчетов об эффективности функционирования базы. Наркотики тоже ничего, но шпионская сеть — это было бы просто чудесно. Он стал бы героем службы безопасности — его ум уже мчался вперед, задумывая следующий ход в его тайном расследовании. Проследить сквозь тонкие обстоятельства связь погибшего с каким-нибудь резидентом, занимающим,

возможно, очень высокий пост. Драматические аресты, может быть, награда от самого Саймона Иллиана... Пакет был бугристый, но слегка шелестел — пластиковые листки?

С бьющимся сердцем он развернул пакет и... Удивление и разочарование нахлынули на него. Болезненный вздох — наполовину смех, наполовину стон — сорвался с его губ.

Сладости. Пара дюжин пирожных, миниатюрных, глазированных, с кусочками фруктов в сахаре, традиционно приготовляемых к празднованию летнего солнцестояния. Прележавшие полтора месяца, черствые пирожные. И ради этого умереть...

Воображение Майлза, подкрепленное знанием казарменной жизни, довольно легко достроило все остальные обстоятельства. Рядовой получил этот пакет от своей девушки/матери/сестры и решил уберечь его от своих хищных товарищей, которые вмиг растащили бы все. Может быть, этот парень, сильно скучая по дому, отмеривал их себе штучку за штучкой в некоем длительном мазохистском ритуале, в котором удовольствие и боль смешивались в каждом кусочке. Или, возможно, он берег их для какого-нибудь особого случая.

Потом вдруг целых два дня шел необычно сильный дождь, и парень начал беспокоиться за, э, уровень ликвидности своих тайных сокровищ. Он отправился спасать свое богатство, пропустил первую канаву в темноте, в мрачной решительности дошел до второй, в то время как вода все прибывала, и слишком поздно осознал свою ошибку...

Грустно. Немного тошнотворно. И *бесполезно*. Майлз вздохнул, снова завернул пирожные и потрусил обратно к базе с пакетом под мышкой, намереваясь отдать его врачу.

Единственным комментарием врача, когда Майлз нашел его и рассказал о своей находке, было: «Ну да, смерть от глупости, как и было сказано». С отсутствующим видом он надкусил пирожное и шмыгнул носом.

На следующий день срок работ в эксплуатационной службе для Майлза истек. Ему не удалось найти в канализационных трубах ничего более интересного, чем утопленник. Наверное, это было не так уж плохо. На следующий день из долгого отпуска вернулся капрал, приписанный к лаборатории Ана. Майлз обнаружил, что капрал, который работал в метеослужбе уже около двух лет, был неиссякаемым источником большей части той информации, что Майлз вбивал себе в мозг последние две недели. Впрочем, носа Ана у него не было.

Вопреки ожиданиям, Ан покидал лагерь «Вечная Мерзлота» трезвым, самостоятельно поднимаясь по трапу транспорта. Майлз пришел на посадочную площадку для шаттлов, чтобы проводить его, не вполне уверенный, рад ли он, что метеоролог улетает, или же нет. Ан, впрочем, выглядел счастливым, его траурное лицо почти светилось изнутри.

— Так куда же вы направитесь, когда снимете форму? — спросил его Майлз.

— На экватор.

— Хм? Куда на экватор?

— *Куда угодно* на экватор, — с чувством ответил Ан.

Майлз мысленно выразил надежду, что он, по крайней мере, выберет точку выше уровня моря.

Ан помедлил на трапе, глядя на Майлза сверху вниз.

— Остерегайтесь Метцова, — посоветовал он наконец.

Это предупреждение, кажется, значительно запоздало, не говоря уже о том, что оно выводило из себя крайней расплывчатостью. Майлз бросил на Ана слегка раздраженный взгляд из-под поднятых бровей.

— Сомневаюсь, что я буду часто появляться на его приемах.

Ан поежился:

— Это не то, что я имел в виду.

— А что вы имеете в виду?

— Ну... Я не знаю. Однажды я видел...

— Что?

Ан покачал головой:

— Ничего. Это было давно. Тогда, в разгар комаррского восстания много всяких сумасшедших вещей происходило. В общем, лучше, если вы не будете стоять у него на пути.

— Мне и раньше приходилось иметь дело со старыми солдафонами.

— О, он не то чтобы солдафон. Но он немножко... Он может быть странным образом опасен. Никогда по-настоящему не угрожайте ему, ладно?

— Я? Угрожать Метцову? — лицо Майлза скривилось в изумлении. Может быть, на самом деле, Ан не был столь уж трезв, как ему показалось. — Да бросьте, не может он быть настолько страшен, иначе его не поставили бы командовать новобранцами.

— Солдатами он не командует. Их собственные командиры приезжают с ними, и инструктора отчитываются перед своим собственным командующим. Метцов просто отвечает за постоянные материальные объекты базы. Вы напористый малый, Форкосиган. Просто... не напирайте на него до крайности, или вы пожалеете. И это все, что я собираюсь сказать.

Ан решительно закрыл рот и пошел вверх по трапу.

«Я уже жалею», — Майлзу захотелось крикнуть ему вслед. Ну, неделя наказания для него закончилась. Может быть, Метцов считал, что неквалифицированный труд унижит Майлза, но, на самом деле, это было довольно интересно. Утопить скутер — вот это было унижительно. *Это* он устроил себе сам. Майлз последний раз помахал Ану, скрывшемуся в транспортном шаттле, пожал плечами и зашагал по асфальту по направлению к теперь уже знакомому административному зданию.

Прошло целых две минуты после того, как капрал, работавший с Майлзом, ушел из метеолаборатории обедать, когда Майлз поддался искушению почесать зудящее место, которое Ан засадил ему в голову. Он вызвал открытое досье Метцова на ком-консоль. Простой список дат, назначений и повышений командующего базы не был так уж информативен, хотя небольшое знание истории позволяло заполнить промежутки.

Метцов поступил на службу около тридцати пяти лет назад. Самое быстрое продвижение по службе пришлось, что неудивительно, на период завоевания Комарра около двадцати пяти лет назад. Богатая пространственно-временными червоточинами система Комарра была единственной дверью Барраяра, ведущей в более широкую сеть галактических червоточин. Комарр доказал свое огромное стратегическое значение для Барраяра ранее в этом столетии, когда его правящая олигархия за взятку пропустила через свои червоточины военный флот Цетаганды и позволила ему атаковать Барраяр. Понадобилось целое барраярское поколение, чтобы отбросить цетагандийцев обратно. Барраяр вернул свой кровавый урок Комарру во времена отца Майлза. Как неизбежный побочный эффект взятия под контроль ворот Комарра, Барраяр превратился из отсталой тупиковой системы в небольшую, но значительную галактическую силу и все еще боролся с последствиями этого.

Два десятилетия назад Метцову как-то удалось оказаться на правильной стороне во время Претендентства Фордариана — чисто барраярской попытки отобрать власть у пятилетнего императора Грегора и его регента. Именно неправильным выбором в этой гражданской заварухе мог бы, по представлению Майлза, в первую очередь объясняться тот факт, что столь, казалось бы, компетентный офицер проводил последние годы своей службы на льду острова Кайрил. Но полная остановка карьеры Метцова, кажется, случилась во время комаррского восстания, около шестнадцати лет назад. В этом файле не было намеков на причины, кроме ссылки на другой файл. И Майлз узнал код имперской СБ. Здесь тупик.

А, может, и нет. Задумчиво сжав губы, Майлз набрал еще один код на ком-консоли.

— Оперативный отдел, офис коммодора Джоллифа, — начал Айвен официально, когда его лицо материализовалось на видеопанели ком-консоли, а затем продолжил: — О, привет, Майлз. В чем дело?

— Я провожу небольшое исследование. Подумал, что ты можешь мне с этим помочь.

— Я должен был догадаться, что ты бы не позвонил мне в Генштаб просто поболтать.

Ну так чего тебе надо?

— Э... Ты один сейчас в офисе?

— Да, старик застрял в комитете. Чудный маленький скандалчик — зарегистрированный на Баррааре грузовой корабль был арестован в Ступице Хеджена — на верванской станции — по подозрению в шпионаже.

— Мы можем до него добраться? Пригрозить операцией по освобождению?

— Только не через Пол. Ни один барраарский военный корабль не может совершить скачок через их червоточины: нет и точка.

— Я думал, у нас с Полем что-то вроде дружбы.

— Типа того. Но верванцы пригрозили разорвать дипломатические отношения с Полем, так что полианцы очень осторожничают. Самое смешное, что этот грузовик даже не является на самом деле одним из наших агентов. Судя по всему, это полностью сфабрикованное обвинение.

Политика переходов через червоточины. Тактика скачковых кораблей. Как раз решать такие проблемы и учили Майлза на курсах в Имперской Академии. Более того, на этих космических кораблях и станциях было, наверное, тепло. Майлз с завистью вздохнул.

Глаза Айвена прищурились в запоздалом подозрении:

— Почему ты спрашиваешь, один ли я?

— Я хочу, чтобы ты достал для меня один файл. Старая история, не текущие события, — заверил его Майлз и выпалил кодовую строку.

— Ага, — рука Айвена начала набивать его, затем остановилась. — Ты с ума сошел? Это же файл имперской СБ! Ничего не выйдет!

— Конечно, выйдет, ты же в их сети, разве нет?

Явно довольный, Айвен покачал головой:

— Больше нет. Всю файловую систему СБ перевели на суперсекретный режим. Теперь невозможно переносить из нее данные иначе, чем через закодированный фильтрующий кабель, который нужно физически подключить. За что я должен был бы подписаться. Для чего я должен был бы объяснить, зачем мне это надо, и представить разрешение. У тебя есть на это разрешение? Ха. Так я и думал.

Майлз раздраженно нахмурился:

— Ты же наверняка можешь вызвать файл на внутренней системе.

— На внутренней системе могу. Что я не могу сделать, так это подключить внутреннюю систему к какой-нибудь внешней, чтобы скинуть данные. Так что тебе не повезло.

— У тебя есть ком-консоль внутренней системы в этом офисе?

— Конечно.

— Ну так вызови файл, — нетерпеливо попросил Майлз, — поверни свой стол и позволь двум видеосистемам говорить друг с другом. Ты ведь можешь это сделать?

Айвен почесал затылок:

— А это сработает?

— Попробуй! — Майлз постукивал пальцами, пока Айвен поворачивал стол и возился с фокусировкой. Сигнал был нечеткий, но читаемый. — Ну вот, я так и думал. Полистай его для меня, ладно?

Замечательно, просто замечательно. Файл представлял собой сборник секретных отчетов по проводимому имперской СБ расследованию загадочной смерти одного пленника, находившегося под ответственностью Метцова — комаррского мятежника, который убил своего охранника и сам был убит во время попытки к бегству. Когда СБ потребовала тело комаррца для вскрытия, Метцов предъявил пепел кремированного и извинения: мол, если бы ему сказали несколько часов назад, что тело кому-то понадобится и т. д. Офицер, проводивший расследование, намекал на возможность обвинений в незаконных пытках — возможно, в качестве мести за смерть охранника? — но не смог собрать достаточно доказательств, чтобы получить разрешение на допрос с фастпенталом барраарских

свидетелей, включая некоего техника — мичмана Ана. Проводивший расследование офицер выдвинул формальный протест против решения вышестоящего офицера о прекращении дела, и на этом все закончилось. По-видимому. Если и было что-то еще насчет этой истории, то существовало оно только в замечательной голове Саймона Иллиана — секретном файле, к которому Майлз не собирался получать доступ. И все же карьера Метцова была в буквальном смысле заморожена.

— Майлз, — в четвертый раз прервал его Айвен. — Я действительно не думаю, что нам следует это делать. Это материалы типа «перед прочтением перерезать себе глотку».

— Если бы нам не следовало этого делать, то мы и не *смогли бы* это делать. Для быстрого перекачивания информации все еще требуется кабель. Ни один настоящий шпион не был бы **настолько** глуп, чтобы часами сидеть там в Имперском Генштабе и вручную просматривать данные, ожидая пока его поймают и пристрелят.

— Все, хватит, — Айвен убрал файл СБ хлопком руки. Картинка на видео дико дергалась, пока он поворачивал обратно свой стол, после чего последовали скребущие звуки — Айвен энергично стирал ботинком следы на ковре. — Я этого не делал, ты слышал?

— Я не имел в виду тебя. *Мы*- то не шпионы, — закончил Майлз печально. — И все же... Думаю, кто-то должен сказать Иллиану о маленьком пробеле в их мерах безопасности, который они проглядели.

— Только не я!

— Почему не ты? Представь это как блестящее теоретическое предположение. Может быть, заработаешь благодарность. Конечно, не говори, что мы фактически это сделали. Или, может, мы просто проверяли твою теорию, а?

— Ты, — сурово сказал Айвен, — отравлен карьеризмом. Никогда больше не появляйся на моем видео. Кроме как дома, конечно.

Майлз широко улыбнулся и позволил кузену улизнуть. Он посидел немного в офисе, наблюдая, как мигают и меняются метеографики, и думая о командире базы и всяких несчастных случаях, которые могут произойти со строптивыми заключенными.

Ну, все это было очень давно. Сам Метцов, наверное, уйдет в отставку через пять лет, получив статус отслужившего две двадчатки и пенсию, после чего пополнит популяцию неприятных стариков. Не столько проблема, которую нужно решить, сколько проблема, которую нужно пережить. Во всяком случае, для Майлза. Его главная цель на базе Лажковского, напомнил себе Майлз, было убраться с базы Лажковского, причем тихо как дым. В свое время он оставит Метцова позади.

За следующие несколько недель Майлз погрузился в терпимую рутину дней. Во-первых, прибыли солдатики. Все пять тысяч. На их плечах статус Майлза повысился до почти человеческого. Дни становились короче, база Лажковского пережила свой первый настоящий снег в этом сезоне, плюс легкий ва-ва, длившийся полдня — и то и другое Майлзу удалось предсказать заблаговременно и точно.

Что было еще лучше, Майлза полностью сменили на посту самого известного идиота на острове (неприятная известность, заработанная утоплением скутера) — его сменила группа новобранцев, которым удалось однажды ночью поджечь казармы, пока они баловались поджиганием своих газов. Стратегическое предложение Майлза на офицерском совещании по пожарной безопасности на следующий день, заключавшееся в том, чтобы разобраться с проблемой путем тыловой атаки на вражеские запасы топлива, то есть исключить бобовый суп из меню, было отвергнуто единственным ледяным взглядом генерала Метцова. Хотя позже в фойе серьезный капитан из службы технического и вещевого снабжения остановил Майлза и поблагодарил его за попытку.

Вот и весь блеск службы в имперских вооруженных силах. Майлз проводил долгие часы в одиночестве в метеолаборатории, изучая теорию хаоса, показания приборов и стены. Три месяца прошло, три осталось. Становилось темнее.

Глава 5

Майлз вскочил с постели и уже наполовину оделся, прежде чем до его затуманенного сном мозга дошло, что призывно воющая сирена не была предупреждением о ва-ва. Он замер с ботинком в руке. Не было это также сигналом о пожаре или нападении. Стало быть, что бы там ни было, его это не касалось. Ритмичные завывания прекратились. Воистину, благословенная тишина.

Он глянул на светящееся табло часов. По ним выходило, что был глубокий вечер. Он проспал только около двух часов, упав в постель полностью истощенный после долгой поездки вглубь острова. Пришлось выезжать в снежную бурю для ремонта вызванных ветром повреждений на метеостанции-11. Комм-линк у кровати не мигал красным светом, информируя его о каком-нибудь неожиданном задании, которое он должен выполнить. Он вполне мог возвращаться в постель.

Тишина была *необъяснимой*.

Он натянул второй ботинок и высунул голову за дверь. Несколько других офицеров сделали то же самое и обсуждали теперь друг с другом возможные причины тревоги. Из своей комнаты появился лейтенант Бонн и быстро зашагал по коридору, натягивая парку. Его напряженное лицо выглядело наполовину встревоженным, наполовину раздраженным.

Майлз схватил свою парку и вприпрыжку побежал за ним:

— Понадобится помощь, лейтенант?

Бонн посмотрел на него сверху вниз и поджал губы:

— Возможно.

Майлз зашагал рядом, в тайне польщенный косвенным свидетельством того, что Бонн и правда считает его небесполезным.

— Так что происходит?

— Какая-то авария в бункере хранения токсичных материалов. Если это тот бункер, о котором я думаю, у нас могут возникнуть реальные проблемы.

Через двойные теплоизолирующие двери вестибюля они вышли из офицерского общежития в прозрачную ледяную ночь. Мелкий снег скрипел под ботинками Майлза и стелился по земле на легком восточном ветру. Некоторые из звезд над головой могли сравниться по яркости с огнями базы. Они сели в скутер Бонна, выдыхая клубы пара, пока не заработал вделанный в крышу антиобледенитель. Бонн на большой скорости направился от базы на запад.

Через несколько километров после последней тренировочной площадки в снегу показался ряд сгорбленных, покрытых дерном холмиков. Несколько транспортных средств было припарковано у края одного из бункеров: пара скутеров, из которых один принадлежал начальнику пожарной команды, а также медицинский транспорт. Между ними мелькал свет фонариков. Бонн подъехал ближе, остановился и откинул свою дверь. Майлз быстро последовал за ним, хрустя по ледяной корке.

Врач базы командовал парой санитаров, которые загружали в медтранспорт завернутую в металлизированную пленку фигуру и еще одного одетого в комбинезон солдата, который дрожал и кашлял.

— Так, каждый бросает все, что на нем есть, в бак уничтожителя, как только входит внутрь, — обращался к ним врач. — Пленку, бинты, шины, все. Полный дезактиваторный душ для всех вас прежде, чем даже начнете беспокоиться о его сломанной руке. Обезболивающее позволит ему продержаться, а если нет, не обращайтесь на него внимания и продолжайте оттираться. Я иду прямо за вами.

Врач содрогнулся, отворачиваясь и недовольно свистя сквозь зубы. Бонн направился к двери бункера.

— Не открывайте! — одновременно вскрикнули врач и начальник пожарной команды. — Внутри никого не осталось, — добавил врач. — Все эвакуированы.

— Что в точности произошло? — Бонн поскреб рукой в перчатке замерзшее окошко двери, пытаясь заглянуть внутрь.

— Двое парней передвигали запасы, готовили место для новой завтрашней поставки, — начальник пожарной команды, лейтенант Яски, быстро вводил Бонна в курс дела. — Они перевернули погрузчик, и одного зажало внизу со сломанной ногой.

— Это... требует определенного таланта, — произнес Бонн, очевидно представляя в уме устройство погрузчика.

— Должно быть, они там устраивали гонки, — нетерпеливо вставил врач. — Но это не самое худшее. Они также в падении обронили несколько бочек фетаина. И по крайней мере две из них от удара открылись. Эта штука теперь там залила все. Мы запечатали бункер как могли, а уж зачистка, — врач выдохнул, — это ваша забота. Я пошел.

Он выглядел так, как будто хотел вылезти не только из одежды, но и из собственной кожи. Махнув рукой, он быстро двинулся к своему скутеру, чтобы вслед за своими санитарями и их пациентами пройти медицинскую дезактивацию.

— Фетаин! — воскликнул Майлз удивленно. Бонн быстро отошел от двери. Фетаин был мутагенный яд, изобретенный как оружие устрашения и никогда, насколько было известно Майлзу, не использовавшийся на практике. — Я думал, он уже в прошлом. В меню больше не входит.

На курсе по химическому и биологическому оружию в академии этот яд был лишь вскользь упомянут.

— Он действительно в прошлом, — мрачно ответил Бонн. — Его уже двадцать лет не производят. Насколько я знаю, у нас хранятся последние запасы на всем Баррайре. Черт возьми, эти бочки не должны раскрываться, даже если их сбрасывать с шаттла.

— Этим бочкам, значит, по меньшей мере двадцать лет, — заметил пожарный. — Коррозия?

— В таком случае, — Бонн изогнул шею, — как насчет остальных бочек?

— Вот именно, — кивнул Яски.

— Разве фетаин не разрушается при нагревании? — нервно спросил Майлз, проверяя, чтобы они стояли и обсуждали это с наветренной стороны бункера. — Химически распадается на безопасные компоненты, как я слышал.

— Ну, не то чтобы безопасные, — ответил лейтенант Яски. — Но, по крайней мере, они не размотают все ДНК в твоих яйцах.

— Там хранится какая-нибудь взрывчатка, лейтенант Бонн? — спросил Майлз.

— Нет, только фетаин.

— Если бросить пару плазменных мин через дверь, успеет фетаин разложиться, до того как расплавится крыша?

— Не хотелось бы, чтобы крыша расплавилась. Или пол. Если эта штука просочится в вечную мерзлоту... Но если поставить мины на медленное выделение тепла и вбросить с ними несколько кило нейтрального герметика, то бункер может самогерметизироваться, — губы Бонна двигались в беззвучных подсчетах. — Да, может сработать. Фактически, это, наверное, самый безопасный способ разобраться с этим дерьмом. Особенно если оставшиеся бочки тоже начинают терять герметичность.

— Зависит от направления ветра, — вставил лейтенант Яски, поглядев назад на базу, а затем на Майлза.

— До 07:00 завтрашнего утра ожидается легкий восточный ветер и понижение температуры, — ответил Майлз на его взгляд. — Затем ветер сменится на северный и станет дуть сильнее. Потенциальные условия для ва-ва возникнут завтра вечером около 18:00.

— Тогда, если мы будем делать именно так, то лучше сделать это сегодня, — заметил Яски.

— Хорошо, — решительно сказал Бонн. — Я соберу свою команду, вы собирайте свою. Я достану планы бункера, подсчитаю выходной уровень зарядов и встречусь с вами и шефом по материально-техническому обеспечению в административном корпусе через час.

Бонн поставил сержанта из пожарной команды в качестве часового, чтобы все держались от бункера подальше. Незавидное задание, но вполне выполнимое в данных

условиях, и охранник может забраться в скутер, когда температура упадет, ближе к полуночи. Майлз доехал вместе с Бонном до административного корпуса базы, чтобы еще раз проверить в метеолaborатории свои прогнозы относительно направления ветра.

Майлз прогнал самые последние данные через метеорологические компьютеры, чтобы иметь возможность представить Бонну самый выверенный и свежий прогноз по предполагаемому направлению ветра на следующие 26,7 часов, составляющих баррарские сутки. Но прежде чем распечатка оказалась у него в руках, он, выглядывая в окно, увидел внизу Бонна и Яски, спешащих от административного корпуса куда-то в темноту. Возможно, они встречаются с шефом по материально-техническому обеспечению где-то в другом месте? Майлз подумал, не рвануть ли за ними, но новый прогноз не отличался заметно от старого. Действительно ли ему необходимо посмотреть, как они будут прижигать ядовитую свалку? Это могло быть интересным и познавательным, но, с другой стороны, пользы от него там особой нет. А тот факт, что он единственный ребенок своих родителей и, вполне возможно, отец какого-нибудь будущего графа Форкосигана, делал весьма спорным его право подвергать себя столь значительной мутагенной опасности из чистого любопытства. Тем более, что, пока ветер не переменится, немедленной опасности для базы не было. Или это трусость маскируется под логику? Говорят, осторожность — одна из добродетелей.

Уже совсем проснувшись и слишком взбудораженный, чтобы даже представить себе возврат к прерванному сну, он начал неспешно возиться в лаборатории. В частности, занялся своими обычными файлами, которые он отложил утром из-за поездки в связи с ремонтом. Через час спокойного труда он закончил все, что хотя бы отдаленно напоминало работу. Когда он поймал себя на том, что импульсивно вытирает пыль с оборудования и полок, он решил, что, хочешь спать или нет, пора отправляться в постель. Однако движущийся свет в окне привлек его внимание — к зданию подъехал скутер.

А, вернулись Бонн и Яски. Уже? Быстро. Или они еще не начинали? Майлз оторвал пластиковый листок с новым прогнозом ветров и направился вниз, в инженерный отдел базы в конце коридора.

В кабинете Бонна было темно. Но в коридор проникал свет из кабинета командующего базы. А вместе со светом и отзвуки сердитых голосов. Сжимая листок, Майлз подошел ближе.

Дверь во внутренний кабинет была открыта. Метцов сидел за настольной консолью, и его сжатый кулак лежал на мигающей разными цветами поверхности. Бонн и Яски напряженно стояли перед ним. Майлз осторожно пошуршал листком, предупреждая о своем появлении.

Яски повернул голову и поймал взглядом Майлза:

— Пошлите Форкосигана, он все равно уже мутант!

Майлз отдал не вполне конкретно направленный салют и немедленно парировал:

— Прошу прощения, сэр, но нет, я не мутант. Моя последняя встреча с военными ядами привела к тератогенным повреждениям, но не генетическим. Мои будущие дети должны быть столь же здоровыми, как и у любого мужчины. Э, пошлите меня куда, сэр?

Метцов тяжело посмотрел на Майлза, но не стал развивать тревожное предложение Яски. Майлз без слов протянул листок Бонну, который взглянул на него, скривился и резко сунул в карман брюк.

— Конечно, предполагается, что на них будут защитные костюмы, — продолжил Метцов, раздраженно обращаясь к Бонну. — Я же не псих.

— Я понял, сэр. Но люди отказываются войти в бункер даже в дезактиваторных костюмах, — ответил Бонн ровным, спокойным тоном. — И я не могу их винить. Обычных мер предосторожности, по моему мнению, для фетаина не достаточно. Эта штука имеет невероятно высокий уровень проникновения для своего молекулярного веса. Проходит прямо сквозь фильтры.

— Не можете их *винить*? — повторил Метцов в изумлении. — Лейтенант, вы отдали

приказ. Или должны были отдать.

— Я это сделал, сэр, но...

— Но! Вы позволили им почувствовать вашу собственную нерешительность. Вашу слабость. Черт, когда вы отдаете приказ, вы должны отдавать его, а не танцевать вокруг.

— Но зачем нам спасать эту гадость? — уныло спросил Яски.

— Мы это уже обсуждали. Это наш долг, — рыкнул на него Метцов. — Наш приказ. Нельзя требовать подчинения от человека, если не подчиняешься сам.

«Что, прямо так, слепо?»

— Я уверен, в военных лабораториях все еще есть рецепт этой штуки, — вставил Майлз, чувствуя, что он наконец начал понимать весьма тревожное направление этого спора. — И они легко могут намешать еще, если им это понадобится. Свеженького.

— Заткнитесь, Форкосиган, — отчаянно прорычал углом рта Бонн, а генерал Метцов дернулся:

— Еще раз откроете сегодня рот, чтобы выдать очередной образчик вашего юмора, мичман, и получите взыскание.

Майлз сжал губы в напряженной застывшей улыбке. Субординация. «Принц Серг», — напомнил он себе. Метцов может хоть пойти и выпить фетаину, Майлза это никак не касается. Главное не высовываться, угу?

— Вы никогда не слышали о прекрасной старой военной практике пристреливать того, кто не подчиняется вашим приказам, лейтенант? — продолжал Метцов, обращаясь к Бонну.

— Я... не думаю, что могу применить подобную угрозу, сэр, — напряженно ответил Бонн.

«И кроме того, — подумал Майлз. — Мы ведь не на войне. Или как?»

— Технари! — презрительно воскликнул Метцов. — Я не сказал угрожать, я сказал пристреливать. Одного для примера, и остальные будут как шелковые.

Майлз решил для себя, что юмор Метцова ему тоже не по душе. Или генерал говорил буквально?

— Сэр, фетаин — это очень активный мутаген, — гнул свою линию Бонн. — Я совсем не уверен, что остальные будут как шелковые, какая бы ни была угроза. Это не та тема, где можно приводить разумные аргументы. Я... я и сам это чувствую.

— Я вижу, — холодно уставился на него Метцов. Его взгляд переместился на Яски, который сглотнул и выпрямился, всей позой демонстрируя, что будет упрямо стоять на своем. Майлз попытался стать невидимым.

— Если вы хотите продолжать делать вид, что вы военные офицеры, то вам, технарям, надо бы преподать урок того, как заставлять своих людей подчиняться, — решил Метцов. — Вы оба идите и соберите ваши команды перед административным корпусом через двадцать минут. У нас будет небольшой старомодный дисциплинарный парад.

— Вы не... вы не думаете серьезно кого-нибудь расстреливать, а? — встревоженно спросил лейтенант Яски.

Метцов криво улыбнулся:

— Сомневаюсь, что мне придется это делать, — он посмотрел на Майлза. — Какая сейчас на улице температура, офицер-метеоролог?

— Пять градусов мороза, сэр, — ответил Майлз, твердо решив говорить, только когда к нему обращались.

— А ветер?

— Ветер восточный, девять километров в час, сэр.

— Очень хорошо, — глаза Метцова по-волчьи загорелись. — Вы свободны, *господа*. Посмотрим, сможете ли вы выполнить свой приказ на этот раз.

Генерал Метцов в толстых перчатках и накинутой парке стоял рядом с голым металлическим флагштоком перед административным корпусом и пристально смотрел в сторону полуосвещенной дороги. Майлз задумался, что он там высматривал? Дело близилось

к полуночи. Яски и Бонн выстраивали свои технические группы в парадный строй: около пятнадцати человек, одетых во все теплое и в парках поверх.

Майлз дрожал, и не только от холода. Морщинистое лицо Метцова выглядело злым. И усталым. И старым! И страшным... Он немного напоминал Майлзу его деда, когда у того были плохие дни. Хотя, на самом деле, Метцов был младше, чем отец Майлза, а Майлз был не таким уж поздним ребенком — здесь было какое-то искажение поколений. Его дед, сам старый генерал-граф Петр иногда казался беженцем из иного века. Кстати, по-настоящему старомодные дисциплинарные парады подразумевали использование освинцованных резиновых шлангов. Как далеко вглубь барраярской истории пустил корни разум Метцова?

Улыбка Метцова прикрыла ярость на его лице, когда он, заметив движение в конце дороги, повернул голову. Ужасающе сердечным тоном он признался Майлзу:

— Вы знаете, мичман, ведь за тщательно культивируемой в былые времена на старушке Земле неприязню между различными родами войск скрывался определенный смысл. В случае мятежа всегда можно было уговорить армию стрелять во флот и наоборот, когда они сами не способны были поддержать дисциплину в своих рядах. Незаметная, но важная потеря для объединенных вооруженных сил, вроде наших.

— Мятежа! — воскликнул Майлз, от удивления забывший о своем твердом намерении говорить только тогда, когда к нему обращались. — Я думал, речь шла о ядохимикатах!

— *Шла*. К сожалению, из-за оплошности Бонна, сейчас это вопрос принципа, — в подбородке Метцова дернулась мышца. — Когда-нибудь это должно было случиться в «новой» армии. Мякотелой армии.

Типичная болтовня про «старую» армию, то есть когда старики заливают друг другу про то, какие крутые они были в прежние времена.

— Принципа, сэр? Какого принципа? Это же просто *ликвидация отходов*, — выдавил Майлз.

— Это массовый отказ от выполнения приказа, мичман. То есть мятеж по определению любого военного юриста. К счастью, такие вещи легко устранить, если действовать быстро, пока они малы и не организованы.

Движение в конце дороги оказалось взводом пехотинцев в зимнем белом камуфляже, марширующим под командованием некоего сержанта с Базы. Майлз признал в сержанте одного из лично преданных Метцову, старого ветерана, который служил под Метцовым еще во времена комаррского восстания и перевелся вслед за своим командиром.

Пехотинцы, как видел Майлз, были вооружены смертельными нейробластерами, которые представляли собой ручное оружие, действующее только на живую силу. Несмотря на все то время, что они потратили на изучение подобных вещей, возможность даже для имеющих какую-то подготовку молодых солдат вроде этих по-настоящему взять в руки полностью заряженное смертельное оружие была редкой, и Майлз даже со своего места чувствовал их нервное возбуждение.

Сержант выставил солдат вокруг напряженно стоящих техников в строй для ведения перекрестного огня и рявкнул приказ. Они взяли оружие на изготовку и прицелились. Серебристые, по форме напоминающие колокол морды нейробластеров заблестели в неровном свете, идущем из административного корпуса. Нервная волна прокатилась среди людей Бонна. Лицо самого Бонна было белым, как у призрака, а глаза его сверкали, как черный янтарь.

— Раздеться, — приказал Метцов сквозь зубы.

Недоверие, смятение... Только один или два техника поняли, что от них требовалось, и начали раздеваться. Другие, неуверенно переглядываясь, с опозданием последовали за ними.

— Когда вы снова будете готовы подчиняться приказам, — продолжил Метцов громким, как и положено на параде, голосом, который был слышен каждому, — вы можете одеться и начать работать. Все зависит от вас.

Он сделал шаг назад, кивнул своему сержанту и встал по стойке вольно. «Это их остудит», — пробормотал он себе под нос негромко, так что Майлз едва разобрал слова.

Метцов выглядел так, будто он действительно ожидал пробыть здесь не более, чем пять минут. Он выглядел так, будто уже думал о теплом кабинете и горячем чае.

Олни и Паттас были среди техников, отметил Майлз, вместе с большинством остальных грекоговорящих специалистов, которые травили Майлза поначалу. С одними Майлз пересекался или разговаривал во время своего частного расследования подноготной утонувшего парня, других он едва знал. Пятнадцать голых мужчин, начавших сильно дрожать, в то время как сухой снег кружился вокруг их лодыжек. Пятнадцать ошеломленных лиц, понемногу начавших выражать ужас. Глаза, то и время обращающиеся на направленные в их сторону нейробластеры. «Сдавайтесь, — мысленно торопил их Майлз. — Оно того не стоит». Но больше чем одна пара глаз, бросив на него взгляд, сжималась в твердой решимости.

Майлз мысленно проклял неизвестного умника, который изобрел фетаин как оружие устрашения, и не за его способности химика, а за его знание баррарейской психологии. Фетаин совершенно точно никогда не использовался, и никогда не будет использоваться. Любая группа, которая попыталась бы это сделать, восстала бы против самой себя и разорвалась бы в моральных конвульсиях.

Яски, стоящий в стороне от своих людей, выглядел основательно напуганным. Бонн, выражение его лица было черным и острым, как обсидиан, начал снимать свои перчатки и парку.

«Нет, нет, нет! — закричал Майлз мысленно. — Если ты присоединишься к ним, они никогда не отступят. Они будут знать, что правы!»

Ошибка, большая ошибка... Бонн сбросил остальную одежду в кучу, шагнул вперед, присоединился к строю, развернулся и скрестил взгляд с Метцовым. Глаза Метцова сузились в новом приступе ярости.

— Так, — прошипел он. — Вы сами признали себя виновным. Значит, замерзайте.

Как все стало так плохо, и так быстро? Сейчас хорошо бы вспомнить о какой-нибудь работе в метеолаборатории и убраться отсюда к чертовой матери. Если бы только эти дрожащие ублюдки отступили, Майлзу удалось бы пройти через эту ночь без прокола в своем личном деле. У него здесь нет обязанностей, нет задачи...

Взгляд Метцова упал на Майлза:

— Форкосиган, вы либо берете оружие и приносите пользу, либо можете быть свободны.

Он мог бы уйти. Мог бы? Когда он не пошевелился, подошел сержант и сунул в его руку нейробластер. Майлз взял оружие, все еще пытаясь думать внезапно размякшими мозгами. Он, впрочем, был достаточно вменяем, чтобы убедиться, что предохранитель не снят, прежде чем направить бластер куда-то в сторону замерзающих людей.

«Это будет не мятеж. Это будет бойня».

Один из вооруженных солдат нервно хихикнул. Что им сказали обо всем происходящем? Как они полагают, чем они здесь заняты? Восемнадцати-, девятнадцатилетние парни — могут ли они хотя бы распознать преступный приказ? Или знать, что надлежит делать в таком случае?

А Майлз смог бы?

Ситуация была двусмысленной, вот в чем проблема. Она не укладывалась в известные рамки. Майлз знал о преступных приказах, каждый курсант академии о них знал. Его отец лично приходил и проводил на эту тему однодневный семинар для старшекурсников в середине учебного года. Он сделал этот семинар обязательным требованием к выпускникам, ввел его имперским указом, еще когда был регентом. Что в точности составляло преступный приказ, когда и как не подчиняться ему. С видеосвидетельствами из разных исторических ситуаций и отрицательных примеров, включая с политической точки зрения катастрофическую Солстистскую Бойню, которая имела место под собственным командованием адмирала. Во время этих демонстраций неизменно один или несколько курсантов были вынуждены покинуть помещение, так как их тошнило.

Другие инструкторы ненавидели день Форкосигана. Их занятия были исподволь расстроены на недели. Одной из причин, почему адмирал Форкосиган не ждал до более позднего периода учебного года, заключалась в том, что он почти всегда был вынужден делать еще один приезд несколько недель спустя, чтобы отговорить какого-нибудь выведенного из равновесия курсанта от намерения бросить обучение почти в самом конце. Только курсанты академии получали эту живую лекцию, насколько знал Майлз, хотя его отец высказывал идею записать ее на головидео и внедрить как часть базового обучения во всех вооруженных силах. Некоторые части этого семинара были открытием даже для Майлза.

Но в данном случае... Если бы техники были гражданскими лицами, Метцов точно был бы не прав. Если бы дело происходило во время войны, под угрозой какого-нибудь противника, Метцов мог быть в пределах своего права и даже обязанности. Ситуация же была где-то посередине. Солдаты отказывались повиноваться, но пассивно. Врага в пределах видимости нет. Это даже не было ситуацией, ставящей под угрозу жизни людей на базе (кроме их собственных), хотя, когда ветер переменится, этот аспект может измениться. «Я не готов для этого, еще нет, не так скоро». Что было правильным?

«Моя карьера...» В груди Майлза нарастала клаустрофобная паника, как у человека, головой застрявшего в дренажной трубе. Нейробластер слегка покачивался в его руке. Поверх параболического отражателя от мог видеть молчаливо стоящего Бонна, слишком замерзшего сейчас, даже чтобы просто спорить. Уши у людей побелели, и пальцы, и ступни. Один человек свернулся в дрожащий калачик, но не сделал движения, чтобы сдаться. Не появилась ли еще в жесткой шее Метцова легкая слабость сомнения?

На один лунатический момент Майлз представил, как он отщелкивает предохранитель и стреляет в Метцова. А что потом, стрелять в солдат? Он просто не сможет уложить их всех, прежде чем они уложат его.

«Я, должно быть, единственный здесь солдат младше тридцати, который когда-либо раньше убивал врага, в битве или нет». Солдаты могли выстрелить просто по незнанию или из чистого любопытства. Они знали недостаточно, чтобы *не* выстрелить. «То, что мы сделаем в следующие полчаса, будет проигрываться в наших головах, пока мы дышим».

Он мог бы попытаться ничего не делать. Только выполнять приказы. В какие неприятности он может угодить, если будет только выполнять приказы? Каждый командир, который у него был, соглашался, что выполнять приказы ему следовало бы получше. «Думаешь, тебе потом понравится служба на корабле, мичман Форкосиган? Тебе и стае замерзших призраков? По крайней мере, ты никогда не будешь одинок...»

Майлз, все еще держа нейробластер, отступил назад, за пределы линии видимости пехотинцев, за пределы угла зрения Метцова. Слезы кусали и туманили его взор. Слез от холода, без сомнения.

Он сел на землю. Снял перчатки и ботинки. Скинул парку и рубашки. Брюки и теплые подштанники сверху кучи, и нейробластер аккуратно на вершину. Он шагнул вперед. Скобы на ногах кололи как кусочки льда.

«Ненавижу пассивное сопротивление. По-настоящему ненавижу».

— Что это вы, черт возьми, делаете, мичман? — рыкнул Метцов, когда Майлз проковылял мимо него.

— Прекращаю это, сэр, — ровным голосом ответил Майлз. Даже сейчас некоторые из дрожащих техников дернулись прочь от него, как если бы его уродства были заразны. Однако Паттас не отошел. И Бонн.

— Бонн пробовал этот блеф. И сейчас сожалеет об этом. Для вас это тоже не пройдет, Форкосиган, — голос Метцова тоже дрожал, хотя и не от холода.

«Следовало сказать „мичман“». Что в имени тебе моем? Майлз заметил, как на этот раз волна недовольства прошла среди пехотинцев. Нет, для Бонна это не сработало. Майлз здесь был, наверное, единственным, для кого этот тип личного вмешательства мог бы сработать. Это зависело от того, насколько к настоящему моменту спятил Безумный Метцов.

Майлз обратился к Метцову и солдатам:

— Возможно, хотя и вряд ли, что армейская СБ не будет расследовать смерть лейтенанта Бонна и его людей, если вы подделаете запись и заявите, что имел место несчастный случай. Но я гарантирую, что мою смерть будет расследовать Имперская СБ.

Метцов странно улыбнулся:

— Предположим, не выживет ни одного свидетеля, который мог бы пожаловаться?

Сержант Метцова выглядел таким же застывшим, как его хозяин. Майлз подумал об Ане, пьяном Ане, молчаливом Ане. Что Ан видел, однажды много лет назад, когда сумасшедшие вещи происходили на Комарре? Какого рода выжившим свидетелем он был? Может быть, виновным?

— Из-з-звините, сэр, но я вижу по меньшей мере десять свидетелей за этими нейробластерами.

Серебряные параболы — с этого угла они выглядели большими, как обеденные блюда. Смена точки зрения была удивительно проясняющей мозги. Не осталось никаких двусмысленностей.

Майлз продолжал:

— Или вы предлагаете казнить свою расстрельную команду, а потом застрелиться? Имперская СБ допросит с фастпенталом всех вокруг. Вы не сможете заставить меня замолчать. Живой или мертвый, своим собственным языком или вашим — или их — я буду давать показания.

Дрожь пробежала по телу Майлза. Поразительно, какой эффект от всего лишь маленького дуновения восточного ветра, при такой температуре. Он постарался убрать дрожь из голоса, чтобы холод не приняли за страх.

— Я бы сказал, это слабое утешение, если вы... э... позвольте себе превратиться в ледышку, мичман, — грубый сарказм Метцова выводил Майлза из себя. Этот человек все еще думает, что он побеждает. Ненормальный.

К этому моменту голые ступни Майлза чувствовали странное тепло, а ресницы покрылись хрустящим инеем. Он быстро догонял остальных на пути к смерти от переохлаждения, и происходило это, наверняка, из-за маленькой массы его тела, которое начало покрываться фиолетовыми пятнами.

Покрытая снегом база окуталась в полную тишину. Он почти слышал, как снежинки скользили по плоскому льду. Он слышал, как дрожали кости в каждом из окружавших его людей, мог распознать глухое испуганное дыхание пехотинцев. Время замедлило свой бег...

Он мог бы пригрозить Метцову, разрушить его самодовольство туманными намеками о Комарре, «правда всплывет...». Он мог бы напомнить о ранге и положении своего отца. Он мог бы... Черт возьми, Метцов должен осознать, что он зашел слишком далеко, как бы безумен он ни был. Его блеф с дисциплинарным парадом не сработал, и сейчас он застрял в нем, готовый твердо защищать свой авторитет вплоть до смертельного исхода. «Он может быть странным образом опасен, если ему по-настоящему угрожать...» Было действительно сложно увидеть сквозь садизм лежащий под ним страх. Но он должен быть там, внутри... Напор не получился. Метцов просто окаменел, сопротивляясь ему. Как насчет отступления?

— Но подумайте, сэр, — слова убеждающе поскакали из Майлза, — какие могут быть преимущества, если вы сейчас все прекратите. У вас сейчас есть добротные доказательства мятежного, э, заговора. Вы можете нас всех арестовать и бросить за решетку. Это лучший способ мести, потому что вы получите все и не потеряете ничего. Я потеряю карьеру, получу унижительное увольнение или, может быть, тюрьму — неужели вы думаете, что я не предпочел бы умереть? Армейская СБ накажет за вас остальных. Вы получаете все.

Он клянул на слова Майлза. Майлз видел это по тому, как уходил красный отблеск из прищуренных глаз, как слегка склонилась эта жесткая, жесткая шея. Теперь нужно было выпустить леску, не дергать ее и не возбуждать снова боевую лихорадку Метцова. «Подожди...»

Метцов шагнул ближе, возвышаясь в полумраке, окруженный клубами своего

замерзающего дыхания. Его тон упал ниже, так что его мог слышать только Майлз.

— Типичный ответ мягкого Форкосигана. Твой отец был мягок с комаррским отребьем. И это стоило нам жизни. Трибунал для сынка адмирала — это может стянуть сукиного сына с его пьедестала, а?

Майлз проглотил ледяной плевок. «Те, кто не знают своей истории, — пронеслась у него в голове мысль, — обречены повторять ее». Увы, кажется, те, кто ее знают, обречены на то же.

— Сожгите проклятый фетаин, — шепнул он хрипло, — и увидите.

— Вы все арестованы, — внезапно выкрикнул Метцов, сгорбившись. — Одевайтесь.

Остальные выглядели ошеломленными от облегчения. Бросив последний неуверенный взгляд на нейробластеры, они кинулись к своей одежде, натягивая ее трясущимися, неловкими от холода руками. Но Майлз еще шестьдесят секунд назад увидел в глазах Метцова, как все кончилось. Это напомнило ему определение, данное его отцом: «Оружие — это устройство, которым можно заставить врага изменить свое мнение». Именно разум был первым и последним полем битвы, а все остальное — просто шум.

Лейтенант Яски воспользовался возможностью, которую предоставил ему Майлз, привлекий всеобщее внимание своим появлением на сцене в обнаженном виде, и тихонько исчез в административном корпусе, где сделал несколько отчаянных звонков. В результате командующий пехотинцами, врач базы и заместитель Метцова прибыли, готовые убеждать или, может быть, усыпить Метцова и закрыть его где-нибудь. Но к тому времени Майлз, Бонн и техники уже оделись и маршировали, спотыкаясь, по направлению к бункеру гауптвахты под бдительным взглядом нейробластеров.

— Д-должен ли я поб-благодарить вас за это? — спросил Майлза Бонн сквозь стучащие зубы. Их руки и ноги разлетались как парализованные: он облокотился на Майлза, Майлз на него, и они вместе ковыляли по дорожке.

— Мы получили, что хотели, да? Он сожжет фетаин на месте, прежде чем ветер переменится утром. Никто не умрет. Ницьи яйца не сварятся. Мы выиграли. Я думаю, — Майлз издал замогильный смешок через онемевшие губы.

— Никогда не думал, — прохрипел Бонн, — что встречу кого-нибудь более сумасшедшего, чем Метцов.

— Я не сделал ничего, чего не сделали вы, — запротестовал Майлз. — За исключением того, что я заставил это сработать. Вроде того. В любом случае, утром это все будет выглядеть по-другому.

— Ага. Хуже, — мрачно предсказал Бонн.

Шипящий звук открывающейся двери вырвал Майлза, лежавшего на койке в камере, из тяжелой дремоты. Это привели обратно Бонна. Майлз потер ладонями небритое лицо:

— Сколько там уже времени, лейтенант?

— Светает, — Бонн с болезненным стоном опустил на свою койку. Он выглядел столь же бледным, небритым и явно преступным типом, каким ощущал себя сам Майлз.

— Что там творится?

— Всюду шныряет армейская СБ. С материка прислали капитана, который, похоже, у них за главного. Только что прибыл. Думаю, Метцов взял его в оборот. Пока что они снимают показания.

— О фетаине они позаботились?

— Угу, — у Бонна вырвался угрюмый смешок. — Меня только что возили все проверить и подтвердить завершение работ. Все путем, из бункера получилась отличная печка.

— Мичман Форкосиган, вас требуют, — объявил охранник, который привел Бонна. — Следуйте за мной.

Майлз со скрипом поднялся и захромал к двери камеры:

— До встречи, лейтенант.

— Ага. Если вы там приметите кого-нибудь, несущего завтрак, почему бы вам не использовать ваше политическое влияние и не прислать его ко мне, ладно?

Майлз слабо улыбнулся:

— Попытаюсь.

Майлз проследовал за охранником по короткому коридору. Нельзя сказать, что гауптвахта базы Лажковского была особо охраняемым объектом. Она представляла собой всего лишь бункер с жилыми помещениями без окон, двери которых закрывались только снаружи. Здешний климат был лучшим сторожем, чем любой силовой экран, не говоря уже о 500-километровом наполненном ледяной водой защитном рве, окружающем остров.

Этим утром кабинет службы безопасности базы выглядел по деловому. Два мрачных незнакомца стояли в ожидании у дверей: лейтенант и крупного телосложения сержант — оба в вылизанных формах с нашивками в виде глаза Гора — эмблемой Имперской СБ. Не армейской, а именно Имперской Службы Безопасности — можно сказать, собственной СБ Майлза — той, что охраняла его семью все время политической жизни его отца. Майлз смотрел на них с позиций довольного собственника.

Секретарь службы безопасности базы суетился, его настольная консоль светила и мигала.

— Мичман Форкосиган, мне нужен отпечаток вашей ладони.

— Хорошо. Что я подписываю?

— Просто дорожные документы, сэр.

— Что? Э... — Майлз помедлил, подняв руки, одетые в пластиковые перчатки. — Которая?

— Правая, я думаю, подойдет, сэр.

Майлз с трудом стянул правую перчатку неуклюжей левой. Его рука блестела, покрытая медицинским гелем, который должен был вылечить обморожение. Кисть опухла, покрылась красными пятнами и выглядела какой-то перекрученной, но гель, должно быть, работал: все пальцы уже сгибались. Пришлось три раза прикладывать руку к идентификационной панели, чтобы компьютер опознал его.

— Теперь вашу, сэр, — секретарь кивнул лейтенанту Имперской СБ. Представитель органов безопасности приложил руку к панели, и компьютер просигналил подтверждение. Офицер поднял руку и с сомнением взглянул на липкую блестящую субстанцию. Он оглянулся в безуспешных поисках полотенца и в конце концов потихоньку вытер ее о шов брюк под кобурой парализатора. Секретарь нервно протер панель рукавом формы и нажал кнопку интеркома.

— Как я рад вас видеть, ребята, — сказал Майлз офицеру СБ. — Жаль, что прошлой ночью вас здесь не было.

Лейтенант не улыбнулся в ответ:

— Я всего лишь курьер, мичман. Я не уполномочен обсуждать ваше дело.

Генерал Метцов вынырнул из двери, ведущей во внутренний кабинет, с пачкой пластиковых листов в руке и в сопровождении капитана армейской СБ, который настороженно кивнул своему коллеге из имперской службы. Генерал почти улыбался.

— Доброе утро, мичман Форкосиган, — он окинул взглядом представителей Имперской СБ без всякого смущения. Черт, да их вид должен был заставить этого почти что убийцу дрожать с головы до ботинок. — Кажется, в этом деле есть тонкость, которую не осознавал даже я. Когда фор-лорд принимает участие в военном мятеже, ему автоматически предъявляется обвинение в измене.

— Что? — Майлз сглотнул и понизил голос: — Лейтенант, я же не арестован Имперской СБ, правда?

Лейтенант вынул наручники и пристегнул Майлза к сержанту-великану. На его значке стояло имя «Оверхолт», которое Майлз мысленно переделал в «Оверкилл». Сержанту достаточно было бы просто поднять руку, чтобы Майлз повис на ней как котенок.

— Вы задержаны на время проведения следствия, — ответил лейтенант официально.

— На какой срок?

— На неопределенный.

Лейтенант направился к двери, сержант и, вынужденно, Майлз последовали за ним.

— Куда? — взволнованно спросил Майлз.

— Штаб Имперской СБ.

«Форбарр-Султана!»

— Мне нужно собрать вещи...

— Ваша комната уже освобождена.

— Я сюда вернусь?

— Я не знаю, мичман.

Когда гусеничный скутер доставил их на взлетную площадку для шаттлов, поздний рассвет окрасил лагерь «Вечная мерзлота» серыми и желтыми тонами. Суборбитальный курьерский шаттл Имперской СБ сидел на ледяной площадке как хищная птица, случайно помещенная в голубятню. Гладкий, черный, смертоносный — казалось, он превышал скорость звука просто стоя здесь на стоянке. Его пилот был наготове, двигатели заправлены для взлета.

Майлз неуклюже прошаркал по трапу следом за сержантом Оверкиллом. Наручники холодно дергались на его запястье. Маленькие ледяные кристаллы плясали в северо-западном ветре. Температура этим утром стабилизируется, он чувствовал это по особенному сухому покалыванию в своих носовых пазухах. О Господи, давно пора сниматься с этого острова.

Майлз сделал последний резкий вдох, затем дверь шаттла со змеиным шипением закрылась за ним. Внутри стояла ватная тишина, которую едва пробивало даже завывание двигателей. По крайней мере, здесь было тепло.

Глава 6

Осень в Форбарр-Султане — прекрасное время года, и сегодняшний день мог служить тому примером. Небо было голубым и чистым, воздух — в меру прохладным, и даже острый запах промышленных выхлопов казался приятным. Мороз еще не побил осенние цветы, но листья на деревьях земного происхождения уже поменяли свой цвет. Пока Майлза вытряхивали из служебного фургона СБ и вели к заднему входу в высокое массивное здание, в котором размещалась штаб-квартира Имперской СБ, Майлз заметил одно такое деревце: земной клен слистовой цвета сердолика и серебристо-серым стволом, стоявший на другой стороне улицы. Потом двери закрылись. Майлз удерживал образ этого дерева перед своим мысленным взором, стараясь запомнить все детали на случай, если никогда больше его не увидит.

Лейтенант СБ достал пропуска, которые позволили Майлзу и Оверхолту быстро пройти охрану на входе, после чего он повел их по лабиринту коридоров к двум лифтовым шахтам. Они воспользовались подъемником, ведущим наверх, а не вниз. Значит, Майлза не повели сразу в сверхнадежный тюремный блок, находящийся под зданием. Майлз прикинул, что это означает, и с тоской пожалел, что они не воспользовались другим подъемником.

Их провели в приемную на верхнем этаже, мимо капитана СБ, а потом во внутренний кабинет. Худой, неприметный, одетый в гражданское мужчина с темно-русыми волосами, сидящими на висках, сидел за своей огромной настольной ком-консолью, глядя на видео. Он поднял взгляд на эскорт Майлза.

— Спасибо, лейтенант, сержант. Вы можете идти.

Оверхолт отцепил Майлза от своего запястья, а лейтенант спросил:

— Э, вы будете в безопасности, сэр?

— Полагаю, что да, — сухо ответил мужчина.

«Ага, а как насчет меня?» — мысленно завыл Майлз.

Сержант и лейтенант вышли, оставив Майлза в одиночестве стоять в буквальном

смысле на том самом ковре, на который его вызвали. Немытый, небритый, все еще одетый в пованивающую черную рабочую форму, которую он натянул когда? — только вчера вечером? Лицо обветрено, опухшие руки и ноги все еще вложены в пластиковые медицинские рукавицы — пальцы ног в данный момент скручивались в хлюпающем геле. Ботинок нет. Под тяжестью нервного, волной накатывающего переутомления он подремал во время двухчасового полета на шаттле, но не почувствовал себя ни капельки свежее. Горло пересохло, нос заложило, при каждом вдохе он чувствовал боль в груди.

Саймон Иллиан, начальник барраярской Имперской службы безопасности, скрестил руки перед собой и медленно осмотрел Майлза сначала с головы до ног, а затем в обратном направлении. Майлз испытал какое-то искаженное чувство дежа-вю.

Практически каждому на Барраяре имя этого человека внушало страх, хотя немногие знали его в лицо. Этот эффект тщательно культивировался Иллианом и основывался частично — но только частично — на наследии его внушающего ужас предшественника — легендарного шефа безопасности Негри. Иллиан и его департамент, в свою очередь, обеспечивали безопасность отца Майлза в течение двадцати лет его политической карьеры и оступились лишь однажды, в ночь небезызвестной солтоксиновой атаки. Навскидку Майлз не знал никого, кто внушал бы страх Иллиану, за исключением матери Майлза. Однажды Майлз спросил отца, было ли причиной тому чувство вины — за историю с солтоксином, но граф Форкосиган ответил, что нет, это просто продолжительный эффект очень яркого первого впечатления. Майлз называл Иллиана «дядя Саймон» всю свою жизнь, пока не поступил на службу, после чего стал обращаться к нему «сэр».

Вглядываясь сейчас в лицо Иллиана, Майлз подумал, что он наконец понял разницу между раздражением и крайним раздражением. Иллиан закончил свой осмотр, покачал головой и протянул:

— Замечательно. Просто замечательно.

Майлз откашлялся.

— Я... правда арестован, сэр?

— Это как раз то, что должна определить наша беседа, — Иллиан вздохнул, откидываясь в кресле. — Я на ногах с двух ночей из-за этой эскапады. Слухи разносятся по всем службам со скоростью видеосети. Похоже, факты мутируют каждые сорок минут, как бактерии. Я полагаю, ты не мог выбрать себе какой-нибудь более публичный путь к самоуничтожению? Скажем, попытаться убить императора перочинным ножом во время парада в честь его дня рождения? Или изнасиловать овцу на Главной площади в час пик? — Сарказм растаял, уступив место искренней боли. — У него были такие надежды на тебя. Как ты мог так его подставить?

Не было нужды спрашивать, кого «его». *Того самого* Форкосигана.

— Я... не думаю, что я его подставил, сэр. Я не знаю.

На ком-консоли Иллиана замигал огонек. Он выдохнул, бросив острый взгляд на Майлза, и коснулся управляющей панели. Вторая — потайная — дверь в его кабинет, скрытая в стене справа от его стола, отъехала, открываясь, и внутрь вошли два человека в парадной зеленой форме. Премьер-министр адмирал граф Эйрел Форкосиган носил военную форму так же естественно, как животное носит свой мех. Это был человек не более чем среднего роста, плотного сложения, с серыми волосами, тяжелым подбородком, весь в шрамах — тело почти что головореза и в то же время взгляд пронизательный более, чем у кого-либо из известных Майлзу людей. Его сопровождал помощник — высокий блондин — лейтенант Джоул. Майлз встречал Джоула, когда в последний раз приезжал домой в увольнение. Надо сказать, это был отличный офицер, храбрый и способный. Он служил в космосе, был награжден за смелость и расторопность, проявленные во время опасной аварии на борту, занимал различные должности в Генштабе, пока оправлялся от ран, и премьер-министр, у которого был нюх на яркие молодые таланты, вскорости заграбастал его себе в качестве военного секретаря. Он был столь ослепителен и безупречен с головы до ног, что ему следовало бы сниматься в зазывающих на военную службу видеороликах. Майлз

вздыхал от безнадежной зависти каждый раз, когда пересекался с ним. Джоул был даже хуже, чем Айвен, который хоть и был по-настоящему красив, никогда не обвинялся в обладании большими способностями.

— Спасибо, Джоул, — пробормотал граф Форкосиган своему помощнику, когда его взгляд отыскал Майлза. — Увидимся в офисе.

— Да, сэр, — отосланный таким образом, Джоул нырнул обратно за дверь, и пока она с шипением закрывалась, бросил на Майлза и своего шефа обеспокоенный взгляд.

Иллиан все еще держал руку прижатой к контрольной панели на столе.

— Вы здесь официально? — спросил он графа Форкосигана.

— Нет.

Иллиан что-то отключил — записывающее устройство, как догадался Майлз.

— Очень хорошо, — ответил Иллиан, от себя лично примешав в интонацию некоторое сомнение.

Майлз отсалютовал отцу. Тот проигнорировал салют и обнял Майлза серьезно и молча, после чего сел, скрестив руки и обутые в ботинки лодыжки, в единственное, помимо хозяйского, кресло в комнате и произнес:

— Продолжай, Саймон.

Иллиан, которого прервали в середине того, что грозило превратиться, по прикидкам Майлза, в настоящую классическую головомойку, досадливо пожевал губу.

— Ладно, слухи в сторону, — Иллиан обратился к Майлзу, — что же действительно стряслось прошлой ночью на этом чертовом острове?

В самой нейтральной и сжатой форме, какую он мог себе позволить, Майлз описал события предыдущей ночи, начиная с утечки фетаина и заканчивая его арестом/задержанием/будет-определено-чем, проведенным Имперской СБ. Его отец ничего не сказал за время всего повествования, но у него в руке было световое перо, которым он задумчиво поигрывал: туда-сюда, *тук* по коленке, и опять туда-сюда.

Когда Майлз закончил, воцарилось молчание. Световое перо выводило Майлза из себя. Ему хотелось, чтобы отец отложил эту чертову штуку в сторону или уронил, или что-нибудь еще. Слава Богу, отец сунул световое перо обратно в нагрудный карман, откинулся в кресле и, сложив пальцы домиком, нахмурился:

— Так, давай уточним. Ты говоришь, Метцов перескочил цепочку командования и затащил проходящих боевую подготовку солдат в свою расстрельную команду?

— Десятерых. Не знаю, были они добровольцами или нет, меня там не было.

— Неподготовленных солдат, — лицо графа Форкосигана потемнело. — Мальчишек.

— Он бормотал, что это, мол, похоже на противостояние армии и флота в прежние времена, на Старой Земле.

— Вот как? — хмыкнул Иллиан.

— Не думаю, что Метцов был до конца уравновешен, когда его сослали на остров Кайрил после проблем во время Комаррского восстания, и пятнадцать лет невеселых размышлений на эту тему вовсе не пошли ему на пользу, — Майлз помедлил. — Будет ли вообще генерал Метцов допрошен по факту своих действий, сэр?

— Генерал Метцов, по твоим показаниям, — ответил адмирал Форкосиган, — втянул взвод восемнадцатилетних парней в то, что чуть не превратилось в массовые пытки и убийства.

Майлз кивнул, вспоминая. Его тело все еще вздрагивало от приступов разных видов боли.

— За этот грех, едва ли на Земле найдется место, где он бы мог укрыться от гнева моего. О Метцове позаботятся, не беспокойся, — граф Форкосиган был пугающе мрачен.

— Как насчет Майлза и мятежников? — спросил Иллиан.

— Боюсь, по необходимости нам придется рассматривать это как отдельное дело.

— Или два отдельных дела, — предложил Иллиан.

— Хм. Так, Майлз, расскажи мне о людях по другую сторону стволов.

— Техники, сэр, в большинстве своем. Много греков.

Иллиан дернулся:

— О Господи, неужто у него совсем нет политического чутья?

— Такого не заметил. Я подумал, что это может оказаться проблемой.

Ну, точнее, он подумал об этом потом, лежа без сна на койке в камере, после того как ушла медицинская команда. Разные побочные политические аспекты происшедшего крутились у него в мозгу. Более половины медленно замерзавших техников принадлежали к грекоговорящему меньшинству. Если бы дошло до бойни, сепаратисты по языковому признаку начали бы беспорядки на улицах, наверняка заявив, что приказ генерала именно грекам зачищать отравляющее вещество был проявлением расизма. Новые жертвы, хаос, эхом отдающийся во времени, вроде последствий Солстистской Бойни.

— Мне... подумалось, что я если я умру с ними, по крайней мере, будет совершенно ясно, что это не было каким-то заговором твоего правительства или форской олигархии. Так что если бы я выжил, я бы выиграл, а если бы умер, выиграл бы тоже. Или, по крайней мере, сослужил бы добрую службу. Своего рода стратегия.

Величайший барраярский стратег этого столетия потер виски, как будто унимая боль.

— Что ж... своего рода, да.

— Итак, — Майлз сглотнул, — что будет сейчас? Мне предъявят обвинение в государственной измене?

— Второй раз за четыре года? — спросил Иллиан. — Черт возьми, нет. Я не намерен снова проходить через все это. Я просто заставляю тебя исчезнуть, пока все не кончится. Куда, я пока еще не решил. Остров Кайрил не подходит.

— Рад это слышать, — Майлз прищурился. — А как насчет остальных?

— Солдат? — спросил Иллиан.

— Техников. Моих... соратников по мятежу.

Иллиана передернуло от такой терминологии.

— Было бы серьезной несправедливостью, если бы я, проскользнув по линии форских привилегий, оставил бы их одних отвечать по таким обвинениям, — добавил Майлз.

— Публичный скандал, связанный с предъявлением тебе обвинения, повредил бы центристской коалиции твоего отца. Твои угрызания совести, может быть, и похвальны, Майлз, но я не уверен, что могу их себе позволить.

Майлз пристально посмотрел на премьер-министра графа Форкосигана.

— Сэр?

Граф Форкосиган задумчиво покусывал нижнюю губу.

— Да, я мог бы аннулировать обвинения против них. Имперским указом. Однако это будет иметь свою цену, — он решительно наклонился вперед, пронзая Майлза взглядом. — Ты никогда больше не сможешь служить. Слухи разлетятся и без всяких обвинений. Ни один командир не захочет после этого иметь с тобой дело. Никто не сможет доверять тебе, никто не сможет быть уверен, что ты настоящий офицер, а не креатура, защищаемая особыми привилегиями. Твоему командиру пришлось бы все время оглядываться себе за спину, я не могу никого просить о таком.

Майлз сделал глубокий выдох.

— В каком-то диком смысле, это были мои люди. Сделай это. Сними обвинения.

— Значит, ты подашь в отставку? — спросил Иллиан. Он выглядел больным.

Майлз не только выглядел, но и чувствовал себя больным, его тошнило, и он замерз.

— Подаю, — его голос был едва слышен.

Иллиан, с отрешенной задумчивостью уставившийся в свою ком-консоль, вдруг поднял взгляд.

— Майлз, а как ты узнал о сомнительных действиях генерала Метцова во время Комаррского восстания? Это дело было засекречено.

— Э... Разве Айвен не рассказал вам о маленькой утечке в базе СБ, сэр?

— Что?!

Черт бы побрал Айвена.

— Могу я сесть, сэр? — слабым голосом спросил Майлз. Комната качалась, в голове стучало. Не ожидая разрешения, он сел на ковер, скрестив ноги и моргая. Его отец взволнованно дернулся в его сторону, но потом остановил себя.

— Я проверял прошлое Метцова из-за некоторых слов, сказанных мне лейтенантом Аном. Кстати, когда будете разбираться с Метцовым, я настоятельно рекомендую сначала допросить с фастпенталом Ана. Он знает больше, чем сказал. Вы найдете его где-то на экваторе, как я думаю.

— Мои файлы, Майлз!

— А, да. Ну, так получается, что если вы повернете защищенную консоль к консоли внешней связи, то сможете прочесть секретные документы в любой точке видеосети. Конечно, для этого надо иметь кого-то в Генштабе, кто мог бы и хотел направить консоли и вызывать для вас файлы. Скачать их, конечно, тоже не удастся. Но я, э, подумал, что вам следует об этом знать, сэр.

— Абсолютная безопасность, — произнес граф Форкосиган сдавленным голосом. Сдавленным от смеха, как с удивлением понял Майлз.

Иллиан выглядел, как человек, жуящий лимон.

— Как ты, — начал Иллиан, остановился, свирепо взглянув на графа, и начал снова: — Как ты до этого дошел?

— Это было очевидно.

— Сверхнадежная защита, так ты говорил, — пробормотал граф Форкосиган, безуспешно пытаясь сдержать хриплый смех. — Самая дорогая из ныне существующих систем. Защита от самых умных вирусов, самого изощренного подслушивающего оборудования. И два мичмана проскочили прямо сквозь нее?

Уязвленный, Иллиан выпалил:

— Я не обещал, что она будет защищать от идиотов!

Граф Форкосиган вытер слезы и вздохнул:

— Ох уж этот человеческий фактор. Мы исправим дефект, Майлз. Спасибо.

— Да ты просто вышедшая из-под контроля пушка, парень, стреляющая во всех направлениях, — прорычал Иллиан, изгибая шею, чтобы увидеть через стол Майлза, обмякшей кучей сидевшего на ковре. — Это, плюс к твоей предыдущей эскападе с теми проклятыми наемниками, плюс все остальное... Домашнего ареста просто недостаточно. Я не буду спать по ночам, пока не запру тебя в камеру со связанными сзади руками.

Майлз, которому казалось, что он сейчас мог бы убить за час полноценного сна, только пожал плечами. Может быть, удастся убедить Иллиана отпустить его в эту милую тихую камеру поскорее.

Граф Форкосиган молчал, странный задумчивый свет разгорался в его глазах. Иллиан тоже заметил выражение его лица и замолчал.

— Саймон, — сказал граф Форкосиган, — без сомнения, Имперская СБ должна продолжать присматривать за Майлзом. Ради его блага и ради моего.

— И блага Императора, — вставил Иллиан сурово. — И Барраяра. И ни в чем не повинных прохожих.

— Но разве есть лучший, более прямой и эффективный способ для СБ следить за ним, чем если он сам будет приписан к Имперской СБ?

— Что? — воскликнули Иллиан и Майлз вместе, одинаково испуганными голосами. — Вы это не серьезно, — продолжил Иллиан, а Майлз добавил: — Служба безопасности никогда не была в десятке моих наиболее предпочтительных назначений.

— Не предпочтения. Способности. Майор Сесил, как я вспоминаю, обсуждал это однажды со мной. Но как говорит Майлз, подобное назначение не входило в его планы.

Насколько помнил Майлз, в его планы не входило и назначение арктическим метеорологом.

— Вы были правы в том, что говорили до этого, — сказал Иллиан. — Ни один

командир на службе императора не захочет иметь с ним дело. Не исключая и меня.

— Ни один, кого бы я мог честным образом склонить к тому, чтобы его взять. Исключая тебя. Я всегда, — граф Форкосиган выдал особую улыбку, — полагался на тебя, Саймон.

Иллиан выглядел слегка ошеломленным, как выдающийся тактик, начинающий замечать, что его обошли.

— Это сработает на нескольких уровнях, — граф Форкосиган продолжал все тем же мягким убеждающим тоном. — Мы можем представить дело так, что это своего рода неофициальное внутреннее изгнание, понижение в должности с позором. Это усыпит моих политических противников, которые в противном случае попытались бы извлечь какую-нибудь выгоду из этой заварухи. Это сгладит впечатление, что мы сквозь пальцы смотрим на мятеж, что не может себе позволить ни одна военная организация.

— Настоящее изгнание, — произнес Майлз. — Пусть даже и неофициальное, и внутреннее.

— О да, — мягко согласился граф Форкосиган. — Но, э... не настоящий позор.

— Ему можно доверять? — с сомнением задал вопрос Иллиан.

— Очевидно, — улыбка графа была как блеск острого ножа. — СБ может использовать его таланты. СБ более, чем какой-либо другой департамент, нуждается в его талантах.

— Чтобы видеть очевидное?

— И менее очевидное. Многим офицерам можно доверить жизнь императора. Гораздо меньше тех, кому можно доверить его честь.

Неохотно, Иллиан сделал рассеянный жест в знак согласия. Граф Форкосиган, возможно, чтобы не испортить дело, решил не выжимать в данный момент из своего шефа безопасности больше энтузиазма. Вместо этого, он повернулся к Майлзу и заметил:

— Ты выглядишь так, будто нуждаешься в госпитализации.

— Я нуждаюсь в постели.

— Как насчет постели в госпитале?

Майлз кашлянул и устало моргнул:

— Да, подойдет.

— Пойдем, найдем какую-нибудь.

Майлз встал и, шатаясь, пошел из кабинета, опираясь на руку отца и хлюпая ногами в пластиковых сумках.

— Помимо упомянутого, как вам понравился остров Кайрил, мичман Форкосиган? — спросил граф. — Ты не часто звонил домой, как заметила твоя мать.

— Я был занят. Так, посмотрим... Климат был зверский, почва смертельна, треть населения, включая моего непосредственного начальника, большую часть времени пьяна. Средний IQ равнялся средней температуре в градусах Цельсия, в пределах пятисот километров в любом направлении не было ни одной женщины, а командующий базы был склонным к убийству психопатом. Помимо упомянутого, все было чудесно.

— Похоже, это место ни капельки не изменилось за двадцать пять лет.

— Ты там был? — Майлз скосил на него глаза. — И все-таки позволил послать туда меня?

— Как-то мне довелось командовать базой Лажковского пять месяцев, пока я ждал своего назначения капитаном крейсера «Генерал Форкрафт». В этот период моя карьера находилась, так сказать, в политическом затмении.

Так сказать.

— И как тебе там было?

— Я немного помню. Я был пьян большую часть времени. Каждый находит собственный способ выживания в лагере «Вечная мерзлота». Могу сказать, ты справился лучше, чем я.

— Я нахожу ваше дальнейшее выживание... обнадеживающим, сэр.

— Я так и подумал. Поэтому и упомянул про это. При другом раскладе это вряд ли тот

опыт, который мог бы служить примером.

Майлз посмотрел на отца.

— Я... поступил правильно, сэр? Прошлой ночью?

— Да, — просто сказал граф. — Правильно. Возможно, это был не лучший из всех возможных правильных вариантов. Через три дня тебе может придти в голову и более умная тактика, но в тот момент ты был на поле сражения. Я стараюсь не критиковать действия своих боевых командиров задним числом.

Впервые с того момента, как он покинул остров Кайрил, Майлзу стало легче на сердце.

Майлз подумал, что отец, возможно, отвезет его в огромный и знакомый комплекс Имперского военного госпиталя, находящийся в нескольких километрах езды по городу, но они нашли лазарет и поближе, на три этажа ниже в здании штаб-квартиры СБ. Заведение было небольшим, но полностью оборудованным, с парой комнат для проведения осмотра, отдельными палатами, камерами для лечения заключенных и охраняемых свидетелей, операционной и, наконец, закрытой дверью со зловещей табличкой «Лаборатория химического допроса». Должно быть, Иллиан сделал предварительный звонок, так как санитар уже фланировал по приемному покою, ожидая их прихода. Вскоре прибыл и штатный врач СБ, слегка запыхавшийся. Прежде чем заняться Майлзом, он поправил на себе форму и строго по уставу отдал честь графу Форкосигану.

Майлз предположил, что врачу было более привычно заставлять людей нервничать, чем самому нервничать в их присутствии, и что из-за такой смены ролей он чувствовал себя не в своей тарелке. Была ли причиной некая аура прошлого насилия, все еще прилипшая к его отцу после стольких лет? Его власть, его история? Какая-то личная харизма, которая заставляла напористых во всем прочем людей поджимать хвосты в его присутствии? Майлз совершенно отчетливо чувствовал это идущее от отца излучение, но все же, кажется, оно не влияло на него так, как на других.

Наверное, имела место акклиматизация. В свою бытность лордом-регентом отец обычно брал двухчасовой перерыв на обед каждый день, независимо от каких-либо кризисов, за исключением разве что войны, и исчезал в своей резиденции. Только Майлз знал, как эти часы выглядели изнутри, как большой человек в зеленой форме в пять минут заглатывал сэндвич, а затем проводил следующие полтора часа на полу со своим не способным ходить сыном — играл, разговаривал, читал ему вслух. Иногда, когда Майлз замыкался в истерике, сопротивляясь какой-нибудь новой болезненной терапии, повергая в отчаяние свою мать и даже сержанта Ботари, его отец был единственным, кто обладал достаточной твердостью, чтобы *настоять* на этих десяти дополнительных болезненных растяжках на ноге или на вежливом согласии на гипоспрей, еще один курс хирургии или ледяных препаратов, обжигающих его вены. «Ты фор. Ты не должен пугать своих вассалов подобными капризными номерами, лорд Майлз». Острый запах лазарета и напряженный доктор вызвали в нем волну воспоминаний. Не удивительно, подумал Майлз, что он не смог в достаточной степени испугаться Метцова. Когда граф Форкосиган ушел, лазарет, казалось, совсем опустел.

На этой неделе, похоже, в штаб-квартире Имперской СБ мало что происходило. В лазарете царил оцепенелое спокойствие, сюда текла лишь тонкая струйка посетителей из числа персонала штаб-квартиры, приходивших, чтобы выклянчить у сговорчивого санитаря лекарство от головной боли, простуды или похмелья. Однажды вечером двое техников три часа с шумом возились в лаборатории, выполняя срочное задание, после чего срочно же удалились. Доктор успел захватить раннюю стадию пневмонии, пока она не переросла в пневмонию скоротечную. Майлз проводил время в невеселых размышлениях, ждал, пока пройдет шестидневный курс лечения антибиотиками, разрабатывал детали времяпровождения дома в Форбарр-Султане, куда он непременно проследует, когда медики его отпустят.

— Почему я не могу пойти домой? — пожаловался Майлз матери в ее следующее

посещение. — Никто мне ничего не говорит. Если я не арестован, почему не могу навестить дом? Если арестован, почему двери не закрыты? Я чувствую себя как в чистилище.

Графиня Корделия Форкосиган совсем не аристократически фыркнула:

— Ты и есть в чистилище, детка.

Ее ровный бетанский акцент был приятен слуху Майлза, несмотря на сардонический тон. Она вскинула голову — сегодня ее светло-рыжие волосы были убраны с лица и заколоты сзади, они волнами падали ей на спину, поблескивая на фоне роскошного коричневого осеннего жакета, отделанного серебряным шитьем, и великолепной юбки, достойной женщины из класса форов. Серые глаза на привлекающем внимание бледном лице казались столь живыми из-за светящегося в них ума, что редко кто замечал, что она не была красива. Двадцать один год она играла роль фор-леди, почтенной матроны, стоящей за спиной своего Великого Мужчины, и все же до сих пор казалась неизменно равнодушной к барраярской иерархии, хотя при этом, подумал Майлз, не оставалась равнодушной к барраярским ранам.

«Так почему же я никогда не думаю о своем намерении командовать кораблем, как о том, что до меня делала моя *мать*?»

Капитан Корделия Нейсмит — Бетанский Астроэкспедиционный корпус — участвовала в рискованном деле расширения сети червоточин, совершая один слепой прыжок за другим. Ради человечества, ради чистого знания, ради экономического процветания Колонии Бета, ради... Что же ей двигало? Ведь она командовала экспедиционным кораблем с командой из шестидесяти человек, далеко от дома и какой-либо помощи... Впрочем, в ее бывшей карьере были некоторые завидные аспекты. Например, цепочка командования в дальнем полете была не более чем юридической фикцией, а желания бетанского Генштаба — предметом обсуждения и догадок.

Она сейчас так гармонично участвовала в барраярском обществе, что только те, кто мог очень близко наблюдать ее, понимали, насколько отделена она от него: никого не боявшаяся, даже зловещего Иллиана, никем не контролируемая, даже самым адмиралом. Именно это непринужденное бесстрашие, решил Майлз, беспокоило его в матери. Капитан адмирала. Следовать по ее стопам было бы все равно, что ступать по раскаленным углям.

— Как там дела? — спросил Майлз. — Здесь почти так же весело, как в одиночке, знаешь ли. Они в конце концов решили, что я мятежник?

— Не думаю, — ответила графиня. — Они увольняют остальных — твоего лейтенанта Бонна и прочих — не то чтобы с позором, но без льгот или пенсий, или этого статуса имперского вассала, который, кажется, значит так много для барраярских мужчин...

— Представь, что это такой особый тип резервистов, — посоветовал Майлз. — Как насчет Метцова и пехотинцев?

— Его увольняют точно так же. Я думаю, он потерял больше всего.

— Они его просто отпускают? — нахмурился Майлз.

Графиня Форкосиган пожала плечами:

— Так как не было смертей, Эйрела убедили, что он не может доводить дело до трибунала, чтобы использовать розгу побольше. Они решили не предъявлять молодым пехотинцам каких-либо обвинений.

— Хм. Я рад. Кажется. А, э... я?

— Ты остаешься официально задержанным Имперской СБ. На неопределенный срок.

— Что ж, чистилище и должно быть местечком с неопределенным сроком пребывания, — он потербил простыню. Костяшки пальцев все еще были опухшими. — Как долго?

— Настолько долго, чтобы это оказало ожидаемый психологический эффект.

— Что, чтобы я сошел с ума? Еще трех дней вполне достаточно.

Ее губы изогнулись:

— Достаточно долго, чтобы убедить барраярских милитаристов, что тебя как следует наказали за твое, э, преступление. Пока ты заперт в этом довольно зловещем здании, они вольны представлять, что тебя тут... Ну, что они там представляют про это место. Если тебе

позволить разъезжать по городу, устраивая вечеринки, будет намного труднее поддерживать иллюзию, что ты висишь вниз головой в подземелье.

— Все это кажется таким... нереальным, — он откинулся на подушку. — Я просто хотел служить.

Короткая улыбка слегка коснулась ее большого рта и вновь исчезла.

— Готов подумать о переходе на работу другого типа, любовь моя?

— Быть фором — больше, чем просто работа.

— Да, это патология. Навязчивое состояние. Там наверху огромная галактика, Майлз. Есть другие способы служить, и более крупные... объекты служения.

— Тогда почему ты остаешься здесь? — парировал он.

— А, — она слабо улыбнулась его атаке. — Потребности некоторых людей принуждают более, чем оружие.

— Говоря о папе, он еще придет?

— Мм. Нет. Я должна тебе передать, что он будет некоторое время соблюдать дистанцию. Чтобы не произвести впечатления, что он одобряет твой мятеж, в то время как, на самом деле, уводя тебя из-под лавины. Он решил публично на тебя рассердиться.

— А он правда рассердился?

— Конечно, нет. И все же... он уже начинал строить на твой счет определенные долгосрочные планы, в рамках своих социально-политических реформ, и они были основаны на том, что ты сделаешь прочную военную карьеру... Он видел пути, как заставить даже твои врожденные физические недостатки служить Барраюру.

— Да, знаю.

— Ну, не расстраивайся. Он без сомнений придумает способ использовать и это.

Майлз хмуро вздохнул:

— Я хочу что-нибудь *делать*. Я хочу получить свою *одежду*.

Мать поджала губы и покачала головой.

Этим вечером он попытался позвонить Айвену.

— Ты где? — с подозрением спросил Айвен.

— Застрял в чистилище.

— Ну и мне неохота испачкаться, — грубо ответил Айвен и отключился.

Глава 7

На следующее утро Майлза перевели в другое помещение. Сопровождающий провел его всего-навсего на один этаж ниже, разбив надежду Майлза вновь увидеть небо. Офицер ключом открыл дверь в одну из защищенных квартир, предназначенных для охраняемых свидетелей. И, как подумалось Майлзу, определенных политически несуществующих персон. Наверное, жизнь в чистилище делает его прозрачным наподобие хамелеона.

— Долго я буду здесь находиться? — спросил Майлз офицера.

— Не знаю, мичман, — ответил тот и ушел.

Его дорожный мешок, набитый одеждой, и наспех собранная коробка лежали на полу посередине комнаты. Все его пожитки с острова Кайрил, пахнущие плесенью и холодным дыханием арктической сырости. Он порылся в них — все, кажется, было на месте, включая его библиотеку по метеорологии, — после чего принялся осматривать свое новое жилище. Это было компактное однокомнатное помещение, скупо обставленное в стиле двадцатилетней давности: с несколькими удобными креслами, кроватью, простой кухонькой, пустыми настенными шкафчиками, полками и стенными шкафами. Никакой брошенной одежды, личных вещей или вообще чего-нибудь, что могло бы подсказать, кто был здесь предыдущим жильцом.

Здесь должны быть жучки. Любая блестящая поверхность могла скрывать видеообъектив, а подслушивающие устройства и вовсе могли быть установлены за

пределами комнаты. Но работали ли они? Или, что было бы даже более оскорбительно, Иллиан даже не озаботился, чтобы их включили?

Во внешнем коридоре сидел охранник, и стояли мониторы наблюдения, но у Майлза, кажется, в настоящий момент не было соседей. Он обнаружил, что может покинуть коридор и пройти по нескольким не самым закрытым секторам здания, но охрана у выхода, проинформированная о том, кто он такой, вежливо, но твердо развернула его обратно. Он мысленно представил, как пытается сбежать, спускаясь с крыши по веревке. Скорее всего, его пристрелят, и он тем самым разрушит карьеру какого-нибудь бедняги из охраны.

Какой-то офицер СБ, обнаружив Майлза бесцельно шатающимся по зданию, привел его обратно к его комнате, выдал пачку талончиков для пользования местным кафетерием и недвусмысленно намекнул, что ему были бы крайне признательны, если бы в промежутке между приемами пищи он никуда не выходил. После того, как он ушел, Майлз с болезненным любопытством подсчитал талончики, пытаясь угадать ожидаемую продолжительность его заточения. Талончиков было ровно сто. Майлз содрогнулся.

Он распаковал коробку и сумку, пропустил все, что можно, через акустическую чистку, чтобы избавиться от последних навязчивых запахов лагеря «Вечная мерзлота», развесил свою форму, почистил ботинки, аккуратно разместил свои вещи на нескольких полках, принял душ и переделался в свежую повседневную форму.

Час прошел. Сколько еще предстоит? Он пытался читать, но не мог сконцентрироваться, так что в конце концов просто сидел в самом удобном кресле, закрыв глаза и представляя, что эта герметично замкнутая, лишенная окон комната была каютой на космическом корабле. В открытом космосе.

Он сидел в том же самом кресле две ночи спустя, переваривая съеденный в кафетерии невкусный обед, когда раздался звонок в дверь.

Удивленный, Майлз выкарабкался из кресла и поковылял к двери, чтобы лично ее открыть. Вряд ли это была расстрельная команда, хотя кто знает.

Он почти пересмотрел свое допущение о расстрельной команде, когда увидел суровые лица офицеров Имперской СБ, одетых в парадную форму, которые ждали за дверью.

— Прошу прощения, мичман Форкосиган, — по-деловому пробормотал один из них и проскользнул мимо, начиная сканировать квартиру Майлза. Майлз удивленно моргнул, затем увидел того, кто стоял за офицерами в коридоре и выдохнул понимающее «а-а!». Повинуясь взгляду человека со сканером, Майлз послушно поднял руки и позволил себя просканировать.

— Чисто, сэр, — доложил человек со сканнером, и Майлз был уверен, что так оно и есть. Эти парни ни при каких обстоятельствах не срезали углы, даже в самом сердце СБ.

— Спасибо. Оставьте нас, пожалуйста. Можете подождать здесь, — сказал третий человек. Офицеры СБ кивнули и встали по стойке вольно по обе стороны от входа в комнату Майлза.

Так как оба они были одеты в повседневную офицерскую форму, Майлз обменялся с третьим человеком салютом, хотя на форме посетителя не было знаков ранга или рода войск. Он был худой, среднего роста, с темными волосами и пристальными карими глазами. Кривая улыбка промелькнула на серьезном молодом лице, которому не доставало веселых черт.

— Сир, — официально приветствовал посетителя Майлз.

Император Грегор Форбарра дернул головой, и Майлз закрыл дверь перед парочкой из СБ. Худой молодой человек слегка расслабился:

— Привет, Майлз.

— Привет и тебе. Э... — Майлз приглашающим жестом указал на кресла. — Добро пожаловать в мою скромную обитель. Жучки работают?

— Я просил, чтобы нет, но не удивлюсь, если Иллиан мне не подчинится, ради моего собственного блага, — скривился Грегор и последовал за Майлзом. В его левой руке покачивался пластиковый пакет, из которого раздавался приглушенный звон. Он уселся в

самое большое кресло, то, которое только что освободил Майлз, откинулся, перекинул ногу через подлокотник и устало вздохнул, как будто из него выпустили весь воздух. Он протянул пакет.

— Вот. Прекрасная анестезия.

Майлз взял пакет и заглянул внутрь. Бог ты мой, две бутылки вина, и уже охлажденные!

— Да благословит тебя господь, сын мой. Я уже несколько дней жалею, что не могу напиться. Как ты угадал? И вообще, как ты сюда пробрался? Я думал, у меня тут одиночное заключение.

Майлз поставил вторую бутылку в холодильник, нашел два стакана и выдул из них пыль. Грегор пожал плечами:

— Они едва ли могли меня удержать. Я, знаешь ли, потихоньку учусь настаивать на своем. Хотя, можешь быть уверен, Иллиан озаботился, чтобы мой частный визит был по-настоящему частным. И я могу остаться только до 25:00, — плечи Грегора опустились под тяжестью поминутного расписания. — Кроме того, религия твоей матери дарит что-то вроде хорошей кармы тем, кто навещает больных и заключенных, а я слышал, что ты и то, и другое в одном лице.

А, так это мать надоумила Грегора. Он мог бы догадаться по личному ярлыку Форкосиганов на бутылке — ого, она послала действительно хорошее вино. Майлз, до того небрежно державший бутылку за горлышко, понес ее с гораздо большим почтением. Ему было уже достаточно одиноко, чтобы он более обрадован, нежели смущен этим материнским вмешательством. Майлз открыл вино, разлил его по стаканам и, по барраярскому этикету, первым сделал глоток. Амброзия. Он запрыгнул в другое кресло, приняв почти ту же позу, что и Грегор:

— В любом случае, рад тебя видеть.

Майлз рассматривал своего друга детства. Если бы они были чуть ближе по возрасту — он и Грегор — они бы еще более вошли в роль молочных братьев. Граф и графиня Форкосиган были официальными опекунами Грегора со времен крови и хаоса Претендентства Фордариана. Тогда была собрана когорта детей, которых посчитали «безопасными» для Грегора. Майлз, Айвен и Елена, почти одногодки, и Грегор, уже тогда мрачно серьезный, терпеливо игравший в несколько более детские игры, чем он, наверное, предпочел бы.

Грегор поднял стакан и пригубил вино.

— Жаль, что для тебя все так скверно обернулось, — напрямую сказал он.

Майлз склонил голову:

— Короткий служащий, короткая служба, — он сделал глоток побольше. — Я надеялся послужить вне планеты. На корабле.

Грегор закончил Имперскую Академию двумя годами раньше, чем Майлз в нее поступил. Соглашаясь, он поднял брови:

— Все мы на это надеялись.

— У тебя был год действительной службы в космосе, — заметил Майлз.

— Большей частью на орбите. Делал вид, что совершал патрулирование — в окружении шаттлов СБ. Со временем это стало довольно болезненно, все это притворство. Делать вид, что я офицер, делать вид, что я занимаюсь работой, а не затрудняю простым своим присутствием работу для всех остальных... Тебе, по крайней мере, позволили по-настоящему рисковать.

— Могу тебя заверить, по большей части это был незапланированный риск.

— Я все более убеждаюсь, что в этом-то все и дело, — продолжал Грегор. — Твой отец, мой, наши деды — все прошли через настоящие военные конфликты. Так они стали настоящими офицерами, а не за счет этой... учебы.

Он сделал рубящее движение свободной рукой.

— Были втянуты в конфликты, — не согласился Майлз. — Военная карьера моего отца

официально началась в день, когда команда убийц Юрия Безумного ворвалась и перестреляла почти всю его семью. Думаю, ему было тогда одиннадцать или около того. Я бы без сожаления обошелся без подобного рода инициации, уж спасибо. Никто в здравом уме не пожелал бы себе такого.

— Мм, — хмуро согласился Грегор. Так же подавленный сегодня, догадался Майлз, мыслями о своем легендарном отце принце Серге, как и Майлз — о своем живом отце графе Форкосигане. Майлз ненадолго задумался о том, что он про себя обозначал как «Два Серга». Один — возможно, единственная версия, которая была известна Грегору? — был погибший герой, храбро принеший себя в жертву на поле сражения или, по крайней мере, без следов дезинтегрированный на орбите. Другая, засекреченная версия Серга: истеричный командир и развратный садист, чья ранняя смерть в злополучном эскобарском вторжении, возможно, была самой большой политической удачей, когда-либо выпадавшей на долю Барраяра... Позволено ли было хотя бы намекам на эту многогранность когда-либо просочиться к Грегору? Никто из тех, кто знал Серга, не говорил о нем. И меньше всех граф Форкосиган. Майлз однажды встретил одну из жертв Серга и надеялся, что Грегору удастся избежать подобных встреч.

Майлз решил сменить тему.

— Ну, мы все знаем, что случилось со мной, а вот что ты делал последние три месяца? Мне было жаль, что я пропустил твой день рождения. На острове Кайрил его отметили пьянкой, что делало его фактически неотличимым от любого другого дня.

Грегор усмехнулся, а затем вздохнул:

— Слишком много церемоний. Слишком долго приходится стоять. Думаю, меня можно было бы в половине случаев заменить пластиковой моделью в натуральную величину, и никто бы не заметил. Масса времени уходит на то, чтобы уклоняться от прозрачных матримониальных намеков моих многочисленных советников.

— Вообще говоря, они в чем-то правы, — вынужден был заметить Майлз. — Если завтра тебя... переедет сервировочный столик, вопрос наследия встанет в полный рост. Я навскидку могу назвать шесть кандидатов в Империи с резонными притязаниями на трон, и появится еще некоторое количество с выдуманными. Некоторые из них, пусть и не имея личных амбиций, все же изрядно постараются, чтобы кое-кто другой не получил трона, что, кстати, и является причиной того, что ты до сих пор не имеешь названного наследника.

Грегор склонил голову:

— Ты и сам в этой толпе, знаешь ли.

— С таким-то телом? — Майлз фыркнул. — Нужно по-настоящему... ненавидеть кого-то другого, чтобы выбрать меня. И в этом случае мне придется срочно бежать из дома. Далеко и быстро. Сделай мне одолжение: женись, остепенись и быстренько заведи шесть маленьких Форбарра.

Грегор, казалось, выглядел еще более удрученным:

— Кстати, вот идея. Убежать из дома. Интересно, как далеко мне удастся уйти, прежде чем Иллиан меня догонит?

Они оба непроизвольно посмотрели вверх, хотя, на самом деле, Майлз все еще не был уверен, где именно расположены в комнате жучки.

— Тебе следует надеяться, что Иллиан догонит тебя раньше, чем кто-нибудь другой.

Господи, эта беседа приобретает какой-то болезненный оттенок.

— Ну, не знаю. Разве не было императора в Китае, который в конце концов стал подметать улицы? И тысячи менее знатных беглецов — графини, которые заводили рестораны — бегство действительно возможно.

— Бегство от того, что ты фор? Это как... бегство от собственной тени.

Будут моменты, когда по неведению будет казаться, что успех достигнут, но потом... Майлз покачал головой и заглянул во все еще непустую сумку.

— А! Ты принес такти-го, — он совершенно не хотел играть в такти-го, игра надоела ему еще в четырнадцать лет, но что угодно было лучше, чем этот разговор. Он достал ее и

разложил между ними, твердо решив поддерживать хорошее настроение. — Как будто возвращаешься в старые времена.

Вот уж точно неудачная мысль.

Грегор встряхнулся и сделал первый ход. Делая вид, что ему интересно, чтобы порадовать Майлза, который симулировал интерес, чтобы подбодрить Грегора, который притворялся, что... Майлз, отвлекшись, слишком быстро победил Грегора в первом раунде и стал обращать больше внимания на игру. В следующем раунде ему удалось сблизить их шансы на выигрыш, и он был награжден искрой неподдельного интереса — и благословенного забвения — со стороны Грегора. Они открыли вторую бутылку вина. В этот момент Майлз начал ощущать эффект от алкоголя: он хуже ворочал языком, становился все более сонным и глупым. Ему практически ничего не стоило позволить Грегору почти что выиграть следующий раунд.

— Кажется, я не побеждал тебя с тех пор, как тебе было четырнадцать, — вздохнул Грегор, скрывая тайное удовлетворение от небольшой разницы по очкам в этом последнем раунде. — Ты должен быть офицером, черт возьми.

— Это не очень хорошая военная игра, по папиным словам, — отреагировал Майлз. — Недостаточно случайных факторов и неконтролируемых сюрпризов, чтобы адекватно отображать реальность. И мне это нравится.

Это почти убаюкивало: механическая рутина логики, защита и контратаки, длинные цепочки ходов с всегда совершенно объективными альтернативами.

— Ты должен знать, — поднял глаза Грегор. — Я все еще не понимаю, зачем они послали тебя на остров Кайрил. Ты уже командовал целым космическим флотом. Пусть даже это была шайка грязных наемников.

— Шш! Этого эпизода официально не существует, в моем военном досье его нет. К счастью. Это бы не очаровало моих командиров. Я командовал, а не подчинялся. В любом случае, я не столько командовал дендарийскими наемниками, сколько гипнотизировал их. Без капитана Танга, который решил поддержать мои притязания в своих собственных целях, все бы кончилось очень неприятно. И гораздо раньше.

— Я всегда думал, что Иллиан все-таки будет их как-то шире использовать, — сказал Грегор. — Пусть и случайно, но ты тайно привел на службу Барраяру целую военную организацию.

— Да, причем они даже сами этого не знают. Вот это действительно тайна! Да ладно. Приписать их к службе Иллиана было просто юридической фикцией, все это понимали, — не будет ли его собственное назначение в службу Иллиана такой же юридической фикцией? — Иллиан слишком осторожен, чтобы увлечься межгалактическими военными приключениями. Боюсь, его основной интерес в дендарийских наемниках заключается в том, чтобы держать их настолько далеко от Барраяра, насколько возможно. Наемники процветают там, где царит хаос. Плюс, они еще и такого неудобного размера: меньше дюжины кораблей, три или четыре тысячи персонала — это тебе не обычная невидимая команда из шести человек для проведения спецопераций, хотя они и могут выставить подобные, и в то же время их слишком мало, чтобы контролировать ситуацию в масштабе планеты. Это космические, а не наземные войска. Их специальностью было блокировать червоточины. Безопасно, не требует особого оборудования, по большей части надо просто запугивать безоружных гражданских. Собственно, так я на них и наткнулся, когда наш транспорт был остановлен их блокадой и запугивание зашло слишком далеко. Я просто сжимаюсь от страха, когда думаю о том, насколько я рисковал. Хотя мне частенько приходило в голову, что с теми знаниями, что есть у меня сейчас, я мог бы...

Майлз остановился и покачал головой.

— Или, может, это как на высоте. Лучше не смотреть вниз: оцепенеешь и упадешь, — Майлз был не большой любитель высоты.

— С точки зрения военного опыта, как бы ты сравнил это с базой Лажковского? — спросил Грегор увлеченно.

— О, можно провести некоторые параллели, — признал Майлз. — Меня не обучали ни тому, ни другому, и в том, и в другом случае я подвергался смертельной опасности, и в обоих случаях отделался легким испугом. И легкими телесными повреждениями. Дендарийский эпизод был... хуже. Я потерял сержанта Ботари. В каком-то смысле, я потерял Елену. По крайней мере, в лагере «Вечная мерзлота» я смог никого не потерять.

— Может быть, у тебя начинает получаться, — предположил Грегор.

Майлз покачал головой и выпил. Надо было завести какую-нибудь музыку. Когда беседа прерывалась, плотная тишина этой комнаты начинала угнетать. Надо полагать, потолок не был гидравлическим прессом, приспособленным к тому, чтобы опуститься и раздавить его во сне: у СБ есть намного более чистые способы разбираться с упрямыми заключенными. Это только кажется, что потолок опускается на него.

«Ну, я же маленький. Может быть, он промахнется».

— Думаю, было бы... неподобающе, — колеблясь, начал Майлз, — просить тебя попытаться вытащить меня отсюда. Мне всегда казалось несколько неловко просить императорского покровительства. Вроде как мухлевать в игре.

— Что? Ты просишь одного заключенного СБ спасти другого? — карие глаза Грегора с иронией смотрели из-под черных бровей. — Несколько неловко для меня доходить до границ моей абсолютной императорской власти. Твой отец и Иллиан, как две круглые скобки вокруг меня.

Его сложенные чашечкой ладони сжались. Эта комната действует на подсознание, решил Майлз. И Грегор тоже это чувствует.

— Я бы помог, если бы мог, — добавил Грегор более извиняющимся тоном. — Но Иллиан дал совершенно четко понять, что он хочет держать тебя подальше от глаз. По крайней мере, какое-то время.

— Время, — Майлз допил остатки своего вина и решил, что больше не будет себе наливать. Говорят, алкоголь — депрессант. — Сколько времени? Черт, если мне срочно не найдется дела, я буду первым случаем спонтанного самовзрыва человека, записанным на видео, — он грубым жестом оттопырил палец вверх. — Мне не нужно... не обязательно покидать здание, но, по крайней мере, они могли бы дать мне какую-нибудь *работу*. Бумажную, обслуживающую — я отличный специалист по дренажу — все что угодно. Папа говорил с Иллианом о том, чтобы определить меня в СБ — как единственный оставшийся департамент, который мог бы меня взять — наверняка он имел в виду что-то большее, чем просто та... та... талисман.

Он налил и выпил еще, чтобы заткнуть поток слов. Он сказал слишком много. Не надо пить. Не надо вопить.

Грегор, который построил из фишек такти-го небольшую башню, обрушил ее движением пальца:

— О, быть талисманом не такая уж плохая работа, если можешь ее получить, — он медленно пошевелил образовавшуюся горку. — Я посмотрю, что я могу сделать. Но ничего не обещаю.

Майлз не знал, был ли тому причиной император, жучки или уже запущенный (и со скрежетом работающий) механизм, но два дня спустя он обнаружил, что назначен на работу административного помощника начальника охраны здания. Это была работа за консолью: графики дежурств, зарплата, обновление компьютерных файлов. Работа была интересной неделю, пока он изучал ее, после чего она стала отупляющей. К концу месяца скука и банальность начали действовать ему на нервы. Он был лоялен или просто глуп? Охрана, как понял теперь Майлз, тоже весь день вынуждена проводить в тюрьме. Фактически, одной из его функций, как охранника, было теперь держать под охраной самого себя. Чертовски умно со стороны Иллиана: никто другой не смог бы его удержать, если бы он решился на побег. Однажды он нашел окно и выглянул на улицу: шел мокрый снег.

Выберется ли он из этого проклятого ящика до Зимнепраздника? Сколько, вообще,

должно пройти времени, чтобы мир забыл о нем? Если он совершит самоубийство, будет ли официально объявлено, что он был застрелен охраной при попытке к бегству? Пытался ли Иллиан вывести его из себя или только из своей службы?

Прошел еще месяц. В качестве духовной практики Майлз решил заполнить часы досуга просмотром всех учебных видеофильмов в военной библиотеке, в строго алфавитном порядке. Ассортимент был поистине впечатляющим. Особое внимание Майлза привлек тридцатиминутный видеофильм (под буквой «Г: Гигиена»), объясняющий, как принимать душ. Ну, да, пожалуй, были еще рекруты из глухомани, которым такая инструкция могла бы понадобиться. Через несколько недель он дошел до «Л: Лазерное ружье, модель D-67: схема батареи, обслуживание и ремонт», когда его прервал звонок, приказывавший ему прибыть в кабинет Иллиана.

Кабинет Иллиана почти не изменился со времени последнего мучительного визита Майлза: та же спартански обставленная комната без окон, главное место в которой занимал стол с ком-консолью, которая выглядела так, будто ее можно использовать для управления скачковым кораблем. Однако на этот раз было два кресла для посетителей. И одно было многообещающе свободно. Возможно, Майлза в этот раз вызвали на ковер не в буквальном смысле. Второе кресло было занято человеком в повседневной форме с капитанскими прямоугольниками и глазом Гора — знаком Имперской СБ — на воротнике.

Интересный парень, этот капитан. Майлз оценивающе поглядывал на него краем глаза, отдавая часть Иллиану. Возможно, лет тридцати пяти, его лицо было схоже с лицом Иллиана своей неприметной невыразительностью, но он был более крепко сложен. Бледен. Легко мог сойти за какого-нибудь мелкого бюрократа, просиживающего штаны в офисе. Но такая специфическая внешность могла быть также результатом многих часов, проведенных взаперти на космическом корабле.

— Мичман Форкосиган, это капитан Унгари. Капитан Унгари — один из моих галактических оперативников. У него десятилетний опыт в деле сбора информации для нашего департамента. Его специальность — оценка военной силы.

Унгари удостоил Майлза вежливым кивком, как бы подтверждая сделанное представление. Его ровный взгляд в свою очередь оценивающе пробежался по Майлзу. Майлз подумал, насколько высоко этот шпион мог оценить карликового солдата, стоящего перед ним, и попытался стоять прямее. О реакции Унгари на Майлза нельзя было сказать ничего.

Иллиан откинулся в крутящемся кресле:

— Так, скажите-ка мне, мичман, что вы в последнее время слышали о дендарийских наемниках?

— Сэр? — Майлз качнулся назад. *Такого* поворота он не ожидал. — Я... в последнее время — ничего. Я получил послание примерно год назад от Елены Ботари — то есть, Ботари-Джезек. Но это было просто, э, поздравление с днем рождения.

— Это у меня есть, — кивнул Иллиан.

«Есть, да? Ах ты сукин сын».

— С тех пор ничего?

— Ничего, сэр.

— Хм, — Иллиан махнул рукой на свободное кресло: — Садись, Майлз. — Его речь ускорилась и обрела более деловую тональность. Наконец-то что-то реальное? — Пройдемся слегка по астрографии. Как говорится, география — мать стратегии.

Иллиан поиграл с пультом управлением на своей ком-консоли. На панели головида возникла трехмерная яркая карта маршрутов некоего червоточного узла. Более всего она походила на модель какой-то странной органической молекулы, сделанную из светящихся разноцветных палочек и шариков: шарики обозначали пересечения в локальном пространстве, палочки — скачки через червоточины между ними. Схематичное, компактное изображение, без сохранения масштаба. Иллиан увеличил один сектор: красные и синие

искорки в не содержащем более ничего шарике и четыре палочки, ведущие из него под сумасшедшими углами по направлению к более сложным шарикам. Все это выглядело как искривленный кельтский крест.

— Знакомая картина?

— Это в центре — Ступица Хеджена, не так ли, сэр?

— Хорошо, — Иллиан протянул ему управляющее устройство. — Дайте нам стратегическое описание Ступицы Хеджена, мичман.

Майлз откашлялся.

— Это двойная звездная система без населенных планет, с несколькими станциями и энергоспутниками. Задерживаться там нет никаких причин. Как и многие узловые соединения, это в большей степени путь, нежели место, и его ценность определяется тем, что находится вокруг него. В данном случае четыре смежных региона локального пространства с населенными планетами, — Майлз высвечивал каждую часть картинки по ходу рассказа, подчеркивая сказанное. — Аслунд. Аслунд находится в тупике, как Барраяр. Ступица Хеджена — его единственный выход в глобальную галактическую сеть. Ступица Хеджена так же жизненно важна для Аслунда, как для нас наш выход — Комарр. Альянс Джексона. Ступица Хеджена — лишь один из пяти выходов, ведущих из джексоновского локального пространства. Через Альянс Джексона лежит путь к половине исследованной галактики. Верван. У Вervана два выхода: один к Ступице, другой в секторы под контролем Цетагандийской империи. И, наконец, четвертый смежный со Ступицей Хеджена регион — это, конечно, наш, э, добрый сосед — планета и республика Пол. Которая, в свою очередь, соединяется с нашим мультиузлом Комарром. Также из Комарра ведет один прямой скачок в цетагандийский сектор, каковой путь либо имел жесткие ограничения, либо вовсе был закрыт для цетагандийского транспорта с того момента, как мы захватили Комарр.

В надежде, что он на правильном пути, Майлз посмотрел на Иллиана, ожидая одобрения. Иллиан взглянул на Унгари, который позволил себе лишь легкое движение бровями. И что бы это значило?

— Стратегия червоточин. Дьявольская головоломка, — пробормотал Иллиан отстраненно. Он покосился на свою светящуюся схему. — Четыре игрока, одна игровая доска. Это должно быть просто... В любом случае, — Иллиан протянул руку за управлением и со вздохом откинулся в кресле. — Ступица Хеджена — это нечто большее, чем потенциальная точка удушения для четырех смежных систем. Двадцать пять процентов нашего собственного коммерческого трафика проходит сквозь него, через Пол. И хотя Вervан закрыт для прохождения цетагандийских военных судов точно так же, как Пол закрыт для наших, цеты ведут активный гражданский обмен сквозь ту же щель и дальше через Альянс Джексона. Любое событие — например, война — которое может заблокировать Ступицу Хеджена, по-видимому, нанесет почти такой же урон Цетаганде, как и нам. И все же, после долгих лет совместного небрежения и скучного нейтралитета, этот пустой регион внезапно оживает, и там начинается то, что я могу назвать не иначе как гонкой вооружений. Все четыре соседа, кажется, создают военное присутствие. Пол оживленно стягивает вооружение со всех шести своих скачковых станций по направлению к Ступице. Даже снимает силы с той стороны, что обращена к нам, что я нахожу несколько пугающим, поскольку Пол относится к нам чрезвычайно настороженно с тех пор, как мы взяли Комарр. Консорциум Альянса Джексона делает со своей стороны то же самое. Вervан нанял себе наемный флот, называемый Рейнджерами Рэндола. Вся эта деятельность вызывает легкую панику на Аслунде, чьи интересы в Ступице Хеджена по понятным причинам наиболее критичны. Они вложили половину военного бюджета этого года в строительство крупной скачковой станции — черт возьми, да просто летающей крепости — и чтобы прикрыть дыру в обороне, пока они ее готовят, они тоже наняли определенные силы. Тебе эти силы могут быть известны. Ранее они назывались Дендарийским Свободным Наемным Флотом, — Иллиан замолчал, слегка подняв бровь и следя за реакцией Майлза.

Наконец-то какая-то связь — или нет? Майлз с трудом выдохнул:

— Они были специалистами по блокаде, одно время. Что ж, похоже на правду, как мне кажется. Э... ранее назывались? Они недавно переименовались?

— Не так давно они, похоже, вернулись к своему исходному названию: Наемники Оссера.

— Странно. Почему?

— Действительно, почему, — Иллиан поджал губы. — Один из многих вопросов, хотя вряд ли самый неотложный. Но именно связь с цетагандийцами — или ее отсутствие — вот что меня тревожит. Общий хаос в регионе был бы столь же неудобен Цетаганде, как и нам. Но если, после того как хаос спадет, Цетаганда смогла бы как-то взять контроль над Ступицей Хеджена. Вот тогда бы они могли блокировать или контролировать барраярский трафик, как мы контролируем их через Комарр. На самом деле, если посмотреть на другую сторону скачка Комарр — Цетаганда как на находящуюся под их контролем, то получится, что они занимают два из наших четырех главных галактических путей. Что-то заковыристое, неявное — здесь пахнет цетагандийскими методами. Или пахло бы, если бы я смог заметить, что их липкие ручки дергают за какие-нибудь веревочки. Они должны быть там, даже если я не могу их пока видеть... — Размышляя, Иллиан покачал головой. — Если скачок к Альянсу Джексона будет отрезан, всем придется перенаправлять потоки через Цетагандийскую империю... большая прибыль...

— Или через нас, — заметил Майлз. — Зачем это Цетаганде делать нам такое одолжение?

— Я подумал об одной возможности. На самом деле, я подумал о девяти, но вот эта для тебя, Майлз. Какой лучший способ захвата точки скачка?

— С двух сторон одновременно, — автоматически ответил Майлз.

— И это одна из причин, почему Пол достаточно осторожен, чтобы не позволить нам организовать какое бы то ни было военное присутствие в Ступице Хеджена. Но допустим, кто-то на Поле натывается на неприятный слушок, который я с таким трудом подавлял, что дендарийские наемники — это частная армия некоего барраярского форского отпрыска. Что они подумают?

— Они подумают, что мы готовимся их атаковать, — ответил Майлз. — У них может случиться приступ паранойи, а то и паники, они могут даже установить временный союз, скажем, с Цетагандой?

— Очень хорошо, — кивнул Иллиан.

Капитан Унгари, который слушал с внимательным терпением человека, уже все это проходившего, взглянул на Майлза вроде как слегка обнадеженно и подтвердил гипотезу кивком головы.

— Но даже если и воспринимать их как независимую силу, — продолжал Иллиан, — дендарийцы — еще один дестабилизирующий фактор в регионе. Вся ситуация тревожная, и становится напряженнее каждый день, без всяких видимых причин. Еще немного силовых действий — одна ошибка, один смертельный инцидент — и может начаться буря, классический хаос, настоящий, неостановимый. Причины, Майлз! Мне нужна информация.

Иллиан, как правило, жаждал информации с такой же страстью, с какой подсевший на джубу наркоман жаждет уколиться. Сейчас он повернулся к Унгари:

— Ну, что вы думаете, капитан? Он подойдет?

Унгари не спешил с ответом.

— Он... имеет более привлекающую внимание внешность, чем я думал.

— С точки зрения маскировки, это не обязательно недостаток. В его компании вы будете почти что невидимы. Приманка и охотник.

— Возможно. Но выдержит ли он нагрузку? У меня не будет времени нянчиться с ним, — у Унгари был городской выговор, очевидно это был один из офицеров, получивших современное образование, хотя он и не носил значок Академии.

— Адмирал считает, что он выдержит. Мне ли спорить?

Унгари взглянул на Майлза:

— Вы уверены, что суждение адмирала не искажено... личными надеждами?

«Ты имеешь в виду, принятием желаемого за действительное», — мысленно перевел Майлз это деликатное сомнение.

— Если так, то такое будет в первый раз, — Иллиан пожал плечами. «И все когда-нибудь случается в первый раз», — повисло в воздухе. Иллиан повернулся, чтобы пронзить Майлза мрачным напряженным взглядом. — Майлз, как ты считаешь, сможешь ли ты — если потребуется — снова сыграть роль адмирала Нейсмита, недолго?

Майлз ожидал этого, но, сказанные вслух, слова пронзили его странным холодом. Снова оживить эту скрытую личность... «Это была не просто роль, Иллиан».

— Я смог бы снова сыграть Нейсмита, конечно. Меня пугает как раз то, что мне придется прекратить его играть.

Иллиан позволил себе холодную улыбку, принимая сказанное за шутку. Улыбка Майлза была более болезненной. «Ты не знаешь, ты не знаешь, как это было...» Три части обмана и тумана, а одна часть... нечто другое. Дзен, гештальт, мания? Неконтролируемые моменты высочайшей экзальтации. Сможет ли он сделать это снова? Возможно, сейчас он для этого слишком много знает. «Оцепенеешь и упадешь». Возможно, на этот раз это действительно будет только роль.

Иллиан откинулся в кресле, поднял прижатые друг к другу ладони и потом уронил их на стол.

— Очень хорошо, капитан Унгари. Он весь ваш. Используйте его как захотите. Ваша задача, таким образом, — собрать информацию по текущему кризису в Ступице Хеджена. Вдобавок, если это окажется возможно, использовать мичмана Форкосигана для устранения дендарийских наемников со сцены. Если вы решите использовать фальшивый контракт, чтобы вытащить их из Ступицы, для стимулирующей предоплаты можете использовать деньги, предназначенные для финансирования секретные операции. Вы знаете, каких результатов я жду, жаль, что не могу заранее дать более точные приказы касательно сведений, которые вы сами и будете собирать.

— Я не возражаю, сэр, — ответил Унгари, слегка улыбаясь.

— Хм. Получайте удовольствие от своей независимости, пока она у вас есть. Она закончится после первой вашей ошибки, — тон Иллиана был сардоническим, но взгляд вполне уверенным, пока он не обратил его на Майлза. — Майлз, ты будешь путешествовать в качестве адмирала Нейсмита, в свою очередь путешествующего инкогнито, возможно, возвращающегося к дендарийскому флоту. Если капитан Унгари решит, что ты должен активировать роль Нейсмита, он сам займет позицию твоего телохранителя, чтобы всегда иметь возможность контролировать ситуацию. Было бы слегка чересчур требовать от Унгари отвечать за свою миссию и еще и за твою безопасность, так что у тебя будет и настоящий телохранитель. Эта легенда даст капитану Унгари необычную свободу маневра, так как она будет объяснять наличие у тебя во владении собственного корабля — у нас есть скачковый пилот и быстрый курьерский корабль, который мы получили... неважно где, но у которого нет никаких связей с Барраярмом. В настоящий момент у него джексоновская регистрация, что прекрасно соответствует таинственному прошлому адмирала Нейсмита. Это столь очевидная фальшивка, что никто не будет искать следующий уровень, э, фальшивости, — Иллиан помолчал. — Ты, конечно, будешь подчиняться приказам капитана Унгари. Вот это следует без всяких оговорок, — прямой взгляд Иллиана был холодным, как ночь на острове Кайрил.

Майлз с готовностью улыбнулся, чтобы показать, что намек понят. «Я буду хорошим, сэр, — только отпустите меня с планеты!» От призрака до приманки — интересно, это повышение?

Глава 8

Виктор Рота, агент по снабжению. Так мог бы отрекомендоваться сутенер. Майлз с

сомнением рассматривал свой новый образ, точная копия которого висела над видеопанелью в его каюте. Почему, кстати, нельзя было повесить простое спартанское зеркало? Где же Иллиан раздобыл этот корабль? Изготовленный на Бете, он был напичкан всякими бетанскими приспособлениями, являвшимися элементами роскоши. Майлз забавлялся, представляя себе ужасную картину того, что могло произойти, если бы программа хитроумной акустической зубной щетки пошла вразнос.

«Рота» был одет неопределенно, но с учетом его предполагаемого происхождения. Майлз отверг бетанский саронг — на станции Пол-6 для него было слишком холодно. Впрочем, свободные зеленые брюки держались на веревке от саронга, и на нем были сандалии в бетанском стиле. Зеленая рубашка из дешевого синтетического шелка с Эскобара, дорогая мешковатая кремовая куртка в том же стиле. Смешанный гардероб того, кто когда-то стартовал с Колонии Бета и кого с тех пор здорово поматало по галактике: со взлетами и падениями. Хорошо. Слоняясь по насыщенному оборудованию каюте хозяина корабля, он тихонько разговаривал сам с собой вслух, разогревая давно не использовавшийся бетанский акцент.

Они без всяких приключений пристали к Полу-6 сутки назад. И все трехнедельное путешествие от Барраяра прошло без всяких приключений. Похоже, Унгари предпочитал, чтобы все было именно так. Капитан СБ проводил большую часть времени, подсчитывая, делая снимки и снова подсчитывая: корабли, войска, охрану гражданскую и военную. Они смогли найти свой повод для посещения четырех из шести скачковых станций, расположенных на пути между Полем и Ступицей Хеджена, и на всем пути Унгари подсчитывал, измерял, классифицировал, вносил в компьютер и обрабатывал данные. Наконец они прибыли на последний (или первый, зависит от направления движения) аванпост Пола, его точку опоры в самой Ступице Хеджена.

В свое время Пол-6 просто отмечал точку скачка, был приспособлен лишь для экстренных остановок и передачи сообщений. Никто пока не решил проблему передачи сообщений через червоточный скачок, единственный способ — физически перевозить их на скачковом корабле. В самых развитых регионах сети ком-корабли совершали скачок каждый час или даже чаще, после чего выпускали узконаправленный импульс, который путешествовал со скоростью света к следующей точке скачка в этом секторе локального пространства, где сообщения принимались и отправлялись дальше — таков был самый быстрый способ передачи информации. В менее развитых секторах приходилось просто ждать, иногда неделями или месяцами, пока мимо будет проходить корабль, и надеяться, что команда не забудет передать ваше сообщение.

Ныне Пол-6 не просто отмечал, он откровенно оборонял точку скачка. Унгари щелкал языком в возбуждении, идентифицируя и суммируя корабли космического флота Пола, собранные в пространстве вокруг нового сооружения. Им удалось использовать спиральную траекторию приближения к станции, так что они могли наблюдать все ее стороны и замечать все корабли, как пришвартованные, так и находящиеся в движении.

— Вашей главной задачей здесь, — ранее сказал Унгари Майлзу, — будет дать любому наблюдателю нечто, за чем наблюдать интереснее, чем за мной. Покрутитесь вокруг. Не думаю, что вам придется прилагать какие-то особые усилия, чтобы стать заметным. Используйте свою легенду: если повезет, вы можете даже заключить контракт-другой из тех, что могут оказаться достойными дальнейшего изучения. Хотя я сомневаюсь, что вы сразу наткнетесь на что-нибудь по-настоящему ценное — так не бывает.

Майлз положил свой чемоданчик с образцами на кровать, открыл его и перепроверил. *Просто коммивояжер, вот я кто.* Дюжина образцов ручного оружия, с вынутыми батареями, зловеще блеснула ему в лицо. Стопка видеодисков описывала более крупные и более интересные системы вооружений. И еще более интересная коллекция тонких дисков была удобно спрятана в куртке Майлза. *Смерть. Торгуем оптом и в розницу.*

Телохранитель Майлза встретил его у переходного люка. Господи, и почему только Иллиан назначил на эту должность сержанта Оверкилла? Без сомнения, по той же причине,

по какой послал его на остров Кайрил: потому что доверял ему. Но Майлза приводила в смущение необходимость работать с человеком, который однажды его арестовал. Интересно, какое мнение сложилось к этому моменту о Майлзе у Оверхолта? К счастью, гигант был молчуном.

Оверхолт был одет так же неформально и эклектично, как и сам Майлз, хотя вместо сандалий на нем были прочные ботинки. Он выглядел в точности, как чей-то телохранитель, пытающийся выглядеть как турист. Логично предположить, что именно такого рода человека мелкий торговец оружием Виктор Рота скорее всего и нанял бы. *Функциональный и декоративный: режет, колет, рубит...* Даже сами по себе Майлз или Оверхолт были бы запоминающимися фигурами, а вместе... Что ж, Унгары прав. Не стоит беспокоиться, что их не заметят.

Майлз первым прошел по швартовному рукаву и ступил на Пол-6. Они проследовали по коридору — одному из нескольких, спицами сходящихся от причалов к таможенной зоне, где чемоданчик с образцами и личность Майлза были тщательно проверены, а Оверхолту пришлось предъявить регистрационное свидетельство на парализатор. После этого они получили свободный доступ к пространству перевалочной станции, за исключением неких охраняемых коридоров, ведущих, очевидно, в милитаризованные зоны. Эти зоны, как ясно дал понять Унгары, были его, Унгары, делом, а отнюдь не Майлза.

Майлз, пребывая в хорошем настроении по случаю своего первого задания, неспешно двигался вперед, радуясь ощущению того, что он находится на космической станции. Это место не было столь же свободно развивающимся, как Колония Бета, но несомненно он сейчас двигался посреди главного потока галактической технокультуры. Не то что на бедном отсталом Барраяре. Эта хрупкая искусственная среда испускала свой собственный легкий запах опасности: запах, который мог мгновенно раздуться в клаустрофобный ужас в случае неожиданной разгерметизации. Центральным местом встречи служила главная площадь станции, окаймленная магазинами, гостиницами и рестораниками.

Как раз напротив Майлза на другой стороне кишачей людьми площади прохаживалось любопытное трио. Крупный мужчина, одетый в свободную одежду, идеально подходящую для того, чтобы скрывать под собой оружие, беспокойно оглядывал территорию. Без сомнения, собрат сержанта Оверкилла по профессии. Они с Оверхолтом заметили друг друга, обменялись угрюмыми взглядами, после чего подчеркнуто друг друга игнорировали. Неприметный мужчина, которого он охранял, почти полностью ускользал из поля зрения рядом со своей женщиной.

Она была маленького роста, но потрясающе яркая. Хрупкая фигура и очень светлые, коротко стриженные волосы делали ее похожей на эльфа. Черный комбинезон, казалось, был усыпан электрическими искрами, он стекал по ее коже, как вода, — как будто в это дневное время она была в вечернем платье. Черные туфли на тонких каблуках поднимали ее на несколько ничего не решающих сантиметров. Губы кроваво-карминного цвета гармонировали с мерцающим шарфом, который закручивался поверх алебастровых ключиц, каскадом ниспадая с обеих плеч и обрамляя обнаженную белую кожу ее спины. Она выглядела... дорого.

Она поймала восхищенный взгляд Майлза. Ее подбородок вздернулся, и она холодно уставилась в ответ.

— Виктор Рота? — голос, прозвучавший совсем рядом с Майлзом, заставил его дернуться от неожиданности.

— Э... Мистер Лига? — рискнул предположить Майлз, оборачиваясь. Бледные кроличьи черты, выступающие губы, черные волосы — это именно тот человек, который заявил, что он якобы желает усовершенствовать вооружение охранников на своей астероидной шахте. Ну да, как же... Каким образом — и где — откопал Унгары этого Лигу? Майлз не был уверен, что хочет это знать.

— Я организовал нам укромный уголок для разговора, — улыбнулся Лига, склоняя голову в сторону расположенного неподалеку входа в гостиницу. — А! — добавил Лига. —

Похоже сегодня утром все занимаются делами. — Он кивнул на трио напротив, которое как раз превратилось в квартет и удалялось. Концы шарфа хлопали как знамена, развеваясь за быстро шагавшей блондинкой.

— Что это была за женщина? — спросил Майлз.

— Я не знаю, — ответил Лига. — Но мужчина, за которым они шли, — это ваш главный местный конкурент. Агент Дома Фелл, джексоonianских специалистов по вооружению.

Он был больше похож на бизнесмена средних лет, во всяком случае, со спины.

— Пол позволяет джексоonianцам вести здесь дела? — спросил Майлз. — Я думал, ситуация сейчас напряженная.

— Между Полом, Аслундом и Верваном — да, — ответил Лига. — Джексоonianский консорциум громко заявляет о своем нейтралитете. Они надеются заработать на всех. Но это не лучшее место, чтобы обсуждать политику. Давайте пойдем, а?

Как и ожидал Майлз, Лига разместил их в гостиничном номере, в котором, очевидно, никто не жил, и который был снят исключительно для их встречи. Майлз начал свою заготовленную речь касательно ручного оружия, забрасывая и запутывая собеседника данными об имеющихся в наличии объемах и датах возможных поставок.

— Я надеялся, — заметил Лига, — на что-то более... внушительное.

— У меня есть еще один набор образцов на борту корабля, — объяснил Майлз. — Мне не хотелось беспокоить ими таможеню Пола. Но я могу продемонстрировать их вам на видео.

Майлз извлек диски с описанием тяжелого вооружения.

— Эти ролики, конечно, только для образовательных целей, поскольку для частного лица владеть таким оружием в локальном пространстве Пола считается незаконным.

— В пространстве Пола, да, — согласился Лига. — Но законы Пола не действуют в Ступице Хеджена. Пока. Все, что вам нужно, это сняться с Пола-6 и вылететь слегка за пределы десяти тысяч километров — за границу контроля за движением — и вы сможете вести любые дела, абсолютно законно. Проблемы начнутся, когда придется доставлять груз обратно в локальное пространство Пола.

— Сложная доставка — это одна из моих специальностей, — заверил его Майлз. — За небольшую добавочную плату, конечно.

— А. Хорошо... — Лига быстро пробежался по каталогу диска. — Так, вот эти тяжелые плазматроны... как они в сравнении с нейробластерами пушечного класса?

Майлз пожал плечами:

— Полностью зависит от того, хотите ли вы вынести только людей или людей с имуществом. Я могу дать вам довольно хорошую цену на нейробластеры, — он назвал сумму в полианских кредитках.

— Я получил предложение получше на устройство той же мощности, недавно, — скучающе упомянул Лига.

— Ручаюсь, что так, — Майлз широко улыбнулся. — Яд — одна кредитка. Противоядие — сто кредиток.

— И что это должно значить, а? — спросил Лига подозрительно.

Майлз отогнул лацкан, пробежался большим пальцем по его нижней стороне и вынул маленький видео диск.

— Взгляните, — он вставил диск в проигрыватель. Возникло изображение человеческой фигуры, которая сделала пируэт. С ног до головы, включая кончики пальцев, она была одета в нечто, выглядевшее как сверкающая, плотно облегающая сеть.

— Для длинного нижнего белья здесь многовато дырок, а? — скептически заметил Лига.

Майлз одарил его страдальческой улыбкой.

— На то, что вы видите, хотела бы наложить лапу любая вооруженная сила в галактике. Законченная индивидуальная защитная сеть от нейробластера. Самая последняя технологическая разработка Колонии Бета.

Глаза Лиги расширились:

— Впервые слышу, что они появились на рынке.

— На открытом рынке — нет. То, что вы видите, это, так сказать, предварительные частные продажи.

Колония Бета рекламировала только предпоследние или еще более ранние свои разработки. Оставаться на несколько шагов впереди всех в исследованиях и разработках было способом выживания для жителей этой суровой планеты на протяжении двух поколений. Со временем Колония Бета будет продавать свое новое оборудование по всей галактике. А пока...

Лига лизнул свою надутую нижнюю губу:

— Мы широко используем нейробластеры.

В охране шахты? Ага, конечно.

— У меня ограниченный запас защитных сетей. Кто первый придет, тот первый их и получит.

— Цена?

Майлз назвал сумму в бетанских долларах.

— Неслыханно! — Лига аж откинулся на своем гидрокресле.

Майлз пожал плечами:

— Подумайте. Для вашей... организации может оказаться весьма некстати упустить возможность первыми усовершенствовать свою защиту. Уверен, вы можете представить последствия.

— Я... я должен подумать. А... могу я взять диск, чтобы показаться своему, а, руководству?

Майлз поджал губы:

— Смотрите, чтобы вас с ним не поймали.

— Ни в коем случае, — Лига прокрутил весь ролик еще раз, восторженно глядя на сверкающую фигурку солдата, прежде чем убрать диск в карман.

Ну вот. Наживка насажена на крючок, а крючок заброшен в темные воды. Весьма интересно будет взглянуть на то, что клюнет: будь то мелкая рыбешка или чудовищный левиафан. По мнению Майлза, Лига был не более, чем рыбой-прилипалой. Ну, с чего-то же надо начинать.

Когда они вновь оказались на площади, Майлз озабоченно и тихо поинтересовался у Оверхолта:

— Как у меня получилось?

— Очень гладко, сэр, — заверил его Оверхолт.

Что ж, возможно. Было приятно действовать по плану. Он почти чувствовал, как погружается во вкрадчивую личность Виктора Роты.

Пообедать Майлз привел Оверхолта в кафе со столиками, выставленными прямо на площадь: тем лучше всякий, кто не должен следить за Унгари, мог бы наблюдать за ними. Он сжевал сэндвич из выращенного в чанах протеина и позволил своим взвинченным нервам слегка успокоиться. Что ж, это действие может пройти гладко. Далеко не так сверхстимулирующе как...

— Адмирал Нейсмит!

Майлз едва не подавился наполовину прожеванным куском и отчаянно замотал головой, пытаясь определить источник удивленного возгласа. Оверхолт мгновенно подобрался, хотя и смог удержать руку от того, чтобы преждевременно схватиться за спрятанный парализатор.

Два человека остановилось около его столика. Один из них был Майлзу незнаком. Другой... проклятье! Он знал это лицо. Квадратный подбородок, загорелая кожа, слишком подтянутый и крепкий для своего возраста, чтобы сойти за кого-нибудь, кроме солдата, несмотря на гражданскую полианскую одежду. Имя, имя!.. Один из командос Танга, командир взвода десантного шаттла. Последний раз, когда Майлз его видел, они вместе

одевались в оружейной «Триумфа», готовясь к абордажной битве. Клайв Чодак, вот как его имя.

— Прошу прощения, но вы ошиблись, — это отрицание было чистым спинномозговым рефлексом. — Мое имя Виктор Рота.

Чодак моргнул:

— Что? О! Прошу прощения. Просто... вы очень похожи на человека, которого я когда-то знал, — он обратил внимание на Оверхолта, и его взгляд настойчиво и вопросительно вернулся к Майлзу. — Э, можем мы к вам присоединиться?

— Нет, — резко ответил Майлз, запаниковав. Нет, стоп. Не следует отбрасывать возможный контакт. Это было осложнение, к которому следовало подготовиться заранее. Но активировать Нейсмита раньше срока, без приказа Унгари... — По крайней мере, не здесь, — быстро поправился он.

— Я... понимаю, сэр, — коротко кивнув, Чодак немедленно удалился, утаскивая с собой своего замешкавшегося компаньона. Ему удалось бросить взгляд через плечо только один раз. Майлз сдержал импульсивное желание разорвать зубами салфетку. По возбужденным жестам удалявшихся вглубь площади Чодака со спутником можно было предположить, что они спорили.

— А это было гладко? — жалобно спросил Майлз.

Оверхолт выглядел слегка обеспокоенным:

— Не очень, — он нахмурился в сторону, где скрылась эта пара.

Чодаку хватило менее часа, чтобы выследить Майлза на его бетанском корабле в доке. Унгари все еще не вернулся.

— Он говорит, что хочет с вами побеседовать, — сказал Оверхолт. Он и Майлз изучали видеомонитор слежения за площадкой перед входным люком, где Чодак нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Как вы думаете, чего он в действительности хочет?

— Вероятно, побеседовать со мной, — ответил Майлз. — Черт меня побери, если я тоже не хочу с ним поговорить.

— Насколько хорошо вы его знали? — с подозрением спросил Оверхолт, уставившись на изображение Чодака.

— Не очень, — признал Майлз. — Он казался мне компетентным солдатом и командиром. Знал технику, управлялся с людьми, сохранял твердость в бою.

На самом деле, если задуматься, реальные контакты Майлза с этим человеком были короткими и исключительно деловыми... Но некоторые из тех минут были критическими в дикой неопределенности сражения на борту корабля. Могло ли внутреннее чутье Майлза послужить по-настоящему надежным гарантом надежности человека, которого он не видел почти четыре года?

— Конечно, просканируй его. Но давай его впустим и посмотрим, что он скажет.

— Если вы так приказываете, сэр, — бесстрастно отозвался Оверхолт.

— Приказываю.

Чодак, кажется, не возражал против сканирования. У него был только зарегистрированный парализатор. Правда он также был экспертом по части рукопашного боя, как припомнилось Майлзу, а это оружие невозможно конфисковать. Оверхолт проводил его в маленькую корабельную кают-компанию/столовую — бетанцы называли бы ее комнатой отдыха.

— Мистер Рота, — Чодак кивнул. — Я, э... надеялся, что мы могли бы поговорить наедине, — он с сомнением посмотрел на Оверхолта. — Или вы нашли замену сержанту Ботари?

— Никогда, — Майлз жестом приказал Оверхолту проследовать за ним в коридор и не произнес ни слова, пока за ними не закрылась дверь. — Полагаю, ваше присутствие окажет сдерживающее влияние, сержант. Не могли бы вы подождать снаружи? — Майлз не уточнил, кого именно сдерживает Оверхолт. — Вы, конечно, можете наблюдать.

— Плохая мысль, — нахмурился Оверхолт. — Вдруг он на вас нападет?

Пальцы Майлза нервно пробежали по брючному шву.

— Есть такая возможность. Но, по словам Унгари, мы вскоре направляемся в Аслунд, где расположены дендарийцы. А у него может быть полезная информация.

— Если он говорит правду.

— Даже ложь может многое открыть, — высказав этот сомнительный аргумент, Майлз втиснулся обратно в кают-компанию, оставив Оверхолта за дверью.

Он кивнул посетителю, который уже сидел за столом:

— Капрал Чодак.

Лицо Чодака просияло:

— Вы все-таки помните.

— О, да. И вы, э, все еще с дендарийцами?

— Да, сэр. Теперь уже сержант Чодак.

— Очень хорошо. Я не удивлен.

— И, хм... с «Наемниками Оссера».

— Понимаю. Впрочем, хорошо это или плохо — еще не ясно.

— В каком качестве вы здесь, сэр?

— Виктор Рота — торговец оружием.

— Неплохое прикрытие, — рассудительно кивнул Чодак.

Майлз попытался, занявшись кофе, накинуть маску обыденности на свои следующие слова:

— Так что вы делаете на Поле-6? Я думал, ден... флот наняли на Аслунде.

— На станции Аслунда, здесь, в Ступице, — поправил Чодак. — Всего пару дней полета через систему. Вернее, на том, что пока там есть от станции. Правительственные застройщики, знаете ли, — он покачал головой.

— С опозданием и дороже?

— Точно, — он принял чашку кофе без колебаний, держа ее между узкими ладонями, и сделал маленький глоток. — Я не могу здесь долго оставаться, — он покрутил чашку, поставил ее на стол. — Сэр, кажется, я случайно вас подвел. Я был так удивлен, когда увидел вас там... В любом случае, я хотел... предупредить вас, я думаю. Вы возвращаетесь к флоту?

— Боюсь, я не могу обсуждать свои планы. Даже с вами.

Чодак направил на него пристальный взгляд черных миндалевидных глаз.

— У вас всегда все было с хитростями.

— Как опытный боец, ответьте, вы предпочитаете лобовые атаки?

— Нет, сэр! — Чодак слегка улыбнулся.

— Я так и думал. Я так понимаю, что вы агент — или один из агентов — разведки флота, разбросанной по Ступице. Лучше бы, если бы их было больше, чем вы один, иначе я бы решил, что организация печально деградировала в мое отсутствие.

На самом деле, половина обитателей Пола-6 в настоящий момент, вероятно, для кого-нибудь шпионила, учитывая количество потенциальных игроков в этой игре. Не говоря уже о двойных агентах — следует ли засчитывать их дважды?

— Почему вас не было так *долго*, сэр? — тон Чодака был чуть ли не обвиняющим.

— Это не входило в мои планы, — увильнул от ответа Майлз. — Часть времени я был пленником в... месте, которое я бы не хотел описывать. Я сбежал около трех месяцев назад.

Что ж, это один из способов, каким можно описать остров Кайрил.

— Вы, сэр?! Мы могли бы спасти...

— Нет, вы не могли, — резко перебил Майлз. — Ситуация была чрезвычайно деликатная. И разрешилась к моему удовлетворению. Но после мне пришлось... решать возникшие проблемы в некоторых иных областях моей деятельности, нежели дендарийский флот. Весьма далеких областях. Сожалею, но вы, ребята, не единственная моя забота. И тем не менее, я обеспокоен. Я ожидал, что буду получать больше информации от commodore Джезека.

А вот это действительно так.

— Коммодор Джезек больше не командует флотом. Около года назад имела место реорганизация финансов и реструктуризация командования, проведенная комитетом капитанов-владельцев кораблей и адмиралом Оссером. Во главе с адмиралом Оссером.

— Где Джезек?

— Его понизили до главного инженера флота.

Неприятно, но Майлз понимал, что это могло случиться.

— Это не обязательно плохо. Джезек никогда не был так же агрессивен, как, скажем, Танг. А что Танг?

Чодак покачал головой:

— Его понизили с начальника по кадрам до простого офицера кадровой службы. Никчемная должность.

— Это кажется... расточительным.

— Оссер не доверяет Тангу. Да и Танг не любит Оссера. Оссер уже год пытается его выпихнуть, но Танг держится, несмотря на унижение... хм. От него не так-то просто избавиться. Оссер не может себе позволить — пока — расправиться с его людьми, а слишком многие ключевые фигуры персонально преданы Тангу.

Майлз поднял бровь:

— Включая вас?

— Он делал дело, — ответил Чодак уклончиво. — Я считал его отличным офицером.

— Я тоже.

Чодак коротко кивнул.

— Сэр... дело в том... человек, который был со мной в кафетерии, — это мой здешний начальник. И он один из людей Оссера. Я не могу придумать ни одного способа помешать ему доложить о нашей встрече, разве что убить его.

— У меня нет желания устраивать гражданскую войну среди моего собственного командного состава, — спокойно заметил Майлз. *Пока что нет.* — Думаю, более важно, чтобы он не заподозрил, что вы говорили со мной с глазу на глаз. Пусть докладывает. Я и раньше заключал сделки с адмиралом Оссером, к нашей взаимной выгоде.

— Я не уверен, что Оссер тоже так думает, сэр. Думаю, он считает, что его надули.

Майлз весьма натурально хохотнул.

— Что? Я удвоил размер флота во время войны у Тау Верде. Даже будучи третьим офицером по должности, в результате он командовал большими силами, чем раньше — меньшая доля от большего пирога.

— Но сторона, с которой он первоначально заключил контракт, проиграла.

— Не верно. Обе стороны выиграли в результате того перемирия, что мы навязали. Это был исход с двумя победителями и разве что небольшой потерей лица. Что, неужели Оссер не может чувствовать, что он победил, если кто-то другой не проиграл?

Чодак выглядел угрюмо:

— Боюсь, что так оно и есть, сэр. Он говорит — я слышал, как он говорил, — что вы нас обвели вокруг пальца. Что вы никогда не были адмиралом и вообще офицером. И если бы Танг его не предал, он бы вас выпихнул под зад коленом, — Чодак в глубокой задумчивости смотрел на Майлза. — Кем же вы были на самом деле?

Майлз мягко улыбнулся:

— Я был победителем. Помните?

Чодак фыркнул, слегка оживляясь.

— Да уж...

— Не позволяйте жалкой ревизионистской истории Оссера запудрить вам мозги. Вы сами там были.

Чодак с сожалением покачал головой:

— А вы ведь на самом деле и не нуждались в моем предупреждении, — он поднялся.

— Никогда не делайте никаких допущений. И, и... берегите себя. Это значит,

прикрывайте свою задницу. Я вас не забуду. После.

— Сэр, — Чодак кивнул.

Оверхолт, ожидавший в коридоре в позе, напоминавшей стойку имперского охранника, решительно сопровождал его до люка шаттла.

Майлз сидел в кают-компании, и слегка постукивал пальцами по краешку своей кофейной чашки, обдумывая некоторые удивительные параллели между реструктуризацией командования в свободном наемном флоте и междоусобными войнами баррарских форов. Можно ли рассматривать наемников как некую миниатюрную, упрощенную или лабораторную модель более серьезных вещей? *Оссеру следовало бы поприсутствовать на Барраре во время Претендентства Фордариана и посмотреть, как действуют большие парни.* Однако Майлзу определенно не следует недооценивать потенциальные опасности и осложнения, к которым может привести данная ситуация. Его смерть в миниатюрном конфликте будет столь же абсолютной, как его смерть в конфликте большом.

Дьявол, какая смерть? Что ему до дендарийцев, или оссерианцев, в конце-то концов? Оссер прав, Майлз обвел их вокруг пальца, и единственное, чему стоит удивляться, так это тому, что эта мысль доходила до адмирала так долго. Майлз не видел абсолютно никакой немедленной необходимости вовлекать себя в контакт с дендарийцами. На самом деле, было бы даже правильно избавиться от этого опасного политического затруднения. Пусть ими управляет Оссер, они ведь и были у него под командованием.

У меня в этом флоте трое давших клятву вассалов. Мое собственное небольшое государственное образование.

И как же просто было снова впасть в личность Нейсмита...

В любом случае, решение активировать Нейсмита должен принимать не он, а капитан Унгари.

И Унгари первым обратил на это внимание Майлза, когда позже вернулся и выслушал доклад Оверхолта. Этот человек полностью себя контролировал: его ярость можно было угадать лишь по незначительным деталям, таким как более резкий голос или более глубокие напряженные линии вокруг глаз и рта.

— Вы нарушили свое прикрытие. *Никогда* не следует ломать прикрытие. Это первое правило выживания в нашем деле.

— Сэр, могу ли я со всем уважением заметить, что не я его заporол, — спокойно ответил Майлз. — Это сделал Чодак. Он, как мне кажется, тоже это понял, ведь он не глуп. Он извинился настолько хорошо, насколько смог.

Действительно, Чодак, возможно, более тонкий игрок, чем кажется с первого взгляда, ведь к настоящему моменту у него налажены отношения с обеими сторонами предполагаемого раскола в дендарийском командовании, и не важно, кто победит. Расчет или случайность? Чодак был или умен, или удачлив, и в том и другом случае он может стать полезным дополнением к силам на стороне Майлза... На какой еще стороне? Да после этого Унгари не позволит мне даже приблизиться к дендарийцам.

Унгари, нахмурившись, смотрел на видеопанель, только что проигравшую запись беседы Майлза с наемником:

— Все это звучит так, что легенду Нейсмита, возможно, вообще не стоит активировать — это слишком опасно. Если маленький дворцовый переворот Оссера похож на то, каким описал его этот парень, то мечты Иллиана, что вы, мол, просто прикажете дендарийцам убраться, можно выбросить через иллюз в открытый космос. Это сразу звучало как-то слишком просто, — Унгари мерил шагами кают-компанию, постукивая кулаком правой руки по ладони левой. — Что ж, мы еще можем извлечь какую-то пользу из Виктора Роты. Хотя я и хотел бы запереть вас в вашей каюте... — Странно, сколь многие из его командиров говорили подобное, — ...но сегодня вечером Лига хочет встретиться с Ротой снова.

Возможно, для того, чтобы разместить заказ на некоторую часть нашего воображаемого груза. Тяните время. Я хочу, чтобы вы перебрались через него на следующий уровень в его организации. Нам нужен его босс или босс его босса.

— Как вы думаете, чей человек этот Лига?

Унгары остановился и развел ладонями:

— Цетагандийцев? Альянса Джексона? Кого-нибудь из полудюжины иных? Сеть СБ здесь очень слабая. Но если бы удалось найти доказательства, что криминальная организация Лиги — это цетагандийские марионетки, возможно, имело бы смысл завести в их рядах полноценного агента. Так что выясняйте! Намекайте, что у вас припасено еще кое-что. Берите взятки. Втирайтесь в доверие. И шевелитесь. Я почти закончил здесь дела, а Иллиан особо хочет знать, когда станция Аслунд будет полностью функционировать в качестве оборонительной базы.

Майлз ткнул звонок у двери комнаты в гостинице. Тик передернул его щеку. Он откашлялся и расправил плечи. Оверхолт бросал взгляды в обе стороны пустого коридора.

Дверь с шипением открылась. Майлз моргнул от удивления.

— А, мистер Рота, — тонкий прохладный голос принадлежал той маленькой блондинке, которую он видел этим утром на площади. Ее костюм теперь был из плотно облегающего красного шелка, с изгибающимся книзу вырезом, сверкающим красным жестким воротником, поднимающимся по шее сзади и очерчивающим изваяние ее головы, а на ногах — замшевые ботинки на высоких каблуках. Она одарила его ослепительной улыбкой.

— Прошу прощения, — рефлекторно выпалил Майлз. — Я, должно быть, не туда попал.

— Вовсе нет, — тонкая кисть распахнулась в приглашающем жесте. — Вы как раз во время.

— У меня назначена встреча с мистером Лигой, здесь.

— Да, и я взяла эту встречу на себя. Входите же. Меня зовут Ливия Ну.

Что ж, вряд ли у нее под одеждой могло быть спрятано оружие. Майлз шагнул внутрь комнаты и не удивился, увидев ее телохранителя, скучающего в углу. Тот кивнул Оверхолту, который, в свою очередь, ответил кивком, — оба настороженные, как два кота. А где же третий? Очевидно, не здесь.

Женщина проплыла к дивану с жидким наполнителем и устроилась на нем.

— Вы, э, начальник мистера Лиги? — спросил Майлз. Нет, Лига говорил, что не знает ее...

Она немного помедлила:

— В каком-то смысле, да.

Кто-то из них врал. Хотя нет, не обязательно. Если она действительно была из верхушки организации Лиги, он не стал бы выдавать ее Роте. Проклятье.

— Но вы можете считать меня агентом по снабжению.

Боже мой. Пол-6 действительно по уши в шпионах.

— Чьим агентом?

— О, — она улыбнулась. — Одно из преимуществ работы с маленькими поставщиками заключается в том, что они никогда не задают лишних вопросов. Одно из немногих преимуществ.

— Не задавать лишних вопросов — это девиз Дома Фелл, я полагаю. У них есть преимущество в виде постоянной и безопасной базы. Я же научился быть осторожным, продавая оружие людям, которые могут в ближайшем будущем выстрелить из него в меня.

Ее голубые глаза расширились:

— Кому может понадобиться стрелять в вас?

— Людям, введенным в заблуждение, — парировал Майлз. О боги, он явно не контролирует этот разговор. Майлз обменялся тревожным взглядом с Оверхолтом, который

со своим собратом по профессии соревновался в невозмутимости.

— Нам нужно поболтать немного, — она приглашающе похлопала по диванной подушке рядом с собой. — Садитесь же, Виктор. — Она кивнула своему телохранителю: — Почему бы тебе не подождать снаружи.

Майлз сел на край дивана, пытаясь угадать возраст женщины. Кожа ее лица была гладкой и белой, только веки слегка морщинистые. Майлз подумал о приказе Унгари: брать взятки, втираться в доверие...

— Наверное, тебе тоже следует подождать снаружи, — сказал он Оверхолту.

Оверхолт, казалось, разрывался на части, но выбирая из двух объектов он, очевидно, предпочел присматривать за большим вооруженным мужчиной. Кивнув, вроде как признавая приказ, а на самом деле одобряя его, он вышел вслед за человеком Ливии.

Майлз улыбнулся, как он надеялся, довольно дружелюбно. Женщина выглядела определенно соблазнительно. Майлз аккуратно откинулся на подушки и постарался выглядеть подвластным соблазнению. Настоящая сценка из шпионских романов, из тех, которые, по словам Унгари, никогда не случаются на самом деле. А может, они просто никогда не случаются с Унгари? Ого, острые же зубки у вас, мисс.

Ее рука потянулась к вырезу — весьма захватывающий жест — и извлекла маленький, знакомый видеодиск. Она наклонилась, чтобы вставить его в видеопроектор на низком столике перед ними, и Майлз слегка замешкался, переводя свое внимание на изображение. Маленькая сверкающая фигурка солдата снова проделала свои стилизованные движения. Ха. Стало быть, она действительно начальник Лиги. Очень хорошо, значит, дело движется.

— Совершенно замечательная вещь, Виктор. Как вам удалось это достать?

— Счастливый случай.

— И как много вы можете поставить?

— Строго ограниченное количество. Скажем, пятьдесят. Я не производитель. Лига сказал вам о цене?

— Мне она показалась высокой.

— Если вы сможете найти другого поставщика, предлагающего эти штуки дешевле, я буду счастлив установить ту же цену и еще сбросить десять процентов, — Майлзу удалось поклониться, продолжая сидеть.

Она издала легкий гортанный смешок.

— Предлагаемое количество слишком невелико.

— Есть несколько способов заработать даже на меньшем количестве, если вы начнете торговать достаточно рано. Например, продавая работающие модели заинтересованным правительствам. Я хочу поиметь часть этой прибыли, прежде чем рынок окажется насыщен и цена упадет. Вы тоже можете.

— А почему не вы сами? Продавайте их прямо правительствам и все.

— А почему вы думаете, что я этого не делал? — Майлз улыбнулся. — Но давайте посмотрим на пути моего возможного следования из этого места. Я прибыл сюда мимо Барраяра и Пола. Я должен выйти либо через Альянс Джексона, либо через Цетагандийскую Империю. К сожалению, в обоих случаях есть весьма высокий риск, что меня избавят от этого груза вообще без всяких компенсаций.

Если уж на то пошло, а где Барраяр раздобыл действующую модель защитного костюма? Был ли настоящий Виктор Рота, и где он сейчас? И где же достал Иллиан их корабль?

— Так вы носите их с собой?

— Я этого не говорил.

— Хм, — она улыбнулась. — Можете доставить мне один сегодня вечером?

— Какого размера?

— Маленького, — длинный ноготь провел линию по ее телу, от груди до бедра, показывая точно, насколько маленького.

Майлз огорченно вздохнул:

— К сожалению, они предназначены для бойцов от среднего до высокого роста. Обрезать один из них — значительная техническая проблема. Над которой я, на самом деле, все еще работаю и сам.

— Как непродуманно со стороны производителя.

— Я полностью согласен, гражданка Ну.

Она посмотрела на него более внимательно. Не стала ли ее улыбка чуточку более искренней?

— В любом случае, я предпочел бы продать их все оптом. Если ваша организация не может себе этого позволить с финансовой точки зрения...

— Мы могли бы это организовать.

— Надеюсь, без задержек. Мне скоро надо двигаться.

Она пробормотала с отсутствующим видом:

— Может, и нет... — затем, резко нахмурившись, подняла глаза. — Какая ваша следующая остановка?

Унгари все равно придется предоставить открытый полетный план.

— Аслунд.

— Хм... да, нам нужно это как-нибудь организовать. Непременно.

Интересно, это вот такие голубые искорки называют соблазняющим взглядом? Эффект был убаюкивающий, почти гипнотический. *Наконец-то я нашел женщину, которая едва выше меня ростом, и я даже не знаю, на чьей она стороне.* Ему более всего из всех людей не следует принимать маленький рост за слабость или беззащитность.

— Могу я встретиться с вашим боссом?

— С кем? — она сдвинула брови.

— С человеком, с которым я видел вас обоих этим утром.

— А... Так вы его уже видели.

— Устройте нам встречу. И займемся серьезным бизнесом. Бетанские доллары, помните.

— Ну, сначала удовольствие, потом бизнес, — ее дыхание коснулось его уха, легкий пряный туман.

Пыталась ли она его размягнуть? Но *зачем?* Унгари сказал не ломать прикрытие. Определенно, в характере Виктора Роты было бы взять все, что можно. Плюс десять процентов.

— Вам не обязательно это делать, — с трудом выдавил он. Его сердце билось уж слишком быстро.

— Я не *все* делаю только ради бизнеса, — промурлыкала она.

С чего бы, правда, ей утруждаться соблазнением маленького подленького торговца оружием? Какое ей в том удовольствие? Что *кроме* удовольствия она хотела получить? *Может, я ей нравлюсь.* Майлз дернулся, представляя, как будет предлагать подобное объяснение Унгари. Ее рука обернулась вокруг его шеи. Его рука сама собой поднялась, чтобы коснуться тонкой пряди ее волос. Высоко эстетичные тактильные ощущения, как он и предполагал...

Ее рука напряглась. Абсолютно рефлекторно Майлз вскочил на ноги.

И почувствовал себя идиотом. Это была ласка, а не начало удушения. Угол совершенно не подходил для атаки.

Она откинулась назад, разбросав тонкие руки по подушкам.

— Виктор! — В ее голосе слышалась насмешка, а ее брови удивленно поднялись. — Я не собиралась кусать тебя за шею.

Майлз почувствовал жар на лице.

— Я-должен-идти, — он откашлялся, чтобы спуститься на более низкий тон. Его рука метнулась, чтобы вынуть видеодиск из проигрывателя. Ее рука дернулась в том же направлении, затем вяло упала обратно, изображая равнодушие. Майлз хлопнул по комму

двери.

Оверхолт сразу появился в открывающемся дверном проеме. Майлз слегка расслабился. Если бы его телохранитель исчез, он бы тотчас распознал, что это какая-то ловушка. Запоздало, конечно.

— Может, позже, — пробормотал Майлз. — После того, как вы примите груз. Мы могли бы встретиться.

Примите несуществующий груз? Что он несет?

Она недоверчиво покачала головой. Ее смех следовал за ним по коридору. В смехе чувствовался какой-то надлом.

Майлз вырвался из сна, когда в его каюте вспыхнул свет. Унгари, полностью одетый, стоял в дверном проеме. За ним неуверенно подрагивал их прыжковый пилот в нижнем белье и с заспанным выражением на лице.

— Оденетесь позже, — рыкнул Унгари пилоту. — А сейчас выведите нас из доков и уведите за предел десяти тысяч километров. Я приду помочь проложить курс через несколько минут. — Он добавил себе под нос: — Как только буду знать, куда, к чертям, мы направляемся. Шевелитесь!

Пилот исчез. Унгари прошагал к кровати Майлза.

— Форкосиган, что, черт возьми, произошло в этом гостиничном номере?

Майлз зажмурился от блеска света и глаз Унгари и едва удержался от того, чтобы скрыться под одеялом от них обоих.

— А? — его рот пересох со сна.

— Меня только что заранее предупредили — едва ли за несколько минут — об ордере, выданном службой гражданской безопасности Пола-6 на арест Виктора Роты.

— Да я даже не прикасался к этой леди! — запротестовал Майлз, чувствуя головокружение.

— Труп Лиги был найден в комнате, где вы встречались.

— Что?!

— Лаборатория службы безопасности только что закончила определение времени смерти — и оно примерно совпало с моментом вашей встречи. Или предполагаемой встречи. Ордер на арест появится в сети через несколько минут, и нас отсюда не выпустят.

— Но я ничего не делал. Я даже не видел Лигу, только его босса Ливию Ну. Я имею в виду, если бы я сделал что-то подобное, я бы немедленно доложил об этом вам, сэр!

— Спасибо, — сухо отозвался Унгари. — Рад это слышать. — Его голос стал жестче. — Вас, конечно, подставили.

— Кто... — Да. Мог быть еще один, более мрачный путь, каким Ливия Ну могла избавить Лигу от этого чрезвычайно секретного диска. Но если она не была начальником Лиги или даже членом его полианской криминальной организации, кем она была? — Нужно узнать побольше, сэр! Это может быть началом чего-то.

— Это может быть *концом* нашей миссии. Проклятье! И мы даже не можем вернуться через Пол на Барраяр. Отрезаны. Куда дальше? — Унгари заходил по комнате, очевидно размышляя вслух. — Я хочу направиться к Аслунду. Его пакт об экстрадиции с Полом сейчас разорван, но... еще эти ваши осложнения с наемниками. Сейчас, когда они соединили Роту и Нейсмита. Благодаря вашей неосторожности.

— Из того, что сказал Чодак, не думаю, что адмирала Нейсмита встретят с распростертыми объятиями, — нехотя согласился Майлз.

— Станция консорциума Альянса Джексона не имеет пакта об экстрадиции ни с кем. Это прикрытие полностью пропало. Рота и Нейсмит — оба бесполезны. Да, это будет станция Консорциум. Я брошу там этот корабль, уйду в подполье и доберусь до Аслунда своим ходом.

— А я, сэр?

— Вам и Оверхолту придется отделиться и начать долгую дорогу домой.

Домой. Домой с позором.

— Сэр... бегство выглядит плохо. Предположим, мы никуда не едем и очищаем Роту от всех обвинений? Мы больше не будем отрезаны, а Рота по-прежнему будет ценным прикрытием. Возможно, что нас намеренно толкают именно на то, чтобы мы сорвались и побежали.

— Я не вижу, как кто-то мог бы принять во внимание мои источники в службе полианской гражданской безопасности. Думаю, предполагается, что нас запрут здесь в доках. — Унгары хлопнул кулаком по ладони один раз, на этот раз это был жест окончательного решения. — Итак, Консорциум.

Он повернулся и вышел, его ботинки застучали дальше по палубе. Изменения вибрации и давления воздуха, приглушенный лязг сказали Майлзу, что их корабль отходит от Пола-6.

Майлз сказал вслух, обращаясь к пустой каюте:

— А что если у них есть план на оба случая? У меня бы был. — Он с сомнением покачал головой и поднялся, чтобы одеться и отправиться вслед за Унгары.

Глава 9

Майлз пришел к выводу, что скачковая станция Джексоновского Консорциума отличалась от станции Пола, главным образом, ассортиментом предлагаемых товаров. Майлз стоял перед автоматом для продажи книжных дисков в главном вестибюле станции, очень похожем на такой же на Поле-6, и быстро прокручивал на экране огромный каталог порнографии. Ну, в основном прокручивал: время от времени его поиск прерывался на позициях, вызывавших удивление или откровенно шокирующих. Храбро сопротивляясь любопытству, он дошел до раздела военной истории, который, к его разочарованию, содержал весьма бедную коллекцию наименований.

Он вставил свою кредитную карточку, и машина выдала три маленьких диска. Нельзя сказать, чтобы его так уж интересовала «Схема трехсторонней стратегии в войнах Миноса IV», но ему предстоял долгий и скучный путь домой, а сержанта Оверхолта едва ли можно назвать блестящим собеседником. Майлз спрятал диски в карман и вздохнул. Вся эта миссия была сплошной бесполезной тратой времени, усилий и надежд.

Унгары организовал «продажу» корабля Виктора Роты вместе с пилотом и инженером подставному покупателю, который, в конечном итоге, доставит их обратно в распоряжение барраярской Имперской Службы Безопасности. Обращенные к начальству жалобные предложения Майлза о том, как можно было бы использовать Роту, Нейсмита и даже мичмана Форкосигана, были прерваны сверхшифрованным сообщением из штаба СБ, предназначенным только для глаз Унгары. Унгары удалился, чтобы расшифровать его, и появился через полчаса, бледный как смерть.

После чего он сдвинул свой график и через час улетел на коммерческом корабле на станцию Аслунд. Один. Отказавшись ознакомить с содержимым сообщения Майлза и даже сержанта Оверхолта. Отказавшись взять Майлза с собой. Отказавшись дать Майлзу разрешение хотя бы просто продолжить самостоятельную разведку на станции Консорциума.

Унгары оставил Оверхолта Майлзу. Или наоборот. Было немного трудно сказать, кого оставили за главного. При этом Оверхолт вел себя скорее не как подчиненный, а как нянька, препятствуя попыткам Майлза исследовать станцию и настаивая, чтобы Майлз по соображениям безопасности оставался в номере гостиницы. И вот теперь они ожидали посадки на эскобарский коммерческий лайнер, совершающий беспосадочный перелет на Эскобар, где им предстоит явиться в барраярское посольство, которое, без сомнений, переправит их домой. Домой — и с пустыми руками.

Майлз взглянул на хронометр. Еще двадцать минут безделья перед посадкой. Они с тем же успехом могут посидеть где-нибудь. Раздраженно взглянув на зависшего рядом безмолвной тенью Оверхолта, Майлз устало потащился через вестибюль. Оверхолт последовал за ним, неодобрительно хмурясь.

Майлз предался размышлениям о Ливии Ну. Сбежав от ее эротического приглашения, он определенно упустил одно из немногих приключений своей короткой жизни. И все же в ее глазах не было любви. Да и в любом случае, он бы засомневался в женщине, которая могла бы с первого взгляда безумно влюбиться в Виктора Роту. Огонек в ее глазах более напоминал азарт гурмана, обзирающего необычное блюдо, только что поданное официантом. Он чувствовал себя так, словно у него из ушей торчала петрушка.

Она могла одеваться как куртизанка, двигаться как куртизанка, но в ней не было свойственной куртизанке угодливости, ничего раболепного. В одеждах бессилия скрывалась сила. Внушающая тревогу...

И такая красивая!

Куртизанка, преступница, шпионка — кто она? И прежде всего, на кого она работает? Была ли она боссом Лиги или его противником? А может, его погибелью? Сама ли она убила этого похожего на кролика человека? Кем бы еще она ни была, Майлз все более убеждался, что она — ключ к головоломке Ступицы Хеджена. Нужно было следовать за ней, а не бежать от нее. Секс не единственная возможность, которую он упустил. Встреча с Ливией Ну еще долго будет его тревожить.

Майлз поднял взгляд и обнаружил, что путь ему загрозила парочка работающих на Консорциум громил. То есть стражей порядка, иронично поправил он себя. Остановившись и приняв уверенную позу, он поднял подбородок. Ну что еще?

— Да, джентльмены?

Большой громила посмотрел на гигантского громилу, который откашлялся и спросил:

— Мистер Виктор Рота?

— Если да, то что?

— Куплен ордер на ваш арест. Вы обвиняетесь в убийстве некоего Сиднея Лиги. Желаете перекупить?

— Возможно, — Майлз недовольно скривился. Этого еще не хватало. — Кто платит за мой арест?

— Некто по имени Кавило.

Майлз покачал головой:

— Я его даже не знаю. Он случайно не из службы полианской гражданской безопасности?

Полицейский проверил свою информационную панель:

— Нет, — и добавил доверительно: — Полианцы почти никогда не имеют с нами дела. Они считают, что мы обязаны отдавать им преступников бесплатно. Как будто мы хотим получить их потом обратно!

— Хм, стало быть, для вас это вопрос спроса и предложения, — Майлз шумно выдохнул. Иллиан не будет в восторге от этого конкретного счета в своей смете расходов. — Сколько этот Кавило предложил за меня?

Полицейский снова сверился с панелью. Его брови поползли вверх:

— Двадцать тысяч бетанских долларов. Должно быть, вы ему сильно нужны.

Майлз издал легкий всхлип:

— У меня столько нет!

Полицейский достал свою шоковую дубинку.

— Ну, тогда...

— Мне нужно кое-что устроить.

— Вам придется кое-что устраивать из изолятора, сэр.

— Но я опоздаю на корабль!

— Наверное, в этом и была идея, — согласился полицейский. — Принимая во внимание время заявки и прочие обстоятельства.

— Допустим, если это все, что нужно этому Кавило, он потом возьмет и отзовет свою заявку?

— Тогда он потеряет значительную сумму залога.

Джексоonianское правосудие воистину слепо. Оно продается любому.

— Э, могу я обменяться парой слов со своим помощником?

Поджав губы, полицейский с подозрением осмотрел Оверхолта:

— Только быстро.

— Что думаете, сержант? — тихо спросил Майлз, повернувшись к Оверхолту. — У них, похоже, нет ордера на вас.

Оверхолт выглядел напряженно, сжатый рот выдавал досаду, а глаза — почти что панику.

— Если бы нам удалось добраться до корабля...

Дальше можно было не продолжать. Эскобарцы разделяли негативные отношения Пола к «законам» Джексоonianского Консорциума. Оказавшись на борту лайнера, Майлз ступил бы на эскобарскую «землю», и капитан добровольно не выдал бы его. Мог бы, или стал бы, Кавило оплачивать ордер на задержание целого эскобарского лайнера? Сумма была бы астрономическая.

— Попробуем.

Майлз повернулся к служащим Консорциума, протягивая руки, чтобы сдаться. Оверхолт рванулся в бой.

Первый пинок сержанта отбросил в сторону дубинку гигантского громила. Используя инерцию, Оверхолт вихрем закрутился и с огромной силой ударил сжатыми руками в голову второго громила. Майлз уже двигался. Увернувшись от грубого захвата, он со всех ног понесся прочь через вестибюль. В этот момент он заметил третьего громила, в гражданской одежде. Майлз угадал, кто он такой, по блеску силовой ловушки, которую тот бросил перед мелькающими ногами Майлза. Человек хохотнул, глядя, как Майлз упал вперед, пытаясь кувырнуться и спасти свои ломкие кости. Майлз шлепнулся о покрытие пола вестибюля так, что у него перехватило дыхание. Удержавшись от вскрика, он вдохнул через сжатые зубы, чувствуя, как боль в груди соревнуется с жжением от силовой сети, опутавшей его ноги, и вывернулся на полу, глядя в ту сторону, откуда бежал.

Менее гигантский громила стоял согнувшись, держась за голову и пытаясь унять головокружение. Другой поднимал свою дубинку с того места, куда она укатилась. Метод исключения подсказывал, что парализованная туша на полу должна была быть сержантом Оверхолтом.

Громила с дубинкой посмотрел на Оверхолта, покачал головой и перешагнул через него, направляясь к Майлзу. Получивший по голове громила вытащил свою шоковую дубинку, разрядил ее в голову лежащего и не оглядываясь последовал за первым. Очевидно, никто не хотел покупать Оверхолта.

— За сопротивление при аресте будет десятипроцентный штраф, — холодно заметил лежащему Майлзу ведущий переговоры полицейский. Майлз скосил глаза вверх вдоль блестящих колонн его сапог, и тут на него обрушилась шоковая дубинка.

После третьего ослепляющего удара он начал кричать. На седьмом ударе он потерял сознание.

Майлз пришел в себя чересчур скоро: двое полицейских все еще тащили его, держа между собой. Он непроизвольно вздрагивал, а с дыханием были какие-то проблемы: нерегулярные неглубокие вдохи не давали достаточно воздуха. Волны острых уколов прокатывались по его нервной системе. От их маршрута у него осталось калейдоскопическое воспоминание о лифтовых шахтах и сменяющих друг друга, пустых, сугубо функциональных коридорах. Наконец они рывком остановились. Когда громилы отпустили его руки, он упал на карачки, а потом осел на холодный пол.

Еще один работник гражданской безопасности уставился на него поверх комм-пульта. Чья-то рука схватила голову Майлза за волосы и отдернула назад, на мгновение его ослепило красное мерцание сканера сетчатки. Кажется, его глаза стали сверхчувствительны к свету. Его дрожащие руки были прижаты к чему-то вроде идентификационной панели. Когда его

отпустили, он снова бесформенной кучей упал на пол. Его карманы опустошили: парализатор, удостоверения, билеты, наличность — все это в беспорядке запихали в пластиковый пакет. Майлз издал приглушенный раздосадованный писк, когда его белую куртку со всеми ее полезными секретами тоже запихнули в пакет. Пакет запечатали, прижав его большой палец к застежке.

Служащий изолятора вытянул шею:

— Он будет перекупать?

— Анх... — промычал Майлз в ответ, когда его голову опять оттянули назад.

— Он говорил, что будет, — помог Майлзу громила, проводивший арест.

Служащий покачал головой:

— Придется подождать, пока сойдет шок. Думаю, ребята, вы перестарались: он же всего лишь маленький коротышка.

— Да, но с ним был здоровый мужик и от него нам досталось. Маленький мутант, похоже, был за главного, так что мы дали ему возможность расплатиться за обоих.

— Это справедливо, — признал служащий. — Что ж, придется подождать. Бросьте его пока в карцер: мы поговорим, когда его перестанет трясти.

— Думаешь, это хорошая идея? Парнишка, конечно, выглядит забавно, но, возможно, не откажется поучаствовать в торговле. Он все еще может себя выкупить.

— Ммм, — служащий изолятора с подозрением осмотрел Майлза. — Ну, тогда бросьте его в отстойник к техникам Марды. Это ребята спокойные, они его не тронут. К тому же им скоро улетать.

Майлза снова потащили: ноги не слушались, а только спазматически дергались. Скобы на ногах, должно быть, произвели усиливающий эффект на шоковые удары, доставшиеся его ногам, или, быть может, причина заключалась в их сочетании с силовой ловушкой. Длинная комната, похожая на помещение казармы, с рядами коек вдоль каждой стены, проплыла перед его глазами. Громилы довольно бережно опустили его на пустую койку в относительно свободном от людей конце комнаты. Старший сделал слабую попытку выпрямить его и набросил на все еще непроизвольно дергающееся тело легкое покрывало, после чего они ушли.

Прошло немного времени, в течение которого ничто не отрывало Майлза от полноценного вкушения гаммы новых физических ощущений. Он думал, что собрал все возможные виды агонии в свою коллекцию, но шоковые дубинки громил отыскивали в его теле нервы, синапсы и ганглии, об обладании которыми он даже не подозревал. Ничто так не способствует концентрации внимания на самом себе, как боль. Становишься солипсистом. Но, похоже, она ослабевала. Если бы только прекратились эти квазиэпилептические приступы, так истощавшие его...

Лицо возникло у него перед глазами. Знакомое лицо.

— Грегор! Как я рад тебя видеть, — тупо пробормотал Майлз. И почувствовал, как расширились его слезящиеся глаза. Руки сами собой вцепились в одежду Грегора — голубую робу арестанта. — Какого черта ты тут делаешь?!

— Это долгая история.

— А! А! — Майлз с трудом поднялся на локте и начал дико озираясь, ожидая увидеть наемных убийц, призраков или неизвестно кого. — Господи! А где...

Грегор положил ему руку на грудь и заставил снова лечь.

— Успокойся, — и добавил еле слышно: — И замолчи!... Тебе нужно отдохнуть. Ты сейчас не очень хорошо выглядишь.

Вообще-то, Грегор, сидевший на краю койки Майлза, и сам выглядел не лучшим образом. Его лицо, бледное и усталое, было покрыто щетиной. Обычно по-военному подстриженные и причесанные черные волосы спутались, а карие глаза выдавали нервное напряжение. Майлз судорожно сглотнул, сдерживая панику.

— Мое имя Грег Бликман, — поспешил проинформировать Майлза император.

— Не помню, какое в данный момент имя у меня, — Майлз запнулся. — Ах, да. Виктор

Рота. Кажется. Но как ты выбрался с...

Грегор неуверенно огляделся:

— Полагаю, у этих стен есть уши?

— Да, может быть, — Майлз приумолк. Человек на соседней койке покачал головой, всем своим видом выражая пожелание, чтобы Господь избавил его от соседства таких придурков, отвернулся и закрыл голову подушкой. — Но, э... ты сюда попал, как бы, э... по собственной воле?

— К сожалению, все это сделал я сам. Помнишь, мы с тобой шутили по поводу возможности убежать из дома?

— Ну?

— Ну, — Грегор вздохнул, — это оказалась довольно плохая идея.

— Ты что, не мог догадаться об этом заранее?

— Я... — Грегор замолчал, уставившись через длинную комнату на охранника, сунувшего голову в дверь и прокричавшего: «Пять минут!» — О, черт.

— Что? Что?

— За нами пришли.

— Кто пришел за кем? Какого черта здесь происходит, Грегор... Грег?

— У меня было место на грузовом корабле — я так думал, но меня вышвырнули здесь. Не заплатив, — быстро объяснил Грегор. — Кинули. У меня с собой не было даже полмарки. Я пытался устроиться на какой-нибудь отходящий корабль, но прежде чем мне это удалось, меня арестовали за бродяжничество. Джексо́нианские законы просто безумны, — добавил он задумчиво.

— Я знаю. Что потом?

— Они, очевидно, устраивали специальный рейд. Похоже, какой-то предприниматель продает технически подкованную рабочую силу аслундцам для работы на их станции в Ступице, они там отстают от графика.

Майлз моргнул:

— Рабская сила?

— Своего рода. Пряник в том, что по истечении срока заключения нас выпускают на станции Аслунд. Большинство из этих техников, похоже, не слишком возражают. Платить не будут, но у нас — у них — будет еда и крыша над головой, кроме того, таким образом удастся избежать джексо́нианской полиции, так что в конце концов они окажутся в положении не хуже, чем сначала: без гроша и без работы. Большинство из них, кажется, считает, что в конце концов они найдут места на кораблях, уходящих с Аслунда. По крайней мере, быть без средств на Аслунде не такое ужасное преступление.

В голове у Майлза стучало.

— Так они тебя забирают?

Напряжение скапливалось в глазах Грегора, удерживаемое там, не получающее разрешения растечься по всему его одеревеневшему лицу:

— Прямо сейчас, я полагаю.

— Господи! Я не могу позволить...

— Но как ты меня здесь нашел... — начал в свою очередь Грегор, затем обеспокоенно посмотрел в другой конец комнаты, где мужчины и женщины в голубых робах, ворча, поднимались на ноги. — Ты здесь, чтобы?..

Майлз судорожно огляделся. Одетый в голубое мужчина на койке рядом с ним лежал на боку, разглядывая их скучающе и мрачно. Он был не очень высок...

— Ты! — Майлз с трудом перебрался с койки на пол рядом с соседом. — Хочешь избавиться от этой поездки?

Скука слегка сошла с лица мужчины:

— Как?

— Обменяемся одеждой. И удостоверениями. Я возьму твое место, ты — мое.

Сосед смотрел с подозрением:

— И в чем подвох?

— Никакого подвоха. У меня хороший кредит, и я собирался выкупить себя отсюда, — Майлз помолчал. — Но за сопротивление при аресте выйдет штраф.

— А, — обнаружив подвох, мужчина чуть более заинтересовался.

— Пожалуйста! Я должен быть вместе с... вместе с моим другом. Прямо сейчас, — ворчание на том конце комнаты усиливалось по мере того, как техники собирались у выхода. Грегор прохаживался за койкой собеседника Майлза.

Мужчина поджал губы.

— Не-а, — решил он. — Если то, во что ты вляпался, хуже всего этого, то я не хочу с этим связываться.

Он поднялся в сидячее положение, готовый встать и присоединиться к очереди на выход. Майлз, все еще скрюченный на полу, воздел руки в мольбе:

— Пожалуйста!

Грегор, занявший идеальную позицию, внезапно атаковал. Он схватил мужчину за горло отточенным удушающим захватом и перебросил через койку, подальше от ненужных взглядов. Слава Богу, барраярская аристократия все еще настаивала на военной подготовке для своих отпрысков. Майлз, шатаясь, поднялся, чтобы надежнее прикрыть происходящие от собравшихся в другом конце комнаты. С пола послышались звуки глухих ударов. Через несколько мгновений голубая арестантская роба вылетела из-под койки и шлепнулась к сандалиям Майлза. Присев на корточки, Майлз натянул ее поверх зеленой шелковой рубашки — к счастью, роба была немного великовата — затем кое-как запихнул ноги в последовавшие за робой штаны. Майлз услышал, как тело потерявшего сознание человека запихивают подальше от глаз под койку, после чего поднялся Грегор, слегка запыхавшийся и очень бледный.

— Не могу справиться с этими проклятыми завязками на поясе, — сказал Майлз. Они выскальзывали из его трясущихся рук.

Грегор подвязал Майлзу пояс и закатал слишком длинные штанины.

— Тебе нужно его удостоверение, иначе ты не сможешь получать пищу или регистрировать рабочее время, — прошипел Грегор уголком рта и искусно принял небрежную позу, облокотившись о край койки.

Майлз проверил свой карман и нашел стандартную компьютерную карточку.

— Порядок, — он встал рядом с Грегором, оскалившись в дикой ухмылке. — Похоже, я сейчас отключусь.

Рука Грегора сжалась на его локте:

— Не надо. Это привлечет внимание.

Они перешли в другой конец комнаты и влились в конец ерзающей, жалующейся, одетой в голубое очереди. Сонный охранник у дверей проверял их, проводя сканером по удостоверениям.

— Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять. Все. Уводите их.

Их передали другой группе охранников, одетых не в форму Консорциума, а в ливреи какого-то из малых джексоnianских Домов: черные с золотом. Майлз держал голову опущенной, пока их выводили из изолятора. Только рука Грегора удерживала его на ногах. Они прошли через один коридор, другой, вниз по лифтовой шахте — Майлза чуть не вырвало, пока они опускались — еще один коридор. «Что если на этом проклятом удостоверении есть локатор?» — вдруг подумал Майлз. Проходя мимо следующей шахты, он избавился от удостоверения: маленькая карточка, мелькая, тихо и незаметно улетела прочь в темную даль. Стыковочный отсек, люк, короткая невесомость в гибком стыковочном рукаве, и вот они на корабле. «Сержант Оверхолт, где ты сейчас?»

Было ясно, что они находились не на скачковом корабле, а на локальном транспорте, притом не очень большом. Мужчин отделили от женщин и развели по противоположным концам коридора, вдоль которого тянулись двери, ведущие в четырехместные кабинки. Арестанты разошлись, выбирая себе помещения без явного вмешательства со стороны

охраны.

Майлз произвел быстрый подсчет.

— Мы можем получить одну кабинку на двоих, если попробуем, — быстро шепнул он Грегору и нырнул в ближайшую. Оказавшись внутри, они сразу нажали кнопку управления дверью. Еще один арестант сделал попытку присоединиться к ним, но наткнулся на совместный рык: «Назад!», и поспешно ретировался. Дверь больше не открывалась.

В кабине было грязно, и отсутствовала такая роскошь, как постельное белье, но сантехника работала. Пока Майлз пил тепловатую воду, он услышал и почувствовал, как закрылся люк и корабль отстыковался. В настоящий момент они были в безопасности. Надолго ли?

— Как ты думаешь, когда очухается тот парень, которого ты придушил? — спросил Майлз сидевшего на краю одной из коек Грегора.

— Не уверен. Я никогда раньше не душил человека, — Грегор выглядел болезненно. — Я... почувствовал что-то странное под рукой. Боюсь, я мог сломать ему шею.

— Он все еще дышал, — заметил Майлз. Он подошел к нижней койке напротив и перетряхнул матрас. Паразитов видно не было. Майлз осторожно уселся. Сильные судороги проходили, оставляя только дрожь, но он все еще ощущал слабость в коленях. — Когда он очнется — вернее, когда его найдут, очнувшегося или нет, — им не понадобится много времени, чтобы определить, куда я делся. Следовало просто подождать, а потом поехать за тобой и выкупить тебя. Исходя из того, что я смог бы перекупить собственную свободу... Это была глупо! Почему ты меня не остановил?

Грегор уставился на него:

— Я думал, ты знаешь, что делаешь. Разве Иллиан не следует прямо за тобой?

— Насколько мне известно, нет.

— Я думал, ты сейчас в департаменте Иллиана. Я думал, тебя послали найти меня. Так это... не диковатая операция освобождения?

— Нет! — Майлз покачал головой и немедленно пожалел, что сделал это. — Может, тебе лучше начать сначала.

— Я был на Комарре в течении недели. Под куполами. Переговоры на высшем уровне по соглашениям о червоточных путях: мы все еще пытаемся убедить эскабарцев пропускать наши военные суда. Есть идея насчет того, чтобы позволить их инспекционным командам опечатывать вооружение на время прохода по их пространству. Наш генералитет считает, что это слишком много, их — что слишком мало. Я подписал пару соглашений — все, что Совет Министров подкладывал мне на стол...

— Уверен, что папа заставляет тебя действительно прочитывать их.

— Это да. В общем, был военный смотр — в тот день. Затем торжественный ужин, который закончился рано, поскольку паре переговорщиков нужно было поспеть на корабли. Я отправился в свое жилище: старинный городской дом какого-то олигарха. Большое сооружение у края купола, рядом с космопортом. Мои апартаменты располагались высоко в этом здании. Я вышел на балкон, но это не помогло: меня все еще мучила клаустрофобия, под этими куполами.

— А комаррцы, в свою очередь, не в восторге от открытого пространства, — справедливости ради заметил Майлз. — Я знал одного, у которого случались проблемы с дыханием — вроде астмы — всякий раз, когда он был вынужден выходить на свежий воздух. Чисто психосоматическое заболевание.

Грегор пожал плечами, разглядывая свои ботинки.

— В общем, я заметил... поблизости не было ни одного охранника. Для разнообразия. Уж не знаю, какого-растакого: раньше там был человек. Подумали, что я заснул, полагаю. Было уже полночь. Я не мог спать. Я перегнулся через балкон и думал, что, если я свалюсь... — Грегор замешкался.

— Все кончилось бы быстро, — сухо подсказал Майлз. Ему было знакомо такое состояние сознания, очень хорошо знакомо.

Грегор взглянул на него и иронично улыбнулся:

— Да. Я был немного пьян.

«Ты был сильно пьян».

— Быстро, да. Раскололся бы череп. Было бы сильно больно, но не долго. А может, и не сильно. Может, просто огненная вспышка.

Майлз вздрогнул, спрятав реакцию в своей дрожи от шоковой дубинки.

— Я перегнулся... и поймал какие-то растения. Тогда я осознал, что могу спуститься вниз так же легко, как и вверх. И даже легче. Я почувствовал себя свободным, как будто я и на самом деле умер. Я зашагал вперед. Никто меня не остановил. Все время я ожидал, что кто-нибудь меня остановит. В конце концов я оказался на грузовом поле космопорта. В баре. Сказал тому парню, торговцу, что я навигатор локального пространства. Я этим занимался во время службы на корабле. Якобы я потерял свое удостоверение и опасался, что барраярская полиция задаст мне взбучку. Он мне поверил. Или поверил во что-то. В любом случае, он предоставил мне место на корабле. Мы ушли с орбиты, наверное, даже раньше, чем мой ординарец пришел будить меня утром.

Майлз грыз костяшки пальцев:

— Значит, с точки зрения СБ, ты испарился из полностью охраняемой комнаты. Ни записки, ни следа... И на Комарре!

— Корабль направился прямо к Полу — я оставался на борту — а затем без остановок к станции Консорциума. У меня не очень-то получалось поначалу, на торговом корабле. Я думал, что справляюсь лучше. Похоже, нет. Но я подумал, что Иллиан, наверное, все равно идет по пятам.

— Комарр, — Майлз потер виски. — Ты понимаешь, что, должно быть, сейчас там творится? Иллиан будет убежден, что это какое-то похищение с политическими целями. Бьюсь об заклад, все оперативники СБ и половина армии рвут эти купола на кусочки, пытаясь тебя разыскать. И ты надолго их опережаешь. Они не будут смотреть дальше Комарра, пока... — Майлз посчитал дни на пальцах. — Однако Иллиан должен был дать сигнал всем своим внешним агентам... почти неделю назад. Ха! Ручаюсь, именно об этом было сообщение, которое взбудоражило Унгари, как раз перед тем, как он отбыл в такой спешке. Сообщение послали Унгари, но не мне. — «Не мне. Никто не берет меня в расчет». — Но это же должно было попасть в новости...

— Оно и попало, типа того, — ответил Грегор. — Было краткое сообщение, что я болен и отъехал на уединенный отдых в Форкосиган-Сюрло. Они скрывают.

Майлз живо все себе представил.

— Грегор, как ты мог так поступить! Они же там дома с ума сойдут!

— Мне жаль, — сухо ответил Грегор. — Я понял, что это была ошибка... почти сразу. Даже до того, как началось похмелье.

— Почему тогда ты не высадился на Поле и не отправился в барраярское посольство?

— Я подумал, что все еще могу... черт, — он внезапно прервал свою мысль. — Почему все эти люди распоряжаются мной?

— Ребячество, цирк, — сквозь зубы выдавил Майлз.

Грегор гневно вскинул голову, но ничего не сказал.

Полное осознание своего положения только начинало доходить до Майлза. «Я единственный человек во вселенной, кто знает, где сейчас находится император Барраяра. Если что-то случится с Грегором, я могу оказаться его наследником. На самом деле, если что-то случится с Грегором, довольно много людей подумает, что я...»

И если на Ступице Хеджена станет известно, кто такой в действительности Грегор, может случиться всеобщая свалка прямо-таки эпических пропорций. Джексоныанцы взяли бы его просто ради выкупа. Аслунд, Пол, Верван — любой и каждый из них может искать какую-нибудь политическую выгоду. И больше всего цетагандийцы: если они смогут тайно захватить Грегора, кто знает, к какому тонкому психологическому программированию они могут прибегнуть, а если открыто — к каким угрозам? И Майлз с Грегором были в ловушке

на корабле, который они не контролировали, причем Майлза в любой момент могут схватить и утащить громилы Консорциума или кто похуже...

Но Майлз сейчас был офицер СБ, пусть и младший, и скомпрометированный. А клятвенным долгом СБ была безопасность императора. Императора — объединяющего символа Барраяра. Грегора, чью плоть против воли втиснули в этот шаблон. Символ, плоть — что сейчас взывало к преданности Майлза? «И то, и другое. Он мой. Арестант, в бегах, преследуемый Бог знает какими врагами, в самоубийственной депрессии — и весь мой».

Майлз подавил идиотское хихиканье.

Глава 10

В результате некоторых размышлений, ставших возможными сейчас, когда отголоски действия шоковой дубинки постепенно сходили на нет, Майлз пришел к выводу, что ему нужно спрятаться. Грегор, занимая положение контрактного раба, был бы в тепле, сытости и безопасности на протяжении всего пути к станции Аслунда, если бы присутствие Майлза не поставило его под угрозу. Вполне возможно, так оно и есть. Майлз добавил этот жизненный урок к своему списку. Пусть это будет Правило 27Б. Никогда не принимать ключевые тактические решения, находясь под действием электро-конвульсивных припадков.

Майлз начал с осмотра их кабины. Судно не было тюремным кораблем: каюта изначально была спроектирована как дешевое место для пассажиров, а не защищенная камера. Пустые ящики для багажа под двумя нижними койками были слишком большими, и они сразу привлекают внимание во время обыска. Панель на полу, будучи откинутой, давала доступ к межпалубным системам управления, трубам с охлаждающей жидкостью, силовым кабелям и гравитационной решетке: длинной, узкой и плоской... Грубые голоса в коридоре заставили Майлза поторопиться с решением. Лицом вверх и плотно прижав руки к бокам, он вжался в тонкий слой свободного пространства и выдохнул.

— Ты всегда здорово играл в прятки, — восхищенно заметил Грегор и опустил панель.

— Я тогда был поменьше, — пробормотал Майлз через сплюснутые щеки. Трубы и коробка с проводкой вдавились в спину и ягодицы. Грегор защелкнул крепления, и на несколько минут все погрузилось в тишину и темноту. Как покойник в гробу. Как цветок под стеклом в гербарии. Или, какой-нибудь биологический экспонат. Законсервированный мичман.

Дверь с шипением открылась, шаги прошлись поверх тела Майлза, еще больше сплющивая его. Могут они заметить приглушенное эхо на этом участке пола?

— Вставай, технарь, — голос охранника, обращенный к Грегору. Глухие стуки и хлопанье: матрасы перевернули, а дверцы ящиков для багажа распахнули. Да, он правильно определил, что они были бесполезны.

— Где он, технарь? — по направлению шагов Майлз предположил, что Грегор сейчас был у стены, вероятно, с заломленной за спину рукой.

— Где кто? — спросил Грегор смазанным тоном. Так и есть, лицом к стене.

— Твой маленький приятель-мутант.

— Тот странный маленький парень, который зашел за мной? Он мне не приятель. Он ушел.

Еще шаркающие шаги...

— Оу! — руку императора приподняли еще на пять сантиметров, прикинул Майлз.

— Куда он пошел?

— Я не знаю. Он не очень хорошо выглядел. Кто-то обработал его шоковой дубинкой. Причем недавно. Я не хотел иметь с этим ничего общего. Он убрался минут за пять до расстыковки.

Молодчина Грегор! Может, он и в депрессии, но он не дурак. Губы Майлза растянулись. Его голова была повернута, одна щека касалась плиты пола сверху, а другую вжало во что-то, что напоминало терку для сыра.

Снова глухие удары.

— Хватит! Он ушел! Не бейте меня!

Нераспознаваемое ворчание охранника, треск шоковой дубинки, резкий вдох, шум со стороны нижней полки, где скрючивалось тело. Голос второго охранника, с оттенком неуверенности:

— Он, скорее всего, вернулся обратно на Консорциум еще до того, как мы отчалили.

— Хорошо, значит, это их проблема. Но нам лучше обыскать весь корабль, чтобы знать наверняка. Ребята из изолятора говорили, что вставят фитиль из-за этого парня.

— Они вставят или им вставят?

— Ха. Вот уж не знаю.

Ноги в ботинках — четыре штуки, по оценке Майлза — проследовали к двери каюты. Дверь с шипением закрылась. Тишина.

Майлз подумал, что у него сзади соберется замечательная коллекция шрамов к моменту, когда Грегор соизволит отщелкнуть крышку. С каждым движением легких ему удавалось получить около половины вдоха. И надо бы помочиться. Давай же, Грегор...

Он обязательно должен освободить Грегора от рабского рабочего контракта как можно скорее по прибытии на станцию Аслунда. Контрактные работники подобного рода обычно были обречены на самую грязную и самую опасную работу, на наибольшую подверженность радиации, на использование сомнительных систем жизнеобеспечения и на длинные, изнурительные часы в чреватых авариями условиях. Хотя, следует признать, такое положение было прикрытием, которое ни один враг сразу не раскусит. Когда они получают свободу передвижения, следует найти Унгари: человека с кредитными карточками и контактами, а после этого... Что ж, после этого Грегор станет проблемой Унгари, так? Да, все просто, четко и правильно. И совсем нет причин для паники.

Может, они увели Грегора с собой? Стоит ли освободиться самому и рискнуть...

Шаркающие шаги, расширяющаяся полоска света, и его крышка поднята.

— Они ушли, — прошептал Грегор.

Майлз, вынимая себя из формы один болезненный сантиметр за другим, выкарабкался на пол, и решил, что тот послужит ему подходящей временной остановкой. Очень скоро он попытается встать на ноги.

Грегор прижимал одной рукой красное пятно на щеке. Он смущенно опустил руку.

— Припечатали меня шоковой дубинкой. Это... было не так плохо, как я воображал, — по его виду можно было заподозрить, что он слегка гордился собой.

— Они использовали малую мощность, — проворчал в его сторону Майлз. Лицо Грегора стало более бесстрастным. Он предложил Майлзу руку. Майлз ухватился за нее, со стоном поднялся и тяжело сел на койку, после чего поделился с Грегором своими планами относительно поиска Унгари. Грегор пожал плечами, не собираясь спорить.

— Очень хорошо. Это будет быстрее, чем по моему плану.

— Твоему плану?

— Я собирался обратиться в барраярское консульство на Аслунде.

— А. Хорошо. — Майлз затих. — Пожалуй, ты... не особо и нуждался в моей помощи в деле своего спасения.

— Я мог бы сделать это и сам. До сих пор мне как-то удавалось справляться. Но... был еще и другой план.

— А?

— Не обращаться в барраярское консульство... Может, не так уж и плохо, что ты появился, — Грегор лег на свою койку, слепо уставившись вверх. — Ясно одно, подобная возможность никогда больше не появится.

— Возможность убежать? И сколько же народу умрет, там, дома, чтобы купить твою свободу?

Грегор поджал губы:

— Если рассматривать Претендентство Фордариана как отправную точку для оценки

дворцовых переворотов... Скажем, семь или восемь тысяч.

— Ты не учитываешь Комарр.

— Ах, да. Если добавить Комарр, то цифра возрастет, — признал Грегор. Его рот скривился в усмешке, совершенно лишенной юмора. — Не волнуйся, я не серьезно. Я просто... хотел знать. Я мог бы и сам со всем справляться, как ты думаешь?

— Конечно. Это не вызывает сомнений.

— У меня вызывало.

— Грегор, — пальцы Майлза раздраженно постукивали по колену. — Ты сам причина своих сомнений. У тебя в самом деле есть настоящая власть. Папа в течении всего регентства боролся, чтобы сохранить ее. Просто будь поуверенней!

— Значит, мичман, если я, твой верховный главнокомандующий, прикажу тебе оставить этот корабль на станции Аслунда и забыть, что ты когда-либо меня видел, ты так и сделаешь?

Майлз сглотнул:

— Майор Сесил говорил, что у меня проблемы с субординацией.

Грегор почти улыбнулся.

— Старина Сесил. Помню его, — его улыбка сошла на нет. Он повернулся и подпер голову локтем. — Но если я не могу контролировать даже одного довольно невысокого мичмана, то насколько же у меня меньше шансов контролировать армию или правительство? Вопрос не во власти. Я прошел через все лекции твоего отца по поводу власти: ее иллюзий и возможностей. Она придет ко мне со временем, хочу я этого или нет. Но хватит ли у меня сил справиться с ней? Подумай о моем плачевном поведении четыре года назад, во время заговора Фордрозды и Хессмана.

— Совершишь ли ты еще раз такую ошибку? Доверишься льстецу?

— Нет, такую не совершу.

— Вот видишь.

— Но я должен справляться лучше, или я буду для Барраяра так же плох, как если бы меня не было вовсе.

Интересно, насколько случайным был тот спуск с балкона? Майлз сжал зубы:

— Я не отвечал на твой вопрос — о приказе — как мичман. Я ответил как лорд Форкосиган. И как друг.

— А-а...

— Слушай, ты не нуждаешься в моей помощи. Той, что я могу предоставить. Может, в помощи Иллиана, но не в моей. Но вот мне от этого будет лучше.

— Всегда приятно чувствовать себя нужным, — согласился Грегор. Они медленно улыбнулись друг другу. Улыбка Грегора потеряла свою горечь. — И... приятно иметь компанию.

Майлз кивнул:

— Это точно.

В следующие два дня Майлз довольно много времени провел втиснутым под палубную панель или скрюченным в багажных ящиках, но их каюту обыскивали только один раз и то в самом начале пути. Дважды другие арестанты заходили поболтать с Грегором, и один раз, по предложению Майлза, Грегор нанес ответный визит. Вообще, по мнению Майлза, Грегор неплохо справлялся. Он как само собой разумеющееся, без всяких жалоб или замечаний, делил с Майлзом свой паек и отказался брать большую порцию, хотя Майлз и призывал его к этому.

Вскоре после того, как корабль состыковался со станцией Аслунда, Грегора увели вместе со всей рабочей командой. Майлз нервно ждал, стараясь продержаться как можно дольше, чтобы на корабле все успокоилось и команда расслабилась, и однако не настолько долго, чтобы появился риск, что корабль расстыкуется и отчалит вместе с ним на борту.

Когда Майлз осторожно высунулся из каюты, в коридоре было темно и пусто.

Стыковочный шлюз не охранялся — во всяком случае, с этой стороны. Майлз все еще был одет в голубую робу и штаны поверх остальной одежды с расчетом на то, что представителям рабочих бригад доверяли заботиться о функционировании станции и, по крайней мере на расстоянии, он не будет сильно выделяться.

Он с уверенным видом вышел из корабля и чуть не запаниковал, когда увидел человека в черной с золотом ливрее одного из джексоновских Домов, прохаживающегося возле выхода из шлюза. Его парализатор был в кобуре, а руки сжимали исходящую паром пластиковую чашку. Прищуренные красные глаза без интереса смотрели на Майлза. Майлз, не замедляя шага, удостоил его короткой улыбкой. Охранник скривился в ответ. Очевидно, в его задачу входило задерживать незнакомцев, идущих на корабль, а не сходящих с него.

Уже за шлюзом, на погрузочной площадке станции, обнаружился обслуживающий персонал в составе полудюжины одетых в комбинезоны и тихо работающих в одном конце помещения людей. Майлз глубоко вдохнул и с деловым видом, не смотря по сторонам, зашагал через площадку, как будто точно знал, куда направляется. Просто рассылный. Никто его не окликнул.

Ободренный успехом, Майлз целеустремленно зашагал в случайном направлении. Широкий пандус вывел его в большое помещение, заполненное звуками строительства и занятыми рабочими бригадами в самой разной форме: судя по наполовину собранному оборудованию, это будет площадка для заправки и ремонта истребителей. Как раз то, что заинтересовало бы Унгари. Майлз, в общем, и не надеялся, что ему настолько повезет, что... нет. Среди работавших бригад замаскированного Унгари видно не было. В помещении присутствовало несколько мужчин и женщин в синей аслундской военной форме, но это, по видимому, были переутомленные и погруженные в работу служащие инженерных подразделений, а не бдительная охрана. Тем не менее, Майлз живо проследовал мимо, скрывшись в очередном коридоре.

Он нашел портал, чьи прозрачные стены из оргстекла шарообразно раздавались в стороны, чтобы обеспечить проходящим людям широкий обзор. Он поставил ногу на нижний край, выглянул наружу — как бы невзначай — и чуть не подавился отборными ругательствами. На расстоянии нескольких километров сверкала коммерческая перевалочная станция. Прямо сейчас к ней стыковалась искорка корабля. По видимому, военная станция разрабатывалась как отдельный комплекс, или, по крайней мере, пока что они не были соединены. Не удивительно, что рабочие в голубых робах могут здесь свободно перемещаться. Майлз с легким неудовольствием уставился через разделявшее станции пространство. Что ж, сначала он изучит это место для Унгари, а уж потом все остальное. Уж как-нибудь. Он повернулся и...

— Эй, ты! Маленький технарь!

Майлз замер, сдерживая рефлексный порыв к бегству — в прошлый раз эта тактика не сработала — и повернулся, пытаясь отобразить на лице выражение вежливого вопроса. Его окликнул крупный, но не вооруженный мужчина, одетый в желто-коричневый комбинезон прораба. Его лицо выражало тревогу.

— Да, сэр? — отреагировал Майлз.

— Ты-то мне и нужен, — тяжелая рука опустилась на плечо Майлза. — Пошли со мной.

Майлз был вынужден последовать за мужчиной, стараясь оставаться спокойным и излучать разве что легкое скужающее раздражение.

— Какая у тебя специализация? — спросил мужчина.

— Водостоки, — нараспев ответил Майлз.

— Отлично!

Раздосадованный Майлз дошел с прорабом до места пересечения двух наполовину готовых коридоров. Стены сводчатого прохода зияли внутренностями, закрывающие панели лежали рядом, готовые к установке.

Прораб указал на узкое пространство между стенами.

— Видишь эту трубу?

Канализационная, судя по серому цветовому коду, с пневматической и гравитационной прокачкой. Она исчезала в темноте.

— Ну?

— Где-то за стеной этого коридора протечка. Влезай и найди ее, чтобы нам не отдирать все чертовы панели, которые мы только что поставили.

— Фонарик есть?

Мужчина покопался в карманах комбинезона и достал фонарик.

— Ладно, — вздохнул Майлз. — Она уже подключена?

— Скоро будет. Хреновина не прошла окончательный тест давления.

Значит, источаться будет только воздух. Майлз слегка повеселел. Может быть, полоса неудач подходит к концу?

Он скользнул внутрь и потихоньку пополз вдоль трубы, щупая и прислушиваясь. Примерно через семь метров он нашел, что искал: поток прохладного воздуха из щели под рукой, довольно ощутимый. Он покачал головой, попробовал повернуться в замкнутом пространстве и... проткнул ногой закрывающую панель.

Пораженный, он высунул голову в дырку, и посмотрел туда-сюда вдоль коридора. Оторвав кусок панели от края прорехи, он уставился на него, вертя в руках.

Два человека, с помощью искривших инструментов приваривавшие крепления светильников, повернулись и уставились на него.

— Какого черта ты делаешь? — гневно спросил тот, что был одет в желто-коричневый комбинезон.

— Инспекция по контролю за качеством, — бойко ответил Майлз, — и я вам скажу, у вас серьезная проблема.

Майлз подумал, не пропинать ли ему дыру пошире и дойти обратно по коридору, но вместо этого он развернулся и стал протискиваться назад. Вышел он рядом с нетерпеливо ожидавшим прорабом.

— Ваша протечка в шестой секции, — отчитался Майлз. Он протянул мужчине кусок панели: — Если эти коридоры действительно должны быть выложены панелями из легковоспламеняющегося волокна вместо кремниевых нитей — здесь, на военном объекте, который должен выдерживать огонь противника, — то кто-то нанял действительно слабого дизайнера. Если же нет... Предлагаю вам прихватить с собой пару громил с шокowymi дубинками и нанести визит вашему поставщику.

Прораб выругался. Сжав губы, он схватился за край ближайшей прикрывающей стену панели и резко дернул. Кусок размером с кулак треснул и оторвался.

— Сукины дети! И сколько этого уже установлено?

— Много, — охотно ответил Майлз. Он развернулся, намереваясь исчезнуть из поля зрения в полголоса чертыхавшегося прораба, пока тот не придумал ему другое задание. Раскрасневшийся и потный, Майлз понесся прочь и не успокоился, пока не сделал минимум двух поворотов.

Он прошел мимо пары вооруженных людей в серой с белом форме. Один из них повернулся и посмотрел на Майлза. Майлз прошел дальше, прикусив нижнюю губу и не оглядываясь.

Дендарийцы! То есть оссеровцы! Здесь, на станции... Сколько, где? Кроме этих двоих он никого не видел. Разве они не должны быть снаружи, патрулировать пространство? Он пожалел, что не мог снова оказаться за стеной, спрятавшись, как мышь в деревянных перекрытиях.

Но хотя большинство наемников здесь и представляли для него опасность, был один — настоящий дендариец, а не оссеровец, — кто мог бы помочь. Если ему удастся установить контакт. Если он решится установить контакт. Елена... Он мог бы найти Елену... Мысли понеслись вскачь.

Майлз оставил Елену четыре года назад в качестве жены База Джезека и ученицы Танга

по военной части — под максимальной защитой, которую он мог тогда обеспечить. Но он не получал известий от База с момента командного переворота Оссера — мог ли Оссер перехватывать их? Теперь База разжаловали, Танг определенно в опале — какое положение в наемном флоте занимала сейчас Елена?

И какое положение занимала она в его сердце? Он приостановился в тяжелом сомнении. Он страстно любил ее, когда-то. Когда-то она знала его лучше, чем любое другое человеческое существо. Но ее постоянное присутствие в его мыслях прошло, как прошла его скорбь о ее погибшем отце, сержанте Ботари. Все это постепенно скрылось за суетой его новой жизни. Лишь иногда приходила боль, как от старого перелома. Он хотел — и не хотел — снова увидеть ее. Снова говорить с ней. Снова прикоснуться к ней...

Но возвратимся к практическим вопросам. Она узнает Грегора: все они были друзьями детства. Вторая линия обороны для императора? Вновь устанавливать контакт с Еленой может быть и неудобно с эмоциональной точки зрения — ладно, не неудобно, а просто мучительно. Но это все же лучше, чем его бесполезные и опасные блуждания по станции. Сейчас, когда он разведал территорию, следует как-то получить возможность вовлечь в действие свои ресурсы. Сколько еще влияния имеет адмирал Нейсмит? Интересный вопрос.

Ему нужно найти место, где он мог бы наблюдать, оставаясь незамеченным. Было немало возможностей оставаться невидимым, будучи на виду, что как раз сейчас и демонстрировала его голубая роба. Но его необычный — ладно, очень маленький — рост не позволял полагаться только на одежду. Ему нужно... Во! Инструменты. Вроде того чемоданчика, который мужчина, одетый в желто-коричневый комбинезон, только что поставил на пол коридора, заходя в туалет. Майлз в мгновение ока схватил чемоданчик и быстро завернул за угол.

Миновав пару уровней, он вышел в коридор, ведущий в столовую. Хм. Каждый должен питаться — значит, каждый должен в свое время пройти по этому коридору. Запахи еды возбудили его желудок, который урчанием выразил протест против половинных и даже меньших рационов, получаемых в последние три дня. Майлз проигнорировал протест. Он снял со стены панель, в качестве легкой маскировки нацепил защитные очки, которые обнаружились в чемоданчике с инструментами, забрался внутрь стены, чтобы наполовину скрыть свой рост, и начал делать вид, что работает над блоком управления и какими-то трубами, декоративно разместив под рукой диагностирующие сканеры. Вид на коридор был превосходный.

Судя по струящимся запахам, сегодня подавали необычно качественную искусственную говядину, хотя с овощами они делали что-то ужасное. Он старался не пускать слюни на луч маленького лазерного паяльника, которым он манипулировал, наблюдая за проходящими мимо людьми. Очень немногие носили гражданскую одежду: одежда Роты, очевидно, была бы более подозрительна, чем голубая роба. Множество комбинезонов разных цветов (в зависимости от занятий своих владельцев), голубые роботы, несколько похожих зеленых роб, немало синих аслундских мундиров, большей частью низких званий. Может, дендарийцы-оссеровцы, пребывавшие на станции, питались где-то в другом месте? Он уже подумывал о том, чтобы покинуть свой пост — к этому времени он мог бы заремонтировать блок управления до смерти — когда мимо прошла парочка одетых в серое с белым. В лицо он их не знал и окликать не стал.

Майлз без энтузиазма прикинул свои шансы. Из примерно двух тысяч наемников, находившихся сейчас в районе аслундской точки скачка, он знал в лицо от силы несколько сотен и еще меньше по именам. Лишь несколько из кораблей флота были сейчас состыкованы с этой наполовину построенной военной станцией. И из этой доли от доли всего флота скольким он мог полностью доверять? Пяти? Он пропустил еще четверку людей в сером с белым, хотя он был уверен, что старшая среди них блондинка была инженером-техником с «Триумфа», и в свое время была предана Тангу. В свое время. Он все больше испытывал чувство голода.

Однако загорелое лицо следующего человека в сером с белым, проходящего по

коридору, заставило Майлза забыть о желудке. Это был сержант Чодак. Удача улыбнулась ему — возможно. Сам бы он рискнул, но ставить под угрозу Грегора?... Впрочем, время на сомнения не осталось: Чодак, в свою очередь, заметил Майлза. Глаза сержанта расширились от удивления, но затем его лицо быстро приняло невозмутимое выражение.

— Э, сержант, — приветственно воскликнул Майлз, постукивая по блоку управления, — взгляните, пожалуйста, сюда.

— Я сейчас, — махнул Чодак своему спутнику, человеку в форме аслундского рядового.

Когда их головы приблизились, а спины повернулись в коридор, Чодак прошипел:

— Вы с ума сошли! Что вы здесь делаете?! — судя по тому, что он опустил обычное «сэр», он был довольно взволнован.

— Это долгая история. А сейчас мне нужна ваша помощь.

— Но как вы сюда проникли? Адмирал Оссер поставил охрану по всей перевалочной станции, готовый к вашему появлению. Даже блоха не проскочила бы незамеченной.

Майлз постарался самодовольно улыбнуться.

— У меня свои методы, — а ведь следующим пунктом в его плане было придумать способ добраться до этой самой перевалочной станции... Воистину, Бог бережет глупцов и сумасшедших. — А сейчас я должен связаться с командором Еленой Ботари-Джезек. Срочно. Или, если с ней не получится, с инженер-коммодором Джезеком. Она здесь?

— Должна быть. «Триумф» стоит в доке. А коммодор Джезек, я знаю, на выезде, занимается тендером на ремонтные работы.

— Ну, если не Елена, то Танг. Или Арди Мейхью. Или лейтенант Элли Куин. Но я предпочел бы Елену. Скажите ей — и больше никому — что со мной наш старый друг Грег. Передайте ей, что я буду ждать ее через час в общежитии для контрактных работников, в комнате Грега Бликмена. Сможете?

— Смогу, сэр, — Чодак с обеспокоенным видом поспешил прочь.

Майлз быстро заделал разрушенную стену, поставил обратно панель, взял чемоданчик с инструментами и с деловым видом зашагал прочь, пытаясь не чувствовать себя так, будто у него над головой мигает красная сигнальная лампочка. Он не снял очки и опустил лицо, отыскивая самые пустые коридоры. В животе урчало. «Елена тебя накормит, — строго сказал он ему. — Потом». Увеличившееся число голубых и зеленых роб подсказало Майлзу, что он приближается к общежитию для контрактных работников.

Он нашел список жильцов и потратил некоторое время, отыскивая нужную строку: «Бликман, Г. Модуль Б, Комната 8». Найдя модуль, он проверил хронометр — Грегор уже должен был смениться — и постучал. Дверь тихо открылась и Майлз скользнул внутрь. Сонный Грегор сидел на своей койке. Это была комната на одного, дававшая возможность уединения, хотя в ней едва можно было повернуться. Возможность уединения была большей психологической роскошью, чем пространство. Даже рабы-техники должны содержаться хотя бы в минимальном довольстве, ведь у них было слишком много возможностей для потенциального саботажа, чтобы доводить их до крайности.

— Мы спасены, — объявил Майлз. — Я только что связался с Еленой.

Он тяжело сел на край койки, ослабевший от внезапно исчезнувшего на этом островке безопасности напряжения.

— Елена здесь? — Грегор провел рукой по волосам. — Я думал, ты хотел связаться с этим своим капитаном Унгари.

— Елена — это первый шаг к Унгари. Или, если с Унгари не получится, она поможет вытащить нас отсюда. Если бы Унгари, черт возьми, не настаивал на том, чтобы левая рука не знала, что делает правая, было бы намного проще. Но и так тоже сойдет, — он обеспокоено оглядел Грегора. — У тебя все было нормально?

— Несколько часов установки креплений для светильников не разрушат мое здоровье, уверяю тебя, — сухо ответил Грегор.

— Так вот чем они тебя заставляли заниматься. Немного не то, что я себе

представлял...

В общем, Грегор выглядел неплохо. На самом деле, император даже с воодушевлением отнесся к своим обязанностям в качестве бесправного работника, до той степени, до какой угрюмые стандарты Грегора позволяли ему испытывать воодушевление. «Может, стоит посылать его на соляные копи на пару недель каждый год, чтобы он был счастлив и доволен своей обычной работой». Майлз слегка расслабился.

— Трудно представить Елену Ботари в качестве наемника, — задумчиво добавил Грегор.

— Не стоит ее недооценивать, — Майлз скрыл мелькнувшее у него недостойное сомнение. Почти четыре года. Он знал, насколько сильно изменился за четыре года. А Елена? Едва ли ее годы были менее беспокойными, чем его. «Времена меняются. И люди меняются вместе с ними...» Нет. В Елене можно сомневаться с тем же успехом, что и в себе.

Получасовое ожидание, пока хронометр полз до назначенного момента, было неприятным: достаточным для того, чтобы ослабить поддерживающее Майлза нервное напряжение и напустить на него усталость, но не достаточным, чтобы дать ему возможность отдохнуть или взбодриться. Он с тоской ощущал, что теряет ощущение реальности, чувствовал настоятельную потребность в бдительности, в то время как бдительность и четкое мышление ускользали, будто песок между пальцами. Он еще раз проверил хронометр. Указать час было слишком неточно. Надо было назначить минуту. Но кто знал, какие сложности или задержки должна преодолеть Елена со своей стороны?

Майлз быстро проморгался, осознавая по своим несвязным и разбегающимся мыслям, что он засыпает сидя. Дверь с шипением отъехала, причем Грегор не отмыкал замок.

— Вот он, парни!

Полвзвода одетых в серое с белым наемников заполнили проем и коридор за ним. И без парализаторов и шоковых дубинок в руках участников этого навалившегося по его душу десанта было понятно, что эта серьезная компания пришла не от Елены. Всплеск адреналина лишь немного разогнал туман усталости в голове. «И чем мне теперь притворяться? Подвижной целью?» Он прислонился к стенке, не предпринимая никаких действий, хотя Грегор вскочил на ноги и сделал героическую попытку к сопротивлению в этой тесноте, точным ударом карате выбив парализатор из руки ближайшего наемника. Двое наемников за эту попытку размазали Грегора по стенке. Майлз поморщился.

Затем самого Майлза сдернули с койки и обмотали, трижды обмотали силовой сетью. Сеть обожгла его. Они использовали достаточный заряд, чтобы парализовать брыкающуюся лошадь. «За кого вы меня принимаете, ребята?»

Возбужденный командир взвода закричал в свой наручный комм:

— Я взял его, сэр!

Майлз иронично вздернул бровь. Командир взвода покраснел и выпрямился, его рука дернулась — он едва удержался, чтобы не отдать честь. Майлз слегка улыбнулся. Командир взвода поджал губы. «Ха! Почти поймал тебя, а?»

— Уведите их, — приказал наемник.

Майлза вынесли за дверь, зажато между двумя наемниками, его связанные ноги смешно болтались в нескольких сантиметрах от пола. Охающего Грегора тащили следом. Когда они проходили мимо поперечного коридора, Майлз увидел краем глаза напряженное лицо Чодака, проплывшее в тени.

Тогда он проклял свою способность к суждению. «Ты думал, что можешь читать в душах людей. Дескать, это твой единственный явный талант. Правильно. Конечно. Надо было... надо было... надо было...», — звучала насмешка в его голове, как будто какая-то отвратительная птица-падальщик каркала над тушей.

Когда их протащили через большой стыковочный отсек и маленький люк для персонала, Майлз мгновенно узнал, где он оказался. «Триумф» — малый дредноут, который иногда служил флагманским кораблем флота, — ныне снова выполнял эту функцию. Танг —

в его нынешнем шатком положении — когда-то был капитаном-владельцем «Триумфа» — еще до Тау Верде. И в те времена Оссер, как правило, предпочитал свой собственный корабль «Перегрин» в качестве флагмана... Не была ли такая замена неким тонким политическим ходом? Коридоры корабля обладали странной, болезненной, сильной узнаваемостью. Запахи людей, металла и машин. Этот покореженный сводчатый проход — наследие того безумного тарана, который позволил Майлзу захватить корабль в ту первую с ним встречу. Свод все еще не выпрямили как следует. «А я думал, что уже все позабыл».

Их гнали вперед быстро и тихо, пара бойцов впереди очищала коридор от свидетелей. Значит, предстоит очень личная беседа. Прекрасно, Майлза это устраивало. Он бы предпочел вообще избежать встречи с Оссером, но раз уж этому суждено случиться, то ему просто предстоит найти способ извлечь из этого выгоду. Он привел в порядок свой образ (как будто поправил манжеты рубашки): Майлз Нейсмит, космический наемник и таинственный делец, прибыл в Ступицу Хеджена, чтобы... Чтобы что? И, конечно, его мрачный, но верный спутник Грег — для Грегора тоже придется придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение.

Они прогремели по коридору мимо тактической рубки — боевого нервного центра «Триумфа» — и закончили свой путь в меньшем из двух залов для совещаний, расположенных напротив нее. Пластина головида в центре блестящего стола была темна и молчалива. Адмирал Оссер, столь же темный и молчаливый, сидел во главе стола. Рядом с ним находился бледный светловолосый человек: видимо лично преданный Оссеру лейтенант — в прежние времена Майлз его не видел. Майлза и Грегора с силой усадили на два кресла, отодвинутых от стола так, чтобы их руки и ноги были на виду. Оссер оставил одного охранника, а остальных отпустил в коридор.

Майлз отметил, что внешне адмирал не слишком изменился за прошедшие четыре года. Все такой же худощавый и с ястребиным лицом, разве что побольше седины на висках. По воспоминаниям Майлза он должен был быть повыше, но на самом деле, Оссер был ниже Метцова. Чем-то Оссер напомнил Майлзу генерала. Возрастом, сложением? Зловещими красными искрами во враждебно сверкающих глазах?

— Майлз, — пробормотал Грегор уголком рта. — Что ты сделал, чтобы вывести из себя этого парня?

— Ничего! — приглушенно запротестовал Майлз. — Во всяком случае, ничего нарочного.

Грегора это совсем не успокоило.

Оссер положил ладони на стол и наклонился вперед, уставившись на Майлза с хищной пристальностью. Если бы у Оссера был хвост, подумал Майлз, то он бы сейчас дергался туда сюда.

— Что ты здесь делаешь? — прямо, без всякого вступления начал Оссер.

«Ты приказал меня привести, забыл?» Нет, сейчас не время становиться остроумным. Майлз четко осознавал тот факт, что в данный момент он выглядел не лучшим образом. Но адмирала Нейсмита это бы не беспокоило, он для этого слишком целеустремлен. Нейсмит продолжал бы гнуть свое, даже если бы его самого покрасили в голубой цвет. И Майлз ответил в той же степени прямо:

— Заинтересованная, не участвующая в конфликте сторона, чьи суда проходят здесь транзитом, наняла меня провести военную оценку положения в Ступице Хеджена. — Да, вот так, открыто выдать правду тогда, когда в нее определенно не поверят. — Так как они не намерены устраивать спасательные операции, они хотели бы получить своевременное предупреждение, чтобы их граждане покинули Ступицу до того, как начнется вооруженный конфликт. По ходу дела я также торгую оружием. Самоокупающееся прикрытие.

Глаза Оссера сузились:

— Это не Барраяр...

— У Барраяра есть свои оперативники.

— Как и у Цетаганды... Аслунд опасается амбициозных планов Цетаганды.

— И это оправданно.

— Барраяр находится на том же расстоянии.

— По моему профессиональному мнению, — сражаясь с силовой сетью, Майлз удостоил Оссера коротким кивком, продолжая сидеть. Оссер чуть не кивнул в ответ, но сдержался. — Барраяр на ближайшее поколение не является угрозой Аслунду. Чтобы контролировать Ступицу Хеджена, Барраяр должен контролировать Пол. С учетом терраформирования их собственного второго континента, плюс открытие планеты Сергияр — у Барраяра сейчас более чем достаточно направлений для экспансии. И опять же, проблема удержания своенравного Комарра. В настоящий момент военный поход на Пол был бы чреват серьезным перенапряжением барраярских людских ресурсов. Дешевле дружить или, по крайней мере, соблюдать нейтралитет.

— Аслунд также опасается Пола.

— Вряд ли они станут сражаться, если только не напасть на них первыми. Поддерживать мир с Полом легко и недорого: нужно просто ничего не делать.

— А Верван?

— Я еще не делал оценку Вервана. Он следующий в моем списке.

— Да ну? — Оссер откинулся в кресле, скрещивая руки. Не похоже, чтобы он расслабился. — Я мог бы тебя казнить как шпиона.

— Но я же не вражеский шпион, — ответил Майлз, разыгрывая беззаботность. — Скорее дружественно нейтральный или даже — кто знает? — потенциальный союзник.

— И что тебе нужно от моего флота?

— Мой интерес к денда... к наемникам чисто академический, уверяю вас. Вы просто часть общей картины. Скажите, а какой у вас контракт с Аслундом? — Майлз наклонил голову, переходя на деловой тон.

Оссер чуть было не ответил, но потом раздраженно поджал губы. Если бы даже Майлз был бомбой с часовым механизмом, он не смог бы в большей степени овладеть вниманием наемника.

— Ну, давайте, — фыркнул Майлз, прерывая затянувшееся молчание. — Что я могу вам сделать, сам по себе с одним помощником.

— Я помню, как это было в прошлый раз. Ты вошел в пространство Тау Верде с четырьмя подчиненными. Четыре месяца спустя ты уже диктовал условия. Так что же ты планируешь сейчас?

— Вы переоцениваете мое влияние. Я просто помогал людям двигаться туда, куда они хотели. Придавал им ускорение, так сказать.

— Только не мне. Я потратил три года на восстановление влияния, которое потерял. В моем собственном флоте!

— Трудно угодить всем, — Майлз перехватил полный молчаливого ужаса взгляд Грегора и сбавил тон. Впрочем, неудивительно: Грегор ведь раньше не встречался с адмиралом Нейсмитом. — Даже вы не слишком пострадали.

Оссер еще сильнее сжал челюсти:

— А это кто такой? — большой палец вытянулся в сторону Грегора.

— Грег? Мой ординарец, — опередил Майлз открывшего рот Грегора.

— Он не выглядит как ординарец. Он выглядит как офицер.

Грегор едва различимо приободрился в ответ на это беспристрастное восхваление.

— Не следует судить по внешности. Коммодор Танг выглядит как профессиональный борец.

Внезапно взгляд Оссера заledenел.

— Действительно. И как давно вы поддерживаете связь с *капитаном* Тангом?

По внезапной легкости в желудке Майлз понял, что упоминание Танга было большой ошибкой. Он попытался сохранить на лице выражение прохладной иронии, не выдавая своего беспокойства:

— Если бы я поддерживал связь с Тангом, я бы не стал утруждать себя персональной

проверкой станции Аслунда.

Оссер поставил локти на стол, сцепил пальцы и долгую минуту молчаливо изучал Майлза. В конце концов он расцепил руки и указал на охранника, который выпрямился, готовый получить приказ. И Оссер его отдал:

— За борт их.

— Что?! — завопил Майлз.

— Ты, — палец переместился на молчаливого лейтенанта. — Пойдешь с ними. Проследишь, чтобы все было сделано. Воспользуйтесь люком доступа к левому борту, это ближе всего. Если *он*, — теперь палец указал на Майлза, — начнет говорить, вырви ему язык. Это его самый опасный орган.

Охранник распустил силовую сеть на ногах Майлза и рывком поднял его с кресла.

— Неужели вы даже не устроите допрос с применением химсредств? — спросил Майлз, у которого закружилась голова от столь внезапного поворота событий.

— И пустить заразу в головы моих дознавателей? Последняя вещь, которой бы я желал, это дать тебе повод говорить. С кем бы то ни было. Не могу придумать ничего более фатального, чем позволить гнили нелояльности начать разлагать собственную разведку. Что бы за речь ты ни запланировал, если лишить тебя воздуха, ты уже ничего не скажешь. Ты чуть не убедил меня самого, — Оссера едва не передернуло.

«У нас так хорошо получалось, м-да...»

— Но я... — они поставили на ноги и Грегора. — Но вам не обязательно...

Двое поджидавших бойцов из приведшего их подразделения присоединились к конвою, когда их спровадили за дверь и толчками быстро погнали вдоль коридора.

— Но!...

Дверь в конференц-зал с шипением закрылась.

— Дела неважные, Майлз, — заметил Грегор. Его лицо отражало дикую смесь отстраненности, гнева и смятения. — Есть еще хорошие идеи?

— Это же ты экспериментировал с полетами без крыльев. Разве происходящее намного хуже, чем свалиться вниз с высоты?

— Но то по собственной воле, — шлюзовой отсек уже показался впереди, и Грегор начал цепляться ногами, сопротивляясь, — а не по прихоти кучки... — теперь уже трое охранников включились с ним в борьбу, — ... грязных крестьян!

У Майлза ум начал заходить за разум. К дьяволу прикрытие.

— Знаете, парни, — громко сказал он. — Вы собираетесь выбросить за борт серьезный выкуп!

Двое охранников продолжали бороться с Грегором, но третий остановился:

— Насколько серьезный?

— Огромный, — пообещал Майлз. — Купишь свой собственный флот.

Лейтенант оставил Грегора и направился к Майлзу, вытаскивая вибронож. Майлз понял, что лейтенант интерпретировал приказ с ужасающей буквальностью, когда тот потянулся, чтобы схватить его за язык. У него почти получилось: со злым, похожим на жужжание насекомого подвыванием нож замаячил в сантиметрах от носа Майлза — Майлз укусил толстые пальцы и дернулся, разрывая хватку держащего его охранника. Силовая сеть, прижимающая его руки к туловищу, взвизгнула и затрещала, но не разорвалась. Майлз откинулся назад, врезаясь в пах стоящему сзади охраннику, который закричал от укуса силовой сети. Его хватка ослабла, и Майлз упал, перекатился и ударил лейтенанта под колени. Нельзя сказать, чтобы это был совершенный прием дзюдо, но лейтенант более или менее об него споткнулся.

Двое противников Грегора отвлеклись, как в ожидании дьявольски варварского шоу с виброножом, так и привлеченные абсолютно бесполезным сопротивлением Майлза. Они не заметили, как человек с загорелым лицом вышел из поперечного коридора, нацелил парализатор и выстрелил. Они конвульсивно изогнулись, когда заряды с жужжанием ударили их в спину, и как попало упали на палубу. Тот, кто держал Майлза, и сейчас

намеревался снова его схватить, в то время как Майлз как рыба вертелся вокруг, обернулся как раз во время чтобы получить разряд луча прямо в лицо.

Майлз бросился на голову светловолосого лейтенанта, прижимая его — увы, лишь на мгновение — к палубе. Майлз изгибался, чтобы прижать силовую сеть к его лицу, но был с проклятием откинут в сторону. Лейтенант встал на одно колено, готовый броситься в атаку, и вертя головой в поисках цели, когда Грегор прыгнул на него и пнул в челюсть. Заряд парализатора ударил лейтенанта сзади по голове, и он упал.

— Чертовски чистая работа, — тяжело дыша обратился Майлз к сержанту Чодаку во внезапно наступившей тишине. — Не думаю, что они даже видели, что их ударило.

«Итак, значит я не ошибся в нем сначала. Стало быть, я не потерял хватку. Благослови тебя Бог, сержант».

— Вы двое и сами дрались не так уж плохо для людей, чьи руки связаны за спиной, — обеспокоенно и восхищенно покачав головой, Чодак зашагал к ним, чтобы снять силовые сети.

— Ну что за команда, — произнес Майлз.

Глава 11

Быстрое постукивание ботинок дальше по коридору привлекло взгляд Майлза, и у него перехватило дыхание. Он выдохнул и поднялся. Елена!

На ней была повседневная форма офицера наемного флота: серая с белым куртка с карманами, брюки, сверкающие высокие ботинки на длинных, длинных ногах. По-прежнему высокая, по-прежнему стройная, все та же бледная без изъянов кожа, карие с искорками глаза, изогнутый аристократический нос и длинный изящный подбородок. «Она остригла волосы», — подумал Майлз, стоя как истукан. Исчез сверкающий каскад черных волос, падающий до самой талии. Сейчас волосы были острижены над ушами, лишь маленькие черные пятнышки изящно подчеркивали высокие скулы и лоб, и точно такой же узор на затылке: строго, практично, продуманно. По-военному.

Она быстро подошла, окидывая взглядом Майлза, Грегора, четырех оссеровцев.

— Хорошая работа, Чодак, — она опустила на колено рядом с ближайшим телом и проверила пульс на шее. — Они мертвы?

— Нет, просто парализованы, — объяснил Майлз.

Она с некоторым сожалением посмотрела на открытую внутреннюю дверь переходного шлюза:

— Полагаю, мы не можем выкинуть их за борт.

— Они собирались сделать это с нами, но все же нет. Однако следует, вероятно, убрать их с глаз долой, пока мы не скроемся, — ответил Майлз.

— Верно, — она поднялась и кивнула Чодаку, который принялся помогать Грегору затащить парализованные тела в шлюз. Она нахмурилась, глядя на светловолосого лейтенанта, которого проносили мимо ногами вперед. — Хотя отдельным личностям и не повредило бы оказаться за бортом.

— Ты можешь обеспечить нас убежищем?

— За этим мы и пришли, — она обернулась к трем солдатам, которые появились вслед за ней, двигаясь с большой осмотрительностью. Четвертый стоял на страже у ближайшего поперечного коридора. — Похоже, нам повезло, — сказала она им. — Выдвигайтесь вперед и расчистите нам отходной путь. Незаметно. Затем исчезайте. Вас здесь не было, и вы этого не видели.

Они кивнули и отступили. Майлз услышал удаляющийся шепот: «Это он самый?» — «Ага...»

Майлз, Грегор и Елена, вместе с телами, удобно уместились в шлюзе и временно закрыли внутреннюю дверь. Чодак остался за дверью на страже. Елена помогла Грегору стянуть ботинки с близкого ему по росту оссеровца, в то время как Майлз вылез из своего

голубого арестантского наряда и остался в помятой одежде Виктора Роты, сильно сдавшей за четыре дня, пока он не снимая носил ее, спал в ней и к тому же здорово потел. Майлз хотел заменить ненадежные сандалии на ботинки, но ни одна пара даже близко не подходила ему по размеру.

Грегор, быстро натягивая серую с белым форму и ботинки, обменялся с Еленой настороженно изумленными взглядами.

— Это действительно ты, — Елена в смятении покачала головой. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь по ошибке, — ответил Грегор.

— Да ну. Чьей?

— Боюсь, моей, — сказал Майлз. И к некоторому его неудовольствию, Грегор не стал опровергать это заявление.

Особая улыбка, впервые с момента их встречи, коснулась губ Елены. Майлз решил не уточнять, что эта улыбка означала. Этот поспешный деловой разговор не был похож ни на одну из десятка бесед, которые он мысленно репетировал, готовясь к этой первой, мучительной встрече с ней.

— Нас начнут искать через несколько минут, когда эти парни не явятся доложить о выполнении приказа, — нервно заметил Майлз. Он подобрал два парализатора, силовую сеть и вибронож и сунул их за пояс. Немного подумав, он быстро избавил четырех оссеровцев от кредитных карт, пропусков, удостоверений и некоторого количества наличности, набив ими карманы свои и Грегора, а также позаботился о том, чтобы Грегор выбросил свое отслеживаемое арестантское удостоверение. К своему тайному удовольствию, он также обнаружил наполовину съеденную плитку пищевого рациона и принялся время от времени вгрызаться в нее. Он все еще жевал, когда Елена первой вышла из шлюза обратно в коридор. Майлз честно предложил кусочек Грегору, но тот покачал головой: вероятно, он пообедал в той столовой.

Чодак быстренько поправил форму на Грегоре, и они зашагали прочь. Майлза держали в центре: и чтобы скрыть, и чтобы защитить. Прежде чем им овладел приступ паранойи из-за своей уязвимости, они добрались до лифтовой трубы и выбрались из нее несколькими палубами ниже, где оказались в большом грузовом шлюзе, соединенном с шаттлом. Солдат из посланного Еленой вперед отряда, будто бы бесцельно подпиравший стенку, кивнул им. Отдав полуформальный салют Елене, Чодак отделился, и они с солдатом поспешили прочь. Майлз и Грегор последовали за Еленой через гибкий стыковочный переход в пустой грузовой отсек одного из шаттлов «Триумфа», резко сменив искусственную гравитацию корабля-носителя на головокружительную невесомость. Они проплыли вперед к кабине пилота. Елена задраила люк за ними и быстро указала Грегору на пустое кресло у пульта инженера-связиста.

Кресла пилота и второго пилота были заняты. Арди Мейхью приветственно осклабился поверх плеча в сторону Майлза и то ли махнул, то ли отдал честь. Майлз узнал гладко выбритую круглую голову второго человека еще прежде, чем тот обернулся.

— Здравствуй, сынок, — улыбка Ки Танга была скорее иронична, нежели приветлива. — Добро пожаловать назад. Ты не особо спешил.

Танг сидел скрестив руки и честь отдавать не стал.

— Здравствуй, Ки, — Майлз кивнул евразийцу. Танг, по крайней мере, не изменился. По-прежнему выглядел то ли на сорок, то ли на шестьдесят. По-прежнему сложением напоминал древний танк. По-прежнему казалось, что он видит больше, чем говорит, — довольно неудобно для тех, чья совесть не чиста.

Пилот Мейхью проговорил в свой комм:

— Диспетчер, я проследил, откуда красный сигнал у меня на панели. Неверные данные по давлению. Все исправлено. Готовы отчаливать.

— Давно пора, «С-2», — ответил невидимый собеседник. — Можете лететь.

Быстрые руки пилота активировали герметизацию внешнего люка, нацелили

позиционные двигатели. Немного шипения и лязга, и шаттл оторвался от корабля-носителя, выходя на полетную траекторию. Мейхью отключил комм и облегченно вздохнул:

— Свободны. Пока.

Елена закрепилась поперек прохода позади Майлза, зацепившись длинными ногами. Чтобы компенсировать легкие маневры Мейхью, Майлз обхватил рукой поручень.

— Надеюсь, ты прав, — заметил Майлз. — Хотя и не понятно, почему ты так думаешь.

— Он имеет в виду, что мы можем свободно говорить, — ответила Елена. — Речь не идет о свободе в каком-нибудь космическом смысле. Если не считать неучтенных пассажиров, это обычный, предусмотренный графиком полет. Мы знаем, что вас еще не хватились, иначе диспетчер бы нас не выпустил. Сперва Оссер прикажет обыскать «Триумф» и военную станцию. Может быть, нам даже удастся перекинуть вас обратно на борт «Триумфа», когда поиск перейдет на более дальние территории.

— Это план «Б», — пояснил Танг, крутнувшись в кресле, чтобы боком повернуться к Майлзу. — Или, может быть, план «В». План «А», основанный на предположении, что ваше спасение пройдет намного шумнее, состоял в том, чтобы сразу же бежать на «Ариэль», которая сейчас в дозоре, и объявлять революцию. Я благодарен судьбе, что у нас появился шанс проделать все несколько, э-э, менее спонтанно.

Майлз крикнул:

— Бог ты мой! Это было бы похуже, чем в первый раз, — катиться вперед через цепь взаимосвязанных, неподконтрольных ему событий, служить знаменосцем какого-то наемнического военного мятежа, быть выставленным во главу парада со свободой воли, сравнимой с той, что имеет голова, насаженная на пику... — Нет. Только не спонтанно. Однозначно нет.

— Что ж, — Танг сложил толстые пальцы домиком. — Так каков же твой план?

— Мой что?

— План, — Танг произнес это слово с сардонической тщательностью. — Другими словами, почему ты здесь?

— Оссер задал мне тот же вопрос, — вздохнул Майлз. — Ты можешь поверить, что я здесь случайно? Оссер не смог. Ты случайно не знаешь, почему он не смог, а?

Танг поджал губы.

— Случайно? Может быть... Твои «случайности», как я однажды заметил, имеют обыкновение так осложнять жизнь твоим противникам, что зрелые и осмотрительные стратеги зеленеют от зависти. Так как эти «случайности» происходят слишком часто, я сделал вывод, что это, должно быть, неосознанная воля. Если бы только ты остался со мной, сынок, то мы бы вдвоем смогли... Или, может, ты великий авантюрист и просто используешь все доступные возможности. В таком случае я обращаю твое внимание на возможность взять дендарийских наемников обратно.

— Ты не ответил на мой вопрос, — заметил Майлз.

— А ты на мой, — парировал Танг.

— Мне не нужны дендарийские наемники.

— А мне нужны.

— А-а... — Майлз помолчал. — Почему бы тебе тогда не отделиться с теми, кто тебе предан, и не организовать свой собственный флот? Такое бывало.

— И поплыть через космические просторы? — Танг изобразил пальцами движение рыбьих плавников и надул щеки. — Оссер контролирует всю технику. Включая мой корабль. «Триумф» — это все, что я накопил за тридцатилетнюю карьеру. И потерял из-за твоих махинаций. Кто-то должен мне дать другой. Если не Оссер, то... — Танг со значением вперил взгляд в Майлза.

— Я попытался дать тебе взамен целый флот, — защищаясь, ответил Майлз. — Как это ты — старый стратег — потерял над ним контроль?

Танг стукнул пальцем по левой половине груди, признавая туше.

— Сначала все было неплохо, год-полтора после того, как мы отбыли из Тау Верде.

Получили подряд два славных маленьких контракта поближе к восточной сети — малые диверсионные операции, беспроегрышные варианты. Ну, не слишком беспроегрышные — пришлось попотеть, но мы их провели.

Майлз бросил взгляд на Елену:

— Да, я слышал об этом.

— На третьей операции начались проблемы. Баз Джезек все больше и больше уделял внимание технике и ее обслуживанию — он хороший инженер, должен признать, — я был тактическим командующим, а Оссер — я тогда считал, за неимением других кандидатур, а теперь думаю, по продуманному плану, — взял на себя административную нудятину. Каждый делал то, что у него получалось лучше всего, и могло бы неплохо получиться, если бы Оссер работал с нами, а не против нас. В аналогичной ситуации я бы подослал наемных убийц. Оссер нанял партизанствующих бухгалтеров. На третьем контракте нас слегка потрепали. Баз был по уши в инженерных и ремонтных делах, и к тому времени, как я выбрался из лазарета, Оссер подписал нас на одну из его любимых небоевых миссий — охрану червоточины. Долгосрочный контракт. В то время это казалось хорошей идеей. Но он получил преимущество. Без реальных сражений я, — Танг кашлянул, — заскучал, перестал следить за делами. Оссер обошел меня с флангов еще прежде, чем я сообразил, что у нас с ним война. Он обрушил на нас свою финансовую реорганизацию...

— Я говорила тебе не доверять ему, еще за шесть месяцев до этого, — хмуро вставила Елена. — После того, как он попытался соблазнить меня.

Танг неловко пожал плечами:

— Это казалось вполне понятным искушением.

— Трахнуть жену своего командира? — глаза Елены вспыхнули. — Или чью бы то ни было жену? Я знала, что он не надежен. Если мои клятвы ничего не значили для него, то сколько стоили его собственные?

— Ты сказала, что он принял отказ, — начал оправдываться Танг. — Если бы он продолжал доставать тебя, я бы вмешался. Я считал, ты должна была быть польщена и просто проигнорировать его.

— Подобные подкатывания содержат такие суждения о моей личности, которые мне совершенно не льстят, спасибо, — отрезала Елена.

Майлз скрытно и сильно прикусил костяшки пальцев, вспоминая свои собственные страстные желания.

— Это мог быть один из первых шагов в его борьбе за власть, — вставил он. — Попытка найти слабые места в обороне противника. И в этом случае, он их не нашел.

— Хм, — Елену, кажется, слегка успокоила такая точка зрения. — В общем, от Ки помощи не было, а я устала изображать Кассандру. Естественно, Базу я сказать не могла. Но двурушничество Оссера явилось полным сюрпризом не для всех из нас.

Танг недовольно нахмурился:

— С учетом ядра из его собственных сохранившихся кораблей, все, что ему было нужно, это привлечь голоса половины остальных капитанов-владельцев. Осон проголосовал в его пользу. Я чуть не задушил мерзавца.

— Ты сам потерял Осона, своим нытьем насчет «Триумфа», — вставила Елена, все еще пребывая в язвительном настроении. — Он думал, что ты угрожаешь его капитанству.

Танг пожал плечами:

— Пока я был начальником штаба и тактическим командующим, стоял во главе флота во время реальных сражений, я и не думал, что он мог действительно повредить мой корабль. Мне хватало и того, что «Триумф» участвует в деле, как если бы он был собственностью корпорации флота. Я мог и подождать... Пока ты не вернешься, — его черные глаза сверкнули в сторону Майлза, — и мы не узнаем, что на самом деле происходит. Но ты так и не вернулся.

— Король вернется и нас рассудит, да? — пробормотал Грегор, с восхищением слушавший весь разговор. Он поднял бровь, взглянув на Майлза.

— Пусть это будет для тебя уроком, — сквозь стиснутые зубы проворчал Майлз в ответ. Грегор, уже менее веселый, затих.

Майлз повернулся к Тангу:

— Я уверен, Елена освободила вас от иллюзий, что мое немедленное возвращение вообще возможно.

— Я пыталась, — пробормотала Елена. — Хотя... Полагаю, я и сама не удержалась и чуть-чуть на это надеялась. Могло случиться, что ты... оставил бы свой другой проект, вернулся бы к нам.

«Если бы я вылетел из Академии, так?»

— Я не мог оставить тот проект. Разве что в случае собственной смерти.

— Сейчас я это понимаю.

— Через пять минут, максимум, — вставил Арди Мейхью, — мне нужно будет либо соединиться с диспетчерской перевалочной станции для стыковки, либо рвануть к «Ариэли». Что выбираем, народ?

— Я могу по одному слову привлечь на твою сторону больше сотни верных офицеров и сержантов, — сказал Танг Майлзу. — Четыре корабля.

— Почему не на твою сторону?

— Если бы я мог, я бы уже это сделал. Но я не стану разрывать флот на части, если я не уверен, что смогу собрать его снова. Весь целиком. Но с тобой в качестве лидера, с твоей репутацией, которая росла вместе с байками про твои дела...

— Лидера? Или символа? — образ той головы на пике снова вспыхнул в воображении Майлза.

Танг неопределенно развел руками:

— Как пожелаешь. Основная масса офицерского состава присоединится к тому, кто будет побеждать. А значит, мы должны очень скоро выглядеть победителями, если мы вообще будем что-то предпринимать. У Оссера тоже около сотни лично преданных ему человек, и нам придется их физически подавить, если он будет стоять на своем. Что приводит меня к мысли о том, что вовремя совершенное убийство может спасти множество жизней.

— Весело. Я думаю, ты слишком долго работал вместе с Оссером, Ки. Вы начинаете думать одинаково. Еще раз. Я пришел сюда не за тем, чтобы захватить командование наемным флотом. У меня другие приоритеты, — он сдержался, чтобы не посмотреть на Грегора.

— Какие другие?

— Как насчет предотвращения планетарной гражданской войны? Возможно, межзвездной?

— С профессиональной точки зрения я в этом не заинтересован, — это была лишь отчасти шутка. И правда, какое дело Тангу до страданий Барраяра?

— Заинтересован, если ты на стороне, обреченной на поражение. Тебе платят только за победу, и ты сможешь потратить свои деньги, только если останешься жив, наемник.

Узкие глаза Танга еще более сузились:

— Что ты знаешь такое, чего не знаю я? Мы что, действительно обречены на поражение?

«Я уж точно, если не верну Грегора домой».

— Извини, я не могу об этом говорить. Я должен добраться... — Пол для него закрыт, станция Консорциума недоступна, а Аслунд стал сейчас еще более опасен. — До Вервана. — Он взглянул на Елену. — Доставьте нас обоих на Верван.

— Ты работаешь на верванцев? — спросил Танг.

— Нет.

— На кого тогда? — руки Танга дернулись, его так распирало от любопытства, что казалось, он был готов выжать информацию силой.

Елена тоже заметила это неосознанное движение.

— Ки, осади, — резко сказала она. — Если Майлз хочет Верван, то он его получит.

Танг посмотрел на Елену, на Мейхью:

— Вы за него или за меня?

Елена задрала подбородок:

— Мы оба давали клятву верности Майлзу. Баз тоже.

— И ты еще спрашиваешь, зачем ты мне нужен! — гневно воскликнул Танг, указывая Майлзу на пару соратников. — Что это за большая игра, про которую вы все, кажется, всё знаете, а я совершенно не в курсе?

— Лично я ничего не знаю, — чирикнул Мейхью. — Я просто иду за Еленой.

— Это что, цепочка командования или цепочка доверчивости?

— А есть разница? — осклабился Майлз.

— Ты нас выдал, появившись здесь, — продолжал убеждать Танг. — Подумай! Мы тебе помогли, ты уйдешь, и мы окажемся один на один с яростью Оссера. Свидетелей уже слишком много. В победе еще может быть спасение, но никак не в полумерах.

Майлз с мукой во взоре посмотрел на Елену, представляя, и в свете недавних событий весьма живо, как тупые злобные громилы выкидывают ее за борт. Танг с удовлетворением отметил, что его воззвание подействовало на Майлза, и самодовольно откинулся в кресле. Елена гневно посмотрела на Танга. Грегор беспокойно завозился:

— Я думаю... Если вы станете изгнанниками из-за того, что действуете в Наших интересах, — Елена, как увидел Майлз, тоже услышала эту официальную заглавную «Н», а Танг и Мейхью, естественно, нет. — Мы позаботимся, чтобы вы не пострадали. По крайней мере, в финансовом отношении.

Елена кивнула в знак понимания и согласия. Танг наклонился к ней, оттопырив большой палец в сторону Грегора:

— Так, ладно, кто этот парень?

Елена молча покачала головой. Танг издал легкое шипение:

— Я не вижу, чтобы у тебя были какие-то средства, сынок. Что если мы станем трупами из-за то, что действуем в ваших интересах?

— Мы шли на такой риск и за меньшее, — заметила Елена.

— За меньшее, чем что? — раздраженно воскликнул Танг.

Мейхью, со слегка отстраненным взглядом, коснулся наушника:

— Время принимать решение, народ.

— Этот корабль может перелететь через систему? — спросил Майлз.

— Нет. Для этого он недостаточно заправлен, — Мейхью пожал плечами, извиняясь.

— А также недостаточно быстр и вооружен, — добавил Танг.

— Вам придется нелегально провести нас на коммерческий транспорт, через аслундскую СБ, — с несчастным видом сделал вывод Майлз.

Танг осмотрел свой маленький непокорный комитет и вздохнул:

— Меры безопасности строже для тех, кто прибывает, чем для тех, кто отбывает. Думаю, это можно устроить. Стыкуй нас, Арди.

После того, как Мейхью пристыковал грузовой шаттл к назначенной погрузочной нише перевалочной станции аслундцев, Майлз, Грегор и Елена затаились в запертой кабине пилота. Танг и Мейхью отправились «посмотреть, что можно сделать», как выразился (довольно легкомысленно, по мнению Майлза) Танг. Майлз сидел и нервно грыз костяшки пальцев, пытаясь не вскакивать от каждого лязгающего звука или шипения роботов-погрузчиков, размещающих грузы для наемников по другую сторону переборки. Майлз с завистью заметил, что спокойный профиль Елены не дергался от каждого легкого шума. «Когда-то я ее любил. Кто она сейчас?»

И можно ли не влюбиться снова в эту новую личность? У него появилась возможность выбрать. Она казалась сильнее, высказывалась увереннее — это было хорошо, и в то же время у ее мыслей появился горький привкус. Плохо. Эта горечь доставляла ему боль.

— У тебя все было нормально? — нерешительно спросил он ее. — Ну, если оставить в стороне эту неразбериху со структурой командования. Танг хорошо к тебе относится? Он должен был стать твоим наставником. Дать тебе в реальной работе то обучение, что я проходил в классных комнатах...

— О, он хороший наставник. Пичкает меня военной информацией, тактикой, историей... Я теперь могу провести любую фазу боевого десантирования: материально-техническое обеспечение, топографическую съемку, атаку, отход, даже срочный взлет и аварийное приземление шаттла, если ты не против легкой встряски. Я почти уже могу в действительности выполнять обязанности, связанные с моим фиктивным званием, по крайней мере в том, что касается техники. Ему нравится учить.

— Мне показалось, что ты немного... напряженно с ним разговаривала.

Они кивнула:

— Сейчас все напряженно. Невозможно «оставить в стороне» эту неразбериху со структурой командования, спасибо. Хотя... Полагаю, я не вполне простила Танга за то, что он в этом деле оказался не безупречен. Я его таким считала, поначалу.

— Ну, да, нынче вокруг много всякого небезупречного происходит, — заметил Майлз, чувствуя себя неуютно. — Э-э... Как Баз?

Он хотел спросить: «Твой муж хорошо к тебе относится?» — но не стал.

— Он в порядке, — ответила она, но выглядела не очень счастливо. — Однако удручен. Думаю, эта борьба за власть была для него чуждой, отталкивающей. В душе он технарь, он видит работу, которая должна быть сделана, и делает ее... Танг намекает, что если бы Баз не зарылся в технических делах, он мог бы предвидеть... предотвратить... сопротивляться перехвату командования, но я думаю, все было наоборот. Он не мог опуститься до того, чтобы бороться на уровне Оссера — вонзать кинжалы в спину, поэтому отступил туда, где можно было следовать своим стандартам честности... еще некоторое время. Этот заговор повлиял на боевой дух и командиров, и подчиненных.

— Я сожалею, — ответил Майлз.

— Надеюсь, что так, — ее голос сорвался, выровнялся, посуровел. — Баз чувствовал, что подвел тебя, но еще прежде ты подвел нас, когда не вернулся. Не ждал же ты, что мы вечно будем поддерживать эту иллюзию.

— Иллюзию? — переспросил Майлз. — Я знал... Знал, что это будет трудно, но я думал, вы... Сможете врасти в ваши роли. Сделаете этих наемников своими.

— Этого может быть достаточно для Танга. Я думала, может, этого будет достаточно и для меня, пока не дошло до смертей... Я ненавижу Барраяра, но лучше служить Барраяру, чем ничему, или своему собственному эго.

— Чему служит Оссер? — любопытно спросил Грегор, поднятием бровей отреагировавший на это двойственное заявление об их родине.

— Оссер служит Оссеру. «Флоту», как он говорит, но флот служит Оссеру, так что здесь короткое замыкание, — ответила Елена. — Флот не родина. Ни домов, ни детей... полная стерильность. Впрочем, я не против помогать аслундцам, они в этом нуждаются. Бедная планета. И напуганная.

— Ты и Баз, и Арди могли уйти, жить самостоятельно, — начал Майлз.

— Как? — прервала Елена. — Ты оставил дендарийцев под нашу ответственность! Баз уже однажды был дезертиром. Больше этого не повторится.

«Значит, я во всем виноват, — подумал Майлз. — Прекрасно».

Елена повернулась к Грегору, чье лицо приобрело странное осторожное выражение, когда он слушал ее обвинения в том, что Майлз их бросил.

— Ты все еще не сказал, что ты вообще здесь делаешь, помимо того, что вляпываешься в историю. Это должно было быть какой-нибудь тайной дипломатической миссией?

— Сам объясняй, — сказал Майлз Грегору, стараясь не скрипеть зубами. «Расскажи-ка ей про балкон».

Грегор пожал плечами, отводя глаза от ровного взгляда Елены:

— Как и Баз, я дезертировал. Как и Баз, я обнаружил, что вопреки моим надеждам от этого не стало лучше.

— Видишь, как важно вернуть Грегора домой как можно скорее, — вставил Майлз. — Они думают, что он пропал. Возможно похищен.

Майлз выдал Елене короткую отредактированную версию их случайной с Грегором встречи в изоляторе Консорциума.

— Бог мой, — Елена поджала губы. — Я, по крайней мере, вижу, почему для тебя так важно поскорей сбывать его с рук. Если с ним что-то случится, пока ты рядом, пятнадцать политических группировок воскликнут: «Измена!»

— Да, такая мысль приходила мне в голову, — буркнул Майлз.

— Перво-наперво падет центристская коалиция твоего отца, — продолжала Елена. — Реакционные милитаристы сплотятся вокруг графа Форинниса, я полагаю, и встанут стеной против либеральных антицентралистов. Франкоговорящие захотят выдвинуть Форвилля, русские — Фортугалова, или он уже умер?

— Ненормальные ультра-правые изоляционисты, выступающие под лозунгом «Взорви червоточину!», выставят графа Форттрифрани на поле битвы против антифорской прогалактической группировки, мечтающей о конституции, — мрачно вставил Майлз. — И поле битвы будет не только в переносном смысле.

— Граф Форттрифрани меня пугает, — вздрогнула Елена. — Я слышала его речи.

— Это все из-за великосветской манеры, с которой он вытирает пену, выступающую у него на губах, — ответил Майлз. — Греческое меньшинство воспользуется моментом и попытается отделиться...

— Прекратите! — опустив лоб на руки, глухо попросил Грегор.

— Я думала, это как раз твоя работа, — едко заметила Елена. Грегор поднял голову и уныло взглянул на нее. Она смягчилась, уголки ее губ слегка приподнялись. — Жалко, что я не могу предложить тебе работу во флоте. У нас всегда найдется место для офицеров с базовым военным образованием. Хотя бы для того, чтобы учить остальных.

— Стать наемником? — отреагировал Грегор. — Интересная мысль...

— Вполне реально. Многие из наших людей — бывшие служащие регулярных армий. Некоторые даже законно уволившиеся.

Воображение зажгло глаза Грегора скудным весельем. Он посмотрел на рукава своей серой с белым куртки:

— Если бы ты здесь был главным, а, Майлз?

— Нет! — вскричал Майлз, перекрывая все прочие звуки.

Огонек в глазах Грегора погас:

— Это была шутка.

— Не смешно, — Майлз осторожно выдохнул, молясь, чтобы Грегору не пришлось в голову превратить свою шутку в приказ. — Как бы там ни было, сейчас мы пытаемся добраться до баррарского консульства на Верванской станции. Надеюсь, оно все еще там. Я уже несколько дней не слышал никаких новостей: что там у верванцев?

— Насколько мне известно, все течет по-прежнему, за исключением обострившейся паранойи, — ответила Елена. — Верван вкладывает ресурсы в корабли, а не станции...

— Имеет смысл, если приходится охранять более одной червоточины, — признал Майлз.

— Но это заставляет Аслунд считать Верван потенциальным агрессором. Есть даже одна аслундская политическая группировка, которая призывает нанести превентивный удар, прежде чем новый верванский флот сойдет со стапелей. К счастью, пока что верх одерживают сторонники защитной стратегии. Оссер назначил заградительно высокую цену за нашу атаку. Он не дурак. Он знает, что аслундцы не смогут предоставить нам поддержку. Верван тоже привлек к себе наемный флот в качестве временной меры. На самом деле, именно это подсказало аслундцам идею нанять нас. Тех ребят называют рейнджерами Рендолла, хотя, насколько я понимаю, Рэндолла с ними уже нет.

— Нам не стоит с ними пересекаться, — горячо заявил Майлз.

— Я слышала, их новый заместитель командующего — баррарец. Может, вам удастся получить от них какую-нибудь помощь.

Грегор поднял брови, размышляя:

— Один из агентов Иллиана? Это похоже на него.

Не туда ли отправился Унгари?

— В любом случае, следует с ними быть осторожными, — признал Майлз.

— Да уж пора бы, — тихо прокомментировал Грегор.

— Командующего рейнджерами зовут Кавило...

— Как? — воскликнул Майлз.

Елена изогнула брови:

— Просто Кавило. Никто, похоже, не знает, имя это или фамилия...

— Кавило зовут того, кто пытался купить меня — или Виктора Роту — на станции Консорциума. За двадцать тысяч бетанских долларов.

Брови Елены остались изогнутыми:

— Зачем?

— Не знаю, зачем, — Майлз снова обдумал их маршрут. Пол, Консорциум, Аслунд... Нет, все равно Верван. — Но нам определенно следует избегать верванских наемников. Мы сойдем с корабля и отправимся напрямик к консулу, ляжем на дно и даже не пикнем, пока люди Иллиана не прибудут, чтобы забрать нас домой, обещаю, мамочка! Так и сделаем.

Грегор вздохнул:

— Так и сделаем.

Больше никаких игр в секретных агентов. Все напряжение его сил привело лишь к тому, что Грегора чуть не убили. Майлз решил, что пришло время поубавить усердие.

— Странно, — сказал Грегор, глядя на Елену. Новую Елену, догадался Майлз. — А ведь у тебя больше боевого опыта, чем у любого из нас.

— Чем у вас двоих вместе взятых, — сухо поправила Елена. — Да, что ж... реальное сражение... оно намного глупее, чем я себе представляла. Если две группы людей могут достичь столь невероятного уровня взаимодействия, чтобы встретиться в битве, почему бы не потратить десятую часть этих усилий на переговоры? Хотя это не относится к партизанским войнам, — продолжила она задумчиво. — Партизан — это враг, который не будет играть в игры. Это я еще могу понять. Если ты собираешься действовать безжалостно, то почему бы не совершенно безжалостно? Этот третий контракт... Если мне еще раз придется участвовать в партизанской войне, я бы хотела оказаться на стороне партизан.

— Между совершенно безжалостными противниками сложнее добиться мира, — высказал мысль Майлз. — Война не заканчивается сама по себе, за исключением случаев какой-нибудь катастрофы со скатыванием в полный ад. В конце концов люди стремятся к миру. К более лучшему миру, чем тот, с какого войну начинали.

— Кто может быть более безжалостным более продолжительное время, тот и побеждает? — предложил Грегор.

— Мне кажется, это не так. С исторической точки зрения. Если то, что ты делаешь во время войны ведет тебя к такой деградации, что достигаемый тобой мир хуже... — голоса из грузового отсека заставили Майлза прервать предложение, но это оказались вернувшиеся Танг и Мейхью.

— Давайте, — поторопил их Танг. — Если Арди не будет укладываться в график, это привлечет внимание.

Они высыпали в грузовой отсек, где стоял Мейхью, держа в руках управляющий шнур от плавающего поддона с двумя прикрепленными упаковочными пластиковыми коробками.

— Твой друг сойдет за солдата флота, — сказал Танг Майлзу. — А для тебя я нашел ящик. Более классическим вариантом было бы завернуть тебя в ковер, но так как капитан транспорта мужчина, боюсь, историческая параллель пропадет втуне.

Майлз с сомнением разглядывал ящик. Кажется, дырок для воздуха в нем не было.

— И куда вы меня повезете?

— У нас устроена постоянно-временная лазейка для скрытного перемещения разведчиков флота. Гот — это капитан внутрисистемного грузовоза, независимый владелец, он верванец, но уже три раза выполнял наши поручения за мзду. Он перевезет вас через систему, проведет через верванскую таможенную. После этого идите куда хотите.

— Насколько эта операция опасна для вас всех? — обеспокоился Майлз.

— Ничуть не опасна, — ответил Танг. — Все учтено. Он будет думать, что перевозит очередных агентов наемников. Он делает это за определенную плату и, естественно, будет держать рот на замке. Пройдет несколько дней, прежде чем он вернется и его можно будет допросить. Я все это организовал сам: Елена и Арди не появлялись, так что он не сможет их выдать.

— Спасибо, — тихо сказал Майлз.

Танг кивнул и вздохнул:

— Если бы ты только остался тогда с нами... Какого военного я мог бы сделать из тебя за эти три года.

— Если вас уволят из-за того, что вы нам помогали, — добавил Грегор, — Елена будет знать, как связаться.

Танг скривился:

— Связаться с чем, а?

— Лучше не знать, — сказала Елена, помогая Майлзу занять место в упаковочной коробке.

— Ладно, — проворчал Танг, — хотя... ладно.

Майлз оказался лицом к лицу с Еленой, прощаясь до тех пор, пока... что? Она обняла его, но затем точно также, по-сестрински, обняла и Грегора.

— Передай привет своей матери, — сказала она Майлзу. — Я часто вспоминаю ее.

— Хорошо. Э-э... Мои лучшие пожелания Базу. Скажи ему, что все в порядке. Ваша личная безопасность прежде всего: твоя и его. Дендарийцы — это... это... — он не мог собраться с духом и сказать «не важно» или «наивная мечта», или «иллюзия», хотя последнее и было ближе всего, — это была хорошая попытка, — закончил он неуклюже.

Взгляд, которым она одарила его, был холодный, острый и непонятный... хотя нет, он опасался, что довольно понятный. «Идиот» или еще покрепче. Он сел, пригнул голову к коленям и позволил Мейхью укрепить крышку, чувствуя себя зоологическим экспонатом, который упаковывают, чтобы отправить в лабораторию.

Переезд прошел гладко. Майлз и Грегор оказались помещенными в маленькую, но добротную каюту, предназначенную для летавшего иногда на грузовозе суперкарго. Примерно через три часа после того, как они взошли на борт, корабль отстыковался: прочь от Аслундской станции и опасности раскрытия. Никаких оссеровских поисковых партий, никаких криков... Танг, вынужден был признать Майлзу, все еще хорошо делал свое дело.

Майлз был весьма благодарен судьбе за возможность вымыться, почистить одежду, нормально пообедать и спокойно поспать. У маленькой команды корабля, похоже, была аллергия на их коридор, так что он и Грегор были полностью предоставлены самим себе. Три дня безопасности, пока он в очередной раз тащился через Ступицу Хеджена, опять под другим обличьем. Следующая остановка — баррарское консульство на Верванской станции.

О Боже, а ведь ему придется написать отчет обо всем происшедшем, когда они туда доберутся. Откровенные признания в одобряемом Имперской СБ официальном стиле (сухом как пыль, насколько можно судить по тем образцам, что он читал). Вот Унгары, проехав тем же путем, произвел бы на свет колонки конкретных, объективных данных, полностью готовых для анализа с шести различных точек зрения. А что сосчитал Майлз? «Ничего, я был в ящике». Он не мог предложить ничего, кроме внутреннего ощущения, основанного на том ограниченном обзоре, что ему удалось урвать, пока он улепетывал чуть ли не от всех громил-

охранников в этой системе. Может, ему сфокусировать свой отчет на силах безопасности? Мнение одного энсина. Руководство будет в восторге.

Итак, какое же у него сложилось мнение к настоящему моменту? Ну, непохоже, чтобы Пол был источником неприятностей в Ступице Хеджена: они реагировали, а не активно действовали. Консорциум, кажется, в высшей степени равнодушен к идее военной кампании: единственный участник конфликта, достаточно слабый, чтобы эклектичные джексоnianцы могли на него напасть и побить, был Аслунд. Но в захвате Аслунда было бы мало выгоды: это частично терраформированный аграрный мир. Аслундом в достаточной степени овладела параноя, чтобы он стал опасен, но он лишь наполовину подготовлен и защищен наемной силой, ждущей только нужной искры, чтобы самой распасться на воюющие части. Никакой реально подкрепленной угрозы с этой стороны. Активное начало, энергия этой дестабилизации, по методу исключения, должна исходить из Вервана или через Верван. Как бы это выяснить... нет. Он поклялся прекратить шпионскую деятельность. Верван — чья-то чужая проблема.

Майлз грустно размышлял о том, не удастся ли уговорить Грегора предоставить ему высочайшее императорское дозволение не писать отчет, и о том, примет ли такое оправдание Иллиан. Наверное, нет.

Грегор был очень тих. Майлз, растянувшись на своей койке и заложив руки за голову, улыбнулся, чтобы скрыть беспокойство, когда Грегор — с некоторым сожалением, как показалось Майлзу, — отложил украденную дендарийскую форму и надел гражданскую одежду, которой поделился Арди Мейхью. Поношенные брюки, рубашка и куртка были ему коротковаты и висели чересчур свободно на его худой фигуре. Одетый таким образом, он выглядел бродягой-неудачником с пустым взглядом. Майлз про себя решил держать его подальше от высоких мест.

Грегор в свою очередь посмотрел на Майлза:

— Знаешь, ты был довольно странный в роли адмирала Нейсмита. Почти как другой человек.

Майлз приподнялся на локте:

— Думаю, Нейсмит — это я без тормозов. Без ограничений. Ему не нужно быть хорошим маленьким фором и вообще каким бы то ни было фором. У него нет проблем с субординацией, он не подотчетен никому.

— Я заметил, — Грегор сложил дендарийскую форму по барраярскому военному уставу. — Ты жалеешь, что приходится бросать дендарийцев?

— Да... нет... не знаю, — «Глубоко жалею». Цепочка командования, похоже, тянула среднее звено в обе стороны. Потяни сильнее и это звено дернется и оборвется... — Полагаю, ты-то не жалеешь, что покончил с контрактным рабством.

— Не жалею... Это было не то, что я представлял. Хотя та драка около шлюза была довольно необычной. Совершенно неизвестные люди хотели убить меня, даже не зная, кто я. Совершенно неизвестные люди, пытающиеся убить императора Барраяра, — это я еще могу понять. Но чтобы так... Мне об этом надо будет еще подумать.

Майлз позволил себе короткую кривую усмешку:

— Это как если тебя любят такого, какой ты есть, только наоборот.

Грегор бросил на него пронизательный взгляд.

— Елену было тоже странно увидеть снова. Почтительная дочь Ботари... Она изменилась.

— Я хотел, чтобы она изменилась, — признал Майлз.

— Кажется, она довольно привязана к своему дезертиру мужу.

— Да, — кратко ответил Майлз.

— Этого ты тоже хотел?

— Выбирать не приходится. Это... логично следует из целостности ее натуры. Я мог бы это предвидеть. Так как ее убеждения относительно верности только что спасли наши жизни, я едва ли... едва ли могу сожалеть о них, так?

Грегор многозначительно поднял бровь. Майлз подавил раздражение.

— В любом случае, я надеюсь, что у нее все будет в порядке. Оссер доказал, что он опасен. Она и Баз, похоже, защищены только предположительно пошатнувшимся влиянием Танга.

— Я удивлен, что ты не принял предложение Танга, — Грегор усмехнулся также коротко, как и Майлз до этого. — Сразу стать адмиралом. Пропустить все эти скучные баррарские промежуточные ступени.

— Предложение Танга? — Майлз фыркнул. — Разве ты его не слышал? Мне казалось, ты говорил, что папа заставлял тебя читать все эти договоры. Танг не предлагал командование, он предлагал драку с шансами один против пяти. Он искал союзника, солдата или пушечное мясо, но никак не начальника.

— Да. Хм, — Грегор откинулся на своей койке. — Пусть так. И все же мне интересно, не выбрал бы ты что-нибудь иное, чем это осторожное отступление, если бы меня не было рядом, — его веки прикрыли брошенный острый взгляд.

Майлза охватили видения. Достаточно вольная интерпретация пространного приказа Иллиана «используйте энсина Форкосигана, чтобы устранить дендарийских наемников из Ступицы» могла быть растянута настолько, чтобы включить в себя... нет.

— Нет. Если бы я не наткнулся на тебя, я бы сейчас был на пути на Эскобар с сержантом-нянькой Оверхолтом. А ты, я полагаю, все еще устанавливал бы светильники.

Это зависело, конечно, от того, что загадочный Кавило — командор Кавило — планировал для Майлза после того, как добрался бы до него, сидящего в изоляторе Консорциума.

Где же был сейчас Оверхолт? Доложил ли он в штаб, попытался установить контакт с Унгари или его убрал Кавило? Или он последовал за Майлзом? Жаль, что Майлз не мог последовать за Оверхолтом к Унгари... нет, тут замкнутый круг. Все это было запутано, и к тому же они из этого выбрались.

— Мы из этого выбрались, — высказал Майлз свое мнение Грегору.

Грегор потер бледный серый след на своем лице — исчезающую тень его встречи с шоковой дубинкой.

— Да, вероятно. Хотя у меня уже начало получаться со светильниками.

«Почти закончилось», — подумал Майлз, когда он и Грегор последовали за капитаном грузового корабля через шлюзовой рукав в стыковочный отсек Верванской станции. Ну, может не совсем. Вербанийский капитан нервничал, был чересчур услужлив и явно напряжен. И все же, если этот человек смог устроить транспортировку шпионов три раза, он уже должен понимать, что делает.

Стыковочный отсек с его резким освещением представлял собой обычную прохладную гулкую пещеру, приспособленную скорее к строгому прямолинейному вкусу роботов, нежели к гибкому вкусу людей. На самом деле, людей здесь и не было, а оборудование простаивало. Их путь заранее освободили, предположил Майлз, хотя если бы он сам все устраивал, он выбрал бы самый жаркий и хаотичный период погрузо-разгрузочных работ, чтобы незаметно что-нибудь провезти.

Глаза капитана бегали из угла в угол, и Майлз не мог удержаться, чтобы не следовать за его взглядом. Они остановились около пустой кабины управления.

— Подождем здесь, — сказал капитан. — Сейчас подойдут люди, которые проводят вас дальше.

Он оперся о стену кабины и несколько минут слегка постукивал по ней пяткой в некоем бездумном навязчивом ритме. Затем он прекратил стучать и выпрямился, повернув голову.

Шаги. Полдюжины человек появились из ближайшего коридора. Майлз напрягся. Люди в форме, с офицером, судя по их позам, однако это не была одежда верванийской службы безопасности: ни гражданской, ни военной. Незнакомые комбинезоны желто-коричневого цвета с короткими рукавами и черными петлицами и нашивками, невысокие

черные ботинки. В руках у них были парализаторы. «Но если он ходит как конвой и говорит как конвой, и крикает как конвой...»

— Майлз, — с сомнением пробормотал Грегор, обратив внимание на те же детали. — Это есть в сценарии?

Парализаторы были теперь направлены в их сторону.

— Ему это удалось три раза, — предположил Майлз с уверенностью, которой не чувствовал. — Почему не в четвертый?

Капитан грузовоза слабо улыбнулся и отступил от стены подальше от линии огня.

— Мне это удалось два раза, — сообщил он им. — На третий раз меня поймали.

Руки Майлза дернулись. Он осторожно развел их в стороны, сдерживая ругательства. Грегор тоже поднял руки, медленно, его лицо было удивительно бесстрастным. Как всегда, один ноль в пользу самоконтроля Грегора — это одно из достоинств, которое привила ему его полная ограничений жизнь.

Танг это устроил. Самолично. Знал ли он? Чтобы Танг их продал? Нет!...

— Танг сказал, что ты надежен, — проскрежетал Майлз капитану.

— Что мне Танг? — проворчал тот в ответ. — У меня семья, мистер.

Парализаторы были нацелены на них и двое — Боже, опять громилы! — солдат вышли вперед, чтобы поставить Майлза и Грегора лицом к стене и обыскать, освободив их от всего с трудом завоеванного у оссеровцев оружия, удостоверений и прочего. Офицер просмотрел изъятое.

— Да, точно, люди Оссера. — Он проговорил в наручный комм: — Мы их взяли.

— Продолжайте, — ответил тонкий голос. — Мы сейчас будем. Кавило, конец связи.

Очевидно, это и есть рейнджеры Рендолла, отсюда и неизвестная форма. Но почему нет ни одного верванийца?

— Прошу прощения, — мягко сказал Майлз офицеру, — но не действуете ли вы, господа, исходя из неправильного представления, что мы агенты аслундцев?

Офицер посмотрел на него сверху вниз и фыркнул.

— Не настало ли время открыть наши настоящие имена, — пробормотал свое предложение Майлзу Грегор.

— Интересная дилемма, — ответил Майлз уголком рта. — Надо выяснить, не расстреливают ли они шпионов.

Отрывистый стук шагов возвестил о прибытии новых людей. Когда звук вывернул из коридора, весь отряд подобрался. С рефлекторной военной учтивостью выпрямился и Грегор: его выправка выглядела очень странно в сочетании с одеждой Арди Мейхью. Без сомнения, наименее по-военному выглядел Майлз, стоявший с отпавшей челюстью. Он захлопнул рот, пока в него что-нибудь не влетело.

Пять футов роста плюс небольшая добавка за счет черных ботинок с не по форме высоким каблуком. Стриженные светлые волосы как ореол одуванчика на изящной голове. Желто-коричневая с черным с иголочки форма с позолоченными знаками отличия, превосходно подчеркивавшая линии ее тела. Ливия Ну!

Офицер отдал честь:

— Командор Кавило, мэм!

— Очень хорошо, лейтенант... — ее голубые глаза, заметив Майлза, расширились в неподдельном удивлении, быстро замаскированном. — О, Виктор, дорогой! — ее голос стал сладким от преувеличенной радости и восторга. — Какая фантастика встретить тебя здесь! Все еще продаешь чудесные костюмы глупым клиентам?

Майлз развел пустыми руками:

— Это весь мой багаж, мэм. Нужно было покупать, когда у вас была возможность.

— Надо же, — ее улыбка была натянутой и расчетливой. Майлза нервировал блеск ее глаз. Молчавший Грегор выглядел совершенно сбитым с толку.

«Так значит тебя зовут не Ливия Ну и ты не агент по снабжению». Какого же дьявола командующий верванийскими наемными силами встречается инкогнито на станции Пола с

представителем одного из самых могущественных домов Джексо́нианского Консорциума? «Это была не просто торговля оружием, дорогая».

Кавило/Ливия Ну подняла свой наручный комм к губам:

— Лазарет, «Десница Курина». Кавило на связи. Я посылаю вам парочку заключенных для допроса. Возможно, я и сама поприсутствую, — она отключила связь.

Капитан грузовоза сделал шаг вперед, одновременно испуганный и дерзкий:

— Моя жена и сын. Докажите, что они в безопасности.

Она расчетливо оглядела его:

— Вы можете пригодиться для еще одной поездки. Ладно, — она махнула рукой солдату. — Отведите этого человека на гауптвахту «Курина», и пусть он посмотрит на мониторы. Потом приведите его ко мне. Вы удачливый предатель, капитан. У меня для вас еще одно дело, которым вы сможете заработать их...

— Свободу? — требовательно спросил капитан.

Она слегка нахмурилась, недовольная, что ее прервали.

— Зачем я стану увеличивать вашу плату? Еще одну неделю жизни.

Он последовал за солдатом, сжав гневно руки, и предусмотрительно — зубы.

«Что за черт?» — подумал Майлз. Он не много знал о Верване, но был вполне уверен, что даже их законы военного времени не позволяли держать невинных заложников, чтобы обеспечить хорошее поведение неосужденных предателей.

Когда капитан ушел, Кавило снова включила связь:

— Служба безопасности «Десницы Курина»? А, хорошо. Я послала к вам моего ручного двойного агента. Прогоните для него запись, которую мы сделали неделю назад, чтобы его немного мотивировать, ладно? Позаботьтесь, чтобы он не догадался, что это не прямой эфир... верно. Кавило, конец связи.

Так семья капитана свободна? Или уже мертва? Содержится где-то еще? Во что это они тут вляпались?

Новый стук ботинок обогнул угол: тяжелая военная поступь. Кавило кисло улыбнулась, но, поворачиваясь к вновь прибывшему, смягчила выражение во что-то более приветливое:

— Станис, дорогой. Смотри, что за улов у нас на этот раз. Это тот маленький бетанский ренегат, который пытался торговать краденым оружием на Полианской станции. Похоже, он все-таки не такой уж независимый торговец.

Желто-коричневая с черным форма рейнджера прекрасно смотрелась на генерале Метцове, заметил Майлз, начиная сходить с ума. Сейчас был бы отличный момент закатить глаза и потерять сознание, если бы он только знал, как это делается.

Генерал Метцов стоял столь же пораженный, его металлические глаза внезапно засветились недобрым огнем:

— Он не бетанец, Кави.

Глава 12

— Он барраярец. И не простой барраярец. Нужно его спрятать, и быстро, — продолжил Метцов.

— Кто тогда его сюда послал? — Кавило по-новому посмотрела на Майлза, задумчиво скривив губу.

— Господь Бог, — с жаром провозгласил Метцов. — Бог послал его ко мне в руки.

Столь обрадованный, Метцов являл собой необычное и настораживающее зрелище. Даже Кавило подняла брови. Метцов перевел взгляд на Грегора:

— Мы отведем его и его... телохранителя, я полагаю... — речь Метцова замедлилась.

Изображения на банкнотах, сделанные несколько лет назад, не очень походили на Грегора, но император достаточно часто появлялся в видеотрансляциях. Конечно, одет он был не так... Майлз почти слышал мысли Метцова: «Лицо знакомое, но вот никак не могу вспомнить имя...» Может быть, он не узнает Грегора. Может быть, он в это просто не

поверит.

Грегор, полный достоинства, скрывавшего смятение, заговорил:

— Это что, еще один из твоих старых друзей, Майлз?

Именно этот размеренный, хорошо поставленный голос и подтолкнул узнавание. Лицо Метцова, красное от возбуждения, вдруг побледнело. Он машинально оглянулся вокруг — ищет Иллиана, догадался Майлз.

— Э-э, это генерал Станис Метцов, — объяснил он Грегору.

— Метцов с острова Кайрил?

— Ага.

— Вот как, — Грегор хранил замкнутую сдержанность, его лицо почти ничего не выражало.

— Где ваша охрана, сэр? — спросил Метцов Грегора. Его голос охрип от страха, который он отказывался признавать.

«Ты на нее смотришь», — скорбно подумал Майлз.

— Не очень далеко, как я полагаю, — холодно ответил Грегор, блефуя. — Позвольте Нам следовать Нашим путем, и они вас не тронут.

— Кто этот парень? — нетерпеливо топнула ногой Кавило.

— Что ..., — Майлз не смог удержаться и не спросить Метцова, — ... что вы здесь делаете?

Метцов помрачнел.

— А как человеку в моем возрасте, лишенному имперской пенсии — сбережений всей его жизни — жить дальше? Ты надеялся, что я буду просто сидеть и тихо умирать с голоду? Только не я.

Довольно несвоевременно сейчас напоминать Метцову об истоках его недовольства, понял Майлз.

— Это... вроде лучше, чем остров Кайрил, — с надеждой предположил он.

Мысли все еще разбегались. Метцов, работающий под командованием женщины? Внутренние движущие силы этой цепочки командования, должно быть, занимательны. «Станис, дорогой»?

Метцов не выказывал особой радости.

— Так кто же они? — снова потребовала ответа Кавило.

— Власть. Деньги. Стратегический рычаг. Больше, чем ты можешь представить, — ответил Метцов.

— Неприятности, — добавил Майлз. — Больше, чем ты можешь представить.

— С тобой разговор особый, мутант, — сказал Метцов.

— Позволю себе не согласиться, генерал, — произнес Грегор со своей лучшей императорской интонацией, пытаясь нащупать твердую почву в этой скользкой беседе. Впрочем, хорошо маскируя свое замешательство.

— Мы должны немедленно отвести их на «Десницу Курина». Прочь от чужих взглядов, — сказал Метцов Кавило. Он бросил взгляд на конвойную команду. — И от чужих ушей. Мы продолжим разговор с глазу на глаз.

Они начали движение, eskortируемые конвоем. Взгляд Метцова ощупывал и будто нож вонзался в спину Майлза. Они прошли мимо нескольких пустых стыковочных отсеков и наконец прибыли в главный отсек, в котором велось активное обслуживание корабля. Флагмана, судя по количеству охраны и соблюдению ими всех формальностей.

— Отведите их в медицинский отсек для допроса, — приказала Кавило конвою, когда они прошли через люк для персонала и дежурный офицер отдал им честь.

— Подождите, — сказал Метцов. Он окинул взглядом коридоры, почти трепеща от возбуждения. — У тебя есть глухонемой охранник?

— Вот уж вряд ли! — Кавило возмущенно уставилась на своего не понятно от чего так взволнованного подчиненного. — Тогда на гауптвахту.

— Нет, — резко сказал Метцов.

Он не готов бросить императора за решетку, понял Майлз. Метцов повернулся к Грегору и произнес с абсолютной серьезностью:

— Могу ли я заручиться вашим словом чести, сир... сэр?

— Что? — воскликнула Кавило. — У тебя крыша поехала, Станис?

— Слово чести, — серьезно заметил Грегор, — это обещание, даваемое благородному врагу. Я хочу верить в ваше благородство. Но значит ли это, что вы объявляете себя Нашим врагом?

Превосходная игра словами, одобрил Майлз. Взгляд Метцова упал на Майлза. Он поджал губы:

— Возможно, не вашим. Но вы плохо выбираете фаворитов. Не говоря о советниках.

Мысли Грегора вдруг стало очень сложно прочитать.

— Некоторые знакомства мне навязаны. И некоторые советники тоже.

— В мою каюту, — Метцов поднял руку, прерывая открывшую было рот для возражения Кавило. — Пока. Для нашей первой беседы. Без свидетелей и записей службы безопасности. После этого мы примем решение, Кави.

Кавило закрыла рот и прищурила глаза.

— Ладно, Станис. Веди, — она ироничным жестом указала раскрытой ладонью вперед.

Метцов поместил двух караульных за дверью и отпустил остальных. Когда дверь за ними закрылась, он связал Майлза силовым шнуром и усадил его на пол. С неизбежным, глубоко укоренившимся почтением он усадил Грегора в обитое кресло за свой комм-пульт — лучшее, что могла предложить его спартанская каюта.

Кавило, сидя скрестив ноги на кровати и наблюдая за происходящим, указала на нелогичность таких действий:

— Зачем связывать маленького и оставлять большого свободным?

— Держи свой парализатор наготове, если он тебя беспокоит, — посоветовал Метцов. Тяжело дыша, он стоял уперев руки в бока и изучал Грегора. Покачал головой, будто все еще не верил своим глазам.

— Почему не твой парализатор?

— Я все еще не решил, стоит ли вынимать оружие в его присутствии.

— Мы же сейчас одни, Станис, — с язвительной живостью сказала Кавило. — Будь так любезен, объясни это безумие. И лучше, чтобы твое объяснение было хорошим.

— О да. Это, — он указал на Майлза, — лорд Майлз Форкосиган, сын премьер-министра Барраяра, адмирала Эйрела Форкосигана. Полагаю, уж о нем-то ты слышала?

Кавило нахмурилась:

— Что же тогда он делал на Поле-6 под видом бетанского торговца оружием?

— Не уверен. Последнее, что я о нем слышал, это что его арестовала Имперская СБ, хотя, конечно, никто не поверил, что это всерьез.

— Задержала, — поправил Майлз. — С формальной точки зрения.

— А это, — Метцов взмахнул рукой, указывая на Грегора, — император Барраяра, Грегор Форбарра. И вот что он здесь делает, я и представить не могу.

— Ты уверен? — даже на Кавило это произвело впечатление. Получив решительный кивок Метцова, она задумалась. Ее глаза загорелись. Она посмотрела на Грегора, как будто только что увидела его, и протянула: — Правда? Как интересно.

— Но где его охрана? Нужно ступать очень осторожно, Кави.

— Много ли он стоит для них? Или, если уж на то пошло, для того, кто предложит большую цену?

Грегор улыбнулся ей:

— Я фор, мэм. В каком-то смысле, фор форов. Рисковать на службе — это работа форов. На вашем месте, я не стал бы думать, что моя ценность бесконечна.

Майлзу пришло в голову, что жалобы Грегора имели под собой определенную основу: если он не был императором, он, вроде как, не был вообще никем. Но зато уж с этой своей ролью он справлялся прекрасно.

— Возможности, конечно, есть, — сказал Метцов. — Но если мы создадим себе врага, с которым не сможем справиться...

— Если он будет у нас в заложниках, то уж конечно мы без труда справимся с ними, — задумчиво прокомментировала Кавило.

— Альтернативный и более надежный курс, — вмешался Майлз, — это помочь нам быстро и безопасно продвинуться по нашему маршруту и получить щедрую и почетную благодарность. Что называется, игра с двумя победителями.

— Почетную? — глаза Метцова пылали. Он задумчиво умолк, а затем пробормотал: — Но что они здесь делают? И где змея Иллиан? В любом случае, я хочу получить мутанта. Черт! В этом деле нужно действовать смело или не действовать вовсе, — он зловеще уставился на Майлза. — Форкосиган... так-так. И что мне теперь Барраяр и Имперские Силы, которые нанесли мне удар в спину после тридцати пяти лет... — он решительно выпрямился, но все же, заметил Майлз, так и не вытащил оружие в присутствии императора. — Да, отведи их на гауптвахту, Кави.

— Не так быстро, — ответила Кавило, охваченная какой-то новой мыслью. — Пошли маленького на гауптвахту, если хочешь. Он ведь, говоришь, никто?

Единственный сын самого могущественного военного лидера на Барраяре для разнообразия решил промолчать. Если бы, если бы, если бы...

— Сравнительно, — словчил Метцов, внезапно испуганный перспективой потерять свою жертву.

— Очень хорошо, — Кавило тихо убрала в кобуру свой парализатор, которым, больше не целясь, начала поигрывать некоторое время назад. Она подошла, чтобы открыть дверь и подозвать караульных. — Поместить его, — она показала на Грегора, — в девятую каюту, палуба G. Отключите внешний комм, запирайте дверь и поставьте караульного с парализатором. Но предоставьте ему в разумных пределах все удобства, которые он пожелает. — Она добавила, обратившись к Грегору. — Это самые комфортабельные апартаменты для гостей офицеров, которые есть на «Деснице Курина», э-э...

— Зовите меня Грег, — вздохнул Грегор.

— Грег. Хорошее имя. Девятая каюта расположена рядом с моей. Мы скоро продолжим эту беседу, после того, как вы, э-э, освежитесь. Возможно, за ужином. Проследи за тем, чтобы его туда доставили, хорошо, Станис? — она одарила обоих мужчин равно сверкающей улыбкой и легко упорхнула прочь — нелегкое дело в армейских ботинках. Высунув голову обратно в комнату, она указала на Майлза: — А этого со мной на гауптвахту.

Второй караульный взмахом парализатора и тычком шоковой дубинки (по счастью неактивированной) заставил Майлза следовать за ней.

«Десница Курина», судя по тому, что удалось увидеть по пути, был намного более крупным флагманским кораблем, чем «Триумф», способным вместить больший по размеру и лучший по вооружению планетарный или корабельный десант, но соответственно и менее маневренным. И гауптвахта на нем была больше, как скоро обнаружил Майлз, и охранялась она более внушительно. Единственный вход вел к хорошо организованному, оборудованному мониторами караульному помещению, откуда вели два тупиковых коридора, в которые выходили двери камер.

Капитан грузовоза как раз покидал караульное помещение под внимательным присмотром приставленного к нему солдата. Капитан обменялся неприязненным взглядом с Кавило.

— Как видите, они в добром здравии, — сказала ему Кавило. — Это моя часть сделки, капитан. Позаботьтесь о том, чтобы выполнить свою часть.

«Посмотрим, что получится...»

— Вы видели запись, — подал голос Майлз. — Потребуйте, чтобы вам их показали вживую.

Белые зубки Кавило жестко сомкнулись, но ее раздраженная гримаса плавно перетекла в лукавую улыбку, когда капитан рывком обернулся.

— Что? Вы... — он упрямо остановился. — Так, кто из вас лжет?

— Капитан, эта вся гарантия, которую вы получите, — сказала Кавило, показывая на мониторы. — Вы решили сыграть, так и играйте.

— Тогда это, — он указал на Майлза, — будет последним результатом, который вы получите.

Незаметное движение руки вниз по шву брюк заставило караульных взять парализаторы на изготовку.

— Уведите его, — приказала она.

— Нет!

— Очень хорошо, — ее глаза раздраженно расширились, — отведите его к шестой камере. И запирайте там.

Когда капитан грузовоза повернулся, разрываемый между желанием оказать сопротивление и стремлением увидеть семью, Кавило подала сигнал конвойному отойти от арестанта. Тот подчинился, вопросительно подняв брови. Кавило взглянула на Майлза и очень кисло улыбнулась, как бы говоря: «Ну ладно, умник, смотри». Бесстрастным ровным движением она открыла кобуру на левом боку, достала нейробластер, аккуратно прицелилась и выжгла затылок капитана. Он дернулся один раз и упал, умерев еще прежде, чем коснулся палубы.

Кавило подошла ближе и задумчиво потрогала тело узким носком ботинка, затем посмотрела на Майлза, у которого отпала челюсть:

— В следующий раз будешь держать рот на замке, правда, коротышка?

Майлз резко захлопнул рот. «Вот надо было тебе поэкспериментировать...» По крайней мере, теперь он знал, кто убил Лигу. Смерть похожего на кролика полианца, о которой он только слышал, вдруг показалась отчетливо реальной. Возбужденное выражение, мелькнувшее на лице Кавило, когда она пристрелила капитана грузовоза, ужаснуло и в то же время зачаровало Майлза. «Кого ты на самом деле видела в прицеле, дорогая?»

— Да, мэм, — кашлянул он, пытаясь скрыть, что его трясло — запоздалая реакция на этот неожиданный поворот событий. Черт бы побрал его язык...

Она прошла в караульное помещение и сказала женщине из техперсонала, стоявшей — застывшей — у своего поста:

— Выньте запись каюты генерала Метцова, включающую последние полчаса, и дайте ее мне. Начните новую. Нет, не проигрывайте ее! — она положила диск в нагрудный карман и аккуратно запечатала клапан. — Поместите этого в четырнадцатую камеру, — она кивнула в сторону Майлза. — Или, э-э... если она свободна, в тринадцатую, — ее зубы сверкнули в усмешке.

Охрана снова обыскала Майлза и провела идентификационное сканирование. Кавило любезно проинформировала их, что его следует зарегистрировать под именем Виктор Рота.

Когда его подняли на ноги, двое мужчин в форме с медицинскими знаками различия прибыли с плавающими носилками, чтобы убрать тело. Кавило, глядя теперь без всякого выражения, устало заметила Майлзу:

— Ты решил нанести урон полезности моего двойного агента. Вандалистская выходка. Он мог принести больше пользы, чем послужить наглядным пособием для дурака. Я не храню бесполезные вещи и предлагаю тебе начать думать о том, как ты можешь принести мне пользу. Быть просто любимой безделушкой генерала Метцова недостаточно, — она слегка улыбнулась, глядя куда-то вдаль. — Хотя он прямо прыгал от радости, правда? Надо будет использовать этот рычаг мотивации.

— Что за польза вам от дорогого Станиса? — рискнул спросить Майлз, упрямо дерзкий под влиянием гневной вины. Метцов в качестве ее любовника? Отвратительная мысль.

— Он опытный пехотный командир.

— Зачем флоту, стерегущую червоточину в космосе, пехотный командир?

— Ну тогда, — сладко улыбнулась она, — он меня забавляет.

Вот это должен был быть первый ответ. «О вкусах не спорят», — тупо пробормотал

Майлз, достаточно тихо, чтобы его не услышали. Стоит ли предупредить ее о Метцове? С другой стороны, стоит ли предупредить Метцова о ней?

Его мысли все еще кружились вокруг этой дилеммы, когда ничем ни примечательная дверь одиночной камеры запечаталась за ним.

Очень скоро новизна нового жилья Майлза исчерпала себя: ему досталось пространство немногим больше, чем два на два метра, обставленное только двумя обитыми койками и раскладным туалетом. Никакого библиотечного терминала, никакого отдыха от круговерти мыслей, увязавших в трясине самоедства.

Плитка армейского рациона рейнджеров, некоторое время спустя просунутая в защищенную силовым полем щель в двери, оказалась даже более отвратительной, чем ее барраярский имперский аналог, напоминая сделанную из сыромятной кожи жвачку для собак. Смоченная слюной, она слегка смягчалась: достаточно, чтобы отрывать от нее тягучие лоскуты, если у вас здоровые зубы. Процесс был небыстрым и обещал занять все время до следующей раздачи. Вероятно, дьявольски питательная штука. Майлзу стало интересно, что Кавило предложила на обед Грегору. Столь же научно сбалансированное питание?

Они были так близки к своей цели. Даже сейчас барраярское консульство было на расстоянии всего нескольких шлюзов и палуб, менее чем в километре. Если бы только он мог попасть отсюда туда ... Если бы появился шанс... С другой стороны, долго ли будет сомневаться Кавило, прежде чем нарушит дипломатические традиции и силой проникнет в консульство, если ей это покажется полезным? Примерно столько же, сколько она сомневалась, прежде чем выстрелить в спину капитану грузовоза, прикинул Майлз. К этому моменту она, конечно, приказала установить наблюдение за консульством и всеми известными барраярскими агентами на Верванской станции. Майлз выдрал зубы из куска резинового рациона и зашипел.

Писк кодового замка предупредил Майлза, что к нему пришел посетитель. Допрос? Так скоро? Он считал, что Кавило сначала пообедает, выпьет вина и составит мнение о Грегоре, а уж потом вернется к нему. Или он удостоится лишь внимания ее подчиненных? Он с трудом сглотнул кусок рациона и сел, стараясь выглядеть сурово и бесстрашно.

Дверь скользнула в сторону, и показался генерал Метцов, по-прежнему выглядевший эффектно и по-военному в желто-коричневом с черным комбинезоне рейнджеров.

— Вы уверены, что я вам не понадоблюсь, сэр? — поинтересовался караульный, появившийся рядом, когда Метцов протиснулся в дверной проем.

Метцов презрительно посмотрел на Майлза, выглядевшего жалко и не по-военному в мятой и грязной теперь зеленой шелковой рубашке Виктора Роты, мешковатых брюках и босой: во время обыска охрана отняла у него сандалии.

— Вряд ли. Он не станет на меня набрасываться.

«Чертовски верно», — с сожалением подумал Майлз.

Метцов постучал по наручному комму:

— Я позову, когда закончу.

— Очень хорошо, сэр, — дверь со вздохом закрылась. Внезапно камера оказалась действительно очень тесной. Майлз подтянул под себя ноги, сидя маленьким ошетинившимся клубком на своей койке. Метцов спокойно стоял, долго и с удовлетворением рассматривая Майлза, затем удобно разместился напротив.

— Так, так, — сказал Метцов скривившись. — Какой поворот судьбы.

— Я думал, вы будете обедать с императором, — заметил Майлз.

— Коммандор Кавило, будучи женщиной, слегка теряет в условиях стресса. Когда она снова успокоится, она поймет, что нуждается в моем знании барраярских реалий, — неторопливо ответил Метцов.

«Другими словами, тебя не пригласили».

— Вы что, оставили императора с ней наедине?

«Осторожно, Грегор!»

— Грегор не представляет опасности. Боюсь, его воспитание сделало его слишком слабым.

Майлз закашлялся.

Метцов откинулся назад, пальцами слегка постучал по колену.

— Ну так скажите мне, энсин Форкосиган... Если ты еще энсин Форкосиган. Учитывая, что в мире нет справедливости, я полагаю, что ты сохранил и звание, и довольствие. Что ты здесь делаешь? С ним?

Майлз чувствовал, что готов рассказать все, включая имя, звание и персональный номер, только вот Метцов все это уже знал. Был ли Метцов в полном смысле врагом? То есть врагом Барраяра, не личным врагом Майлза. Разделял ли Метцов эти два понятия в своей голове?

— Император разминутся со своей охраной. Мы надеялись восстановить с ними связь через местное барраярское консульство, — вот так, не сказано ничего, что не было бы абсолютно очевидно.

— И откуда вы прибыли?

— С Аслунда.

— Не трудись разыгрывать идиота, Форкосиган. Я знаю об Аслунде. Кто тебя туда послал? И не трудись лгать, я могу устроить очную ставку с капитаном грузовоза.

— Нет, не можете. Кавило его убила.

— Да? — в его глазах сверкнуло удивление, сразу же подавленное. — Умно. Он был единственный свидетель, который знал, куда вы направлялись.

Принимала ли это в расчет Кавило, когда поднимала свой нейробластер? Возможно. И в то же время... Капитан грузовоза был также и единственный надежный свидетель, который знал, откуда они прибыли. Может быть, Кавило не была таким уж грозным противником, какой казалась на первый взгляд.

— Еще раз, — терпеливо сказал Метцов: он явно считал, что в его распоряжении все время мира. — Как ты оказался в компании императора?

— А как вы думаете? — тянул время Майлз.

— Какой-то заговор, конечно, — пожал плечами Метцов.

Майлз застонал:

— Ну да, конечно! — он выпрямился от негодования. — И какой же умный — или, если на то пошло, безумный — заговор вы себе воображаете? Заговор, который привел нас сюда с Аслунда, причем в одиночестве? Я имею в виду, я знаю, как это было на самом деле, я все это пережил, но как это выглядит со стороны? — «То есть на взгляд профессионального параноика» — Просто мечтаю услышать.

— Ну... — Метцов поневоле увлекся. — Ты каким-то образом разделил императора и его охрану. Должно быть, планируешь изощренное убийство или какую-нибудь форму контроля над сознанием.

— Это то, что сразу приходит на ум, да? — раздраженно ворча, Майлз шлепнулся спиной о стену и обмяк.

— Или, может, у вас какая-то секретная, а значит бесчестная, дипломатическая миссия. Какое-нибудь предательство.

— Если так, где охрана Грегора? — пропел Майлз. — Вам надо быть осторожнее.

— Что ж, подтверждается моя первая гипотеза.

— В таком случае, где моя охрана? — оскалился Майлз. И правда, где?

— Заговор Форкосиганов... Нет, возможно, не адмирала. Он контролирует Грегора дома...

— Спасибо, я как раз собирался это заметить.

— Извращенный заговор извращенного ума. Мечтаешь сделать себя императором Барраяра, мутант?

— Это ночной кошмар, уверяю вас. Спросите Грегора.

— Не имеет значения. Медики выжмут твои секреты, как только Кавило даст отмашку.

В каком-то смысле, даже жаль, что был изобретен фастпентал. Я бы получил удовольствие, ломая каждую косточку в твоём теле, пока бы ты не заговорил. Или не закричал. Здесь, Форкосиган, тебе не удастся спрятаться за отцовскими, — он коротко оскалился, — юбками. — Метцов задумался. — Может, я все равно это сделаю. Одну кость в день, пока все не переломаю.

«В человеческом теле 206 костей. 206 дней... За 206 дней Иллиан просто обязан нас найти».

Майлз уныло улыбнулся.

Впрочем, Метцов выглядел слишком уютно, чтобы прямо сейчас встать и приступить к выполнению своего плана. Эта полная умозрительных рассуждений беседа едва ли представляла собой серьёзный допрос. Но если не для допроса, если не для пыток, удовлетворяющих чувство мести, то зачем он здесь?

«Его любовница вышвырнула его, он почувствовал себя одиноким и чужим, и захотел побеседовать с кем-нибудь знакомым. Пусть даже знакомым врагом». Как ни странно, но это можно было понять. За исключением вторжения на Комарр, Метцов, вероятно, ни разу в своей жизни не ступал за пределы Барраяра. В жизни, проведенной большей частью в замкнутом, упорядоченном, предсказуемом мирке имперских вооружённых сил. А сейчас этот негибкий человек несся по воле волн и встречал в пути больше доступных вариантов, чем он когда-либо мог представить. «Бог ты мой. А ведь у маньяка ностальгия». Просто мороз по коже.

— Я начинаю думать, что, может быть, случайно повернул вашу жизнь к лучшему, — начал Майлз. Если Метцов хотел поговорить, почему бы его не поощрить? — Наверняка Кавило выглядит лучше, чем ваш последний командир.

— Да, это так.

— А платят больше?

— Везде платят больше, чем в Имперских Силах, — фыркнул Метцов.

— И не скучно. На острове Кайрил каждый день напоминал предыдущий. А здесь не знаешь, что случится дальше. Или она вам доверяет свои планы?

— Я весьма важен для её планов, — Метцов улыбнулся почти самодовольно.

— Как постельный воитель? Я думал, вы были в пехоте. Меняете специальность? В вашем-то возрасте.

Метцов только улыбнулся:

— Становишься банальным, Форкосиган, говоришь очевидные вещи.

Майлз пожал плечами. «Если так, то я здесь единственная очевидная вещь».

— Насколько я помню, вы были невысокого мнения о женщинах-военных. Кажется, Кавило заставила вас изменить свой настрой.

— Вовсе нет, — Метцов самодовольно откинулся. — Я планирую захватить командование рейнджерами Рэндолла за шесть месяцев.

— Разве за этой камерой не следят по мониторам? — спросил Майлз удивленно. Не то чтобы его беспокоило, до каких неприятностей доведет Метцова язык, но все же...

— Сейчас нет.

— Кавило планирует уйти в отставку, так?

— Есть несколько способов ускорить её отставку. Несчастный случай со смертельным исходом, который Кавило устроила для Рэндолла, может быть с лёгкостью повторен. Или, может, я даже придумаю, как обвинить её в том убийстве, раз уж она была настолько глупа, чтобы хвастаться об этом в постели.

«Она не хвасталась, а предупреждала, дубина». Майлз чуть не окосел, представляя себе постельный разговор между Метцовым и Кавило.

— У вас двоих, должно быть, много общего. Не удивительно, что вы легко сошлись.

Веселье Метцова поостыло:

— У меня нет ничего общего с этой наемной шлюхой. Я был офицером Империи, — сверкнул глазами Метцов. — Тридцать пять лет. А они от меня избавились. Что ж, они

поймут свою ошибку.

Метцов взглянул на свой хронометр.

— Я по-прежнему не понимаю, чем объясняется твое присутствие. Ты уверен, что нет ничего такого, что ты хотел бы сказать мне сейчас, лично, прежде чем расскажешь все завтра под фастпенталом Кавило?

Кавило и Метцов, решил Майлз, устроили старую допросную игру с добрым и злым следователем. Вот только они запутались, и оба случайно взяли роль злого следователя.

— Если вы и правда хотите помочь, доставьте Грегора в барраярское консульство. Или даже просто отправьте сообщение, что он здесь.

— В свое время, может быть. При соответствующих условиях, — глаза Метцова сузились, изучая Майлза. Был ли он также озадачен Майлзом, как Майлз им? После продолжительного молчания Метцов вызвал по наручному комму караульного и ушел, на прощание не сказав ничего более угрожающего, чем: — Увидимся завтра, Форкосиган. — Довольно зловеще.

«Я тоже не понимаю, чем объясняется твое присутствие», — подумал Майлз, когда дверь с шипением закрылась и пискнул замок. Очевидно, на стадии планирования находится какой-то планетарный десант. Были ли рейнджеры Рэндолла острием верванских сил вторжения? Кавило тайно встречалась с высокопоставленным представителем Джексонианского Консорциума. Зачем? Чтобы гарантировать нейтралитет Консорциума во время будущей атаки? Это казалось весьма разумным объяснением, но почему верванцы не действовали напрямую? Чтобы иметь возможность дезавуировать приготовления Кавило, если что-то сорвется?

И кто, или что, было целью? Очевидно, не станция Консорциума и не ее дальний родитель Альянс Джексона. Оставался Аслунд и Пол. Аслунд, мир в червоточном тупике, не был стратегически привлекателен. Лучше сначала взять Пол, отрезать Аслунд от Ступицы (с помощью Консорциума) и потом без труда разделаться со слабой планетой. Но за Полом стоит Барраяр, который ничего бы так не хотел, как союза со своим нервным соседом, что дало бы империи возможность закрепиться в Ступице Хеджена. Открытая атака просто подтолкнет Пол в объятия Барраяра. Значит оставался только Аслунд, но...

«Просто бессмыслица». Эта загадка тревожила его чуть ли не больше, чем мысль о том, что Грегор без охраны ужинает с Кавило, или страх обещанного химического допроса. «Чего-то я не вижу. Это просто бессмыслица».

Ступица Хеджена вращалась в его голове во всей своей стратегической сложности весь сопровождаемый притушенным освещением ночной цикл. Ступица и Грегор. Кормила ли его Кавило наркотиками для контроля над сознанием? Собачьей жвачкой, как Майлза? Бифштексом и шампанским? Пытали ли Грегора? Соблазняли? Образы волнующего красного вечернего платья Кавило/Ливии Ну проплывали перед мысленным взором Майлза. Может, Грегор прекрасно проводит время? Майлз считал, что у Грегора было лишь немногим больше опыта с женщинами, чем у него, но эти последние несколько лет он с ним не контактировал, так что вполне могло быть, что Грегор уже держал целый гарем. Нет, этого не может быть, иначе Айвен бы все разнюхал и откомментировал. В подробностях. Насколько уязвим был Грегор для одной очень старомодной формы контроля над сознанием?

Пока дневной цикл прокрадывался мимо, Майлз каждый момент ждал, что его уведут на самый первый его допрос с фастпенталом, когда он будет по ту, неправильную, сторону гипоспрея. Что будут делать Кавило и Метцов с причудливой правдой об их с Грегором одиссее? Три резиновых плитки рациона поступило к нему через казавшиеся бесконечными интервалы, и свет снова притух, отмечая очередную ночь на корабле. Три кормежки и никакого допроса. Что их удерживает? Никакие шумы или легкие гравитационные вибрации не говорили о том, что корабль покинул причал, — они по-прежнему состыкованы с Верванской станцией. Майлз попытался упражняться до усталости, шагая из угла в угол: два

шага, поворот, два шага, поворот, два шага... В результате он только еще больше провонял потом и заработал легкое головокружение.

Еще один день прополз мимо и еще одна сумрачная «ночь». Еще один жесткий завтрак упал через дверь на пол. Они что, искусственно растягивали или сжимали время, путая его биологические часы, чтобы размягчить его перед допросом? И зачем это надо?

Он обгрыз ногти. Он обгрыз ногти и на ногах тоже. Он оторвал тонкие зеленые нити от своей рубашки и попытался почистить зубы. Затем он попробовал делать маленькие зеленые узоры из тонких-тонких узелков. Затем ему пришла в голову идея сплести послание. Сможет он сделать макраме в виде надписи «помогите, я пленник» и повесить его на спину чьей-нибудь куртки с помощью статического электричества? Если конечно, кто-нибудь еще сюда вернется. Он сотворил очень тонкие прозрачные «П», «О», «М», потом нить зацепилась за заусеницу, когда он чесал заросшую щеку, и его призыв превратился в неразборчивый зеленый комок. Он вытянул другую нить и начал заново.

Замок замигал и пискнул. Майлз резко пришел в себя, только в этот момент поняв, что он впал в почти гипнотическую фугу в своем бормочущем одиночестве. Сколько прошло времени?

Его посетителем оказалась Кавило, свежая и деловая в своем рейнджерском комбинезоне. Караульный занял пост сразу за дверью камеры, которая закрылась за его спиной. Похоже, еще одна личная беседа. Майлз с усилием привел в порядок мысли, пытаясь вспомнить, что он собирался делать.

Кавило уселась напротив Майлза в том же месте, которое ранее выбрал Метцов, почти в той же расслабленной позе, склонившись вперед, руки свободно лежат на коленях: внимательная, уверенная. Майлз сел скрестив ноги, спиной опершись на стену, отчетливо ощущая себя в проигрышном положении.

— Лорд Форкосиган, э-э... — она склонила голову, прерывая сама себя. — Вы не очень хорошо выглядите.

— Одиночное заключение мне не подходит, — от долгого неиспользования его голос прозвучал хрипло, и ему пришлось прерваться и прокашляться. — Возможно, библиотечный терминал, — его мозг закрипел шестеренками, — а еще лучше, регулярные физические упражнения, — что позволило бы ему выбраться из этой камеры и войти в контакт с теми, кого можно подкупить. — Мои проблемы со здоровьем принуждают меня к самодисциплине, если я не хочу, чтобы они усилились и стали мне помехой. Мне обязательно нужно заниматься физическими упражнениями, или я могу выйти из строя.

— Хм. Посмотрим, — она пригладила свои короткие волосы и опять сконцентрировалась: — Итак, лорд Форкосиган. Расскажите мне о своей матери.

— А? — для военного допроса это был весьма резкий и головокружительный поворот. — Зачем?

Она вкрадчиво улыбнулась:

— Рассказы Грегга заинтересовали меня.

Рассказы Грегга? Императора допрашивали под фастпенталом?

— Что... вы хотите знать?

— Ну... Я так понимаю, что графиня Форкосиган с другой планеты, бетанка, которая вышла замуж за представителя вашей аристократии.

— Форы — это военная каста, но, в общем, да.

— Как ее приняли власть имущие — как бы они себя не называли? Я думала, что баррарцы совершенно провинциальны и с предубеждением относятся к жителям других миров?

— Так и есть, — бодро признал Майлз. — Первый контакт, который большинство баррарцев — из всех классов — имели с жителями других миров, случился после завершения Периода Изоляции, когда Баррар вновь открыли, и это был контакт с цетагандийскими силами вторжения. Они оставили плохое впечатление, которое живет до сих пор, уже три-четыре поколения после того, как мы от них избавились.

— И все же никто не оспаривал выбор твоего отца?

Майлз в затруднении дернул щекой.

— Ему было уже за сорок. И... и он был сам лорд Форкосиган.

«Как и я сейчас. Почему у меня это не срабатывает?»

— Ее происхождение не имело значения?

— Она была бетанка. И есть бетанка. Сначала работала в Астрозкспедиционном корпусе, но затем стала боевым офицером. Колония Бета тогда как раз приложила руку к нашему поражению в той глупой попытке вторжения на Эскобар.

— То есть, несмотря на то, что она была врагом, ее военное прошлое на самом деле помогло ей получить уважение и быть принятой среди форов?

— Полагаю, да. Кроме того, она и на новом месте создала себе хорошую военную репутацию, когда сражалась во время Претендентства Фордариана, в год моего рождения. Причем дважды. Вела верные войска, ну, несколько раз, когда отец не мог быть в двух местах одновременно, — и лично отвечала за безопасность пятилетнего императора в подполье, мысленно добавил Майлз. И справлялась более успешно, чем до настоящего момента это удастся ее сыну с двадцатипятилетним Грегором. На самом деле, в голову приходило определение «полностью облажался». — С тех пор с ней никто не связывался.

— Хм, — Кавило откинулась на койке, бормоча наполовину про себя: — Итак, это было сделано. А значит, это может быть сделано снова.

«Что, что может быть сделано?» — Майлз потер лицо рукой, пытаясь проснуться и сконцентрироваться. — Как Грегор?

— Довольно забавен.

Император Грегор Мрачный забавен? С другой стороны, если чувство юмора Кавило соответствовало другим особенностям ее личности, то оно, должно быть, было извращенным.

— Я имел в виду его самочувствие.

— Намного лучше, чем твое, если судить по твоему виду.

— Полагаю, его лучше кормили.

— Что, вкус настоящей армейской жизни слишком крепок для вас, лорд Форкосиган? Тебя кормили также, как моих солдат.

— Не может быть, — Майлз поднял неровный наполовину обкусанный резиновый завтрак. — Они бы уже подняли мятеж.

— О Боже, — она рассмотрела отвратительный кусок, сочувствующее нахмурив брови. — Эти. Я думала, их забраковали. Как это они здесь оказались? Должно быть, кто-то экономит. Приказать подать для тебя обычное меню?

— Да, спасибо, — быстро ответил Майлз и замолчал. Она ловко перенаправила его внимание с Грегора на него самого. Ему нужно продолжать думать об императоре. Интересно, а полезной информации к этому моменту Грегор выдал много?

— Вы понимаете, — осторожно начал Майлз, — что создаете крупный межпланетный инцидент между Верваном и Баррааром.

— Вовсе нет, — здраво ответила Кавило. — Я друг Грега. Я спасла его от попадания в руки верванской тайной полиции. Он сейчас под моей протекцией, до тех пор пока не появится возможность вернуть ему подобающее положение.

Майлз моргнул:

— А у верванийцев, вообще, есть тайная полиция?

— Вроде того, — Кавило пожала плечами. — Уж у Барраара она есть определенно. Станис, похоже, сильно на этот счет беспокоится. Они там в Имперской СБ, должно быть, пребывают в большом смущении: допустить столь серьезный прокол. Боюсь, их репутация преувеличена.

«Не совсем. Я представитель Имперской СБ, и я знаю, где находится Грегор. Так что, с формальной точки зрения, Имперская СБ в этой ситуации как раз на коне, — Майлз не знал, смеяться ему или плакать. — Или прямо под ним».

— Если все мы такие добрые друзья, — сказал Майлз, — то почему я заперт в этой камере?

— Для твоей же безопасности, конечно. В конце концов, генерал Метцов открыто угрожал, э-э... как это было?... сломать каждую косточку в твоём теле, — она вздохнула. — Боюсь, дорогой Станис скоро потеряет свою полезность.

Майлз побледнел, вспомнив, что ещё сказал Метцов во время того разговора.

— Из-за... нелояльности?

— Вовсе нет. Нелояльность иногда может быть очень полезна, если ей правильно управлять. Но общая стратегическая ситуация может вскоре очень серьёзно измениться. Самым невообразимым образом. А ведь сколько времени я потратила возвращая его... Надеюсь, не все барраярцы так скучны, как Станис, — она коротко улыбнулась. — Очень на это надеюсь.

Она наклонилась вперед, предельно сосредоточенная:

— Это правда, что Грегор, э-э, убежал из дома, чтобы избавиться от давления со стороны своих советников, вынуждавших его жениться на женщине, которую он не любит?

— Мне он об этом не говорил, — сказал Майлз удивленно. Стоп — что это там задумал Грегор? Надо быть осторожным, чтобы не помешать ему. — Хотя существует... определенное беспокойство. Если он внезапно умрет, не оставив наследника, многие опасаются, что начнется борьба между группировками.

— У него нет наследника?

— Группировки не могут ни на ком согласиться. Кроме самого Грегора.

— Так его советники обрадуются, если он женится?

— Подозреваю, они будут вне себя от радости. А... — беспокойство Майлза, возникшее после такого поворота разговора, внезапно взорвалось вспышкой озарения, как будто его огрели шоковой дубинкой. — Командор Кавило... Вы ведь не думаете, что можете сделать себя императрицей Барраяра, а?

Ее улыбка заострилась:

— Конечно, я не могу. А Грег может, — она выпрямилась, явно раздраженная оторопелым выражением на лице Майлза. — Почему бы и нет? Пол у меня соответствующий. И, похоже, соответствующая военная биография.

— Сколько вам лет?

— Лорд Форкосиган, право, что за грубый вопрос, — ее голубые глаза сверкнули. — Если бы мы были на одной стороне, мы могли бы работать вместе.

— Командор Кавило, я не думаю, что вы понимаете Барраяр. Или барраярцев, — вообще-то, в барраярской истории были эпохи, когда стиль командования Кавило как раз превосходно бы подошел. Например, времена террора в правление Юрия Безумного. Но они-то потратили последние двадцать лет на то, что бы как раз уйти от такого стиля.

— Я нуждаюсь в твоём сотрудничестве, — сказала Кавило. — Или, по крайней мере, оно было бы весьма полезным. Для нас обоих. Твой нейтралитет тоже будет... приемлем. Твоя активная оппозиция, однако, станет проблемой. Для тебя. Но я думаю, нам следует избегать попадания в ловушки дурного отношения на этой ранней стадии, а?

— Что там случилось с женой и ребенком того капитана грузовоза? Вернее, вдовой и сиротой? — сквозь зубы поинтересовался Майлз.

Кавило слегка помедлила.

— Этот человек был предатель. Самого худшего сорта. Продал свою планету за деньги. Он был пойман и уличен в шпионаже. Нет никакой моральной разницы между вынесением смертельного приговора и исполнением его.

— Я с этим согласен. Как и многие своды законов. А как насчет разницы между казнью и убийством? Вербан не находится в состоянии войны. Действия капитана могли быть незаконными, послужить причиной ареста, суда, тюрьмы или социопатической терапии. Куда же из этой цепочки выпал суд?

— Барраярец, рассуждающий о законности? Как странно.

— Так что случилось с его семьей?

Черт возьми, у нее был момент подумать.

— Нудные верванийцы потребовали их отпустить. Естественно, я не хотела, чтобы он об этом знал, иначе бы я быстро потеряла бы контроль над его действиями.

Правда или ложь? Никак не узнать. «Но она дистанцируется от своей ошибки. Она позволила своей привычке получать превосходство через террор управлять ее реакциями, прежде чем обрела уверенность в происходящих событиях. Потому что она этой уверенности не имела. Я знаю то выражение, что было на ее лице. Параноидальные убийцы знакомы мне как свои пять пальцев. Один из них семнадцать лет был моим телохранителем». Кавило, на короткое мгновение, показалась, если не менее опасной, то какой-то домашней и обычной. Но он должен приложить усилие, чтобы выглядеть убежденным и не представляющим для нее угрозы, даже если его от этого тошнило.

— Действительно, — признал он. — Со стороны командира было бы трусостью отдать приказ, который не готов выполнить сам. А вы не трусливы, командор, этого у вас не отнимешь.

Вот это правильный тон: да, он поддается убеждению, но и не меняет свою позицию подозрительно быстро. Ее бровь сардонически изогнулась, как бы спрашивая: «А кто ты такой, чтобы судить об этом?» Но ее напряжение слегка спало. Она посмотрела на хронометр и встала:

— Сейчас я оставляю тебя, чтобы ты подумал о преимуществах сотрудничества. Надеюсь, в теории ты знаком с математическим решением дилеммы заключенного. Сможешь ли ты соединить теорию с практикой — вот это будет интересной проверкой твоих умственных способностей.

Майлз выдавил диковатую ответную улыбку. Ее красота, ее энергия, ее яркое эго действительно вызывали восхищение. Неужели Кавило действительно... оживила Грегора? В конце концов, Грегор же не видел, как она поднимала нейробластер и... Какое оружие перед лицом этой личной атаки на Грегора должен использовать опытный офицер Имперской СБ? Попытаться в свою очередь соблазнить ее? Отдать себя в жертву за императора, грудью бросившись на Кавило, казалось столь же привлекательным, как проглотить активированную акустическую гранату.

Кроме того, он сомневался, что смог бы это сделать. Дверь задвинулась, скрыв полумесяц ее улыбки. Слишком поздно он поднял руку, чтобы напомнить ей об обещании сменить его рацион.

Но она не забыла. Обед прибыл на столике вместе с опытным, хотя и бесстрастным, ординарцем, который последовательно сервировал пять изысканных блюд с двумя бокалами вина и чашкой кофе экспрессо в качестве противоядия. Правда, Майлз сомневался, что солдаты Кавило обедали именно так. Он представил себе взвод улыбающихся, объевшихся, тучных гурманов, медленно бредущих в битву... Для поднятия уровня агрессии собачья жвачка была бы гораздо эффективнее.

Сделанное между делом замечание официанту привело к тому, что со следующей едой прибыл пакет, который содержал чистое нижнее белье, рейнджерский комбинезон без знаков отличия, ушитый под его размеры, пару мягких войлочных туфель, а также тубик депилятора и набор туалетных принадлежностей. Майлз поддался побуждению вымыться, частями, в раскладном туалетном тазу и побриться перед тем, как одеться. Он почти чувствовал себя человеком. Ах, эти преимущества сотрудничества! Нельзя сказать, чтобы намек Кавило был тонким.

Боже, откуда же она взялась? Ветеран-наемник, она должна была заниматься этим долгое время, чтобы подняться так высоко, даже срезая углы. Возможно, Тун ее знает. «Думаю, хотя бы однажды она потерпела крупное поражение». Жаль, что Туна нет сейчас рядом. Черт, жаль, что сейчас рядом нет Иллиана!

Ее пышная яркость, как все больше казалось Майлзу, была эффектной игрой для

ослепления ее войска, не предназначенной для близкого рассматривания, как театральный грим. На правильно выбранном расстоянии это могло неплохо срабатывать, как с одним популярным баррарейским генералом времен его деда, который привлекал внимание тем, что пользовался плазменным ружьем как офицерской тросточкой. Обычно незаряженным, как в частной беседе слышал Майлз: генерал не был дураком. Или один энсин-фор, который при любой возможности носил некий древний нож. Ярлык, знамя. Расчетливый элемент массовой психологии. Публичная личность Кавило использовала внешнюю сторону эту стратегии. А внутри, не была ли она испугана, зная, что берет на себя больше, чем может? «Ты этого хотел бы».

Увы, после одной дозы Кавило, мысль о ней возникала постоянно, затуманивая тактические расчеты. Сфокусируйся, энсин. Забыла ли она о Викторе Роте? Может, Грегор состряпал какую-нибудь небылицу, чтобы оправдать их встречу на Полианской станции? Похоже, Грегор снабжал Кавило искаженными фактами... Или нет? Может, и правда была нелюбимая претендентка в невесты, а Грегор просто не достаточно доверял Майлзу, чтобы упомянуть об этом. Майлз начал жалеть, что был довольно язвителен с Грегором.

Его мысли все еще бегали, как накаченная стимуляторами крыса в бесцельно вращающемся колесе, когда кодовый замок на двери снова запищал. Да, он изобразит сотрудничество, пообещает все, лишь бы она дала ему шанс повидаться с Грегором.

Кавило появилась в сопровождении некого солдата. Он выглядел слегка знакомо... Один из громил конвоиров? Нет...

Человек согнулся, проходя через дверь, ненадолго в удивлении рассматривал Майлза, а затем повернулся к Кавило:

— Да, это он, точно. Адмирал Нейсмит, известный по войне в кольце Тау Верде. Я бы везде узнал коротышку. — Он добавил, обращаясь к Майлзу: — Что вы здесь делаете, сэр?

Майлз мысленно превратил желто-коричневое с черным в серое с белым. Ага. В войне в Тау Верде участвовало несколько тысяч наемников. Все они должны были куда-то деться.

— Спасибо, это все, сержант, — Кавило взяла мужчину за локоть и настойчиво повела его прочь. До камеры донесся его совет:

— Вам следует попытаться нанять его, мэм, он военный гений...

Кавило появилась вновь спустя мгновение, встала в дверном проеме, уперев руки в бока и выпятив челюсть в раздраженном недоверии:

— Сколько же разных тебя, в конце концов?

Майлз развел руками и слабо улыбнулся. А ведь он только-только собирался выболтать себе путь из этой дыры...

— Ха, — она развернулась на пятках, и закрывающаяся дверь оборвала ее бормотание.

«И что теперь?» Он бы стукнул кулаком по стене с досады, но стена определенно дала бы сдачи, и посильнее.

Глава 13

Как бы то ни было, всем его трем личностям в тот день предоставили возможность размяться. В его безраздельное распоряжение был отдан маленький корабельный спортивный зал. В течение часа, пробуя разные тренажеры, Майлз скрупулезно изучал помещение, прикидывая расстояния и траектории до охраняемых выходов. Он видел пару возможностей, воспользовавшись которыми Айвен мог бы броситься на караульного и вырваться наружу. Айвен, но никак не хрупкий коротконогий Майлз. На мгновение ему стало по-настоящему жаль, что Айвена нет рядом.

Возвращаясь под конвоем обратно в камеру №13, Майлз прошел мимо еще одного пленника, которого оформляли в караульном помещении. Шаркающая походка, дикий взгляд, светлые волосы, потемневшие от пота. Майлз испытал шок, когда узнал его, и шок усилился от осознания произошедших с человеком изменений. Оссеровский лейтенант! Этот убийца с бесстрастным лицом выглядел теперь по-другому.

На нем были только серые брюки, торс обнажен. Синевато-багровые отметины от шоковой дубинки испещряли кожу. Будто маленькие розовые следы лап вверх по руке — свидетельства недавних инъекций пневмошприцем. Он все время что-то бормотал влажными губами, вздрагивал и хихикал. Похоже, его только что привели с допроса.

Майлз был так поражен, что даже схватил лейтенанта за левую руку, чтобы проверить... Да, вот они, покрытые коростой следы его зубов на костяшках — память о недельной давности схватке у шлюза «Триумфа» на другом конце системы. Молчаливый лейтенант больше не молчал.

Конвой настойчиво повел Майлза дальше. Он едва не упал, все оглядываясь назад через плечо, пока дверь камеры №13 со вздохом не закрылась, вновь отрезая его от мира.

«Что ты здесь делаешь?» Этот вопрос, вероятно, задавался в Ступице Хеджена чаще всего, и реже всего на него можно было получить ответ, решил Майлз. Хотя можно ручаться, что уж оссеровский лейтенант на него ответил: у Кавило под командованием, должно быть, одна из самых крутых служб контрразведки в Ступице. Как быстро наемник Оссера выследил Майлза и Грегора? Как скоро люди Кавило вычислили и задержали его? Следам на его теле не более суток...

Самый главный вопрос: прибыл ли сюда оссеровец в рамках общего, систематического поиска, или у него была конкретная информация? Был ли Тун скомпрометирован? Елена арестована? Майлз вздрогнул, яростно и беспомощно зашагал взад вперед. «Неужели я убил своих друзей?»

Итак, то, что знал Оссер, теперь знала и Кавило: всю эту невразумительную мешанину правды, лжи, слухов и ошибок. Так что идентификация Майлза как адмирала Нейсмита не обязательно шла от Грегора, как сначала предположил Майлз. (Ясно было, что ветерана Тау Верде привлекли для независимого подтверждения). Если Грегор систематически утаивал от Кавило информацию, она сейчас это поймет. Если он вообще что-то утаивал. Может, он уже влюбился. В висках у Майлза стучало, и ему казалось, что его голова сейчас лопнет.

В середине ночного цикла к нему вошли конвойные и заставили одеться. Что, все-таки допрос? Он вспомнил пускавшего слюни оссеровца и непроизвольно съежился. Майлз настоял на том, чтобы умыться, и застегивал каждую молнию и застежку своего рейнджерского костюма с медленной тщательностью, пока конвойные не начали нетерпеливо переминаясь и с намеком постукивать пальцами по шоковым дубинкам. Скоро он тоже превратится в пускающего слюни идиота. С другой стороны, что такого он сейчас может сказать под фастпенталом, что ухудшило бы его положение? Насколько он мог судить, Кавило обладала уже всей полнотой информации. Он стряхнул хватку конвойного и зашагал прочь от гауптвахты со всеми остатками достоинства, которые смог собрать.

Они провели его по затемненному кораблю и воспользовались лифтовой трубой, чтобы добраться до места, обозначенного как «Палуба G». Майлз резко насторожился: Грегор должен быть где-то поблизости... Они прибыли к двери, помеченной только номером: «10А», где конвойные воспользовались кодовым замком, запрашивая разрешения войти. Дверь скользнула в сторону.

Кавило сидела за комм-пультом, озерцо света заставляло ее почти белые волосы блестеть и светиться в темноте комнаты. Судя по всему, это был личный кабинет командующего, сопряженный с ее апартаментами. Майлз напряг глаза и уши, отыскивая свидетельства пребывания императора. Кавило была одета по всей форме в свой изящный комбинезон. По крайней мере, Майлз не единственный страдал от недостатка сна в эти дни: он с оптимизмом отметил, что Кавило, кажется, выглядела немного уставшей. Она выложила на стол парализатор — в угрожающей близости от своей правой руки — и отпустила конвой. Майлз вытянул шею, пытаясь угледеть пневмошприц. Она потянулась и откинулась в кресле. Запах ее духов, более свежий, более резкий и менее мускусный, чем тот, что она использовала, будучи Ливией Ну, исходил от ее кожи и щекотал ноздри Майлза. Он сглотнул.

— Садитесь, лорд Форкосиган.

Он сел в указанное кресло и стал ждать. Она задумчиво разглядывала его. У Майлза в носу появился неприятный зуд, но он держался и не шевелил руками. Первый вопрос этой беседы не застанет его ковыряющим в носу.

— Твой император в большой беде, маленький лорд фор. Чтобы спасти его, ты должен вернуться к наемникам Оссера и взять их под свое командование. Когда это произойдет, мы передадим дальнейшие инструкции.

Майлз был поражен.

— Что ему угрожает? — выдавил он. — Вы?

— Вовсе нет! Грег мой лучший друг. Наконец-то обретенная любовь моей жизни. Я бы сделала для него все. Я бы даже отказалась от своей карьеры, — она улыбнулась притворно благочестиво. Губы Майлза неприязненно скривились в ответ, и ее улыбка превратилась в оскал. — Если тебе взбретет в голову предпринять иной ход действий, нежели буквально следовать полученным инструкциям, что ж... Это может навлечь на Грега невообразимые неприятности. От рук гораздо более страшных врагов.

«Более страшных, чем ты? Невозможно... Или?...»

— Зачем вы хотите, чтобы я стал во главе дендарийских наемников?

— Не могу тебе сказать, — ее глаза расширились, засверкав, судя по всему, от какой-то скрытой насмешливой мысли. — Это будет сюрприз.

— Что вы мне предоставите в поддержку этого предприятия?

— Доставку на Аслундскую станцию.

— Что еще? Войска, оружие, корабли, деньги?

— Мне говорили, что ты мог бы добиться этого одними мозгами. Хотелось бы посмотреть.

— Оссер убьет меня. Он уже пытался это сделать.

— Это риск, на который я должна пойти.

«Нравится мне это «я», леди».

— Вы хотите, чтобы меня убили, — сделал вывод Майлз. — А что если я добьюсь успеха?

Его глаза начали слезиться, он шмыгнул носом. Скоро ему все-таки придется почесать свой безумно зудящий нос.

— Ключом к успешной стратегии, маленький фор, — любезно объяснила она, — является не выбор какого-то одного пути к победе, но такой выбор, что все пути поведут к победе. В идеале. От твоей смерти будет одна польза, от успеха — другая. Должна подчеркнуть, что любая преждевременная попытка войти в контакт с Барраяром может оказаться очень контрпродуктивной. Очень.

Хороший афоризм насчет стратегии, надо будет запомнить.

— Тогда позвольте мне услышать приказ о выступлении от моего собственного верховного главнокомандующего. Позвольте поговорить с Грегором.

— А! Вот это и будет твоей наградой за успех.

— Последний парень, который купился на такое предложение, получил разряд в затылок за свою доверчивость. Почему бы не сэкономить несколько шагов и не пристрелить меня прямо сейчас? — он моргнул и шмыгнул носом, по лицу текли слезы.

— Лично я не хочу тебя убивать, — она натурально поиграла ресницами в его сторону, затем выпрямилась, нахмурившись: — Право, лорд Форкосиган, вот уж не ожидала, что вы расплачетесь.

Он вдохнул, его руки изобразили беспомощную просьбу. Удивленная, она кинула ему носовой платок из своего нагрудного кармана. Пахнущий свежестью платок. Не прося больше о помощи, он прижал его к лицу.

— Прекрати реветь, ты трусли... — ее резкий приказ был прерван его первым, могучим чихом, за которым последовал град других.

— Я не реву, ты, стерва, у меня аллергия на твои дурацкие духи! — смог выдавить

Майлз между сотрясавшими его пароксизмами.

Она прижала ладонь ко лбу и начала хихикать: для разнообразия, это был настоящий смех, а не очередная наигранная ужимка. Наконец-то настоящая, непосредственная Кавило. Он был прав, ее чувство юмора было извращенным.

— О Боже, — всхлипнула она. — А ведь это была бы просто чудесная идея для газовой гранаты. Как жаль, что я никогда... Ну, ладно.

Его носовые пазухи дрожали, как крышка на кипящем чайнике. Она беспомощно покачала головой и набрала что-то на своей комм-панели.

— Думаю, лучше мне отправить тебя в путь поскорее, пока ты не лопнул, — сказала она ему.

Майлз согнулся в кресле и со свистом дышал, его взгляд сквозь слезы упал на коричневые войлочные тапочки.

— Могу я для этой поездки хотя бы получить пару ботинок?

Она на мгновение задумалась, поджав губы.

— Пожалуй, нет, — решила она. — Будет более интересно посмотреть, как ты справишься, оставаясь в том виде, в каком ты сейчас.

— В этой форме на Аслунде я буду как кот в собачей конуре, — возразил он. — Меня пристрелят, как только увидят, просто по ошибке.

— По ошибке... Или специально... Бог мой, тебе предстоит веселые времена, — она отключила запор двери.

Он все еще чихал и всхлипывал, когда вошли конвойные, чтобы увести его. А Кавило все еще смеялась.

Понадобилось полчаса, чтобы рассеялся эффект ее ядовитых духов, и к этому моменту он уже был заперт в крохотной каюте внутрисистемного корабля. Они взошли на борт через шлюз «Десницы Курина»: он больше и шагу не ступил по палубам Верванской станции. И никаких шансов прорваться туда.

Майлз осмотрел каюту. Кровать и туалетные приспособления весьма напоминали его последнюю камеру. Служба на корабле — ха! Широкие перспективы огромной вселенной — ха! Гордость Имперских Сил — не ха... Он потерял Грегора. «Я, может быть, и маленький человек, но лажаюсь я крупно, потому что стою на плечах ГИГАНТОВ». Он попробовал стучать в дверь и кричать в переговорное устройство. Никто не пришел.

«Это будет сюрприз».

Он мог бы устроить им всем сюрприз, повесившись здесь. Мысль эта ненадолго увлекла его, но в каюте не было ничего, за что можно было зацепить ремень.

Ну ладно. Этот корабль курьерского типа был быстрее, чем тяжелый грузовоз, в котором он и Грегор три дня перебирались через систему в прошлый раз, но все же он не перемещался мгновенно. У него было, по крайней мере, полтора дня на то, чтобы серьезно все обдумать. У него и адмирала Нейсмита.

«Это будет сюрприз. О Боже».

Офицер и конвойный пришли за ним примерно в тот момент, когда, по оценкам Майлза, они должны были подойти к оборонительному периметру Аслундской станции. «Но мы еще не пристыковались. Кажется, рановато меня выводить». Несмотря на нервное истощение, он все-таки отреагировал на всплеск адреналина: вдохнул, пытаюсь прояснить лихорадочно затуманенные мысли и вернуть себе бдительность. Однако, если так будет продолжаться, то никакой адреналин ему уже не поможет. Офицер провел его короткими коридорами маленького корабля к навигационной рубке.

Там присутствовал капитан рейнджеров, склонившийся над коммуникационной панелью, за которой сидел его первый помощник. Пилот и бортинженер работали за своими пультами.

— Если они взойдут на борт, они его арестуют, и он автоматически попадет туда, куда

приказано его доставить, — говорил первый помощник.

— Если они его арестуют, они могут арестовать и нас. Она сказала доставить его, и ей не важно, головой вперед или ногами. Она не приказывала нам попадать в плен, — ответил капитан.

Из комма раздался голос:

— Говорит сторожевой корабль «Ариэль», Контрактные вспомогательные силы военного флота Аслунда. Вызываем «С6-WG», приписанный к Верванской станции Ступицы. Сбросьте скорость и предоставьте шлюз по левому борту для высадки предстыковочной инспекции. Аслундская станция сохраняет за собой право отказать вам в предоставлении возможности стыковки в случае, если вы откажетесь содействовать предстыковочной инспекции. — Голос приобрел веселые интонации: — А я сохраняю за собой право открыть огонь, если вы через минуту не остановитесь и не выйдете на связь. Хватит тянуть резину, ребята.

Когда голос стал ироничным, он внезапно показался очень знакомым. Бел?!

— Сбрось скорость, — приказал капитан и жестом указал помощнику отключить комм.

— Эй ты, Рота, — позвал он Майлза. — Иди сюда.

«Так, значит я снова Рота». Майлз изобразил подобострастную улыбку и бочком придвинулся к капитану. Он бросил взгляд на терминал, стараясь скрыть свой жадный интерес. «Ариэль»? Да, это была она на видеодисплее — изящный крейсер иллириканской постройки... И Бел Торн все еще ее командир? «Как мне попасть на этот корабль?»

— Не бросайте меня туда! — рьяно запротестовал Майлз. — Оссеровцы меня ищут. Клянусь, я не знал, что плазмотроны были неисправны!

— Какие плазмотроны? — спросил капитан.

— Я торговец оружием. Продал партию плазмотронов. Дешево. А у них оказалось свойство заедать на перегрузке и взрываться в руках. Я не знал, я купил их оптом.

Правая рука капитана рейнджеров сжалась и разжалась в ответном отождествлении. Он неосознанно вытер ладонь о брюки рядом с кобурой плазмотрона и угрюмо нахмурился, изучающе разглядывая Майлза.

— Значит, головой вперед, — сказал он через мгновение. — лейтенант, отведите с капралом этого маленького мутанта к шлюзу для персонала по левому борту, упакуйте его в спасательный кокон и выбросите за борт. Мы возвращаемся обратно.

— Нет, — слабо произнес Майлз, когда его схватили за обе руки. «Да!» Он начал цепляться ногами, стараясь не слишком упорствовать, чтобы не рисковать костями. — Вы же не выкинете меня!...

«Ариэль», Боже мой...

— О, не волнуйся, аслундские наемники тебя подберут, — ответил капитан. — Может быть. Если не решат, что ты бомба, и не попытаются обезвредить тебя прямо в космосе выстрелом корабельных плазмотронов или еще чем. — Слегка улыбаясь обрисованной им картине, он снова повернулся к комму и протянул со скучающими диспетчерскими интонациями: — «Ариэль», э-э, говорит «С6-WG». Мы решили, э-э, изменить полетный план и вернуться на Верванскую станцию. Стало быть, мы не нуждаемся в предстыковочной инспекции. Однако мы оставим вам, э-э, маленький подарок на прощанье. Очень маленький. Что вам с ним делать — это уже ваша проблема...

Дверь навигационной рубки закрылась за ними. Пройдя несколько метров по коридору и повернув под острым углом, Майлз и его сопровождающие оказались около люка для персонала. Капрал удерживал сопротивлявшегося Майлза, а лейтенант открыл шкаф и вытряс из него спасательный кокон.

Спасательный кокон представлял собой дешевый надувной блок жизнеобеспечения, в который пассажиры в случае неожиданной разгерметизации или необходимости покинуть корабль могли забраться за считанные секунды. Его еще называли шарик для идиотов. Чтобы управлять им, не требовалось специальных знаний, так как никаких управляющих элементов в нем не было, просто несколько часов регенерируемого воздуха и аварийный

маяк. Простые, надежные, и не рекомендуемые для страдающих клаустрофобией, спасательные коконы были очень практичным средством спасения жизней... Если корабли, способные их подобрать, прибывали вовремя.

Майлз издал весьма правдоподобный вопль, когда его запихнули в сырое, пахнущее пластиком пространство спасательного кокона. Рывок за шнур, и кокон автоматически герметизировался и наполнился воздухом. Майлза обожгло короткое, ужасное воспоминание о затонувшей в грязи палатке на острове Кайрил, и он подавился настоящим криком. Он кувырнулся, когда кокон покатали в стыковочный шлюз. Свист, глухой удар, толчок, и вот он в невесомости и в абсолютной темноте.

Сферический кокон был немногим больше метра в диаметре. Майлз, наполовину сложившись пополам, пошарил вокруг. Его желудок и вестибулярный аппарат возражали против вращения, вызванного выбрасывающим толчком. Наконец его дрожащие пальцы нащупали то, что как он надеялся, было осветительной трубкой. Он сжал ее и был вознагражден отвратительным зеленоватым свечением.

Тишина стояла полнейшая и нарушалась лишь слабым шипением регенератора воздуха и неровным дыханием Майлза. «Что ж... Это лучше, чем было в прошлый раз, когда меня пытались выкинуть через стыковочный шлюз». У него оказалось несколько минут, чтобы представить себе все возможные варианты действий, которые может предпринять «Ариэль» вместо того, чтобы подобрать его. Он как раз отбросил вызывавшую мурашки картину корабля, открывающего по нему огонь, в пользу варианта, при котором его бросают умирать от удушья в холодной темноте, когда его вместе с коконом дернул тягловый луч.

У оператора тяглого луча были, ясное дело, неуклюжие пальцы и трясущиеся руки, но через несколько минут жонглирования возвращение силы тяжести и звуков снаружи убедило Майлза в том, что его благополучно затащили в рабочий шлюз. Свист внутренней двери шлюза, искаженные человеческие голоса. В следующее мгновение шарик для идиотов покатался. Майлз громко заорал и свернулся калачиком, покатавшись вместе с коконом, пока движение не прекратилось. Он сел, глубоко вздохнул и попытался расправить свою форму.

Приглушенный стук о стенки кокона:

— Есть здесь кто-нибудь?

— Да! — крикнул Майлз в ответ.

— Минутку...

Скрип, звон, треск, и запечатанный вход раскрыли. Спасательный кокон начал сдвигаться и опадать. Майлз вырвался из его складок и встал, дрожа, со всей неуклюжестью и жалкостью только что вылупившегося птенца.

Он был в маленьком грузовом отсеке. Три солдата в серой с белом форме окружили его, нацеливая в голову парализаторы и нейробластеры. Стройный офицер с капитанскими знаками различия стоял, поставив одну ногу на жестяную коробку, и смотрел, как выбирается Майлз.

Аккуратная форма офицера и мягкие каштановые волосы не позволяли определить, был ли это изящный мужчина или необычно крепкого телосложения женщина. Такая двойственность намеренно культивировалась: Бел Торн был бетанским гермафродитом, представителем меньшинства, состоящего из потомков участников социального и генетического эксперимента столетней давности, не нашедшего своего продолжения. По мере того, как Майлз поднимался на ноги, выражение лица Торна из скептического перешло в ошеломленное.

Майлз широко улыбнулся в ответ:

— Здравствуй, Пандора. Боги послали тебе подарок. Но в нем есть подвох.

— А как же иначе? — лицо Торна осветилось радостью. Он шагнул вперед и обнял Майлза с кипящим энтузиазмом. — Майлз! — Он снова отодвинул Майлза от себя и жадно уставился на него. — Что ты здесь делаешь?

— Я почему-то предчувствовал, что это будет твой первый вопрос, — вздохнул Майлз.

— ...И что ты делаешь в форме рейнджеров?

— Слава Богу! Я рад, что ты не из тех, кто сначала стреляет, а потом задает вопросы, — Майлз выдернул свои одетые в тапочки ноги из сдувшегося кокона. Солдаты, хоть и не уверенно, продолжали целиться в него. — Э-э... — Майлз сделал жест в их сторону.

— Уберите оружие, парни, — приказал Торн. — Все в порядке.

— Хотел бы я, чтобы так оно и было, — сказал Майлз. — Бел, нам надо поговорить.

Каюта Торна на борту «Ариэли» была тем же щемящим сочетанием знакомого и незнакомого, с которым Майлз все время сталкивался, имея дело с наемниками. Формы, звуки, запахи помещений «Ариэли» вызывали в нем каскады воспоминаний. Каюта капитана была теперь заполнена личными вещами Бела: библиотекой видеодисков, оружием, сувенирами, напоминающими о разных кампаниях, включая полурасплавленный шлем от боевого скафандра, который покрылся шлаком, спасая жизнь Торна, и был теперь превращен в абажур, присутствовала также маленькая клетка с экзотическим зверьком с Земли, которого Торн называл «хомяк».

Между глотками натурального несинтетического чая из личных запасов Торна, Майлз выдал ему нейсмитовскую версию реальности, весьма близкую тем версиям, что он представил Оссеру и Туну: задание по анализу ситуации в Ступице, загадочный аниматор и так далее. Грегор, конечно, остался за кадром, как и всякое упоминание Барраяра: Майлз Нейсмит говорил с чистым бетанским акцентом. Во всем остальном Майлз как можно ближе придерживался фактов своего временного пребывания среди рейнджеров Рэндолла.

— Значит лейтенанта Лейка захватили наши конкуренты, — задумался Торн над описанием светловолосого лейтенанта, которого Майлз встретил на гауптвахте «Десницы Курина». — Не скажу, что сильно этим огорчен, но... Следует снова сменить наши коды.

— Пожалуй, — Майлз поставил чашку и склонился вперед: — Мой аниматор уполномочил меня не только вести наблюдение, но и по возможности предотвратить войну в Ступице Хеджена. — Ну, типа того. — Боюсь, что это уже невозможно. А как это выглядит с вашей стороны?

Торн нахмурился:

— Последний раз мы стояли в доках пять дней назад. Именно тогда аслундцы состряпали эту процедуру предстыковочной инспекции. В соответствии с ней все маленькие корабли были определены на круглосуточное дежурство. По мере того как строительство военной станции наших аниматоров подходит к концу, они все больше тревожатся по поводу диверсий: взрывов, биологических атак...

— Их можно понять. А как насчет, э-э, внутренних дел флота?

— Ты имеешь в виду, слухов о твоей смерти, жизни и/или воскресении? Они бродят повсюду, целых четырнадцать искаженных версий. Я бы не обращал на них внимания — тебя, знаешь ли, и раньше, случалось, видели — но тут Оссер внезапно арестовал Туна.

— Что? — Майлз закусил губу. — Только Туна? А Елену, Мейхью, Чодака?

— Только Туна.

— Но это какая-то бессмыслица. Если Тун был арестован, то он был допрошен с фастпенталом, и просто вынужден был выдать Елену. Если только ее не оставили на свободе как приманку.

— Когда взяли Туна, ситуация стала по-настоящему напряженной. Взрывоопасной. Думаю, если бы Оссер взялся за Елену и База, это тут же вызвало бы войну. С другой стороны, он не отступился и не отпустил Туна. Все очень нестабильно. Оссер старается разделить представителей прежнего ядра флота, вот почему я торчу здесь уже почти неделю. Но когда я видел База последний раз, он был чертовски близок к тому, чтобы решиться ввязаться в драку. А уж этого он хотел бы в последнюю очередь.

Майлз медленно выдохнул:

— Драка... Это именно то, что хочет командор Кавило. Вот почему она послала меня обратно, завернув, как подарок, в этукую... недостойную упаковку. Так сказать, кокон

раздора. Ей все равно, выиграю я или проиграю, главное, чтобы силы ее противника были обращены в хаос, когда она приведет в действие свой «сюрприз».

— Ты уже знаешь, что это за сюрприз?

— Нет. Рейнджеры готовились к какой-то планетарной атаке. Тот факт, что меня послали сюда, подразумевает, что их целью является Аслунд, вопреки всякой стратегической логике. Или цель иная? У этой женщины невероятно извращенный ум. Уф! — Он стал легонько стучать кулаком по ладони, отбивая нервный ритм. — Я должен переговорить с Оссером. И в этот раз он должен меня выслушать. Я все продумал. Сотрудничество между нами — это, возможно, единственный ход событий, которого не ожидает Кавило. Для которого, в ожидании меня, она не подпилила сук своего стратегического дерева решений... Ты готов поставить все на меня, Бел?

Торн задумчиво поджал губы.

— Отсюда, да. «Ариэль» самый быстрый корабль флотилии. Если понадобится, я смогу убежать от возмездия, — он широко улыбнулся.

«Не отправиться ли нам на Барраяр?» Нет... Грегор все еще у Кавило. Лучше делать вид, что следуешь инструкциям. До поры до времени.

Майлз глубоко вздохнул и поудобнее уселся в кресле перед пультом в навигационной рубке «Ариэля». Он привел себя в порядок и одолжил серую с белым форму наемника у самой маленькой женщины на корабле. Подвернутые штанины были аккуратно заправлены в высокие ботинки, почти подходившие по размеру. Пояс прикрывал застёжку брюк, не сходящуюся на талии. Свободно висящая куртка была приглажена и выглядела вполне прилично. Постоянную подгонку можно сделать потом. Он кивнул Торну:

— Ладно. Открывай канал связи.

Жужжание, сверканье, и ястребиное лицо адмирала Оссера материализовалось над видеопанелью.

— Да, в чем дело... Ты! — он щелкнул зубами, как птица клювом, его рука, метнувшись из фокуса в сторону, застучала по клавишам переговорного устройства и пульта видеосвязи.

«На этот раз он не может выкинуть меня через шлюз, но может меня отключить». Время говорить и говорить быстро. Майлз наклонился вперед и улыбнулся:

— Здравствуйте, адмирал Оссер. Я закончил анализ сил Вервана в Ступице Хеджена. И вот мое заключение: у вас большие неприятности.

— Как ты попал на этот защищенный канал? — зарычал Оссер. — Узкий луч, двойное кодирование... Офицер связи, отследите!

— Как — это вы сможете определить через несколько минут. И пока вы это делаете, вам придется держать со мной связь, — ответил Майлз. — Но ваш враг не здесь, а на Верванской станции. Не Пол, не Альянс Джексона. И уж точно не я. Заметьте, я сказал на Верванской станции, а не на Верване. Вы знакомы с Кавило? Вашим противником на другом конце системы?

— Я пару раз имел с ней дело, — лицо Оссера было непроницаемо: он ждал отчета техников связи.

— Лицо ангела, ум бешеной мангусты?

Губы Оссера почти незаметно изогнулись:

— Вижу, ты с ней встречался.

— О да. У нас с ней состоялось несколько душевных разговоров. И это было... познавательно. Информация сейчас самый ценный товар в Ступице. Во всяком случае, моя информация. Я хочу заключить сделку.

Оссер поднял руку, прерывая разговор, и ненадолго отключил связь. Когда его лицо снова появилось, оно имело весьма мрачное выражение:

— Капитан Торн, это мятеж!

Торн наклонился, чтобы оказаться в зоне приема камеры видеосвязи и бодро ответил:

— Нет, сэр, это не мятеж. Мы пытаемся спасти вашу неблагодарную шею, с вашего позволения. Послушайте его. У него есть идеи, которых нет у нас.

— У него есть идеи, ага, — и едва слышно: — Чертовы бетанцы, сговорились...

— Будете ли вы сражаться со мной, или я с вами, адмирал Оссер, мы оба проиграем, — быстро сказал Майлз.

— Ты не можешь победить, — ответил Оссер. — Не можешь захватить мой флот. С одной «Ариэлью».

— «Ариэль» — это только начало, если уж на то пошло. Впрочем, возможно, я и не могу победить. Но вот что я могу сделать, так это устроить первостатейный беспорядок. Разделить ваши силы, скомпрометировать вас перед вашим нанимателем... Каждый заряд, который вы потратите, каждый блок оборудования, который будет поврежден, каждый раненый или убитый солдат в подобном внутреннем противостоянии будет ничем иным, как чистой потерей. Никто не выиграет, кроме Кавило, которая не потратит вообще ничего. И именно для этого она и вернула меня сюда. Много ли выгоды вы видите в том, чтобы делать именно то, что хочет от вас ваш враг, а?

Майлз ждал, затаив дыхание. Оссер работал челюстью, перемалывая эти эмоциональные доводы.

— А в чем твоя выгода? — наконец спросил он.

— А! Боюсь, что в этом уравнении я опасная переменная, адмирал. Я здесь не ради выгоды, — Майлз осклабился: — А значит, меня не беспокоит, сколько дров я тут наломаю.

— Любая информация, полученная тобой от Кавило, не стоит ни шиша, — сказал Оссер.

«Он начал торговаться — он попался, попался...» Майлз подавил возбуждение и состроил серьезную мину.

— Все, что говорит Кавило, должно, конечно, тщательно просеиваться. Но, э-э... мы — это то, что мы делаем. И я нашел ее уязвимую сторону.

— У Кавило нет уязвимых сторон.

— Есть. Ее страсть к извлечению пользы. Ее эгоистический интерес.

— Я что-то не вижу, как это делает ее уязвимой.

— Вот почему вы должны немедленно включить меня в свой штаб. Вам нужно мое видение.

— Нанять тебя! — Оссер ошеломленно отпрянул.

Что ж, по крайней мере, он достиг эффекта неожиданности. Своего рода военное преимущество.

— Я так понимаю, пост начальника штаба и тактического командующего сейчас не занят.

Выражение лица Оссера перетекало от ошеломления к оторопи и далее к смятенному гневу:

— Ты ненормальный.

— Нет, просто чертовски спешу. Адмирал, мы не нанесли друг другу необратимого ущерба. Пока. Вы атаковали меня — а вовсе не наоборот — и теперь ждете, что я атакую вас в ответ. Но я не в отпуске, и у меня нет времени на личные развлечения вроде мести.

Глаза Оссера сузились:

— А как насчет Туна?

Майлз пожал плечами:

— Держите его под замком, пока что, если вы настаиваете. Конечно, не нанося ему вреда.

«Только не говорите ему, что я так сказал».

— Предположим, я его вздерну?

— А! Вот это будет уже необратимо, — Майлз помолчал. — Должен отметить, бросать за решетку Туна — все равно что отрубить себе правую руку перед сражением.

— Каким сражением? С кем?

— Это будет сюрприз. Сюрприз Кавило. Хотя у меня есть пара идей по этому поводу, которыми я с вами с удовольствием поделюсь.

— Поделишься? — у Оссера появилось то самое выражение человека, жующего лимон, которое Майлзу удавалось время от времени вызывать у Иллиана. Оно показалось ему почти домашним.

Майлз продолжал:

— Альтернативой моей службе у вас является возможность для меня стать вашим нанимателем. Я уполномочен предложить полноценный контракт, со всеми обычными бонусами и страховкой техники, от имени моего... спонсора, — «Иллиан, услышь мою мольбу». — Контракт, не противоречащий интересам Аслунда. Вы можете собрать двойную плату за один и тот же бой, причем вам даже не придется переходить на сторону противника. Мечта наемника.

— Какие гарантии ты можешь представить?

— Мне кажется, это я нуждаюсь в гарантиях, сэр. Давайте начнем с небольших шагов. Я не начну мятеж, а вы оставите попытки выбросить меня через шлюз. Я открыто присоединюсь к вам — все должны знать о моем прибытии — и взамен открою вам свою информацию. — Сколь хилой казалась его информация в свете всех этих легкомысленных обещаний. Нет данных ни о численности, ни о перемещении войск — сплошные намерения, меняющие в умах ландшафт лояльности, честолубия и предательства. — Мы все обсудим. У вас даже может оказаться точка зрения, которой мне не хватает. Затем будем двигаться дальше.

Оссер поджал губы в сомнениях: наполовину убежденный, глубоко подозрительный.

— Риск, должен отметить, — добавил Майлз, — личный риск больше для меня, чем для вас.

— Думаю...

Майлз замер, ожидая слов наемника.

— Думаю, я об этом пожалею, — вздохнул Оссер.

Прежде чем «Ариэли» позволено было войти в док, полдня ушло на детальные переговоры. По мере того как рассеивалось первоначальное возбуждение, Торн становился все более задумчивым. А когда «Ариэль» начала маневры по стыковке, он и вовсе погрузился в себя.

— Я все еще не вполне понимаю, что помешает Оссеру нас впустить, парализовать и спокойно повесить, — сказал он, держась за поручень. Торн высказал свою жалобу достаточно тихо, чтобы его не услышали чуткие уши эскорта, готовившегося к высадке рядом, в коридоре «Ариэли», предназначенном для стыковки шаттлов.

— Любопытство, — уверенно ответил Майлз.

— Хорошо, парализовать, допросить с фастпенталом и уж потом повесить.

— Если он допросит меня с фастпенталом, я скажу ему то же самое, что и так собирался сказать, — «И кое-что еще, к сожалению». — У него останется меньше сомнений. Тем лучше.

От необходимости и дальше нести чушь Майлза избавил стук и шипение соединявшихся стыковочных рукавов. Торновский сержант без заминки отдраил люк, хотя и постарался, как заметил Майлз, чтобы его силуэт не торчал в образовавшемся проеме.

— Взвод, становись! — приказал сержант. Шестеро его подчиненных проверили парализаторы. Торн и сержант, кроме того, несли нейробластеры. Это был хорошо продуманный набор оружия: парализаторы, чтобы позволить человеку ошибиться, и нейробластеры, чтобы у другой стороны желания ошибаться не возникло. Майлз был без оружия. Мысленно отдав салют Кавило — ну, на самом деле, сделав непристойный жест, — он снова надел войлочные тапочки. Вместе с Торном он возглавил их маленькую процессию и зашагал по стыковочному рукаву в один из почти законченных стыковочных отсеков военной станции Аслунда.

Верный своему слову, Оссер собрал свидетелей, которые ждали их, выстроившись в шеренгу. Команда из примерно двадцати человек, вооруженных почти так же, как и солдаты с «Ариэли».

— У них численное превосходство, — пробормотал Торн.

— Зависит от отношения, — тоже тихо ответил Майлз. — Шагай так, будто у тебя за спиной империя, — «И не оглядывайся, они могут брать нас в кольцо. И хорошо бы, если так». — Чем больше народу меня увидит, тем лучше.

Сам Оссер стоял выпрямившись и с таким лицом, будто страдал от несварения желудка. Елена — Елена! — стояла рядом с ним, безоружная, с застывшим лицом. Сжатые губы и напряженный взгляд, которым она смотрела на Майлза, выдавал сомнения, если не относительно его мотивов, то относительно его методов. «Что опять за глупость?» — спрашивали ее глаза. Майлз приветствовал ее быстрым ироничным кивком, прежде чем отсалютовать Оссеру.

С неохотой Оссер ответил тем же.

— А сейчас... «адмирал»... давайте вернемся на «Триумф» и займемся делами, — проскрежетал он.

— Действительно, давайте. Но по пути совершим небольшую экскурсию по станции, ладно? Конечно, минуя секретные зоны. В конце концов, мой предыдущий осмотр был весьма... грубо прерван. После вас, адмирал.

Оссер стиснул зубы:

— О, нет, после вас, адмирал.

Экскурсия превратилась в парад. Майлз водил их кругами добрые сорок пять минут, посетив, в частности, столовую в обеденный час и сделав там несколько шумных остановок, чтобы поприветствовать по имени нескольких старых дендарийцев, которых он узнал, а остальных удостоить ослепительной улыбкой. За собой он оставлял гул голосов: те, кто пребывал в неведении, требовали объяснений от тех, кто был в курсе.

Рабочая команда аслундцев отдирала волоконные панели, и он остановился, чтобы похвалить их работу. Елена поймала момент, когда Оссер отвлекся, наклонилась и яростно продышала в ухо Майлзу:

— Где Грегор?!

— Торчит неподалеку... И моя голова будет торчать на колу, если я не верну его, — прошептал Майлз. — Все слишком запутанно, объясню позже.

— О Боже, — она закатила глаза.

Когда, судя по темнеющему лицу Оссера, он почти достиг пределов адмиральского терпения, Майлз все-таки позволил вести себя в сторону «Триумфа». Вот так. Подчиняясь приказам Кавило, Майлз не сделал ни одной попытки войти в контакт с Барраяром. Но если после всего этого Унгары не смогут его найти, то его пора увольнять. Даже тропическая птица, исполняющая безумный брачный танец, едва ли смогла бы устроить более заметное шоу.

Когда Майлз вел свой парад через отсек, к которому был пристыкован «Триумф», там все еще велись монтажные работы — делались последние мазки. Несколько аслундских рабочих в желто-коричневом, голубом и зеленом, свесились с мостков, чтобы поглазеть на него. Военные техники в синей форме приостановили монтаж оборудования, уставившись на процессию, потом принялись снова сортировать соединительные кабели и закручивать болты. Майлз воздержался от улыбок и приветственных взмахов, иначе сжатые челюсти Оссера дали бы трещину. Хватит бросать приманку, пора приступать к серьезным делам. Со следующим броском костей почти тридцать наемников могут превратиться из почетного эскорта в тюремный конвой.

Высокий сержант с «Ариэли», шагая рядом с Майлзом, осматривал отсек, отмечая новые элементы конструкции.

— Завтра к этому времени роботы-погрузчики должны перейти на автоматический режим, — заметил он. — Это будет кстати... блин! — Его рука внезапно опустилась на

голову Майлза, толкая его вниз. Сержант полуобернулся, его согнутые пальцы рванулись к кобуре, и в это мгновение трещащая голубая молния разряда нейробластера ударила его прямо в грудь на том уровне, где только что была голова Майлза. Сержант конвульсивно дернулся, его дыхание остановилось. Запах озона, горячего пластика и покрывшегося волдырями мяса ударил в ноздри Майлза. Майлз продолжил движение вниз, упал на палубу, перекатился. Второй разряд разбился о палубу: его расплывшееся поле будто двадцать ос ужалило вытянутую руку Майлза. Он поддержнул ее под себя.

Когда тело сержанта упало, Майлз, схватившись за куртку, рывком переместился под него, пряча голову и позвоночник туда, где слой плоти был самым толстым — под туловище сержанта. Он как можно ближе подтянул руки и ноги. Еще один разряд ударился в палубу рядом с ним, затем два подряд попали в мертвое тело. Даже через поглощающую массу, прикрывавшую Майлза, эффект был хуже, чем удар шоковой дубинки на полной мощности.

Сквозь звон в ушах Майлз слышал крики, стуки, вопли, топот, хаос. Чирикающий звук парализатора. Голос:

— Вон он! Бери его!

И другой голос, высокий и хриплый:

— Ты его заметил, он твой. Сам и бери его!

Еще один разряд ударил в настил.

Тяжесть крупного тела и вонь от смертельной раны давили Майлзу на лицо, но он бы хотел, чтобы парень весил еще килограмм на пятьдесят побольше. Неудивительно, что Кавило готова была выставить двадцать тысяч бетанских долларов, чтобы добраться до защитных костюмов. Из всех типов отвратительного оружия, с которым встречался Майлз, его лично нейробластер пугал больше всего. Ранение в голову, которое не убьет его окончательно, но лишит человеческих качеств, превратит в животное или растение, было его самым страшным кошмаром. Его интеллект определенно являлся единственным оправданием его существования. Без него...

Треск нейробластера, на этот раз не направленного в его сторону, проник в его сознание. Майлз повернул голову и закричал, его голос заглушался одеждой и плотью:

— Парализаторы! Парализаторы! Он нам нужен живым для допроса!

«Он твой, сам и бери его...» Ему следовало бы вылезти из-под этого тела и присоединиться к драке. Но если он был главной целью убийцы, а иначе зачем бить разрядами в мертвое тело... Возможно, ему следует оставаться там, где он есть. Майлз скорчился, пытаясь еще ближе подтянуть руки и ноги.

Крики стихли, выстрелы прекратились. Кто-то встал на колени рядом с Майлзом и попытался скатить с него тело сержанта. Через мгновение Майлз понял: чтобы его могли спасти, нужно отцепиться от формы мертвеца. Он с трудом распрямил пальцы.

Лицо Торна, дышащего открытым ртом, закачалось над ним, бледное и взволнованное.

— Вы в порядке, адмирал?

— Думаю, да, — пропыхтел Майлз.

— Он целился в вас, — сообщил Торн. — И только в вас.

— Я заметил, — заикаясь, ответил Майлз. — Меня только слегка поджарило.

Торн помог ему сесть. Его трясло так же сильно, как после избиения шоковыми дубинками. Он посмотрел на конвульсивно сжимающиеся руки, с болезненным удивлением опустил одну из них на тело рядом с ним. «Каждый день моей оставшейся жизни будет твоим даром. А я даже не знаю твоего имени». — Твой сержант... Как его звали?

— Коллинз.

— Коллинз. Спасибо.

— Хороший солдат.

— Я видел.

Подошел Оссер. Выглядел он напряженно.

— Адмирал Нейсмит, я к этому не причастен.

— Да? — Майлз моргнул. — Помогите мне подняться, Бел...

Возможно, последнее было ошибкой: Торну пришлось помогать ему держаться на ногах — мускулы непроизвольно сокращались. Он чувствовал себя слабым и утомленным, как во время болезни. «Елена... Где она? У нее не было оружия...»

Но вот и она, вместе с еще одной наемницей. Они тащили к Майлзу и Оссеру человека в синей форме аслундского рядового. Каждая держала в руках одетую в ботинок ногу: руки человека безжизненно волочились по палубе. Парализован? Мертв? Женщины со стуком бросили ноги перед Майлзом, с невозмутимым видом львиц, принесших добычу своим львьятам. Майлз уставился на весьма знакомое лицо. «Генерал Метцов. Что вы здесь делаете?»

— Вы узнаете этого человека? — спросил Оссер у аслундского офицера, подоспевшего к ним. — Это один из ваших?

— Я его не знаю... — аслундец присел, чтобы проверить удостоверение. — Пропуск у него в порядке.

— Он мог бы достать меня и скрыться, — сказала Елена Майлзу. — Но он все продолжал стрелять в тебя. С твоей стороны было умно оставаться под прикрытием.

Триумф ума или слабость нервов?

— Да. Пожалуй, — Майлз сделал еще одну попытку стоять самостоятельно, потом сдался и оперся на Торна. — Надеюсь, ты его не убила.

— Только парализовала, — ответила Елена, показывая в доказательство свое оружие. Должно быть, какой-то умный человек бросил его ей, когда началась заваруха. — Но у него, возможно, сломано запястье.

— Да кто он такой? — спросил Оссер. Довольно искренне, как показалось Майлзу.

— Что ж, адмирал, — оскалился Майлз. — Я говорил вам, что предоставляю больше разведанных, чем ваша разведка смогла бы собрать за месяц. Позвольте представить, — это было как появление главного блюда на банкете: Майлз сделал движение, каким официант снимает куполообразную крышку с серебряного подноса, но со стороны это, наверное, выглядело, как очередной мускульный спазм. — Генерал Станис Метцов. Помощник командующего рейнджерами Рэндолла.

— И с каких пор старшие штабные офицеры выполняют полевые диверсии?

— Прошу прощения, помощник командующего по данным трехдневной давности. Это могло измениться. Он весь по свою жилистую шею увяз в планах Кавило. У вас, меня и него назначена встреча с пневмошприцем.

Оссер уставился на Майлза:

— Ты это планировал?

— А зачем, по-вашему, я последний час таскался по станции, если не затем, чтобы выкурить его? — бодро ответил Майлз.

«Должно быть, он преследовал меня все это время. Кажется, меня сейчас вырвет. Я себя только что объявил гением или невероятным глупцом?» Оссер, похоже, пытался найти ответ на тот же вопрос.

Майлз уставился на лежащего без сознания Метцова, пытаясь думать. Послала ли Метцова Кавило, или эта попытка убийства была его собственной инициативой? Если его послала Кавило, планировала ли она, что он живым попадет в руки врагов? Если нет, не скрывался ли поблизости дублирующий убийца, и если так, был ли целью Метцов в случае, если бы ему удалось убить Майлза, или Майлз в противном случае? Или они оба? «Мне нужно присесть и нарисовать схему».

Прибыла медицинская группа.

— Да, в лазарет, — слабым голосом сказал Майлз. — Пока мой старый друг не очнется.

— Согласен, — сказал Оссер, качая головой с чувством, весьма похожим на смятение.

— Лучше обеспечить не только конвой, но и охрану для этого пленника. Я не уверен, что его захват был запланирован.

— Правильно, — растерянно согласился Оссер.

Торн поддерживал Майлза под одну руку, Елена под другую, и Майлз нетвердым

шагом ступил наконец в люк «Триумфа».

Глава 14

Майлз трясся, сидя на скамье в застекленной палате в лазарете «Триумфа», обычно используемой в качестве биоизолятора, и смотрел, как Елена привязывает генерала Метцова силовым шнуром к креслу. Майлз воспринимал бы такую смену ролей не без самодовольства, если бы допрос, к которому они собирались приступить, не был чреват таким количеством опасных осложнений. Елену снова разоружили. Двое вооруженных парализаторами солдат стояли на посту за прозрачной звуконепроницаемой дверью, время от времени бросая взгляды внутрь палаты. Понадобилось все майлзово красноречие, чтобы свести число участников этого первого допроса до трех человек: себя, Елены и Оссера.

— Насколько серьезной информацией может обладать этот человек? — раздраженно спросил Оссер. — Его же отпустили на территорию противника.

— По-моему, достаточно серьезной, чтобы вы пожелали иметь возможность обдумать ее, прежде чем доносить до сведения остальных, — возразил Майлз. — В любом случае, у вас останется запись.

Молчаливый Метцов выглядел больным и не собиравшимся ни на что отвечать. Его правое запястье было аккуратно забинтовано. Болезненный вид объяснялся пробуждением от парализованного состояния, а что касается молчания, то оно было бесполезно, и все это знали. Было своего рода данью вежливости не дергать его вопросами, пока не подействует фастпентал.

А пока что Оссер смотрел на Майлза:

— Ты сам-то способен принимать участие?

Майлз взглянул на свои все еще дрожащие руки:

— Если меня никто не попросит делать операцию на мозге, то да. Приступайте. У меня есть основания подозревать, что у нас мало времени.

Оссер кивнул Елене, которая подняла пневмошприц, чтобы отмерить дозу, и прижала его к шее Метцова. Глаза Метцова от отчаяния ненадолго закрылись. Потом его сжатые руки расслабились. Мускулы лица провисли и сложились в неопределенную идиотскую улыбку. Наблюдать за этой трансформацией было в высшей степени неприятно. Обмякнув, его лицо сразу постарело.

Елена проверила Метцову пульс и зрачки.

— Все в порядке. Он весь ваш, господа, — она сделала шаг назад и, скрестив руки, прислонилась к дверной раме. Выражение ее лица было столь же непроницаемо, как до этого у Метцова.

Майлз раскрыл ладонь:

— После вас, адмирал.

Оссер скривился:

— Благодарю, адмирал. — Он подошел и задумчиво взгляделся в лицо Метцова. — Генерал Метцов. Ваше имя Станис Метцов?

Метцов широко улыбнулся:

— Ага, это я.

— В настоящий момент заместитель командующего рейнджерами Рэндолла?

— Ага.

— Кто послал вас убить адмирала Нейсмита?

Лицо Метцова осветилось радостным недоумением:

— Кого?

— Зовите меня Майлзом, — предложил Майлз. — Он знает меня под... псевдонимом.

Его шансы пройти через этот допрос, не раскрыв тайну своей личности, были равны шансам снежка пережить червоточный скачок в центр солнца, однако стоит ли торопить события?

— Кто послал вас убить Майлза?

— Кави. Конечно же. Видите ли, он сбежал. И я единственный, кому она могла доверять... доверять... стерва...

Брови Майлза дернулись:

— На самом деле, Кавило сама меня сюда прислала, — проинформировал он Оссера. — Таким образом, генерала Метцова подставили. Но с какой целью? Думаю, настала моя очередь.

Оссер сделал приглашающий жест и шагнул назад. Майлз неверной походкой отошел от своей скамьи, чтобы оказаться в поле зрения Метцова. Метцов даже сквозь эйфорию фастпентала яростно задышал, потом мерзко улыбнулся.

Майлз решил начать с вопроса, который больше и дольше всего сводил его с ума:

— На кого — на какую цель — планировалась ваша планетарная атака?

— На Верван, — ответил Метцов.

Даже у Оссера отпала челюсть. В наступившей оторопелой тишине Майлз услышал биение собственной крови.

— Верван же ваш наниматель, — выдавил Оссер.

— Господи... Господи!... Наконец-то все сходится! — Майлз едва не подскочил от радости, что привело его к потере равновесия, и Елена оттолкнулась от стены, чтобы поймать его. — Да, да, да!...

— Это безумие! — сказал Оссер. — Так вот какой сюрприз готовит Кавило.

— И это еще не все, ручаюсь. Десантные силы Кавило намного больше наших, но далеко не столь велики, чтобы в наземных боях захватить полностью заселенную планету вроде Вервана. Они могут только напасть и убежать.

— Напасть и убежать, точно, — Метцов по-прежнему улыбался.

— В таком случае, какова была ваша главная цель? — быстро спросил Майлз.

— Банки... музеи искусств... генетические банки... заложники...

— Да это пиратский рейд! — заметил Оссер. — Что, черт возьми, вы собирались делать с добычей?

— Сбросить в Альянсе Джексона, по пути отсюда. Они все скупят.

— Как тогда вы намеревались убежать от разгневанного верванийского военного флота? — спросил Майлз.

— Ударить по ним как раз перед тем, как новый флот сойдет со стапелей. Цетагандийский флот вторжения поймают их в доках на орбите. Неподвижные цели. Легко.

На этот раз тишина была абсолютной.

— А вот это и есть сюрприз Кавило, — наконец прошептал Майлз. — Вот это на нее похоже.

— Цетагандийское... вторжение? — Оссер неосознанно начал грызть ноготь.

— Господи, сходится, сходится, — Майлз начал мерить палату неровными шагами. — Какой есть единственный способ захватить червоточину? Действуя одновременно с двух сторон. Не верванцы наниматели Кавило, а цетагандийцы. — Он повернулся и указал на кивавшего и шлепавшего губами генерала. — Теперь я вижу и роль Метцова, ясно как день.

— Пират, — пожал плечами Оссер.

— Нет... Козел отпущения.

— Что?

— Этого человека — вы, очевидно, не знаете — уволили со службы из Барраярских Имперских Сил за жестокость.

Оссер моргнул:

— Из барраярской армии? Должно быть, он сотворил что-то действительно ужасное.

Майлз подавил приступ раздражения:

— Ну, да... Он, э-э... напал не на ту жертву. Как бы там ни было, неужели вы не видите? Цетагандийский флот вторжения вваливается в верванийское локальное пространство по приглашению Кавило... Возможно, по ее сигналу. Рейнджеры совершают

свой рейд, быстренько трясут Верван. Цетагандийцы, по доброте душевной, «спасают» планету от вероломных наемников. Рейнджеры бегут. Метцова оставляют в качестве козла отпущения... Вроде как сбросить кого-нибудь с тройки на съедение волкам, — оп-па, не очень-то бетанская метафора. — Чтобы цетагандийцы могли публично его повесить для демонстрации своей «доброй воли». Смотрите, этот злой барраярец причинил вам вред, вам нужна наша имперская защита от барраярской имперской угрозы, и вот мы здесь... А Кавило заработает на этом трижды. Один раз заплатят верванийцы, один раз цетагандийцы, и третий раз Альянс Джексона, которым она продаст добычу по пути отсюда. Все в выигрыше. Кроме верванийцев, конечно.

Он замолчал, чтобы перевести дыхание. Оссер выглядел все более убежденным. И обеспокоенным.

— Думаете, цетагандийцы планируют пробиться в Ступицу Хеджена? Или они остановятся на Верване?

— Конечно, они будут пробиваться дальше. Ступица — вот стратегическая цель. Верван — только ступенька на пути к ней. Отсюда и план с «плохими наемниками». Цетагандийцы хотят минимизировать издержки на усмирение ВERVANA. Они, вероятно, объявят его «союзной сатрапией», удержат за собой космические пути и едва коснутся самой планеты. Через поколение они ассимилируют их экономически. Вопрос в том, остановятся ли цетагандийцы у Пола? Попытаются ли они сразу, в один присест захватить его или оставят как буферную зону между ними и Барраяром? Захват или уговоры? Если они смогут спровоцировать барраярцев на несанкционированную атаку через Пол, это может даже подтолкнуть Пол к союзу с цетагандийцами... эх! — Он снова начал вышагивать по палате.

Оссер выглядел так, будто откусил что-то отвратительное. С половинкой червяка внутри.

— Меня не занимали драться с Цетагандийской империей. Я ожидал, что моим противником будут, максимум, верванийские наемники, если все не рассосется само собой. Если сюда, в Ступицу, во всеоружии придут цетагандийцы, мы окажемся в... ловушке. Зажатыми со всех сторон и с тупиковой звездной системой позади. — И он тихо пробормотал: — Может, стоит подумать о том, чтобы убраться отсюда, пока не началось...

— Но адмирал Оссер, неужели вы не понимаете, — Майлз указал на Метцова. — Уж Кавило-то никогда не отпустила бы его от себя со всей этой информацией в голове, если бы это все еще был действующий план. Может, она и хотела, чтобы он погиб, пытаясь убить меня, но всегда оставался шанс, что этого не случится... Что произойдет как раз подобный допрос. Так что это все старый план. А должен быть и новый. — «И кажется, я знаю, в чем он заключается». — Есть еще один... фактор. Еще одна переменная в уравнении. — «Грегор!» — Если только я не ошибаюсь, цетагандийское вторжение сейчас будет весьма нежелательно для Кавило.

— Адмирал Нейсмит, я могу поверить, что Кавило предаст буквально кого угодно.... Кроме цетагандийцев. Они потратят целое поколение, выискивая возможность отомстить. Она просто не сможет убежать достаточно далеко. И не проживет достаточно долго, чтобы потратить свою прибыль. И кстати, что это за возможная прибыль, которая покрывает тройную оплату?

«Но если она ожидает, что от возмездия ее защитит Барраярская империя, со всеми нашими силами безопасности...»

— Я вижу лишь один способ, каким она могла бы избежать возмездия, — сказал Майлз. — Если это сработает так, как она хочет, у нее будет необходимая защита. И вся прибыль.

А это может сработать, действительно может. Если Грегор действительно околдован ею. И если два так некстати враждебно настроенных свидетеля — Майлз и генерал Метцов — удачно убьют друг друга. Покинув свой флот, она может прихватить Грегора и бежать из-под носа у цетагандийцев, явив себя Барраяру самоотверженной спасительницей Грегора. А если к тому же сраженный страстью Грегор представит ее как свою невесту, достойную быть

матерью наследника главы военной касты... Романтический заряд этой драмы может вызвать достаточно общественной поддержки, чтобы перевесить суждения более холоднокровных советников. Бог свидетель, мать Майлза заложила фундамент такого сценария. «Она действительно может этого достичь. Кавило, императрица Барраяра. Это даже звучит». И ради блестящего завершения своей карьеры она может предать вообще кого угодно, даже собственные войска...

— Майлз, у тебя такое лицо... — взволнованно сказала Елена.

— Когда? — спросил Оссер. — Когда цетагандийцы атакуют?

Он привлек рассеянное внимание Метцова и повторил вопрос.

— Только Кави знает, — хихикнул Метцов. — Кави знает все.

— Это должно быть уже скоро, — высказал мнение Майлз. — Возможно, начинается прямо сейчас. Если судить по тому моменту, который выбрала Кавило, чтобы вернуть меня. Она хотела, чтобы ден... флотилия была в данный момент парализована из-за внутренних разногласий.

— Если это правда, — пробормотал Оссер, — что нам делать?...

— Мы слишком далеко. В полутора днях от места действия. Которое случится у червоточины Верванской станции. И за ней, в верванском локальном пространстве. Нужно приблизиться. Нужно провести флот через систему... Пришпилить Кавило к цетагандийцам. Заблокировать ее...

— Ну сейчас! Я не собираюсь безрассудно атаковать Цетагандийскую империю! — резко прервал его Оссер.

— Вы должны. Вам придется с ними сражаться рано или поздно. Либо вы выбираете время, либо они. Единственный шанс остановить их — это у червоточины. Когда они пройдут через нее, это станет невозможно.

— Если я поведу флот от Аслунда, верванийцы подумают, что мы их атакуем.

— И мобилизуются, придут в боевую готовность. Хорошо. Но не на том направлении — не хорошо. Получится, что мы станем отвлекающим маневром в пользу Кавило. Черт! Без сомнения, еще одна ветвь ее стратегического дерева.

— Предположим... Если цетагандийцы сейчас действительно нежелательны для Кавило, как ты заявляешь... Предположим, она не шлет свой код?

— О нет, они ей все еще нужны. Но для иной цели. Ей нужно от них убежать. И они должны для нее совершить массовое уничтожение свидетелей. Но ей не нужно, чтобы они достигли успеха. На самом деле, она заинтересована в том, чтобы вторжение завязло. Если она действительно планирует на долгосрочную перспективу, как должна.

Оссер потряс головой, будто пытаясь ее прочистить:

— Почему?

— Наша единственная надежда — единственная надежда Аслунда — это захватить Кавило и с боем остановить цетагандийцев у червоточины Верванской станции. Нет, подождите... Нужно удержать обе стороны скачка Ступица-Верван. Пока не придут подкрепления.

— Какие подкрепления?

— Аслунд, Пол... Когда цетагандийцы на самом деле материализуются здесь во всеоружии, остальные увидят, что им угрожает. И если Пол перейдет на сторону Барраяра вместо Цетаганды, Барраяр сможет влить свои силы через них. Цетагандийцев можно остановить, если все произойдет в правильной последовательности.

Но можно ли спасти Грегора? Не один путь к победе, но все пути...

— Полежут ли сюда барраярцы?

— О, думаю да. Ваша контрразведка, должно быть, отслеживает такие вещи... Не заметили ли они внезапный рост активности барраярской разведки здесь в Ступице в последние несколько дней?

— Сейчас, когда вы упомянули об этом, я вспомнил, что да. Их шифрованный трафик возрос вчетверо.

Слава Богу. Возможно, подкрепления были ближе, чем он смел надеяться.

— Вы взломали какие-нибудь из их кодов? — решил спросить Майлз, раз уж зашел разговор.

— Пока что один, наименее серьезный.

— Ага. Хорошо. В смысле, очень плохо.

Оссер стоял, скрестив руки и кусая губы, целую минуту, полностью уйдя в себя. Это неприятно напомнило Майлзу то созерцательное выражение, какое было у адмирала как раз перед тем, как он приказал вышвырнуть Майлза через ближайший шлюз, чуть более недели назад.

— Нет, — наконец сказал Оссер. — Спасибо за информацию. В свою очередь я, пожалуй, сохраню вам жизнь. Но мы уходим. Это не тот бой, который мы могли бы выиграть. Только какие-нибудь ослепленные пропагандой планетарные силы, с ресурсами целой планеты за спиной, могут позволить себе подобного рода сумасшедшее самопожертвование. Я создал мой флот, чтобы он был отточенным тактическим инструментом, а не... дурацкой баррикадой из трупов. Я не какой-нибудь — как вы выразились — козел отпущения.

— Не козел отпущения, но острое копья.

— Ваше острое копья не имеет за собой никакого копья. Нет.

— Это ваше последнее слово, сэр? — спросил Майлз тонким голосом.

— Да. — Оссер протянул руку и включил наручный комм, чтобы вызвать ожидавшую охрану. — Капрал, вся эта компания отправляется на гауптвахту. Вызовите их там и предупредите.

Охранник отсалютовал через стекло, и Оссер отключился.

— Но сэр, — Елена подошла к нему, умоляюще поднимая руки. Змеиным броском ее кисть метнулась вбок, и она прижала пневмошприц к шее Оссера. Его глаза расширились, пульс ударил один, два, три раза, губы растянулись в гневном оскале. Он попытался ударить ее, но удар обмяк на полдороге.

Заметив резкое движение Оссера, охрана за стеклом пришла в боевую готовность, вытаскивая парализаторы.

Елена поймала руку Оссера и поцеловала ее, благодарно улыбаясь. Охранники расслабились, один из них пихнул другого и сказал что-то довольно гадкое, судя по их усмешкам, но мысли Майлза были в тот момент слишком разрозненны, чтобы пытаться читать по губам.

Оссер покачивался и тяжело дышал, борясь с препаратом. Елена прижалась к захваченной руке и удобно обняла его за талию, повернувшись так, что они оказались спиной к двери. Типичная тупая фастпенталовская улыбка скользнула по лицу Оссера, ушла, и наконец окончательно закрепилась.

— Он вел себя так, будто я была безоружна, — Елена недовольно покачала головой, и пневмошприц скользнул в карман ее куртки.

— И что сейчас? — яростно прошипел Майлз, когда капрал-охранник склонился над кодовым замком двери.

— Мы все идем на гауптвахту, я полагаю. Тун сейчас там, — ответила Елена.

— Ага... — Проклятье-ничего-не выйдет! Но нужно попытаться. Майлз приветливо улыбнулся входящей охране и помог им отвязать Метцова, в основном путаясь у них под ногами и отвлекая их внимание от своеобразно счастливого Оссера. В тот момент, когда их взгляд был направлен в другую сторону, Майлз сделал подножку Метцову и тот зашатался.

— Лучше каждому из вас взять его за руку, он не слишком хорошо стоит на ногах, — сказал Майлз охранникам. Он и сам не слишком хорошо стоял на ногах, но ему удалось так перекрыть дверной проем, что охрана с Метцовым оказалась впереди, потом он, и последними — Елена под ручку с Оссером.

— Идем, милый, идем, — произнесла Елена сзади таким тоном, каким женщина зовет кошку прыгнуть ей на колени.

Это была самая длинная короткая прогулка в его жизни. Он слегка отстал, чтобы уголком рта пробурчать Елене:

— Ладно, мы доберемся до гауптвахты, где полно лучших людей Оссера. Что дальше?

Она прикусила губу:

— Не знаю.

— Этого я и боялся. Сворачиваем.

На следующем повороте они свернули. Охранник оглянулся через плечо:

— Сэр?

— Идите дальше, парни, — крикнул Майлз. — Когда запрете этого шпиона, доложите в каюту адмирала.

— Хорошо, сэр.

— Продолжаем идти, — выдохнул Майлз. — Продолжаем улыбаться...

Шаги охраны затихли в дали.

— Куда сейчас? — спросила Елена. Оссер споткнулся. — Здесь мы в невыгодном положении.

— В каюту адмирала, почему бы и нет? — решил Майлз.

Его улыбка была застывшей и странной. Вдохновенный мятежный жест Елены дал ему лучший толчок за сегодняшний день. У него теперь был запас инерции, и он не остановится пока его не свалят физически. Голова кружилась от невыразимого облегчения: наконец-то двигающиеся, ползающие, чирикающие «может-быть-может-быть-может-быть» были зафиксированы в твердое «есть». «Момент настал. Теперь вперед».

Может быть. Если.

Они прошли мимо нескольких оссеровских техников. Оссер вроде как кивнул им. Майлз надеялся, что это сойдет за обычную реакцию на их салют. Во всяком случае, никто не обернулся и не закричал «эй!». Через два уровня и один поворот они добрались до хорошо знакомых коридоров офицерского сектора. Они прошли мимо каюты капитана (Бог мой, придется улаживать дело с Осоном, и скоро), ладонь Оссера, прижатая Еленой к замку, впустила их в апартаменты, которые Оссер сделал своим адмиральским кабинетом. Когда дверь за ними закрылась, Майлз осознал, что все это время задерживал дыхание.

— Пути назад теперь нет, — сказала Елена, на мгновение расслабленно прислонившись спиной к двери. — Ты снова нас бросишь?

— Не в этот раз, — мрачно ответил Майлз. — Ты, вероятно, заметила одну деталь, которую я не упоминал во время беседы в лазарете.

— Грегор.

— Именно. Кавило держит его сейчас в заложниках на своем флагманском корабле.

Елена наклонила голову в смутении:

— Она что, хочет продать его цетагандийцам за дополнительную плату?

— Нет. Нечто более странное. Она хочет выйти за него за муж.

Елена изумленно скривилась:

— Что? Майлз, такая невозможная идея никак не могла зародиться в ее голове, если только...

— Если только Грегор не заронил в нее зернышко этой идеи. Что, как я полагаю, он и сделал. А также изрядно его полил и удобрил. Чего я не знаю, так это был ли он серьезен или только пытался выиграть время. Она как следует позаботилась, чтобы мы не пересекались. Ты знала Грегора почти так же хорошо, как я. Что ты думаешь?

— Трудно представить, чтобы Грегор влюбился до идиотизма. Он всегда был... довольно тих. Почти, как бы сказать, недосексуален. По сравнению, скажем, с Айвеном.

— Не думаю, что это справедливое сравнение.

— Да, ты прав. Ну, тогда по сравнению с тобой.

Интересно, как это понимать.

— У Грегора никогда не было особых возможностей, когда мы были младше. Я имею в виду, никакой частной жизни. В его заднем кармане всегда была служба безопасности. Это...

Это может сдерживать мужчину, если он немного не эксгибиционист.

Она повела рукой, как бы очерчивая мягкий невыразительный образ Грегора.

— Нет, он не был таким.

— Безусловно, Кавило постаралась представить только лучшую свою сторону.

Елена задумчиво облизала губу:

— Она красивая?

— Ага, если тебе нравятся властолюбивые блондинки, одержимые манией убийства.

Полагаю, она могла подействовать довольно ошеломляюще.

Его кулак сжался, ладонь зазудела от воспоминания о тактильном ощущении от волос Кавило. Он потер ладонью о шов брюк. Елена слегка просветлела:

— А! Она тебе не нравится.

Майлз поднял глаза на ее лицо валькирии.

— На мой вкус, она низковата.

Елена широко улыбнулась:

— А вот в это я верю. — Она подвела шаркающего Оссера к креслу и усадила его. — Скоро нам придется его связать. Или что-то в этом роде.

Зажужжал комм. Майлз подошел к настольной панели Оссера, чтобы ответить.

— Да? — сказал он самым спокойным скучным голосом.

— Говорит капрал Меддис, сэр. Мы поместили верванийского агента в камеру № 9.

— Спасибо, капрал. Э-э... — стоило попробовать: — У нас еще осталось немного фастпентала. Вы двое приведите, пожалуйста, сюда капитана Туна для допроса.

Находясь за пределами приема видеокамеры связи, Елена с надеждой подняла черные брови.

— Туна, сэр? — в голосе охранника звучало сомнение. — А-а, для такого дела можно мне добавить в отряд еще пару человек?

— Конечно... Посмотрите, нет ли поблизости сержанта Чодака, у него могут быть люди для сверхурочных работ. На самом деле, он ведь и сам, кажется, в списке на сверхурочные работы?

Он поднял глаза на Елену, соединившую большой и указательный палец колечком.

— Думаю, да, сэр.

— Ну вот и прекрасно. Продолжайте. Нейсмит, конец связи, — он отключил комм и уставился на него, как будто тот превратился в лампу Алладина. — Думаю, сегодня мне умереть не суждено. Должно быть, это откладывается на послезавтра.

— Думаешь?

— О да. Тогда у меня появится более крупный, публичный и зрелищный шанс все испортить. И возможность взять с собой еще тысячи жизней.

— Только не впадай сейчас в одну из своих глупых депрессий, у тебя нет на это времени, — Она энергично постучала ему по костяшкам пальцев пневмошприцем. — Ты должен придумать, как вытащить нас из этой дыры.

— Слушаюсь, мэм, — смиренно ответил Майлз, почесывая руку. «И что случилось с обращением «милорд»? Ну никакого уважения, никакого...» Однако это странным образом его успокоило. — Кстати, когда Оссер арестовал Туна за то, что тот организовал мой побег, почему он не продолжил и не взял тебя и Арди, и Чодака, и остальных твоих людей?

— Он арестовал Туна не за это. Во всяком случае, я так не думаю. Он подкалывал Туна, а это вошло у него в привычку, они оба были на мостике в одно и то же время — что необычно — и Тун наконец потерял терпение и попытался уложить его на лопатки. И уложил, как я слышала, и начал уже его душить, когда охрана его оттащила.

— Значит, к нам это отношения не имеет? — это было облегчение.

— Я... не уверена. Меня там не было. Возможно, это был вынужденный отвлекающий маневр, чтобы помешать Оссеру осознать эту связь. — Елена кивнула на все еще бессмысленно улыбавшегося Оссера. — И что сейчас?

— Оставь его так, пока не привели Туна. Мы здесь все счастливые союзники, — Майлз

состроил гримасу. — Но, во имя Господа, не давай никому говорить с ним.

Зажужжал комм двери. Елена подошла и встала за креслом Оссера, положив одну руку ему на плечо и стараясь выглядеть как можно более союзнически. Майлз подошел к двери и открыл замок. Дверь скользнула в сторону.

Шестеро нервных солдат стояли вокруг враждебно выглядевшего Ки Туна. На Туне была ярко желтая тюремная пижама, и он источал злобу, как маленькая сверхновая. Его зубы сжались в полном недоумении, когда он увидел Майлза.

— А, спасибо, капрал, — сказал Майлз. — После допроса у нас будет маленькое неформальное совещание командного состава. Я был бы признателен, если бы вы и ваша команда заняли бы пост здесь снаружи. А на случай, если капитан Тун снова проявит склонность к насилию, мы попросим... о, сержанта Чодака и пару его людей встать внутри, — он подчеркнул слово «его», но не голосом, а лишь прямым взглядом в глаза Чодака.

Чодак все понял:

— Да, сэр. Вы, рядовой, пойдете со мной.

«Я произведу тебя в лейтенанты», — подумал Майлз и отошел в сторону, чтобы позволить сержанту и выбранному им человеку ввести Туна внутрь. Оссер, выглядевший весьма приветливо, был на мгновение ясно виден оставшимся снаружи солдатам, прежде чем дверь снова с шипением закрылась.

Туну Оссер был ясно виден тоже. Он стряхнул своих конвоиров и широкими шагами приблизился к адмиралу:

— Что опять, сукин сын? Ты что, думаешь... — Тун замолчал, в то время как Оссер продолжал неопределенно ему улыбаться. — Что это с ним?

— Ничего, — пожала плечами Елена. — Думаю, та доза фастпентала значительно улучшила его характер. Жаль, что только временно.

Тун откинул голову и лающе засмеялся, после чего развернулся, чтобы потрясти Майлза за плечи:

— Ты сделал это, ты маленький... ты вернулся! Мы снова в деле!

Человек Чодака дернулся, как если бы не был уверен, куда, или на кого, бросаться. Чодак поймал его за руку, молча покачал головой и указал на стену около двери. Сам Чодак спрятал свой парализатор в кобуру и прислонился к дверному проему, скрестив руки. После секундного замешательства, рядовой последовал его примеру, заняв позицию с другой стороны.

— Будь как муха на стене, — ухмыльнувшись, пробормотал ему Чодак уголком рта. — Считай, что тебе повезло.

— Мое возвращение не было в полном смысле добровольным, — сквозь зубы сказал Майлз Туну, и только отчасти потому, что не хотел прикусить язык во взрыве энтузиазма евразийца. — И мы еще не в деле. — «Прости, Ки. Я не могу в этот раз стать твоим подставным лицом. Тебе придется следовать за мной». Сохраняя серьезное выражение лица, Майлз с ледяной тщательностью убрал руки Туна со своих плеч. — Тот верванийский капитан грузовоза, которого ты нашел, доставил меня прямо в руки командора Кавило. И я с тех пор все думаю, было ли это случайностью.

— А! — Тун отшатнулся, как будто Майлз только что ударил его в живот.

Майлз чувствовал себя так, будто он и правда это сделал. Нет, Тун не был предателем. Но Майлз не мог себе позволить отказаться от единственного своего преимущества.

— Предательство или халатность, Ки? — «И перестал ли ты бить свою жену?»

— Халатность, — пробормотал Тун, болезненно побледнев. — Черт возьми, я убью эту продажную...

— Это уже сделано, — холодно заметил Майлз. Брови Туна поднялись удивленно и уважительно.

— Я прибыл в Ступицу Хеджена в соответствии с контрактом, — продолжал Майлз, — действия по которому сейчас пришли в почти необратимый беспорядок. Я вернулся сюда не затем, чтобы поставить тебя во главу оперативного командования дендарийцами, —

короткая пауза, пока взволнованные черты лица Туна пытаются остановиться на каком-то выражении, — если только ты не готов послужить моим интересам. Приоритеты и цели задаются мной. За тобой остается только определить «как».

И кто же кого поставит по главу дендарийцев? Пока этот вопрос не пришел в голову Туна.

— В качестве моего союзника, — начал Тун.

— Не союзника. Командира. И никак иначе, — сказал Майлз.

Тун стоял набычившись, его брови пытались найти устойчивое положение. Мягким тоном он наконец произнес:

— Похоже, малыш папаши Ки взрослеет.

— Этого и наполовину не достаточно. Ты участвуешь или нет?

— Другую половину я еще должен услышать, — Тун пожевал нижнюю губу. — Я участвую.

Майлз протянул руку:

— Договорились.

Тун сжал ее:

— Договорились, — его хватка была крепкой.

Майлз глубоко вздохнул:

— Хорошо. В прошлый раз я говорил не всю правду. Вот что на самом деле происходит, — он начал вышагивать, трясясь не только из-за остаточного шока от нейробластера. — Я действительно имею контракт с заинтересованной третьей стороной, но не на «анализ военных сил» — это была маскировка для Оссера. Та часть, где я говорил тебе о предотвращении планетарной гражданской войны, была не маскировкой. Меня наняли барраярцы.

— Обычно они не используют наемников, — сказал Тун.

— Я не обычный наемник. Мне платит барраярская Имперская Служба Безопасности. — Боже, наконец-то хоть одна полная правда. — За то, чтобы я нашел и спас некоего заложника. Помимо этого я надеюсь помешать уже приближающемуся цетагандийскому флоту вторжения захватить Ступицу. Нашей второй по значимости стратегической задачей будет удержание обеих сторон верванского червоточного скачка и чего только можно еще до прибытия барраярских подкреплений.

Тун прокашлялся.

— Второй по значимости? А если они не придут? Им ведь предстоит пересечь Пол... И, э-э, спасение заложников обычно имеет меньший приоритет, чем общефлотские тактические операции, а?

— Учитывая личность заложника, я гарантирую, что они придут. Был похищен барраярский император, Грегор Форбарра. Я нашел его, потерял и теперь должен заполучить его обратно. Как ты понимаешь, я ожидаю, что награда за его благополучное возвращение будет значительной.

Лицо Туна явило образ смятенного озарения:

— Тот тощий невзрастичный мерзавец, которого ты давеча вел на буксире... Неужто это был он самый?

— Да, это был он. И, между нами, ты и я умудрились доставить его прямиком к командору Кавило.

— Вот дерьмо, — Тун почесал свой слегка заросший череп. — Она продаст его в руки цетагандийцам.

— Нет. Она хочет получить награду у Барраяра.

Тун открыл рот, закрыл, поднял палец:

— Минутку...

— Там есть свои сложности, — беспомощно признал Майлз. — Вот почему я собираюсь делегировать простую часть — удержание червоточины — тебе. Спасение заложника будет моей задачей.

— Простую. Дендарийские наемники. Все пять тысяч. В одиночку. Против Цетагандийской Империи. Ты что, за последние четыре года научился считать?

— Подумай о славе. Подумай о репутации. Подумай, как здорово это будет выглядеть в твоём послужном списке.

— На моей пустой гробнице, ты имеешь в виду. Никто не сможет собрать достаточно моих разлетевшихся атомов, чтобы похоронить. Ты оплатишь мои похороны, сынок?

— И с размахом. Флаги, танцующие девушки и достаточно пива, чтобы твой гроб доплыл до Валгаллы.

Тун вздохнул.

— Пусть он плывет по сливовому вину, ладно? А пиво выпейте. Что ж, — он молча постоял, потирая губы. — Первым шагом будет перевести флот в часовую готовность вместо двадцатичетырехчасовой.

— А это еще не сделано? — нахмурился Майлз.

— Мы вели оборонительную тактику. И определили, что у нас будет по крайней мере тридцать шесть часов, чтобы изучить что угодно, что будет двигаться на нас через Ступицу. Или, по крайней мере, так определил Оссер. Потребуется около шести часов, чтобы привести нас в часовую готовность.

— Хорошо... Тогда это будет вторым шагом. Твоим первым шагом будет обняться и поцеловаться с капитаном Осоном.

— Поцелуй меня в задницу! — воскликнул Тун. — Этот пустоголовый кретин...

— ...требуется нам, чтобы командовать «Триумфом», пока ты главный тактик флотилии. Ты не можешь делать и то, и другое. Я не могу реорганизовывать флот, когда на носу сражение. Если бы у меня была неделя на прополку... Но у меня ее нет. Людей Оссера следует убедить, чтобы они остались на своих местах. Если у меня будет Осон, — Майлз поднял руку и сомкнул пальцы в щепотку, — то я смогу убедить остальных. Так или иначе.

Тун пробурчал недовольное согласие:

— Ладно. — Его сердитое лицо медленно расплылось в ухмылке. — Однако я бы немало отдал, чтобы посмотреть, как ты заставишь его поцеловать Торна.

— Одно чудо за раз.

Капитан Осон, четыре года назад бывший толстяком, с тех пор набрал еще немного веса, но в остальном, кажется, не изменился. Он шагнул в каюту Оссера, окинул взглядом нацеленные на него парализаторы и замер, сжимая кулаки. Когда он увидел Майлза, сидевшего на краю комм-пульта (психологическая уловка, чтобы поднять голову Майлза до уровня остальных: он опасался, что в кресле пульта выглядел как ребенок, которому нужен специальный высокий стульчик, чтобы сидеть за обеденным столом), гнев на лице Осона уступил место ужасу:

— Проклятие! Только не это! Опять ты!

— Конечно я, — пожал плечами Майлз. Вооруженные парализаторами мухи на стене — Чодак и его человек — подавили ухмылки радостного предвкушения. — Нам предстоит боевая операция.

— Вы не можете... — Осон прервался и пристально посмотрел на Оссера. — Что вы с ним сделали?

— Скажем так, мы подправили его отношение к жизни. Что касается флота, то он уже мой. — Ну, по крайней мере, он над этим работает. — Вопрос в том, выберите ли вы сторону победителя? Положите себе в карман боевые премиальные? Или мне передать командование «Триумфом»... — Осон молча оскалился в сторону Туна. — ...Белу Торну?

— Что? — воскликнул Осон. Тун содрогнулся. — Вы не можете...

Майлз оборвал его:

— Вы случайно не помните, как перешли от командования «Ариэлем» к командованию «Триумфом»? А?

Осон указал на Туна:

— А как насчет него?

— Мой заказчик внесет сумму, эквивалентную стоимости «Триумфа», которая станет долей Туна в корпорации флота. Взамен коммодор Тун откажется от всех претензий на сам корабль. Я утвержу его в должности начальника штаба и тактического командующего, а вас в должности капитана флагмана «Триумф». Ваш первоначальный взнос, эквивалентный стоимости «Ариэля» за вычетом права владения, будет подтвержден как ваша доля в корпорации флота. Оба корабля будут числиться собственностью флотилии.

— И ты с этим согласен? — спросил Осон у Туна.

Майлз пронзил Туна стальным взглядом.

— Ага, — пробурчал Тун.

Осон нахмурился.

— Дело не только в деньгах... — он замолчал, изогнул бровь: — Какие боевые премиальные? Какой бой?

«Он сомневается, значит, он наш».

— Вы участвуете или нет?

Луноподобное лицо Осона приняло хитрое выражение:

— Я участвую... Если он извинится.

— Что? Этот тупица думает...

— Извинись перед человеком, Тун, дорогой, — пропел Майлз через сжатые зубы. — И продолжим. Или «Триумф» получит капитана, который может быть своим собственным первым помощником. И который, среди прочих многочисленных достоинств, не спорит со мной.

— Конечно, не спорит: маленький бетанский перевертыш влюбился, — выпалил Осон. — Я все не могу понять, хочет ли он сам тебя трахнуть, или чтобы ты трахнул его...

Майлз улыбнулся и предостерегающе поднял руку:

— Ну-ну.

Он кивнул Елене. Она убрала парализатор в кобуру и достала нейробластер, который спокойно направила в голову Осона. Ее улыбка неудобно напомнила Майлзу улыбку сержанта Ботари. Или еще хуже, улыбку Кавило.

— Я никогда не говорила, Осон, насколько меня все-таки раздражает твой голос? — спросила она.

— Ты не выстрелишь, — неуверенно сказал Осон.

— Я ее останавливать не стану, — соврал Майлз. — Мне нужен ваш корабль. Было бы удобно — но не обязательно — если бы вы командовали им для меня, — его взгляд словно нож метнулся в сторону предполагаемого начальника штаба и тактического командующего. — Итак, Тун?

С нарочитой вежливостью Тун высказал высокопарные, хотя и туманные, извинения Осону за прошлые пренебрежительные высказывания о его характере, интеллекте, предках, внешнем виде... Когда лицо Осона начало темнеть, Майлз остановил список Туна на середине и заставил начать сначала:

— Теперь попроще.

Тун вздохнул.

— Осон, иногда ты можешь быть просто задницей, но, черт возьми, когда приходится, ты можешь драться. Я видел тебя в деле. В жесткой, опасной и безумной заварухе я бы предпочел иметь тебя за спиной более, чем любого другого капитана во флоте.

Один из уголков рта Осона загнулся вверх.

— Вот это уже искренне. Спасибо большое. Я очень ценю твою заботу о своей безопасности. Ну и насколько же жесткая, опасная и безумная заваруха нам, по-твоему, предстоит?

Тун захихикал, по мнению Майлза, самым отвратительным образом.

Капитанов-владельцев приводили по одному и убеждали, подкупали, шантажировали и

морочили голову, пока язык у Майлза не начал заплетаться, горло пересохло, а голос охрип. Только капитан «Перегрина» попытался оказать физическое сопротивление. Его парализовали и связали, а его первого помощника поставили перед немедленным выбором между внеочередным повышением и длинным путешествием через короткий шлюзовой отсек. Он выбрал повышение, но глаза его говорили: «Придет и наш день». Если этот день придет после цетагандийцев, то Майлза такой расклад вполне устраивал.

Они перешли в больший по размеру зал напротив тактической рубки и устроили самое странное заседание штаба, на каком когда-либо присутствовал Майлз. Оссера подкрепили дополнительной дозой фастпентала и посадили во главу стола, как улыбающееся набитое чучело. По крайней мере, еще двое были привязаны к своим креслам и сидели с кляпом во рту. Тун сменил свою желтую пижаму на повседневную серую форму и наспех прицепил коммодорские знаки различия поверх капитанских нашивок. Реакция аудитории на представленную Туном тактическую вводную колебалась между сомнением и шоком и была преодолена (почти) яростной стремительностью требовавшихся от них действий. Самым убедительным аргументом Туна было мрачное предположение, что если они сами не станут защитниками червоточины, то им, возможно, придется атаковать ее позднее, выступая против подготовленной цетагандийской обороны: картина, которая вызвала дрожь по всему столу. Аргумент «могло быть хуже» всегда действовал безотказно.

Часть пути пройдена. Майлз помассировал виски и, наклонившись к Елене, прошептал:

— Это всегда было так плохо, или я просто забыл?

Она задумчиво поджала губы и пробормотала в ответ:

— Нет, в прежние времена оскорбления были получше.

Майлз тихо хмыкнул.

Майлз сделал сотню несанкционированных заявлений и неподкрепленных обещаний, и наконец собрание закончилось и все разошлись, каждый на свой пост. Оссера и капитана «Перегрина» под конвоем увели на гауптвахту. Тун задержался только за тем, чтобы хмуро взглянуть на коричневые войлочные тапочки:

— Если ты намерен командовать моим формированием, сынок, пожалуйста, сделай старому солдату одолжение и добудь себе пару армейских ботинок.

Наконец осталась одна Елена.

— Я хочу, чтобы ты еще раз допросила генерала Метцова, — сказал ей Майлз. — Добудь все тактические данные о дислокации рейнджеров, какие сможешь. Коды, корабли на рейде, в доках, последние известные места дислокации, специфика персонала, плюс все, что он может знать о верванийцах. Убери все неудачные упоминания о моей настоящей личности, которые он может сделать, и передай все в оперативный отдел, предупредив, что не все, что Метцов считает правдой, таковой является. Это может помочь.

— Хорошо.

Майлз вздохнул, устало облокотившись на пустой переговорный стол.

— Знаешь, планетарные патриоты вроде барраярцев — нас барраярцев — не правы. Наш офицерский состав считает, что у наемников нет чести, потому что их можно купить и продать. Но честь — это роскошь, которую может себе позволить только свободный человек. Хороший имперский офицер, вроде меня, не связан честью, он просто связан. Скольких из этих честных людей я только что обманом обрек на смерть? Это странная игра.

— Ты хотел бы что-нибудь изменить из сегодняшнего дня?

— Все. И ничего. Я мог бы врать в два раза быстрее, если бы это понадобилось.

— С бетанским акцентом ты действительно говоришь быстрее, — согласилась она.

— Ты знаешь, о чем я. Поступаю ли я правильно? Если смогу довести все до конца.

Неудача автоматически будет означать, что я не прав.

«Не один путь к катастрофе, но все пути...»

Она подняла брови:

— Конечно.

Его губы изогнулись вверх:

— Тогда ты, — «кого я люблю», — моя барраярская леди, которая ненавидит Барраяр, единственный человек в Ступице, кого я могу честно принести в жертву.
Она склонила голову, обдумывая сказанное.
— Спасибо, милорд, — по пути из комнаты она коснулась рукой его макушки.
Майлз затрепетал.

Глава 15

Майлз вернулся в каюту Оссера и быстро просмотрел файлы адмиральского коммандера, стараясь получить представление обо всех технических и кадровых изменениях, произошедших со времени его прошлого командования, и дополнить картину происходящего в Ступице данными дендарийской и аслундской разведок. Кто-то принес ему бутерброд и кофе, которые он проглотил, не заметив вкуса. Кофе больше не помогал его мыслям проясниться, хотя он по-прежнему был взвинчен почти до предела.

«Как только мы проведем расстыковку, я рухну на оссеровскую кровать». Ему нужно потратить хотя бы несколько из тридцати шести часов перелета на сон, иначе к моменту прибытия он будет скорее обузой, чем поддержкой. А ведь ему придется иметь дело с Кавило, которая, даже когда он был в своей лучшей форме, заставляла его чувствовать себя тем пресловутым парнем, что на поле битвы умов явился безоружным.

Не говоря уж о цетагандийцах. Майлз поразмышлял об историческом парном забеге между вооружением и тактикой.

Ракетное оружие для космического сражения между кораблями довольно быстро устарело из-за появления силовых щитов и лазерного оружия. Силовые щиты, предназначенные для защиты кораблей от космического мусора, встречаемого при движении на скоростях обычного пространства вплоть до половины скорости света, без каких-либо затруднений отбрасывали и ракеты. Лазерное оружие, в свою очередь, стало бесполезным после появления «шпагоглотателя» — разработанной бетанцами защиты, которая фактически использовала вражеский огонь как собственный источник энергии. Схожий принцип применялся и в плазменном зеркале, разработанном во времена родителей Майлза. Эта технология обрекала на ту же судьбу и будущее на меньших расстояниях плазменное оружие. Еще десять лет, и использование плазмы сойдет на нет.

В последнюю пару лет наиболее перспективным оружием для корабельного боя было, похоже, копьё гравидеструктора — модификация технологии тяглового луча. Щиты искусственной гравитации разной конструкции пока что отставали в плане защиты от него. Луч деструктора в местах попадания по массе оставлял изуродованные и перекрученные обломки. А что он делал с человеческим телом — просто ужас.

Но энергоемкое копьё деструктора могло действовать только на безумно малом по космическим масштабам расстоянии: от силы десятков километров. Сейчас кораблям приходилось уже действовать сообща, чтобы захватить вражескую цель: снижать скорость, сближаться, маневрировать. Учитывая также небольшие пространственные масштабы червоточин, похоже, сражения внезапно снова могли обрести характер плотного и тесного взаимодействия. Разве что слишком плотные построения нарывались на «солнечную стену» — массивированную ядерную атаку. Снова и снова по кругу. Можно было предположить, что таран и абордаж действительно могут вновь стать действенной и популярной тактикой. По крайней мере, пока из мастерских дьявола не придет очередной сюрприз. Майлз недолго помечтал о возвращении старых добрых времен его деда, когда люди могли убивать друг друга с чистых пятидесяти тысяч километров. Просто яркие искорки.

Влияние новых деструкторов на концентрацию огневой мощи обещало быть любопытным, особенно когда в деле присутствовала червоточина. Становилось возможным для маленькой силы на маленьком пространстве выставить столько же огневой мощи на кубическое что бы там ни было, сколько могла выставить и большая сила, не способная ужать свои большие размеры до дистанции эффективного поражения. Хотя разница в

резервах все еще, разумеется, играла свою роль. Большая сила, готовая идти на жертвы, могла продолжать атаковать меньшую силу, пока грубое численное преимущество не одержит верх над концентрацией. Цетагандийские гем-лорды не страдали от аллергии на жертвы, хотя, как правило, предпочитали начинать с подчиненных, а еще лучше — с союзников. Майлз потер затекшие мышцы шеи.

Засигналил входной звонок каюты, Майлз протянулся через комм-пульт и нажатием клавиши открыл дверь.

Худощавый, черноволосый мужчина на вид чуть более тридцати лет, одетый в серую с белым форму наемника с нашивками техника, замешкался в дверном проеме.

— Милорд? — спросил он мягким голосом.

Баз Джезек, главный инженер флотилии. Когда-то дезертир, бежавший из баррарских Имперских Сил, затем давший клятву верности как личный оруженосец Майлза в его роли лорда Форкосигана. И, наконец, муж женщины, которую Майлз любил. Когда-то любил. Все еще любил. Баз. Проклятье. Чувствуя себя неловко, Майлз прокашлялся.

— Входите, commodore Джезек.

Баз бесшумно прошел по коврику с видом виноватым и оборонительным.

— Я только что вернулся с ведения ремонтных работ и услышал, что вы вернулись, — его баррарский акцент за годы галактического изгнания отполировался и стал тонким и мягким, гораздо менее заметным, чем четыре года назад.

— Во всяком случае, на некоторое время.

— Я... сожалею, что вы не нашли вещи такими, какими их оставили, милорд. У меня такое чувство, будто я промотал еленино приданое, которое вы мне дали. Я не осознавал последствий экономических маневров Оссера, пока... Что ж... Мне нет оправданий.

— Он перехитрил и Тана, — заметил Майлз, сжавшийся внутри, когда услышал, как Баз перед ним извиняется. — Я так понимаю, это был не вполне честный бой.

— Это вообще был не бой, милорд, — медленно ответил Баз. — В этом-то и проблема. — Баз выпрямился. — Я пришел, чтобы предложить вам мою отставку, милорд.

— Предложение отклоняется, — быстро ответил Майлз. — Во первых, давший клятву верности оруженосец не может подать в отставку. Во-вторых, где я раздобуду компетентного главного инженера флотилии за, — он посмотрел на хронометр, — два часа до начала операции. И в-третьих, в-третьих... Мне нужен свидетель, чтобы очистить мое имя, если дела пойдут плохо. Вернее, хуже. Так что тебе придется просветить меня насчет технических возможностей флотилии, а затем помочь запустить все в дело. А мне придется просветить тебя насчет того, что на самом деле происходит. Ты единственный, кроме Елены, кому я могу доверить секретную часть всего этого.

С трудом Майлзу удалось убедить колеблющегося инженера сесть. Майлз выдал ему наспех отредактированный конспект его походов в Ступице Хеджена, выбросив только упоминания о нерешительной попытке самоубийства Грегора — это был личный позор самого Грегора. Майлза не слишком удивило, что Елена не рассказала Базу о предыдущем, коротком и постыдном, возвращении Майлза, его спасении и уходе от дендарийцев. Баз, кажется, посчитал тайное присутствие императора очевидным и достаточным основанием для ее молчания. К тому времени, как Майлз закончил рассказ, внутренняя вина База довольно основательно сменилась внешней тревогой.

— Если императора убьют — если он не вернется — беспорядок дома может длиться годами, — сказал Баз. — Может быть, вам стоит позволить Кавило спасти его, вместо того, чтобы...

— До некоторой степени это именно то, что я намереваюсь сделать, — ответил Майлз. — Если бы я только знал, что там у Грегора на уме, — он помолчал. — Если мы потеряем Грегора и проиграем сражение у червоточины, цетагандийцы явятся к нашему порогу как раз в момент, когда у нас будет максимальный внутренний разброд. Какое искушение для них... Какой соблазн... Они всегда хотели Комарр... Мы, возможно, смотрим прямо в пасть второму Цетагандийскому вторжению, которое будет для них почти таким же сюрпризом,

как и для нас. Они, может, и предпочитают глубоко проработанные планы, но также и не чужды небольшому авантюризму — во всяком случае, если авантюра обещает столь ошеломительные выгоды...

Подстегнутые этой картиной, они решительно засели за технические описания. При этом Майлзу частенько вспоминалась древняя поговорка насчет недостающего гвоздя. Они почти закончили обзор, когда дежурный офицер связи вызвал Майлза через комм-панель.

— Адмирал Нейсмит, сэр? — офицер с интересом уставился на лицо Майлза, затем продолжил: — В стыковочном узле человек, который хочет вас видеть. Заявляет, что у него есть важная информация.

Майлз припомнил теорию о дублирующем убийце.

— Что у него за удостоверение?

— Он просит сказать вам, что его имя Унгари. Больше ничего.

Майлз задержал дыхание. Наконец-то кавалерия! Или хитрый трюк, чтобы подобраться ближе.

— Не могли бы вы дать мне его изображение так, чтобы он не знал, что его сканируют.

— Хорошо, сэр, — лицо офицера связи сменилось видом стыковочного отсека «Триумфа». Видеокамера приблизила изображение и сфокусировалась на двух людях в комбинезонах аслундских техников. Майлз облегченно расслабился. Капитан Унгари. И благословенный сержант Оверхолт.

— Благодарю вас, офицер. Пусть этих двоих проводят к моей каюте, — он бросил взгляд на База. — Минут через, э-э, десять. — Он отключился и объяснил: — Это мой босс из Имперской СБ. Слава Богу! Но... Я не уверен, что смогу объяснить ему особый статус предъявленных тебе обвинений в дезертирстве. Я имею в виду, он из Имперской СБ, а не Армейской, и не думаю, что старый приказ о твоём аресте в настоящий момент прямо-таки на первом месте в списке его забот, но было бы... проще, если бы ты его избегал, ладно?

— Мм, — Баз согласно скривился. — Полагаю, у меня есть обязанности, которыми надлежит заняться?

— Это точно. Баз... — на одно неконтролируемое мгновение ему захотелось сказать Базу, чтобы он хватал Елену и бежал прочь от надвигающейся опасности. — Скоро начнется настоящее безумие.

— С Безумным Майлзом снова во главе, как могло быть иначе? — улыбаясь, пожал плечами Баз. Он направился к двери.

— Я не такой безумный, как Тан... Господи Боже, никто ведь не называет меня так, правда?

— Э-э... Это старая шутка. Только среди немногих старых дендарийцев, — Баз ускорил шаг.

«А старых дендарийцев осталось очень немного». И это, к сожалению, была не шутка. Дверь за инженером с шипением закрылась.

Унгари. Унгари. Наконец-то кто-то главный. «Если бы только со мной был Грегор, я мог бы все закончить прямо сейчас. Но, по крайней мере, я могу узнать, чем занималась «наша сторона» все это время». Утомленный, он положил голову на руки, сложенные на оссеровском комм-пульте, и улыбнулся. Помощь. Наконец-то.

Какое-то ускользающее сновидение туманило ему голову. Он вырвался из слишком долго откладываемого сна, когда снова засигналил входной звонок каюты. Потер затекшее лицо и щелкнул по клавише управления замком на пульте.

— Войдите.

Взглянул на хронометр: на это скольжение в бессознательное состояние он потратил только четыре минуты. Определенно, пора было сделать перерыв.

Чолак и двое дендарийских охранников провели капитана Унгари и сержанта Оверхолта в комнату. Унгари и Оверхолт оба были одеты в желто-коричневые комбинезоны аслундских прорабов, без сомнения с соответствующими удостоверениями и пропусками. Майлз счастливо улыбнулся им.

— Сержант Чодак, вы и ваши люди подождите снаружи, — Чодак погрузился в разочарования в связи с таким выдворением. — И если командор Елена Ботари-Джезек закончила свою текущую работу, попросите ее прибыть к нам сюда. Спасибо.

Унгари нетерпеливо подождал, пока дверь с шипением закроется за Чодаком, и шагнул вперед. Майлз встал и красиво отдал салют.

— Рад видеть ва...

К удивлению Майлза, Унгари не вернул салют: вместо этого его руки вцепились в куртку майлзовой формы и подняли его. Майлз ощутил, что только чудовищное напряжение воли заставило хватку Унгари сойтись на отворотах, а не на шее.

— Форкосиган, ты, идиот! Что за дьявольскую игру ты устраиваешь?

— Я нашел Грегора, сэр. Я... — только не говори «потерял его». — Я как раз сейчас устраиваю экспедицию по его освобождению. Я так рад, что вы вошли со мной в контакт: еще час и поезд бы ушел. Если мы объединим наши данные и ресурсы...

Хватка Унгари не ослабла, не исчез и его оскал.

— Мы знаем, что ты нашел императора, мы отследили вас обоих досюда от изолятора Консорциума. Потом вы оба бесследно исчезли.

— И вы не спросили Елену? Я думал, вы спросите... Послушайте, сэр, сядьте, пожалуйста. — «И поставьте меня вниз, черт возьми». Унгари, казалось, не замечал, что носки ботинок Майлза тянулись к полу. — И расскажите мне, как это все выглядело с вашей точки зрения. Это очень важно.

Унгари, тяжело дыша, отпустил Майлза и сел в предложенное кресло пульта или, в всяком случае, на его краешек. По сигналу рукой, Оверхолт выпрямился за его плечом. Майлз с некоторым облегчением посмотрел на Оверхолта, которого последний раз он видел лежащим лицом вниз без сознания в вестибюле станции Консорциума. Сержант, кажется, полностью поправился, хотя и выглядел усталым и напряженным.

Унгари начал:

— Когда сержант Оверхолт наконец пришел в себя, он пошел за вами в изолятор Консорциума, но к тому времени вы оттуда исчезли. Он подумал, что это сделали они, а они подумали, что это сделал он. Он тратил на взятки деньги, как воду, и наконец раздобыл рассказ контрактного раба, которого вы избили... Через день, когда человек смог наконец говорить...

— Значит, он остался жив, — ответил Майлз. — Хорошо. Гре... Мы волновались на этот счет.

— Да, но Оверхолт сперва не узнал императора по записям о контрактных рабах... Сержант не был включен в список тех, кому надлежало знать об исчезновении императора.

Легкое раздражение пробежало по лицу сержанта, как воспоминание о вопиющей несправедливости.

— Только когда он вошел в контакт со мной здесь, а мы к тому времени зашли в тупик и снова начали рассматривать каждый шаг в надежде найти какую-нибудь подсказку насчет вас, которую мы проглядели, только тогда я идентифицировал пропавшего контрактного раба как императора Грегора. Сколько дней потеряно!

— Я был уверен, что вы войдете в контакт с Еленой Ботари-Джезек, сэр. Она знала, куда мы отправились. Вы знали, что она мой вассал, давший клятву верности, это есть в моих файлах.

Сжав губы, Унгари одарил его взглядом, но никак не прокомментировал эту оплошность.

— Когда первая волна барраярских агентов достигла Ступицы, у нас наконец было достаточно сил, чтобы организовать серьезный поиск...

— Отлично! Значит они там дома в курсе, что Грегор в Ступице. Я боялся, что Иллиан все еще растрчивает ресурсы на Комарре или, еще хуже, движется в сторону Эскобара.

Пальцы Унгари снова сжались:

— Форкосиган, что ты сделал с императором?!

— Он в безопасности, но ему грозит опасность, — секунду Майлз обдумывал эту сентенцию. — То есть он сейчас в порядке, как я думаю, но это изменится вместе с тактическ...

— Мы знаем, где он, его три дня назад заметил наш агент у рейнджеров Рэндолла.

— Должно быть, сразу после моего отъезда, — подсчитал Майлз. — Не то чтобы он мог заметить меня, я был на гауптвахте... Так что мы собираемся делать?

— Сейчас срочно собираются спасательные силы. Не знаю, насколько большой будет флот.

— Как насчет разрешения пересечь Пол?

— Сомневаюсь, что они станут его дожидаться.

— Нужно предупредить их не задевать Пол! Дело в том...

— Энсин, Верван держит императора! — раздраженно рыкнул Унгари. — И я не собираюсь говорить...

— Не Верван держит императора, а командор Кавило, — быстро перебил Майлз. — Политика вообще ни при чем, это заговор с целью добиться личной выгоды. Я думаю... На самом деле, я чертовски уверен, что верванийское правительство не имеет ни малейшего представления о ее «госте». Наши спасательные силы нужно предупредить, чтобы они не совершали никаких враждебных актов до тех пор, пока не появится цетагандийский флот вторжения.

— Кто не появится?!

Майлз запнулся и спросил чуть тише:

— Вы хотите сказать, что ничего не знаете о цетагандийском вторжении? — Он помолчал. — Ну, то, что вы еще не получили предупреждение, не значит, что Иллиан этого не вывел. Если даже мы не обнаружили, где они собираются внутри империи, как только СБ сложит вместе информацию о том, сколько военных кораблей покинуло свои родные базы, они поймут, что что-то затевается. Кто-то должен следить за такими вещами, даже во время нынешней беготни из-за Грегора. — Унгари все еще сидел с ошеломленным видом, поэтому Майлз продолжил объяснения: — Я ожидаю, что цетагандийские силы вторгнутся в локальное пространство Вервана и продолжат движение для захвата Ступицы Хеджена. С поддержкой от командора Кавило. Очень скоро. Я планирую перевести дендарийский флот через систему и сразиться с ними у верванийской червотчины, удерживая ее, пока не прибудет флот, предназначенный для спасения Грегора. Надеюсь, они пошлют больше, чем просто команду дипломатов для переговоров... Кстати, та незаполненная долговая расписка на контракт с наемниками, которую Иллиан дал вам, все еще при вас? Мне оно нужно.

— Вы, мистер, — начал Унгари, когда снова обрел дар речи, — направляетесь не куда-нибудь, а в наше убежище на Аслундской станции. Где вы будете тихо — очень тихо — сидеть и ждать, пока не явится подкрепление от Иллиана и наконец избавит меня от вас!

Майлз вежливо проигнорировал эту непрактичную вспышку эмоций.

— Вы, должно быть, собирали данные для отчета Иллиану. Есть у вас что-нибудь, что я могу использовать?

— У меня есть полный отчет по Аслундской станции, силы и диспозиция их военного флота и флота наемников, но...

— Сейчас у меня все это уже есть, — Майлз нетерпеливо постучал пальцами по оссеровскому комм-пульту. — Проклятье. Я бы предпочел, чтобы вы провели последние две недели на Верванской станции.

Унгари сказал сквозь зубы:

— Форкосиган, вы сейчас встанете и пойдете со мной и сержантом Оверхолтом. Или, клянусь, Оверхолт понесет ваше тело.

Майлз понял, что Оверхолт смотрит на него с холодным расчетом в глазах.

— Это может быть серьезной ошибкой, сэр. Хуже, чем то, что вы не вошли в контакт с Еленой. Если только вы позволите мне объяснить всю стратегическую ситуацию...

Выведенный из себя, Унгари рявкнул:

— Оверхолт, взять его.

Когда Оверхолт бросился на него, Майлз стукнул по клавише тревоги на комм-панели и нырнул вокруг кресла, выбив его из держателей, так что Оверхолт не смог сразу схватить его. Дверь каюты с шипением открылась. Чодак и двое охранников рванулись внутрь, а за ними Елена. Оверхолт, преследуя Майлза, обогнул конец комм-пульта, наравлся прямоком на выстрел парализатора Чодака и с грохотом упал. Майлза передернуло. Унгари вскочил на ноги и остановился, окруженный четырьмя нацеленными дендарийскими парализаторами. Майлз почувствовал, что готов либо разреваться, либо захохотать. И то и другое было бы бесполезно. Он взял под контроль дыхание и голос.

— Сержант Чодак, отведите этих двоих на гауптвахту «Триумфа». Посадите их... Посадите их рядом с Метцовым и Оссером, что ли.

— Да, адмирал.

Унгари замкнулся в гордом молчании, как и подобает пойманному шпиону, и позволил себя увести, хотя, когда он оглянулся на Майлза, вены на его шее пульсировали от сдерживаемой ярости.

«А я даже не могу допросить его с фастпенталом», — уныло подумал Майлз. Агенту уровня Унгари наверняка была имплантирована искусственная аллергическая реакция на фастпентал: от такой дозы его ждет не эйфория, а анафилактический шок и смерть. Через мгновение появилось еще двое дендарийцев с плавающими носилками, которые унесли неподвижного Оверхолта.

Когда дверь за ними закрылась, Елена спросила:

— Так, и что это было?

Майлз глубоко вздохнул:

— Это, к сожалению, был мой начальник по линии СБ, капитан Унгари. У него не было настроения слушать.

Глаза Елены зажглись от извращенного восторга:

— О Боже, Майлз. Метцов, Оссер, Унгари — один за другим. Ты определенно суров со своими командирами. Что ты будешь делать, когда настанет время всех их выпускать?

Майлз молча покачал головой.

— Я не знаю.

Флот отделился от Аслундской станции через час, строго сохраняя молчание в эфире. Аслундцы, естественно, запаниковали. Майлз сидел в коммуникационном центре «Триумфа» и просматривал их отчаянные запросы, твердо решив не вмешиваться в естественный ход событий, если только аслундцы не откроют огонь. Пока он снова не заполучит Грегора, ему нужно любой ценой предстать перед Кавило в правильном свете. Пусть думает, что получает то, что хотела, или, по крайней мере, то, что просила.

На самом деле, естественный ход событий обещал привести к более желательным для Майлза результатам, чем он смог бы добиться планированием и убеждением. Из болтовни аслундцев в эфире Майлз сделал вывод, что у них было три главных теории: наемники покидают Ступицу насовсем, получив тайное предупреждение о надвигающейся атаке; наемники уходят, чтобы присоединиться к тем или иным врагам Аслунда; или, самое худшее, наемники начинают неспровоцированную атаку на упомянутых врагов, причем последующее возмездие падет на головы аслундцев. Силы Аслунда были приведены в максимальную боевую готовность. Внезапное отбытие вероломных наемников лишило их предполагаемой защиты, и поэтому в Ступицу были переброшены мобильные силы, были выставлены резервы и вызваны подкрепления.

Майлз облегченно вздохнул, когда последний из дендарийских кораблей вышел из аслундского сектора и направился в открытый космос. Учитывая задержку, вызванную замешательством, никакие аслундские силы преследования не догонят их теперь до тех пор, пока они не снизят скорость рядом с верванской червоточиной. Где после прибытия цетагандийцев будет, вероятно, несложно убедить аслундцев перевести себя в класс

дендарийского резерва.

Время значило многое, если не все. Предположим, Кавило еще не отправила цетагандийцам свой код к началу атаки. Внезапное передвижение дендарийского флота могло спугнуть ее и заставить отказаться от этого плана. Прекрасно, решил Майлз. В этом случае Майлз остановит цетагандийское вторжение без единого выстрела. Совершенная война маневров, по собственному определению адмирала Эйрела Форкосигана. «Конечно, в меня полетят политические тухлые яйца и погонится толпа линчевателей с трех сторон, но папа поймет. Надеюсь». Таким образом, в качестве, к счастью, сравнительно простых тактических целей останется сохранение своей жизни и спасение Грегора. Если конечно, Грегор захочет, чтобы его спасали...

Остальные, более тонкие ветви стратегического дерева следует отложить до развития событий, туманно решил Майлз. Он шатаясь добрал до каюты Оссера, упал в постель и целых двенадцать часов пробыл в забытии.

Разбудила Майлза офицер связи «Триумфа», вызвав его по видео. Майлз в нижнем белье протопал к комм-панели и плюхнулся в кресло пульта.

— Да?

— Вы просили извещать вас о сообщениях с Верванской станции, сэр.

— Да, спасибо, — Майлз протер глаза, прогоняя из них янтарные искорки сна, и проверил время. До прибытия к цели оставалось двенадцать часов полета. — Есть уже какие-нибудь признаки ненормального уровня активности у Верванской станции и их червоточины?

— Еще нет, сэр.

— Ладно. Продолжайте просматривать, записывать и отслеживать весь внешний трафик. Какова в настоящий момент временная задержка связи между нами?

— Тридцать шесть минут, сэр.

— Мм. Хорошо. Перекиньте сообщение сюда. — Зевая, он облокотился на комм-панель Оссера и устался в головид. Высокопоставленный верванийский офицер возник над панелью и потребовал объяснить перемещение оссеровской/дендарийской флотилии. Интонации его были похожи на интонации аслундцев. Никаких признаков Кавило. Майлз вызвал офицера связи. — Передайте назад, что их важное сообщение было безнадежно искажено статикой и дефектом в нашем декодере. Запросите срочный повтор, с усилением сигнала.

— Да, сэр.

В следующие семьдесят минут Майлз не спеша принял душ, оделся в как следует подогнанную форму (и ботинки), которые ему принесли, пока он спал, и съел сбалансированный завтрак. Он дошел прогулочным шагом до навигационной рубки «Триумфа» как раз к моменту прихода следующего сообщения. На этот раз за плечом верванийского офицера, скрестив руки, стояла командор Кавило.

— Немедленно дайте объяснения, или мы будем рассматривать вас как враждебную силу иотреагируем соответственно.

Это было то самое усиление сигнала, которое ему было нужно. Майлз уселся в кресло комм-пульта и привел дендарийскую форму в максимальный порядок. Убедился, что адмиральские знаки различия были отчетливо видны на видео.

— Готов к передаче сообщения, — кивнул он офицеру связи и привел черты лица в настолько непроницаемое и решительное выражение, какого только мог добиться.

— Говорит адмирал Майлз Нейсмит, командующий Дендарийской свободной наемной флотилией. Командору Кавило, рейнджеры Рэндолла, лично. Мэм. Я выполнил свою миссию в точном соответствии с вашими приказами. Напоминаю вам о награде, которую вы обещали мне за мой успех. Какие будут дальнейшие инструкции? Нейсмит, конец связи.

Офицер связи загрузила запись в узколучевой кодер.

— Сэр, — сказала она неуверенно. — Если это лично для командора Кавило, нам,

наверное, стоит воспользоваться верванийским командным каналом? Вervанийцам придется декодировать его, прежде чем передать дальше. Многие люди помимо нее увидят это сообщение.

— Именно так, лейтенант, — ответил Майлз. — Отсылайте сообщение.

— Ага. А когда — если — они ответят, что мне делать?

Майлз проверил хронометр.

— Ко времени их следующего ответа, наш курс, должно быть, будет проходить в зоне помех от короны двойной звезды. У нас не будет возможности связи добрых, э-э, три часа.

— Я могу усилить прием, сэр, и прорваться...

— Нет, нет, лейтенант. Помехи будут просто ужасными. На самом деле, если вам удастся растянуть это период на четыре часа, будет даже лучше. Но это должно выглядеть по-настоящему. До тех пор, пока мы не окажемся в зоне узколучевой связи между мной и Кавило в почти реальном времени, я хочу, чтобы вы думали о себе как об офицере без-связи.

— Да, сэр, — она ухмыльнулась. — Теперь я понимаю.

— Продолжайте. Помните, мне нужны максимальные нерасторопность, некомпетентность и ошибки. Я имею в виду, на верванийских каналах. Вы ведь наверняка работали со стажерами, так что подойдите к этому творчески.

— Да, сэр!

Майлз отправился искать Тана.

Он и Тан с головой ушли в работу с тактическим компьютером в тактической рубке «Триумфа», прогоняя предполагаемые сценарии боя у червоточины, когда офицер связи снова вызвала его.

— Изменения у Вervанской станции, сэр. Весь исходящий поток коммерческих кораблей остановлен. Входящим отказано в разрешении на стыковку. Интенсивность шифрованного обмена на всех военных каналах увеличились раза в три. И четыре больших военных корабля только что совершили скачок.

— В Ступицу или к Вervану?

— К Вervану, сэр.

Тан наклонился вперед:

— Сбросьте данные на тактический дисплей, когда получите подтверждение, лейтенант.

— Да, сэр.

— Спасибо, — сказал Майлз. — Продолжайте нас информировать. И возьмите также под наблюдение гражданские нешифрованные сообщения, все, что сможете перехватить. Я хочу быть в курсе слухов, когда они начнут появляться.

— Хорошо, сэр. Конец связи.

Тан включил тактический дисплей якобы «реального времени» — цветную схему, когда офицер связи перекачала новые данные. Он изучил характеристики четырех убывших кораблей.

— Начинается, — сказал он мрачно. — Как ты и говорил.

— Ты не думаешь, что это из-за нас?

— Не эти четыре корабля. Их бы не убрали от станции, если бы в них серьезно не нуждались в другом месте. Лучше бы тебе двигать свою задницу... В смысле, переместить свой флаг на «Ариэль», сынок.

Майлз нервно сжал губы и уставился на то, что он мысленно прозвал своей Малой флотилией, на схематическом дисплее в тактической рубке «Ариэля». Устройство отображало сам «Ариэль» плюс два следующих по быстроходности корабля дендарийских сил. Его собственная ударная группа: быстрая, маневренная, способная на головокружительные изменения курса, требующая меньше пространства для маневра, чем любая другая возможная комбинация кораблей. Следовало признать, что огневая мощь у них была не большая. Но если все пойдет так, как намечал Майлз, стрельба все равно будет

нежелательна.

В тактической рубке «Ариэля» находилась сейчас только базовая команда: Майлз, Елена в качестве его личного офицера связи, Арди Мейхью — ответственный за все прочие системы. Все только свои: учитывая глубоко личный характер предстоящей беседы. Если дойдет до реальной битвы, он передаст помещение Торну, в настоящий момент изгнанному в навигаторскую. После чего, вероятно, уйдет в свою каюту и вспорет себе живот.

— Давай взглянем на Вервансую станцию, — сказал он сидевшей в кресле комм-пульта Елене. Главное изображение головида в центре комнаты головокружительно завертелось от ее прикосновения к клавишам управления. Схематическое представление целевой зоны, казалось, кишело движущимися линиями и цветами, отображающими перемещение кораблей, энергетические потенциалы различных типов оружия и щитов, а также действующие каналы связи. Дендарийцы были сейчас на расстоянии около миллиона километров, чуть более трех световых секунд. Скорость сближения уменьшалась, по мере того как Малая флотилия, на два часа опережавшая более медленные корабли основного дендарийского флота, замедлялась.

— Они сейчас определенно встревожены, — прокомментировала Елена. Ее рука коснулась наушника. — Повторяют требования выйти на связь.

— Но все-таки не контратакуют, — заметил Майлз, изучая схему. — Я рад, что они осознают, где лежит главная опасность. Скажи им, что мы исправили наши проблемы со связью — наконец-то — но снова передай, что сперва я буду говорить только с командором Кавило.

— Они... э-э... По-моему, они наконец дают ей связь. Есть узколучевой сигнал на соответствующем канале.

— Отследить его, — Майлз перевесился через ее плечо, пока она выманивала эту информацию из коммуникационной сети.

— Источник движется...

Майлз закрыл глаза в молитве и снова резко их открыл, услышав триумфальный возглас Елены:

— Есть! Вот. Этот маленький корабль.

— Дай мне его курс и энергетический профиль. Он направляется к червоточине?

— Нет, от нее.

— Ха!

— Это быстрый корабль... маленький... курьер класса «Сокол», — доложила Елена. — Если ее цель Пол — и Барраяр — она должна будет пересечь наш треугольник.

Майлз выдохнул:

— Так. Так. Она ждала, чтобы поговорить по линии, которую ее верванийские боссы не смогут прослушать. Я подозревал, что она этого захочет. Интересно, что за ложью она их накормила? Она уже переступила черту, за которой нет возврата, знает ли она об этом? — Он протянул руки к новому короткому вектору в схеме. — Иди, любовь моя. Иди ко мне.

Елена сардонически подняла бровь:

— Связь установлена. Твоя ненаглядная появится на третьем мониторе.

Майлз запрыгнул в указанное кресло пульта, устраиваясь перед панелью головида, которая начала сверкать. Сейчас было самое время собрать весь самоконтроль, которым он когда-либо обладал. Его лицо приняло выражение прохладного ироничного интереса, пока изящные черты Кавило проявлялись перед ним. За пределами приема камеры видеосвязи, он вытер потные ладони о колени.

Голубые глаза Кавило светились триумфом, который сдерживался плотно сжатым ртом и напряженными бровями, как будто в отражение того, как путь ее бегства сдерживался кораблями Майлза.

— Лорд Форкосиган. Что вы здесь делаете?

— Следую вашим приказам, мэ. Вы сказали мне взять контроль над дендарийцами. И я ничего не сообщил Барраяру.

Шестисекундная временная задержка, пока узкий луч перелетал от корабля к кораблю и возвращался с ответом. К сожалению, это давало ей столько же времени на обдумывание, сколько и ему.

— Я не приказывала вам пересекать Ступицу.

Майлз удивленно изогнул брови:

— А где еще вам мог понадобиться мой флот, как не на месте боевых действий? Я же не тупой.

На этот раз молчание Кавило было дольше, чем могло быть вызвано задержкой передачи.

— Вы имеете в виду, что не получили послание Метцова? — спросила она.

Чертовски близко к правде. Какой сказочный набор двусмысленностей в этой фразе.

— А что, вы посылали его в качестве курьера?

— Да!

Явную ложь за явную ложь.

— Я его даже не видел. Возможно, он дезертировал. Должно быть, понял, что проиграл вашу любовь другому. Наверное, сейчас как раз торчит в каком-нибудь баре при космопорте, пытаясь утопить свое горе, — Майлз глубоко вздохнул над этим печальным сценарием.

Выражение озадаченного внимания сменилось гневом, когда это сообщение достигло адресата.

— Идиот! Я знаю, что ты взял его в плен!

— Да, и с того момента я все думаю, почему вы позволили этому случиться. Если такой поворот событий был нежелателен, вам следовало принять соответствующие меры предосторожности.

Кавило прищурилась: решила сменить тактику.

— Я боялась, что эмоции Станиса сделали его ненадежным, и хотела дать ему еще один шанс показать себя. Другому человеку я дала приказ убить его, если он попытается убить тебя, но когда Метцов промахнулся, этот болван замешкался.

Заменить «если попытается» на «как только ему удастся», и это заявление будет, вероятно, близко к правде. Жаль, что Майлз не мог послушать запись отчета с места событий того агента рейнджеров и гневную реакцию Кавило.

— Ну вот видите! Вам действительно нужны подчиненные, которые могут мыслить самостоятельно. Как я.

Кавило вскинулась:

— Тебя в подчиненные? Да я скорее лягу в постель со змеей!

Интересная картинка, хм.

— Лучше начинайте ко мне привыкать. Вы пытаетесь войти в мир, незнакомый вам, но известный мне. Форкосиганы — неотъемлемая часть баррарярского правящего класса. И вам может понадобиться местный проводник.

Задержка.

— Вот именно. Я пытаюсь... Я должна доставить вашего императора в безопасное место. Вы загораживаете ему путь. Прочь с моей дороги!

Майлз позволил себе взгляд в сторону тактического дисплея. Да, именно так. Отлично, иди ко мне.

— Командор Кавило, я убежден, что в ваших расчетах относительно меня вы упускаете некие важные данные.

Задержка.

— Позволь мне прояснить свою позицию, маленький баррарярец. Я держу твоего императора. И я его полностью контролирую.

— Прекрасно, позвольте мне услышать приказ из его уст.

Задержка... Да, уже немного короче.

— Я могу перерезать ему горло у тебя на глазах. Дайте мне пройти!

— Да ради бога, — Майлз пожал плечами. — Правда изрядно испачкаете палубу.

Она угрюмо ухмыльнулась, после задержки.

— Ты плохо блефуешь.

— Я вовсе не блефую. Живой Грегор гораздо более ценен для вас, чем для меня. Там, куда вы направляетесь, вы ничего не сможете сделать без его посредства. Он ваш талон на обед. Однако говорил ли вам уже кто-нибудь, что если Грегор умрет, я могу стать следующим императором Барраяра?

Ну, это спорно, но едва ли сейчас подходящее время более детально обсуждать шесть конкурирующих барраярских теорий наследования.

Лицо Кавило застыло.

— Он говорил... что у него нет наследника. И ты говорил то же самое.

— Нет названного наследника. Потому что мой отец отказался им стать, а не потому, что у него неподходящая родословная. Но игнорирование родословной не аннулирует ее. И я единственный сын своего отца. А он не может жить вечно. Ergo... Так что, сопротивляйтесь моему abordажу всеми доступными способами. Угрожайте. Исполняйте угрозы. Передайте мне Империю. Я хорошенько вас поблагодарю, прежде чем казнить без долгих разбирательств. Император Майлз Первый. Как звучит? Так же хорошо, как императрица Кавило? — Майлз сделал многозначительную паузу. — Или мы можем работать вместе. Форкосиганы традиционно чувствовали, что сущность важнее названия. Власть за троном, как у моего отца до меня... А он имел именно такую власть, как без сомнений сказал тебе Грегор, уже слишком долго, и вы не сможете сместить его хлопая ресницами. У него иммунитет на женщин. Но я знаю его слабые места. Я все продумал. Это может быть моим самым большим шансом, так или иначе. Кстати... Миледи... Так ли вам важно, за какого императора выходить за муж?

Временная задержка позволила ему полностью вкусить смены выражений ее лица, по мере того как его убедительные измышления достигали цели. Тревога, отвращение, в конце концов невольное уважение.

— Кажется, я недооценила тебя. Хорошо... Ваши корабли могут эскортировать нас в безопасное место. Где, судя по всему, мы должны будем продолжить переговоры.

— Я не эскортирую, а перевожу вас в безопасное место, на борту «Аризля». Где мы приступим к переговорам немедленно.

Кавило выпрямилась, раздувая ноздри:

— Ни за что.

— Хорошо, давайте придем к компромиссу. Я покорюсь приказу Грегора и только Грегора. Как я сказал, миледи, вам лучше к этому привыкать. Ни один барраярец не станет поначалу принимать приказы от вас лично, пока вы не упрочите свое положение. Если именно в эту игру вы хотите играть, лучше начать тренироваться. Дальше будет только сложнее. Или вы можете избрать путь сопротивления, в каком случае мне достанется все.

«Выигрывай время, Кавило! Заглатывай крючок!»

— Я приведу Грегора.

Головид изобразил серую пелену режима ожидания.

Майлз откинулся в кресле пульта, помассировал шею и покрутил головой, пытаясь расслабить свои кричащие нервы. Его трясло. Мейхью с тревогой уставился на него.

— Черт, — сказала Елена шепотом. — Если бы я тебя не знала, то подумала бы, что ты двойник Юрия Безумного. Это выражение лица... Я слишком много вкладываю в эти инсинуации, или ты действительно только что посмотрел сквозь пальцы на убийство Грегора, в следующий момент предложил наставить ему рога, обвинил своего отца в гомосексуализме и предложил отцеубийственный заговор против него в союзе с Кавило? А что ты предложишь на бис?

— Зависит от хода событий. Просто жажду узнать, что это будет, — пропыхтел Майлз. — Я был убедителен?

— Ты был ужасающ!

— Хорошо, — он снова вытер ладони о брюки. — Это схватка ума против ума, между

мной и Кавило, прежде чем дело дойдет до корабля против корабля... Она маниакальная интриганка. Если я смогу запудрить ей мозги, закружить словами, всеми этими «что-если» — разветвлениями ее стратегического дерева, достаточно надолго, чтобы отвлечь ее от единственного реального «сейчас»...

— Сигнал, — предупредила Елена.

Майлз выпрямился и стал ждать. Следующее лицо, которое появилось над видеопанелью, принадлежало Грегору. Живому и невредимому. Глаза Грегора расширились, затем черты его лица застыли.

Кавило нависала у него за плечом, лишь слегка не в фокусе.

— Скажи ему, что мы хотим, любовь моя.

Майлз поклонился сидя настолько низко, насколько это было физически возможно:

— Сир. Я преподношу вам собственную Вашего императорского величества Дендарийскую свободную наемную флотилию. Делайте с ней все, что пожелаете.

Грегор глянул в сторону, очевидно, на какой-то тактический монитор, аналогичный установленному в рубке «Ариэля».

— Бог мой, ты даже прихватил ее с собой. Майлз, ты неподражаем, — вспышка юмора мгновенно угасла в суровой официальности. — Благодарю вас, лорд Форкосиган. Я принимаю ваше вассальное предложение войск.

— Если бы вы пожелали ступить на борт «Ариэля», сир, вы могли бы лично возглавить ваши силы.

Кавило нагнулась вперед, прерывая их.

— Вот теперь его предательство будет очевидным. Позволь мне проиграть часть его последних слов для тебя, Грег.

Кавило протянула руку мимо Грегора, чтобы нажать на кнопку, и Майлза развлекли проигрыванием его захлебывающегося подстрекательства к мятежу, начиная, натурально, с болтовни насчет названного наследника и заканчивая его предложением себя в качестве замены императорского жениха. Очень хорошо выбрано и очевидно не редактировано.

Грегор слушал, задумчиво склонив голову, полностью контролируя лицо, пока изображение Майлза не добралось, запинаясь, до своего дьявольского заключения.

— Но разве это удивляет тебя, Кави? — спросил Грегор невинным тоном, беря ее за руку и глядя на нее поверх плеча. Судя по выражению ее лица, кое-что определенно ее удивляло. — Мутации лорда Форкосигана довели его до безумия, всем это известно! Он топчется рядом, болтая всю эту чепуху, уже несколько лет. Конечно, я доверяю ему ровно настолько, насколько далеко могу его швырнуть...

«Спасибо, Грегор. Я запомню это выражение».

— ...Но пока он чувствует, что сможет способствовать своим интересам, способствуя нашим, он будет ценным союзником. Дом Форкосиганов всегда был могучим участником в барраярских делах. Его дед граф Петр посадил моего деда императора Эзара на трон. И они могут стать в равной степени могучим врагом. Я бы предпочел, чтобы мы правили Барраяром с их поддержкой.

— Определенно, их истребление было бы в равной степени полезно, — Кавило пристально посмотрела на Майлза.

— Время на нашей стороне, любовь моя. Его отец стар. А он мутант. Его угрозы насчет родословной пусты. Барраяр никогда бы не принял мутанта в качестве императора, как хорошо известно графу Эйрелу и как осознает и сам Майлз в моменты прояснения рассудка. Но он может доставить нам неприятности, если захочет. Интересный баланс сил, а, лорд Форкосиган?

Майлз снова поклонился:

— Я много об этом думал, — «Как и ты, судя по всему». Он бросил осуждающий взгляд на Елену, которая сползла с кресла своего пульта где-то в середине описываемой Грегором картины безумных монологов Майлза, произносимых, без сомнения, на каких-нибудь торжественных банкетах, и сейчас сидела на полу, закусив рукав, чтобы сдержаться

взрывы хохота. Ее глаза сверкали поверх серой ткани. Она подавила свое приглушенное хихиканье и вскарабкалась обратно в кресло. «Закрой рот, Арди».

— Что ж, Кави, давай присоединимся к моему будущему великому визирию. С этого момента я буду контролировать его корабли. А твое желание, — он повернулся, чтобы поцеловать ее руку, все еще оставшуюся под его ладонью на его плече, — будет приказом для меня.

— Ты правда думаешь, что это безопасно? Если он такой псих, как ты говоришь.

— Гениальный, нервный, коварный... Но пока он аккуратен в приеме лекарств, он в порядке, обещаю тебе. Полагаю, его доза немножко сбилась сейчас из-за наших беспорядочных путешествий.

Задержка в передаче была сейчас значительно короче.

— Двадцать минут до пересечения, сэр, — ответила со стороны Елена.

— Вы перейдете в вашем шаттле или нашем, сир? — вежливо поинтересовался Майлз.

Грегор небрежно пожал плечами:

— Как решит командор Кавило.

— В нашем, — немедленно ответила Кавило.

— Я буду ждать. — «И готовиться».

Кавило прервала связь.

Глава 16

Майлз смотрел по видеосвязи, как первый рейнджер в боевом скафандре ступил в стыковочный коридор «Ариэля». За настороженным разведчиком сразу последовали еще четверо. Они просканировали пустой проход, превращенный в замкнутое пространство с помощью опущенных изолирующих переборок, перекрывавших оба его конца. Никаких врагов, никаких целей, даже автоматическое оружие им не угрожало. Абсолютно пустое помещение. Сбитые с толку рейнджеры заняли оборонительную позицию вокруг стыковочного люка.

Внутрь шагнул Грегор. Майлз не удивился, увидев, что Кавило не обеспечила императора боевым скафандром. На Грегоре был аккуратно выглаженный рейнджерский комбинезон без знаков различия, а его единственной защитой были ботинки. Но даже и их будет явно недостаточно, если один из этих бронированных монстров наступит ему на ногу. Боевой скафандр был приятной штукой: защита от парализаторов и нейробластеров, от большинства видов ядов и биологического оружия, с сопротивляемостью (до некоторой степени) плазменному огню и радиоактивности, набитый встроенным интеллектуальным оружием, тактическими системами и устройствами телеметрии. Очень удобно для абордажной экспедиции. Хотя на самом деле Майлзу однажды удалось захватить «Ариэль» с меньшим количеством людей, притом вооруженными менее внушительно и без всякой брони. Но в тот раз на его стороне была внезапность.

Кавило вошла вслед за Грегором. На ней был боевой скафандр, хотя свой шлем в данный момент она несла под мышкой, как отрубленную голову. Она оглядела пустой коридор и нахмурилась.

— Ладно, в чем тут фокус? — громко поинтересовалась она.

«Отвечая на ваш вопрос...» Майлз нажал клавишу на пульте дистанционного управления в руке.

Приглушенный взрыв заставил коридор завибрировать. Стыковочный рукав резко оторвался от люка. Автоматические двери, зафиксировав падение давления, мгновенно захлопнулись. Воздуха наружу вышло на один вдох. Хорошая система. Майлз заставил техников убедиться, что она функционирует нормально, прежде чем они поставили мины с направленным взрывом в стыковочные захваты для шаттла. Майлз проверил мониторы. Боевой шаттл Кавило кувыркнулся прочь от «Ариэля», его опоры и сенсоры были повреждены тем же взрывом, что отправил его в полет, а оружие и оставленные в резерве

рейнджеры стали бесполезны, пока пилот, наверняка здорово взволнованный, не вернет себе контроль над положением шаттла в пространстве. Если сможет.

— Присматривай за ним, Бел, я не хочу, чтобы он вернулся и начал нас преследовать, — сказал Майлз по коммсвязи Торну, находящемуся на верхней палубе в тактической рубке «Ариэля».

— Я могу его подорвать, если хочешь.

— Подожди немного. Ситуация здесь внизу еще очень далека от разрешения.

«И да поможет нам сейчас Бог».

Кавило рывком надела шлем, окруженная стоявшими в оборонительной позиции обескураженными бойцами. Вооружены до зубов, а стрелять не во что. Пусть немного успокоятся: достаточно, чтобы удержаться от рефлекторной пальбы, но недостаточно, чтобы подумать...

Майлз оглядел своих собственных бойцов в боевых скафандрах, в количестве шестерых человек, и надел свой собственный шлем. Не то чтобы количество имело значение. Миллион солдат с ядерным оружием или один парень с дубиной: и того и другого достаточно, когда целью является один невооруженный заложник. Миниатюризовав ситуацию, с грустью осознал Майлз, он не привнес в нее качественных изменений. Он по-прежнему может столь же крупно облажаться. Главным его преимуществом была плазменная пушка, нацеленная вдоль коридора. Он кивнул Елене, управлявшей большим орудием. Обычно не используемое внутри корабля, оно сможет остановить атакующие боевые скафандры. И пробить корпус корабля за ними. Майлз прикинул, что, теоретически, если дойдет до перестрелки, они могли бы подорвать, ну, одного из пятерки Кавило на данном расстоянии, прежде чем схватка перейдет в рукопашную или, вернее, перчаткопашную.

— Начинаем, — предупредил Майлз по командному каналу. — Помните тренировки.

Он нажал другую клавишу: изолирующая переборка между его группой и группой Кавило начала отъезжать в сторону. Медленно, не внезапно, с точно рассчитанной скоростью, чтобы внушить страх, но не испугать.

Передача по всем каналам плюс громкоговоритель. Для плана Майлза было абсолютно необходимо, чтобы ему удалось сказать первое слово.

— Кавило! — крикнул он. — Деактивируйте ваше оружие и замрите, или я разнесу Грегора на атомы!

Язык тела — удивительная штука. Просто потрясающе, как много эмоций может прорваться сквозь черную блестящую поверхность боевого скафандра. Самая маленькая бронированная фигура стояла разведя руки и окаменев. Утратив дар речи, утратив, на драгоценные секунды, возможность реагировать. Потому, конечно же, что Майлз только что украл ее собственные первые слова. «И что ты теперь скажешь со своей стороны, любовь моя?» Это был отчаянный план. Майлз посчитал, что проблема заложника не имеет логического решения, а значит, очевидно, единственный выход — сделать эту проблему проблемой Кавило, а не его собственной.

Что ж, по крайней мере, «замрите» они выполнили. Но он не мог себе позволить упустить преимущество.

— Бросай оружие, Кавило! Нужно всего одно нервное движение, чтобы превратить тебя из императорской невесты в совершенно незначительную персону. А потом и вовсе в ничто. А уж нервничать ты меня заставляешь по-настоящему.

— Ты сказал, что он безопасен, — прошипела Кавило Грегору.

— Он не принимал препараты, должно быть, дольше, чем я думал, — ответил Грегор с взволнованным видом. — Нет, смотри — он блефует. Я докажу.

Разведя руки в стороны, Грегор пошел прямо на плазменную пушку. У Майлза за лицевым щитком отпала челюсть. «Грегор, Грегор, Грегор!...»

Грегор не отрываясь смотрел в лицевой щиток Елены. Его шаги не ускорялись и не сбивались с ритма. Он остановился только тогда, когда его грудь прикоснулась к нацеленному на него концу ствола. Это был чудовищно драматичный и захватывающий

момент. Майлз так увлекся зрелищем, что ему понадобилось некоторое время, чтобы подвинуть палец на несколько незаметных сантиметров и нажать клавишу на пульте управления, закрывавшую изолирующую переборку.

Щиты не программировали на медленное закрытие: они захлопнулись быстрее, чем можно было проследить взглядом. Недолгий шум плазменного огня с другой стороны, крики. Кавило закричала на одного из своих людей как раз вовремя, чтобы удержать его от фатальной ошибки: выстрела миной в стену закрытого помещения, в котором он сам и находился. Дальше тишина.

Майлз уронил плазменную винтовку, сдернул шлем:

— Боже всемогущий, вот этого я не ожидал. Грегор, ты гений.

Грегор деликатно поднял палец и отодвинул ствол плазменной пушки в сторону.

— Не волнуйся, — сказал Майлз. — Все наше оружие не заряжено. Я не хотел рисковать.

— Я был почти уверен, что так оно и есть, — пробормотал Грегор. Он оглянулся и пристально посмотрел на перегородку. — Что бы вы стали делать, если бы я спал на ходу?

— Продолжали бы разговор. Пробовали разные компромиссы. У меня была в запасе пара трюков... За другой изолирующей переборкой отряд с заряженным оружием. В конце концов, если бы она не клюнула, я был готов сдаться.

— Этого-то я и боялся.

Из-за переборки донеслись какие-то странные приглушенные звуки.

— Елена, принимай командование, — сказал Майлз. — Защищай территорию. Возьми Кавило живой, если получится, но я не хочу, чтобы кто-либо из дендарийцев погиб, пытаясь сделать это. Не рискуй, не верь ничему, что она говорит.

— Я в курсе, — Елена взмахнула рукой в салюте и двинулась в сторону своей группы, которая разделилась, чтобы зарядить оружие. Елена начала переговариваться по устройству командной связи в шлеме с руководителем такой же группы, поджидавшей по другую сторону от Кавило, и командиром боевого шаттла «Ариэля», приближающегося с внешней стороны корабля.

Майлз дал знак Грегору следовать по коридору, как можно скорее уводя его из зоны потенциальной заварушки.

— В тактическую рубку, и я введу тебя в курс дела. Тебе нужно принять некоторые решения.

Они вошли в лифтовую трубу и начали подниматься. С каждым новым метром, разделявшим Грегора и Кавило, Майлзу становилось легче дышать.

— Пока мы не поговорили лицом к лицу, больше всего я опасался, — сказал Майлз, — что Кавило действительно сделала то, что считала сделанным: запудрила тебе мозги. Я не видел, откуда еще она могла получать свои идеи, кроме как от тебя. Я не был уверен, что можно сделать в подобном случае, кроме как подыгрывать до того момента, пока я не смогу передать тебя в руки более высоких экспертов на Барраяре. Если бы мне удалось выжить. Я не знал, насколько быстро ты увидишь ее подноготную.

— О, сразу же, — пожал плечами Грегор. — У нее была та же жадная улыбка, что бывала у Фордрозды. И после него еще у десятка каннибалов помельче. Я теперь могу почуять жадного до власти лъстеца за тысячу метров.

— Отдаю должное мастеру стратегии, — Майлз сделал соответствующее движение рукой в скафандре. — Ты понимаешь, что освободил сам себя? Она довезла бы тебя прямо до дома, даже если бы я не появился рядом.

— Это было просто, — нахмурился Грегор. — Все, что от меня требовалось, это полностью отказаться от личной чести. — Взгляд Грегора, понял Майлз, был безжизненным и лишенным триумфа.

— Нельзя надувать честного человека, — неуверенно сказал Майлз. — Или женщину. Что бы ты сделал, если бы она доставила тебя домой?

— Зависит от обстоятельств, — Грегора посмотрел куда-то вдаль. — Если бы ей

удалось тебя убить, полагаю, мне пришлось бы ее казнить. — Когда они вышли из трубы, Грегор взглянул назад. — Получилось лучше. Может быть... Может быть, есть какой-нибудь способ дать ей честный шанс.

Майлз моргнул.

— На твоём месте я бы хорошенько подумал, прежде чем давать Кавило какой-либо шанс. Даже держась на расстоянии. Заслужила ли она это? Ты понимаешь, что происходит, скольких она предала?

— Отчасти. И все же...

— Все же что?

Голос Грегора был так тих, что стал почти неслышен.

— Жаль, что она не была настоящей.

— ...Вот какова по моей информации в настоящий момент тактическая ситуация в Ступице и локальном пространстве Вервана, — закончил Майлз свой доклад Грегору. Они вдвоем были в комнате для инструктажа на борту «Ариэля», в коридоре на посту стоял Арди Мейхью. Майлз начал свое краткое изложение, как только Елена доложила, что враждебный отряд успешно обезврежен. Он прервался только за тем, чтобы выскользнуть из своего плохо подходившего скафандра и снова одеться в серую форму дендарийцев. Скафандр был в спешке позаимствован у той же женщины-солдата, которая одалживала ему обмундирование раньше, и сантехническая система была вынужденно не подсоединена.

Майлз задержал картинку на дисплее головида в центре стола. Хотел бы он иметь возможность так же, нажатием клавиши, задержать реальное время и события, остановить их ужасную гонку.

— Ты можешь заметить, что самые крупные пробелы в наших разведанных касаются точной информации о цетагандийских силах. Я надеюсь, что верванцы заткнут некоторые из этих дыр, если мы сможем убедить их, что мы их союзники, а рейнджеры могут добавить еще информации. Так или иначе. Итак... сир... решение падает на вас. Сражение или бегство? Я могу прямо сейчас выделить «Ариэль» из общих сил и отправить тебя домой, причем потеря для предстоящего жаркого и утомительного боя у червотчины будет небольшой. Огневая мощь и броня, а не скорость, будут иметь там решающее значение. Можно не сомневаться, за какой путь проголосовали бы мой отец и Иллиан.

— Да, — пошевелился Грегор. — С другой стороны, их здесь нет.

— Верно. Альтернативный путь, обращаясь в другую крайность: желаешь ли ты стать верховным главнокомандующим этой заварушки? На деле так же, как и номинально?

Грегор мягко улыбнулся.

— Какое искушение. Но не кажется ли тебе, что есть определенное... высокомерие в том, чтобы принимать боевое командование, не имея опыта боевого подчинения?

Майлз слегка покраснел.

— Я... хм... столкнулся со схожей дилеммой. И ты встречался с решением: его зовут Ки Тан. Мы переговорим с ним, когда перейдем обратно на «Триумф», позднее, — Майлз помолчал. — Есть пара других вещей, которые ты мог бы для нас сделать. Если захочешь. Настоящих вещей.

Грегор потер щеку, наблюдая за Майлзом, как за актером на сцене.

— Выкладывайте, лорд Форкосиган.

— Легализуй дендарийцев. Представь их верванцам как барраярские передовые силы. Я могу только блефовать, а твое дыхание — закон. Ты можешь заключить законный договор о совместной обороне между Барраяром и Верваном... А также Аслундом, если нам удастся их привлечь. Твоя главная ценность... извини... лежит в сфере дипломатической, а не военной. Отправляйся на Верванскую станцию и поговори с этими людьми. И договорись.

— В безопасности, далеко от линии фронта, — сухо заметил Грегор.

— Только если мы победим по другую сторону скачка. Если мы проиграем, линия фронта сама явится к тебе.

— Мне бы хотелось военной службы. Быть каким-нибудь скромным лейтенантом с всего лишь горсткой людей, о которых следует позаботиться.

— Нет никакой моральной разницы между одним и десятью тысячами, уверяю тебя. Независимо от того, сколько из них погибнет из-за тебя, ты будешь в равной степени проклят.

— Я хочу участвовать в сражении. Возможно, это единственный шанс в моей жизни испытать настоящий риск.

— Что, ежедневный риск столкнуться с безумными убийцами недостаточно щекочет тебе нервы? Тебе нужно больше?

— Активный риск. Не пассивный. Настоящая служба.

— Если — по твоему суждению — наилучшей и наиважнейшей службой, которую ты можешь сослужить всем прочим людям, рискующим там своими жизнями, является роль скромного боевого офицера, то я, конечно, поддержу тебя всем, чем смогу, — бесстрастно сказал Майлз.

— Ох, — пробормотал Грегор. — Знаешь, ты можешь вертеть словами как ножом. — Он помолчал. — Переговоры, значит?

— Если вы будете столь добры, сир.

— О, прекрати, — вздохнул Грегор. — Я сыграю назначенную мне роль. Как всегда.

— Благодарю, — Майлз хотел было предложить какое-нибудь оправдание или утешение, но потом передумал. — Еще одна неизвестная переменная — рейнджеры Рэндолла. Которые сейчас, если я не ошибаюсь, пребывают в серьезном смятении. Заместитель командующего исчез, командующий дезертировал перед самым началом сражения... Кстати, как это варванийцы позволили ей уйти?

— Она сказала им, что отправляется вести с тобой переговоры. Намекнула, что ей как-то удалось присоединить тебя к своим силам. Сразу после этого она якобы собиралась кинуться в схватку на своем быстром курьере.

— Хм. Возможно, сама того не желая, она расчистила нам путь... Она отрицает свою связь с цетагандийцами?

— Не думаю, что верванцы уже догадались, что рейнджеры открыли дверь цетагандийцам. Когда мы покидали Верванскую станцию, они все еще относили провал обороны рейнджерами цетагандийской червоточины на их некомпетентность.

— Вероятно, тому были и серьезные доказательства. Сомневаюсь, что основная часть рейнджеров была в курсе предательства, иначе его не удалось бы так долго сохранить в тайне. И кто бы из состава флота ни работал с цетами, они остались в полном неведении, когда Кавило внезапно взяла курс на империю. Ты понимаешь, Грегор, что это твоя заслуга? Одной левой ты подорвал цетагандийское вторжение.

— О, — выдохнул Грегор, — я использовал обе руки.

Майлз решил на этом не останавливаться.

— В любом случае, если получится, нужно блокировать рейнджеров. Взять их под контроль или, по крайней мере, не оставлять у себя за спиной.

— Очень хорошо.

— Предлагаю сыграть в хорошего и плохого парня. Буду счастлив взять на себя роль плохого.

Кавило привели двое конвойных, ведя ее между собой с помощью ручных тягловых механизмов. На ней все еще был ее боевой скафандр, теперь с вмятинами и царапинами. Шлема не было. Вооружение со скафандра сняли, контрольные системы отсоединили, а сочленения зафиксировали, превратив его в стокилограммовую тюрьму, тесную, как саркофаг. Двое дендарийских солдат поставили ее у конца переговорного стола и, отдав салют, отступили назад. Статуя с живой головой: как будто метаморфоза на подобие пигмалионовой внезапно прервалась и осталась ужасным образом незавершенной.

— Благодарю вас, господа, вы свободны, — сказал Майлз. — Командор Ботари-

Джезек, пожалуйста, останьтесь.

Кавило в бессмысленном сопротивлении покрутила коротко остриженной светловолосой головой — это был предел физически возможного для нее движения. Когда солдаты вышли, она яростно уставилась на Грегора.

— Ты, змея, — прорычала она. — Ублюдок!

Грегор сидел, поставив локти на стол и опустив подбородок на руки. Он приподнял голову и устало сказал:

— Командор Кавило, оба моих родителя умерли насильственной смертью в ходе политической интриги, прежде чем мне исполнилось шесть лет. Факт, который вы, вероятно, обнаружили в своих исследованиях. Неужели вы думали, что имеете дело с жалким любителем?

— Вы с самого начала играли не в своей лиге, Кавило, — сказал Майлз, медленно обходя вокруг нее, как будто осматривая свой трофей. Она поворачивала голову, следя за ним, потом вынуждена была крутнуться в другую сторону, чтобы перехватить орбиту его движения с другой стороны. — Вам следовало придерживаться своего первоначального контракта. Или вашего второго плана. Или третьего. Вам следовало, на самом деле, придерживаться хоть чего-нибудь. Чего угодно. Ваша абсолютная эгоистичность не сделала вас сильной, она превратила вас в несомую ветром ветошь, которую может подхватить любой. Итак. Грегор — но не я — полагает, что вам следует дать шанс заработать вашу ничего не стоящую жизнь.

— У тебя не хватит духу выбросить меня за борт, — ее глаза сузились от гнева.

— Я и не планировал, — так как у нее, очевидно, от этого бегали мурашки по коже, Майлз снова начал ее обходить. — Нет. Глядя в будущее — когда все это закончится — я подумывал отдать вас цетагандийцам. Лакомая добавка к мирному договору, которая не будет нам стоить ничего, но поможет подсластить им пиллюлю. Полагаю, они будут вас искать, как вы думаете? — он остановился перед ней и улыбнулся.

Кровь отлила у нее от лица. На стройной шее проступили сухожилия.

Заговорил Грегор:

— Но если вы сделаете, как мы просим, я подарю вам свободный выход из Ступицы Хеджена, через Барраяр, когда все закончится. Вместе с оставшимися в живых вашими силами, которые захотят за вами последовать. Это даст вам фору в два месяца перед мстящими за разгром цетагандийцами.

— На самом деле, — вставил Майлз, — если вы сыграете свою роль, вы даже можете выйти из этой ситуации героиней. Ну и ну!

Направленный на него сердитый взгляд Грегора был не полностью наигран.

— Я до тебя доберусь, — негромко пригрозила Кавило Майлзу.

— Это лучшая сделка, которую вы сможете получить сегодня. Жизнь. Спасение. Новое начало, далеко отсюда... Очень далеко отсюда. Об этом позаботится Саймон Иллиан. Далеко, но под присмотром.

Гнев в ее глазах начал постепенно вытесняться задумчивостью.

— Что вы от меня хотите?

— Не много. Передайте тот контроль, что у вас еще есть над вашими силами, офицеру по своему выбору. Возможно, верванскому посреднику, в конце концов, они же за вас платят. Вы представите своему командному составу вашу замену, а сами уйдете на покой на гауптвахту «Триумфа» на время всей операции.

— Когда все это кончится, никаких оставшихся в живых рейнджеров не будет!

— Есть такой риск, — признал Майлз. — Вы ведь и собирались от них от всех отделаться. Заметьте, пожалуйста, что я не предлагаю вам выбор между этим и чем-то лучшим. Или это, или цетагандийцы. Чье одобрительное отношение к изменникам распространяется только на тех, что действуют в их пользу.

У Кавило был такой вид, будто она хотела плюнуть, но она сказала:

— Хорошо. Я согласна на ваши условия.

— Спасибо.

— Но ты... — ее глаза превратились в осколки голубого льда, а голос стал тихим и ядовитым: — Ты еще получишь свой урок, коротышка. Сегодня ты на коне, но время сбросит тебя вниз. Я бы сказала, подожди лет двадцать, но сомневаюсь, что ты проживешь так долго. Время научит тебя, что твоя верность не приносит абсолютно ничего. Жаль, что меня не будет рядом и я не увижу тебя в тот день, когда тебя наконец разжуют и выплюнут, потому что ты превратишься в бифштекс.

Майлз вызвал солдат обратно.

— Уведите ее, — это была почти мольба. Когда дверь закрылась за пленницей и сопровождающими, он повернулся и увидел, что Елена смотрит на него. Его передернуло. — Бог мой, у меня мурашки от этой женщины.

— Да? — заметил Грегор, все еще упираясь локтями на стол. — Однако странным образом вы, кажется, находите общий язык. Вы думаете похоже.

— Грегор! — протестующе воскликнул Майлз и с надеждой на опровержение: — Елена?

— Вы оба очень ловкие, — задумчиво ответила Елена. — И, э, короткие. — Заметив гневно сжатые губы Майлза, она объяснила: — Это больше вопрос формы, чем содержания. Если бы ты был властолюбивым безумцем, а не... не...

— Безумцем другого рода, да, продолжай.

— ...Ты мог бы строить именно такие заговоры. Тебе, похоже, понравилось раскусывать ее планы.

— Вот спасибо, — он обхватил себя за плечи. Это правда? Через двадцать лет он превратится в нечто подобное? В больного цинизмом и застоялым гневом, забравшегося в раковину и интересующегося только властью, интригами, контролем — в броневую плиту с раненым зверем за ней? — Давайте вернемся на «Триумф», — резко сказал он. — У нас у всех есть работа.

Майлз нетерпеливо мерил шагами неширокую каюту адмирала Оссера на борту «Триумфа». Грегор стоял, опершись бедром на край комм-пульта, и смотрел, как он мечется.

— ...Естественно, верванцы будут настроены подозрительно, но, принимая во внимание дышащих им в затылок цетагандийцев, у них будет серьезное желание нам поверить. И заключить сделку. Тебе нужно будет сделать ее насколько возможно привлекательной, чтобы быстро прийти к соглашению, но, конечно, не отдавай больше, чем это необходимо...

Грегор сухо произнес:

— Может, ты хочешь пойти со мной и поработать за пультом голосуфлера?

Майлз остановился и прочистил горло.

— Извини. Я знаю, что ты знаешь о соглашениях больше, чем я. Я... болтаю, когда нервничаю, иногда.

— Да, я знаю.

Майлз смог держать рот на замке (но не стоять на месте), пока не раздался сигнал дверного звонка.

— Пленники, как вы приказали, сэр, — раздался голос сержанта Чодака по внутренней связи.

— Спасибо, входите, — Майлз перегнулся через пульт и нажал клавишу открывания двери.

Чодак и группа солдат сопроводили капитана Унгари и сержанта Оверхолта в каюту. Пленники действительно были в том виде, как приказал Майлз: помытые, побритые, причесанные и в свежевыглаженной дендарийской серой форме с соответствующими их званиям знаками различия. Последнее, судя по их виду, вызывало в них отчетливую угрюмую враждебность.

— Спасибо сержант, вы и ваша группа свободны.

— Свободны? — Чодак движением бровей выразил сомнение в мудрости этого решения. — Вы уверены, сэр? Не хотите, чтобы мы, по крайней мере, встали в коридоре? Вспомните, как было в прошлый раз.

— В этот раз этого не понадобится.

Сердитый взгляд Унгари отвергал данное легкомысленное заявление. Чодак нерешительно отступил, держа пару барраьерцев на прицеле своего парализатора, пока перед ним не закрылась дверь.

Унгари глубоко вдохнул:

— Форкосиган! Ты, мятежный маленький мутант, я отдам тебя под трибунал, сдеру с тебя шкуру, набью из тебя чучело и выставлю на общее обозрение за этот...

Они еще не заметили Грегора, по-прежнему тихо стоявшего, прислонившись к комм-пульту, и тоже одетого в любезно предоставленную ему серую форму дендарийцев, правда без знаков различия, так как в дендарийской иерархии не было эквивалента императора.

— Э-э, сэр... — Майлз перевел внимание взбешенного капитана на Грегора.

— Ваши чувства разделяют столь многие, капитан Унгари, что я боюсь, вам придется встать в очередь и дожидаться своего часа, — заметил Грегор, слегка улыбаясь.

Оставшийся воздух беззвучно вышел из Унгари. Он встал по стойке смирно. К его чести, самый верхний слой дикой смеси эмоций на его лице представлял собой облегчение:

— Сир!

— Мои извинения, капитан, — сказал Майлз, — за мое своевольное обращение с вами и сержантом Оверхолтом, но я рассудил, что мой план освобождения Грегора был слишком, э-э, тонким для, для... — «ваших нервов». — Я решил, что лучше я понесу персональную ответственность. — «На самом деле, тебе же было лучше, что ты этого не видел. А мне было лучше, что никто не толкал меня под локоть».

— Энсины не могут нести персональную ответственность за операции такого масштаба, за это несут ответственность их командиры, — рыкнул Унгари. — Как первым заметил бы мне Саймон Иллиан, если бы ваш план — каким бы он ни был тонким — провалился...

— Ну, тогда, поздравляю, сэр, вы только что спасли императора, — отрезал Майлз. — У которого, как вашего главнокомандующего, есть для вас несколько приказов, если, конечно, вы позволите ему вернуть словечко.

Унгари сомкнул челюсти. С видимым усилием он отключил внимание от Майлза и сфокусировался на Грегоре.

— Сир?

Грегор заговорил:

— Как единственных служащих СБ в радиусе пары миллионов километров — исключая энсина Форкосигана, у которого есть свои обязанности, — я прикрепляю вас и сержанта Оверхолта к своей персоне, пока мы не войдем в контакт с нашими подкреплениями. Возможно, мне также понадобится, чтобы вы выполняли обязанности курьера. Прежде чем мы покинем «Триумф», пожалуйста, поделитесь всеми относящимися к делу разведанными, которыми вы обладаете, с оперативным штабом дендарийцев: это теперь мои императорские, э-э...

— Покорные слуги, — шепотом предложил Майлз.

— ...вооруженные силы, — закончил фразу Грегор. — Считайте этот серый мундир, — Унгари с отвращением бросил взгляд на свой, — военной формой и относитесь к нему с соответствующим уважением. Вы, без сомнений, получите обратно свою зеленую форму, когда я получу свою.

Майлз вставил:

— Я определю дендарийский легкий крейсер «Ариэль» и два других самых быстрых наших курьера в личное пользование Грегору, когда вы отправитесь к Верванской станции. Если вам придется разделить для выполнения курьерских обязанностей, я предлагаю вам взять меньший корабль, а «Ариэль» оставить Грегору. Его капитан Бел Торн — мой самый

надежный дендарийский корабельщик.

— Все еще думаешь над путями моего отступления, а, Майлз? — поднял бровь Грегор. Майлз слегка поклонился:

— Если дела пойдут очень плохо, кто-то должен выжить, чтобы отомстить за нас. Не говоря о том, чтобы гарантировать оплату оставшимся в живых дендарийцам. Думаю, это уж мы обязаны для них сделать.

— Да, — мягко согласился Грегор.

— Я также составил собственный рапорт о последних событиях для передачи Саймону Иллиану, — продолжил Майлз, — на случай, если я... На случай, если вы увидите его раньше, чем я. — Майлз протянул Унгари диск с данными.

У Унгари, похоже, закружилась голова от столь быстрой смены приоритетов:

— Верванская станция? Определенно, Пол-6 — вот где вас ждет безопасность, сир.

— На Верванской станции меня ждет долг, капитан, а, следовательно, и вас. Идемте, я объясню по дороге.

— Вы оставляете Форкосигана без присмотра? — Унгари хмуро посмотрел на Майлза. — С этими наемниками? У меня есть возражения, сир.

— Прошу прощения, сэр, — ответил Майлз Унгари, — что не могу, не могу... — «подчиниться вам», но этого Майлз не стал говорить. — У меня есть более серьезные возражения против того, чтобы втянуть этих наемников в битву, а самому на нее не явиться. В этом отличие между мной и... бывшим командующим рейнджерами. Какое-то отличие между нами должно быть, может, это как раз оно. Гре... Император это понимает.

— Хм, — сказал Грегор. — Да. Капитан Унгари, я официально назначаю энсина Форкосигана Нашим дендарийским представителем. Под мою личную ответственность. Чего должно быть достаточно даже для вас.

— Не для меня этого должно быть достаточно, сир!

Грегор слегка поколебался.

— Тогда ради интересов Барраяра. Достаточный аргумент даже для Саймона. Идемте, капитан.

— Сержант Оверхолт, — добавил Майлз. — Вы будете личным телохранителем императора и его ординарцем, вплоть до дальнейших распоряжений.

Оверхолта это внезапное повышение по службе, судя по всему, не обрадовало.

— Сэр, — прошептал он Майлзу. — Я не проходил продвинутого курса!

Имелся в виду обязательный и лично проводимый Саймоном Иллианом курс СБ для дворцовой охраны, который придавал такую безукоризненную отточенность действиям команды, обычно сопровождавшей Грегора.

— У нас у всех здесь схожая проблема, сержант, поверьте, — пробормотал Майлз в ответ. — Делайте все возможное.

В тактической рубке «Триумфа» кипела деятельность, каждое кресло у пультов было занято, каждый головид высвечивал поток тактических изменений, касающихся корабля и флота. Майлз стоял у локтя Тана и чувствовал себя вдвойне лишним. Он вспомнил шутку времен Академии: «Правило №1. Забирай управление у тактического компьютера, только если знаешь что-то, чего не знает он. Правило №2. Тактический компьютер всегда знает больше, чем ты».

Это и есть сражение? Эта комната, полная приглушенных звуков и световых сигналов, эти мягкие кресла? Впрочем, такая отстраненность, возможно, была и на пользу, по крайней мере, для командиров. Его сердце уже сейчас нервно колотилось. Тактическая рубка такого калибра могла вызвать информационные перегрузки и мозговой ступор, если позволить этому случиться. Секрет состоял в том, чтобы выделять только то, что было важно, и никогда, ни на секунду не забывать, что карта — это еще не территория.

Его работой здесь, напомнил себе Майлз, было не командование, а наблюдение за тем, как командует Тан. Ему нужно учиться у Тана, узнавать способы мышления, альтернативные

стандартам баррарейской Академии. Единственной законной причиной вмешательства для Майлза могла стать только какая-то внешняя политическая или стратегическая необходимость, имеющая приоритет над внутренней тактической логикой. Майлз молил Бога, чтобы такое событие не произошло, потому что более коротко и уродливо это называлось предать свои войска.

Внимание Майлза обострилось, когда маленький скачковый корабль-разведчик появился у горловины червотчины. На тактическом дисплее он выглядел как розовая светящаяся точка в медленно движущемся водовороте тьмы. На визуальном экране это был тонкий корабль на фоне неподвижных и далеких звезд. С точки зрения подключенного к нему пилота, это было некое странное продолжение его собственного тела. А на еще одном видеодисплее он представлял собой набор данных телеметрии, нумерологический узор, некий платоновский идеал. «И какое представление истинно? Все. И ни одно».

— «Акула-1» вызывает «Флот-1», — прозвучал голос пилота над панелью Тана. — У вас десятиминутный допуск. Приготовьтесь к плотнотеловой передаче.

Тан проговорил в свой комм:

— Флот начинает скачок. В плотном порядке.

Первый дендарийский корабль, ожидавший у червотчины, сманеврировал на место, ярко вспыхнул на тактическом дисплее (хотя на визуальном не было заметно никакой активности) и пропал. Второй корабль проследовал через тридцать секунд, рискованно приближаясь к допустимым границам временного промежутка между скачками. Если два корабля попытаются материализоваться в одном и том же месте в одно и то же время, то в результате ни одного корабля не будет, а будет большой взрыв.

По мере того как передаваемая плотным лучом от «Акулы» телеметрия переваривалась тактическим компьютером, картинка перевернулась, так что черная воронка, представляющая (но никак не реально отображающая) червотчину, внезапно получила отражение в виде выходной воронки. За этой выходной воронкой массивы точек, искр и линий отображали движущиеся корабли (маневрирующие, стреляющие, убегающие), укрепленную локальную боевую станцию верванцев (близнеца станции Ступицы, где Майлз оставил Грегора), а также нападающих цетагандийцев. Наконец-то взгляд на пункт назначения. Все вранье, конечно: эти данные устарели на несколько минут.

— Йэх, — прокомментировал Тан. — Ну и каша. Теперь мы...

Раздался предупреждающий о скачке сигнал. Пришла очередь «Триумфа». Майлз схватился за спинку кресла Тана, хотя рассудком понимал, что ощущение движения было иллюзорным. Казалось, какой-то вихрь снов затуманил ему разум. На мгновение, на час — это не поддавалось измерению. Боль в животе и отвратительная волна тошноты, которые последовали за этим, были уже не во сне. Скачок закончился. Мгновенная тишина по всей рубке, пока все силились перебороть дезориентацию. Затем бормотание вернулось на тот уровень, каким было до того. «Добро пожаловать на Верван. Червоточный скачок прямо в ад».

Тактический компьютер повернул и переместил изображение, закачивая новые данные, перемещая центр своей маленькой вселенной. Червотчину в настоящий момент охраняла осажденная станция и тонкая и потрепанная цепочка кораблей верванского флота и рейнджеров, находящихся под командованием верванцев. Цетагандийцы уже один раз по ним ударили, были отброшены и сейчас висели за пределами дальности стрельбы, ожидая подкреплений для следующего удара. Цетагандийские резервы текли через систему ВERVANA от другой червотчины.

Другая червотчина пала быстро — единственный путь для атакующих. Даже учитывая абсолютную внезапность на стороне цетагандийцев в момент их первой массивной атаки, верванцы могли бы их остановить, если бы три корабля рейнджеров, очевидно, неверно интерпретировав приказ, отступили, вместо того чтобы контратаковать. Цетагандийцы укрепили свой плацдарм и начали просачиваться внутрь системы.

Вторая червотчина — червотчина Майлза — оборонялась более значительными

силами... Пока запаниковавшие верванцы не забрали все, что можно, на защиту орбиты их родной планеты. Майлз едва ли мог их винить: это был трудный стратегический выбор при любом раскладе. Но сейчас цетагандийцы рвались через систему практически беспрепятственно, проскакивая мимо сильно защищенной планеты, в смелой попытке захватить ведущую в Ступицу червоточину, если не внезапно, то хотя бы скоростью.

Первым возможным методом атаки червоточины является использование хитрости, подстрекательства и внедренных агентов, иными словами, мошенничества. Второй метод, также предпочтительно использующий хитрость, заключается, в конечном итоге, в пересылке военных сил кружным путем (если такой существует) в захватываемое локальное пространство. Третий метод — начать атаку, пожертвовав кораблем, выпускающим «солнечную стену» — плотный рой ядерных ракеток, выстреливаемых за один раз и создающих плоскую волну, которая зачищает ближайшее пространство от всего, включая, зачастую, и атакующий корабль. Однако солнечные стены были дороги, быстро рассеивались и эффективно действовали только на ограниченных пространствах. Цетагандийцы пытались скомбинировать все три метода, о чем свидетельствовал беспорядок в рядах рейнджеров и грязное радиоактивное облако, все еще расходившееся из сектора первой атаки.

Четвертый испытанный метод решения проблемы фронтальной атаки на охраняемую червоточину — пристрелить офицера, ее предложившего. Майлз считал, что к моменту, когда он закончит операцию, цетагандийцы доберутся и до этого метода.

Время шло. Майлз повесил кресло пульта в зажимы и стал изучать центральный дисплей, пока глаза не заслезились, а мозг оказался на грани впадения в гипнотический транс. Тогда Майлз поднялся, встряхнулся и начал ходить от пульта к пулту, заглядывая операторам через плечо.

Цетагандийцы маневрировали. Внезапное и непредусмотренное прибытие дендарийских сил в период затишья привело их во временное замешательство: запланированную завершающую атаку на потрепанных верванцев необходимо было на лету преобразовать в еще один раунд ослабляющих противника ударов с последующим отступлением. Накладно. В данный момент у цетагандийцев было немного способов скрыть свою численность или перемещения, в то время как прибытие готовых к обороне дендарийцев подразумевало наличие скрытых резервов (И кто знает, насколько безграничных? Уж точно не Майлз.) по ту сторону червоточины. Майлз загорелся недолгой надеждой, что одной этой угрозы может оказаться достаточно, чтобы цетагандийцы прервали свою атаку.

— Не-е, — вздохнул Тан, когда Майлз поделился с ним этой оптимистичной мыслью. — Они зашли уже слишком далеко. Счет жертв уже слишком высок, чтобы делать вид, что они только дурачились. Даже для самих себя. Цетагандийский командир, который бы сейчас это остановил, вынужден был бы отправиться домой под трибунал. Они будут продолжать еще долго после того, как дело станет безнадежным, пока их начальство будет отчаянно пытаться прикрыть свои израненные задницы флагом победы.

— Это... жестоко.

— Так работает система, сынок, и не только для цетагандийцев. Это один из нескольких присущих ей дефектов. И кроме того, — Тан коротко ухмыльнулся, — это дело пока не столь уж безнадежно. Факт, который мы попытаемся от них скрыть.

Цетагандийские силы пришли в движение, направления и скорости их кораблей явно говорили о намерении нанести удар. Хитрость была в том, чтобы попытаться добиться локальной концентрации сил — три или четыре корабля против одного — и подавить плазменные зеркала обороняющегося. Дендарийцы и верванцы попытаются использовать ту же тактику против отставших цетагандийских судов, за исключением нескольких бравых капитанов с обеих сторон, вооруженных новыми гравидеструкторами, которые будут играть в безумную игру «кто первый свернет», пытаясь приблизиться к цели на достаточно близкое для удара расстояние. Майлз также пытался приглядывать за диспозицией рейнджеров. Не на

каждом рейнджерском корабле был верванский советник, и боевые построения, при которых рейнджеры оказывались перед цетагандийцами были предпочтительнее тех, при которых рейнджеры оказывались за спинами дендарийцев.

Тихое бормотание техников и компьютеров в пределах тактической рубки почти не изменило своего темпа. Не хватало звуков барабанов и волюнок — чего-нибудь, что возвестило бы о начале танца со смертью. Но если реальность все-таки ворвется в этот обитый материей пузырь, то прорыв этот будет внезапным и абсолютным и продлится лишь мгновение.

В бормотание вмешалось сообщение по видеокомму. По внутренней связи корабля — да, вокруг них все еще был корабль. Запыхавшийся офицер докладывал Тану:

— Говорит гауптвахта, сэр. Будьте осторожны. У нас совершен побег. Сбежал адмирал Оссер, и он выпустил на свободу остальных заключенных.

— Черт возьми, — сказал Тан, сердито посмотрел на Майлза и указал на комм: — Разберись с этим. Встряхни Осона. — Он снова перевел внимание на свой тактический дисплей, пробормотав: — В *мое* время этого бы не случилось.

Майлз скользнул в кресло комм-пульта и вызвал мостик «Триумфа».

— Осон! Вы получили сообщение об Оссере?

Появилось раздраженное лицо Осона:

— Да, мы над этим работаем.

— Назначьте дополнительную вооруженную охрану для тактической рубки, инженерного отсека и вашего мостика. Сейчас очень неподходящее время для того, чтобы нас прерывали.

— Знаю. Мы тоже видим, как приближаются цетагандийские ублюдки, — Осон отключился.

Майлз начал просматривать внутренние каналы службы безопасности, прервавшись только, чтобы отметить прибытие в коридор хорошо вооруженной охраны. Оссеру, очевидно, помог совершить побег какой-нибудь лояльный ему офицер или офицеры, и это заставило Майлза в свою очередь задуматься над безопасностью службы безопасности. И попытается ли Оссер объединиться с Метцовым и Кавило? Пару дендарийцев, посаженных за дисциплинарные нарушения, нашли шатающимися по коридорам и вернули на гауптвахту, еще один вернулся сам. На складе зажали в угол подозреваемого в шпионаже. И никаких признаков по-настоящему опасных...

— Вот он!

Майлз переключился на нужный канал. Грузовой шаттл покидал стыковочные захваты, уходя от борта «Триумфа» в открытое пространство.

Майлз взял контроль над каналами связи, нашел канал управления огнем.

— Не открывать огонь, повторяю, не открывать огонь по этому шаттлу!

— Э-э... — пришел ответ. — Есть не открывать огонь.

И почему у Майлза создалось подсознательное впечатление, что техник вовсе и не планировал открывать огонь? Налицо был хорошо скоординированный побег. Охота на ведьм им предстоит отвратительная.

— Соедините меня с этим шаттлом! — потребовал Майлз у офицера связи. «И, о да, пошлите охрану в стыковочные коридоры для шаттлов...» Слишком поздно.

— Я попытаюсь, сэр, но они не отвечают.

— Сколько человек на борту?

— Несколько, точное число не известно...

— Соедините меня. Они должны слышать, даже если не будут отвечать.

— Канал я установил, сэр, но не имею представления, слушают ли они.

— Я попытаюсь, — Майлз сделал вдох. — Адмирал Оссер! Разворачивайте шаттл и возвращайтесь на «Триумф». Там слишком опасно, вы направляетесь прямо в зону огня. Возвращайтесь, и я лично гарантирую вашу безопасность...

Тан заглянул Майлзу через плечо.

— Он пытается добраться до «Сапсана». Проклятье, если этот корабль выйдет из игры, наше оборонительное построение рухнет.

Майлз бросил взгляд назад на тактический компьютер.

— Не может быть. Я думал, мы поставили «Сапсан» в резерв именно потому, что сомневались в его надежности.

— Да, но если «Сапсан» уйдет, я могу назвать трех других капитанов-владельцев, которые последуют за ним. А если уйдут четыре корабля...

— Рейнджеры сломаются, несмотря на своего верванского командующего, и нас поджарят. Так, понятно. — Майлз снова посмотрел на тактический компьютер. — Не думаю, что ему это удастся... Адмирал Оссер! Вы меня слышите?

— Дьявол! — Тан вернулся на свое место, вновь занятый цетагандийцами. Четыре цетагандийских корабля собирались на границе дендарийского построения, в то время как еще один пытался проникнуть в центр, очевидно стремясь подойти на расстояние удара гравидеструктора. И цетагандийский оператор плазменной пушки с этого корабля по пути, между делом, подбил отдельно летящий шаттл. Только искры полетели.

— Он не знал, что цетагандийцы начали свою атаку, пока угнанный им шаттл не отошел от «Триумфа», — прошептал Майлз. — Хороший план, но плохо выбрано время. Он мог бы повернуть назад, но сделал выбор и попытался прорваться.

Оссер сам выбрал свою смерть? Или просто так думать спокойнее?

Цетагандийцы вовсе не прервали свою атаку, но закончили ее в наводящем на грустные мысли строгом порядке. Результат был с легким перевесом в пользу дендарийцев. Несколько цетагандийских кораблей были основательно помяты, а один полностью уничтожен. Каналы, по которым передавалась информация о повреждениях дендарийцев и рейнджеров, захлебывались потоками данных. Дендарийцы пока не потеряли ни одного корабля, но были потери в огневой мощи, двигателях, навигационном управлении, жизнеобеспечении, силовых щитах. Следующая атака будет более разрушительна.

«Они могут себе позволить терять три к одному. Если они продолжают атаки, продолжают обгрызать наши силы, то неизбежно победят, — хладнокровно подумал Майлз. — Если только к нам не придут подкрепления».

Прошло несколько часов, пока цетагандийцы заново формировали силы. Майлз проводил короткие перерывы вне тактической рубки в кают-компании, предназначенной для этой цели, но был слишком взбудоражен, чтобы подражать удивительным пятнадцатиминутным периодам сна, которые устраивал себе Тан. И Майлз знал, что Тан не изображал расслабленность с целью поднятия боевого духа: никто не мог бы симулировать такой отвратительный храп.

На визуальном экране можно было видеть, как через верванскую систему прибывают подкрепления цетагандийцев. Это был поиск временного баланса, определенный риск. Чем дольше будут ждать цеты, тем лучше подготовлены они будут, но и тем больше шансов, что их противник тоже приведет себя в порядок. Без сомнений, на борту цетагандийского флагмана был тактический компьютер, который генерировал вероятностную кривую, отмечающую оптимум пересечения Нас и Их. Если бы чертовы верванцы были более агрессивны, атакуя со своей планетарной базы этот поток резервных сил...

И вот они снова приближались. Тан наблюдал за дисплеями, его руки неосознанно сжимались и разжимались на коленях между быстрыми танцующими движениями толстых пальцев по контрольной панели: посылающими приказы, корректирующими, предвосхищающими. Пальцы Майлза дергались в схожем ритме, его разум пытался угадать мысли Тана, впитать все. Их картина реальности становилась похожей на кружево, по мере того как части данных выпадали из-за поврежденных на различных кораблях сенсоров или передающих устройств. Цетагандийцы полетели через дендарийское построение, нанося удар... Дендарийский корабль взорвался, еще один, с поврежденным вооружением, пытался убраться из-под удара, три рейнджерских корабля разом отошли в сторону... Похоже, дело плохо.

— Говорит «Акула-3», — внезапный голос перекрыл все прочие каналы связи, заставив Майлза подпрыгнуть на кресле. — Очистите пространство у червоточины. Идет помощь.

— Только не сейчас, — зарычал Тан, но начал попытки быстро перестроить силы, чтобы прикрыть небольшой объем пространства, очистив его от обломков, ракет, неприятельского огня и, главное, всех вражеских кораблей с гравидеструкторами. Те цетагандийские корабли, которые были достаточно близко, чтобы отреагировать, казалось, замерли и наострили уши: перемещения дендарийских кораблей сигнализировало: грядут перемены. Возможно, дендарийцы отступают... Возможно, сейчас откроется какая-то новая удачная возможность...

— Это что еще за черт?! — воскликнул Тан, глядя, как что-то огромное и временно неопознаваемое появилось в горловине червоточины и сразу начало набирать скорость. Он вызвал данные телеметрии. — Он слишком большой, чтобы быть таким быстрым. И слишком быстрый, чтобы быть таким большим.

Майлз узнал энергетический профиль еще прежде, чем визуальный экран дал изображение. «Вот так пробный заплыв они себе устроили».

— Это «Принц Серг». Только что прибыли наши баррарские подкрепления. — Он сделал вздох, голова закружилась. — Разве я тебе не обещал...

От чисто эстетического восхищения Тан страшно выругался. Прибывали другие корабли: аслундские, полианские, быстро разворачивающиеся даже не в оборонительное, а атакующее построение.

Рябь, пробежавшая по рядам цетагандийских кораблей, напоминала беззвучный вопль досады. Вооруженный гравидеструктором цетагандийский корабль смело нырнул к «Принцу Сергу» и был разрезан на две части, обнаружив, что гравидеструкторы «Принца» имели в три раза большую дальность, чем цетагандийские. Это был первый смертельный удар.

Второй пришел по комм-связи: призыв цетагандийским агрессорам сдаваться или быть уничтоженными. От имени космического флота Хедженского Союза и объединенного командования флота: императора Грегора Форбарры и адмирала графа Эйрела Форкосигана.

На мгновение Майлзу показалось, что Тан упадет в обморок. Тан возбужденно вдохнул и радостно взревел:

— Эйрел Форкосиган! Здесь? Черт меня побери! — И лишь немного более личным шепотом добавил: — Как это они выманили его из отставки? Может, мне удастся с ним встретиться!

Майлз вспомнил, что Тан — помешанный на военной истории — был одним из самых преданных фанов отца. И если (и до тех пор пока) ему грубо не закрыть рот, мог без умолку обсасывать каждую известную деталь ранних кампаний адмирала.

— Я посмотрю, что можно устроить, — пообещал Майлз.

— Если ты сможешь организовать *это*, сынок... — Тан с трудом отвлекся от своего любимого хобби: изучения военной истории, обратно к, следует признать, близко связанной работе: ее, истории, творению.

Цетагандийские корабли отступали, сначала по одиночке, затем более координированными группами, пытаясь организовать прикрытие. «Принц Серг» и группа поддержки не тратила ни миллисекунды и немедленно бросилась в погоню, атакуя и разбрасывая массивы вражеских кораблей, пытавшихся прикрыть самих себя, разгоняя получившиеся отдельные корабли. В последующие часы отступление превратилось в беспорядочное бегство, когда верванские корабли, защищавшие орбиту своей планеты, воодушевленные, наконец присоединились к атаке. Верванский резерв был безжалостен, находясь под влиянием страха за свои дома, который внушили им цетагандийцы.

Детали зачистки, серьезные проблемы с устранением повреждений, спасение персонала — все это настолько затягивало, что Майлзу понадобилось несколько часов, чтобы постепенно осознать: для дендарийского флота война закончилась. Они выполнили свою работу.

Глава 17

Прежде чем покинуть тактическую рубку, Майлз предусмотрительно связался со службой безопасности «Триумфа» и узнал у них, как продвигаются поиски сбежавших заключенных. Все еще не найдены были Оссер, капитан «Сапсана» и двое других лояльных Оссеру офицеров, а также командор Кавило и генерал Метцов.

Майлз был вполне уверен, что видел на своих мониторах, как Оссера и его офицеров превратили в радиоактивный пепел. Были ли на борту того убежавшего шаттла Метцов и Кавило? Какая ирония судьбы, если Кавило в конце концов погибла от рук цетагандийцев! Впрочем, следовало признать: можно было бы сказать то же самое, если бы она погибла от рук верванцев, рейнджеров Рэндолла, аслундцев, барраярцев и кого угодно еще из тех, кого она предала за свою короткую и головокружительную карьеру в Ступице Хеджена. Если так, то это был для нее подходящий и своевременный финал, но... Ему не нравилась мысль, что в этом случае ее последняя обращенная к нему тирада обретала пророческую силу предсмертного проклятья. Ему следовало больше бояться Метцова, чем Кавило. Следовало, но не получалось. Он пожегся и подозвал одного из охранников для сопровождения до своей каюты.

По пути он натолкнулся на привезенных на шаттле раненых, переводимых в лазарет «Триумфа». «Триумф», находясь в резервной группе (если ее можно было так назвать), не получил ударов, с которыми не справились бы его силовые щиты, но другим кораблям повезло меньше. Списки потерь после космических сражений содержали пропорции, противоположные тем, что характеризовали сражения планетарные: количество мертвых, как правило, превышало количество раненых. Однако при удачном стечении обстоятельств, если искусственная среда оставалась нетронутой, бойцы могли пережить полученные ранения. Майлз нерешительно изменил маршрут и последовал за процессией. Какая польза может быть от него в лазарете?

Легкораненых на «Триумф» не посылали. Три человека со страшными ожогами и один с тяжелым ранением в голову были перенесены в начало очереди, и их быстро взял в оборот нетерпеливо ожидавший персонал. Несколько солдат были в сознании и тихо ожидали своей очереди, зафиксированные надувными перевязями на плавающих носилках. Их глаза туманились от боли и болеутоляющих.

Майлз попытался сказать несколько слов каждому. Некоторые смотрели на него непонимающим взглядом, некоторые, кажется, были благодарны: рядом с такими он задерживался немного дольше, пытаясь ободрить их, как только мог. Затем он отступил к двери и молча стоял там несколько минут, погруженный в знакомые, пугающие запахи лазарета после сражения: дезинфицирующие средства и кровь, горелое мясо, моча и пластик. Наконец он осознал, что от истощения стал тупым, бесполезным, трясущимся и едва не плачущим. Он оттолкнулся от стены и заковылял прочь. Постель. Если кому-то действительно понадобится его командирское присутствие, они могут сами за ним придти.

Он набрал код на замке каюты Оссера. Сейчас, когда Майлз перебрался в нее, цифры следовало, пожалуй, сменить. Он вздохнул и вошел внутрь. Сделав шаг, он осознал два неприятных факта. Во-первых, он отпустил своего вооруженного охранника, входя в лазарет, а обратно позвать забыл, и, во-вторых, он был не один. Дверь закрылась за ним прежде, чем он успел отскочить в коридор, и он шлепнулся об нее спиной.

Мрачный красный цвет лица генерала Метцова даже более задерживал на себе взгляд, чем серебристое сверкание раструба нацеленного в голову Майлза нейробластера в его руках.

Метцову где-то удалось раздобыть дендарийскую серую форму, которая была ему немного мала. Командор Кавило, стоя за спиной Метцова, была одета в похожую форму, которая ей была немного велика. Метцов выглядел огромным и взбешенным. Кавило выглядела... странно. В ней была горечь, ирония, жутковатое веселье. На шее видны кровоподтеки. Оружия у нее не было.

— Попался, — триумфально прошептал Метцов. — Наконец-то.

С отвратительной улыбкой он небольшими шагами начал приближаться к Майлзу, пока не смог пришпилить его шею к стенке одной своей огромной лапищей. Он со стуком уронил нейробластер и обернул другую вокруг шеи, не чтобы сломать, но чтобы сжать ее.

— Вам никогда не спастись... — успел прокряхтеть Майлз, прежде чем у него перехватило дыхание. Он чувствовал, как начала хрустеть, ломаясь, его трахея, а из-за перекрытого доступа крови в голове вот-вот взорвется чернота. Нет, от *этого* убийства Метцова не отговорить...

Кавило скользнула вперед, присела беззвучно и незаметно, как кошка, и подняла упавший нейробластер, затем сделала шаг назад и вбок, влево от Майлза.

— Станис, дорогой, — проворковала она. Метцов, поглощенный продолжительным удушением Майлза, не повернулся. Кавило, явно имитируя модуляции голоса Метцова, процитировала: — Раздвинь свои ноги, стерва, или я вышибу тебе мозги.

Тут Метцов повернул голову, его глаза расширились. И она вышибла ему мозги. Потрескивающая голубая молния ударила прямо между глаз. В своей последней конвульсии он чуть не сломал Майлзу шею, несмотря на то что кости были усилены пластиком, а затем упал на палубу. В ноздри Майлзу ударил горелый электрохимический запах нейробластерной смерти.

Майлз осел на стену и замер, боясь пошевелиться. Он поднял глаза с трупа на Кавило. Ее губы изгибались в улыбке насыщенного удовлетворения. Были ли слова Кавило прямой цитатой из недавнего прошлого? Что они делали все долгие часы, проведенные в каюте Оссера, на которую не обращали внимания охотники? Молчание затягивалось.

— Не то чтобы, — Майлз сглотнул, пытаясь прочистить помятое горло и прохрипел: — Не то чтобы я жаловался, уверяю вас, но почему бы вам не продолжить и не пристрелить заодно и меня?

Кавило притворно улыбнулась:

— Быстрая месть лучше, чем никакая. Но медленная и продолжительная месть — еще лучше, но чтобы полностью вкусить ее, я должна сейчас выжить. В другой раз, мой мальчик. — Она опустила нейробластер, как будто намереваясь вложить его в кобуру, потом оставила направленным вниз висеть в расслабленной руке вдоль тела. — Вы поклялись, что выведете меня невредимой из Ступицы Хеджена, лорд фор. И я склонна поверить, что вы действительно настолько глупы, чтобы сдержать свое слово. Не то чтобы я жаловалась, уверяю вас. Впрочем, если бы Оссер дал нам более, чем одно оружие, или дал бы нейробластер мне, а код к его каюте — Станису, а не наоборот, или взял бы нас с собой, как я его просила... Все могло бы произойти по-другому.

«Сильно по-другому». Очень медленно и очень, очень осторожно Майлз пробрался к комм-панели и вызвал охрану. Кавило задумчиво рассматривала его. Через несколько мгновений, когда вот-вот должны были вломиться подкрепления, она подошла к нему вплотную.

— Знаешь, я недооценила тебя.

— А я вас никогда недооценивал.

— Знаю. Я к этому не привыкла... Спасибо.

Она презрительно бросила нейробластер на тело Метцова. Затем, внезапно оскалившись, она крутнулась, обхватила Майлза рукой за шею и энергично его поцеловала. Время она выбрала превосходно: охрана, с Еленой и сержантом Чодаком впереди, ворвалась внутрь как раз перед тем, как Майлзу удалось ее оттолкнуть.

Через короткий гибкий рукав Майлз перешел с шаттла «Триумфа» на борт «Принца Серга». Он с завистью оглядел чистый, просторный, красиво освещенный коридор, сверкающую и аккуратную шеренгу вытянувшихся по стойке смирно участников почетного караула, ожидавших элегантных офицеров в барраярской имперской зеленой парадной форме. Майлз бросил озабоченный взгляд на свою собственную серую с белым

дендарийскую форму. «Триумф», краса и гордость дендарийского флота, казалось, ужаснулся во что-то маленькое, потертое и использованное.

«Да, но вы, ребята, не выглядели бы сейчас такими красивыми, если бы мы не потрепали себя так сильно», — утешил себя Майлз.

Тан, Елена и Чодак тоже пялились будто туристы. Майлз заставил их подтянуться, чтобы принять и возвратить отточенный приветственный салют хозяев.

— Я командор Наточини, старший помощник капитана «Принца Серга», — представился главный из барраярцев. — Это лейтенант Егоров, он проводит вас, адмирал Нейсмит, и командора Ботари-Джезек на встречу с адмиралом Форкосиганом. Коммодор Тан, я лично буду вашим гидом, проведу по «Принцу Сергу» и буду рад ответить на все ваши вопросы. Конечно, если ответы не будут относиться к разряду секретных.

— Конечно, — широкое лицо Тана выглядело безмерно довольным. В самом деле, если Тан надулся бы еще больше, он мог бы взорваться.

— Мы присоединимся к адмиралу Форкосигану за обедом в кают-компании для старших офицеров, после вашей встречи и нашей экскурсии, — продолжил командор Наточини, обращаясь к Майлзу. — Последним гостем за нашим столом был президент Пола и его свита, двенадцать дней назад.

Убедившись, что наемники поняли значение оказываемой им чести, барраярский офицер повел счастливых Тана и Чодака по коридору. Майлз услышал, как Тан тихо хихикнул:

— Обед с адмиралом Форкосиганом, хе-хе...

Лейтенант Егоров жестом пригласил Майлза и Елену следовать в противоположном направлении.

— Вы барраярка, мэм? — спросил он Елену.

— Мой отец был присягнувшим оруженосцем покойного графа Петра в течение восемнадцати лет, — объяснила Елена. — Он погиб, служа графу.

— Понятно, — с уважением ответил лейтенант. — Значит, вы знакомы с семьей.

Майлз почти видел, как он подумал: «Вот почему вас пригласили».

— Да, верно.

Лейтенант с несколько большим сомнением посмотрел вниз на «адмирала Нейсмита».

— А, э-э, вы, я так понимаю, бетанец, сэр?

— По происхождению, — ответил Майлз со своим лучшим бетанским акцентом.

— Вы... можете обнаружить, что мы, барраярцы, относимся к делам немного более формально, чем принято у вас, — предупредил лейтенант. — Граф, видите ли, привык к почтительному уважению, соответствующему его рангу.

Майлз с удовольствием наблюдал, как ответственный офицер искал вежливый способ сказать: «Зовите его «сэр», не вытирайте нос рукавом и чтобы никакого вашего дурацкого бетанского панибратства!».

— Вы можете обнаружить, что он довольно внушительная персона, — заключил Егоров.

— Настоящий напыщенный индюк, а?

Лейтенант нахмурился:

— Он великий человек.

— О-о, ручаюсь, если мы вольем в него достаточно вина за обедом, он расслабится и как ни в чем не бывало начнет травить похабные анекдоты.

Вежливая улыбка Егорова застыла. Елена, с искрами в глазах, наклонилась и энергично прошептала:

— Адмирал, ведите себя прилично!

— О, ну ладно, — с сожалением вздохнул Майлз.

Лейтенант благодарно взглянул на Елену поверх головы Майлза.

На ходу Майлз восхищался внутренней обстановкой корабля. Кроме того что корабль просто был новый, «Принц Серг» создавался с прицелом не только на военные, но и

дипломатические миссии: чтобы император мог наносить на нем официальные визиты, причем без ущерба для боевой эффективности. В глубине одного из боковых коридоров, рядом со снятой стенной панелью он увидел молодого энсина, который руководил небольшой технической группой, занятой устранением мелких неполадок... Да нет же, это были сборочные работы. Кто-то уже упоминал при Майлзе, что «Принц Серг» снялся с орбиты с монтажными командами на борту. Он оглянулся через плечо. «И вот по милости Бога и генерала Метцова я сюда не попал». Если бы он не высовывался на острове Кайрил всего шесть месяцев... Он почувствовал нелогичный укол зависти к этому занятому энсину.

Они вошли в офицерский блок. Лейтенант Егоров провел их через приемную в спартански обставленный адмиральский кабинет размером в два раза больше, чем любой другой, виденный ранее Майлзом на барраярском корабле. Когда двери тихо отъехали в сторону, адмирал граф Эйрел Форкосиган поднял взгляд от комм-пульта.

Майлз шагнул внутрь, внезапно почувствовав внутреннюю дрожь. Чтобы спрятать свои эмоции и взять их под контроль, он небрежно бросил:

— Эй, да вы, имперские улитки, станете толстыми и мягкими, если будете разъезжать в такой роскоши!

— Ха! — адмирал Форкосиган вскочил с кресла и быстро обогнул стол, по пути споткнувшись и задев за угол. «Что ж, не удивительно, разве можно что-то видеть, когда в глазах полно воды?» Он крепко обнял Майлза. Майлз улыбался, моргал и сглатывал, прижавшись к прохладному зеленому рукаву и почти овладел лицом, когда граф Форкосиган отодвинул его на расстояние руки, чтобы тревожно и искательно осмотреть: — Как ты себя чувствуешь, мой мальчик?

— Прекрасно. Как прошел червоточный скачок?

— Прекрасно, — выдохнул граф Форкосиган в ответ. — Поверь мне, были моменты, когда некоторые из моих советников мечтали тебя пристрелить. И были моменты, когда я с ними соглашался.

Лейтенант Егоров, прерванный в середине объявления об их прибытии (Майлз не слышал, что он говорил, и сомневался, чтобы отец тоже что-то слышал), стоял, открыв рот, с абсолютно ошеломленным видом. Сжалившись над ним, лейтенант Джоул, сам скрывая улыбку, встал из-за другого конца комм-пульта и мягко вывел его за дверь:

— Спасибо, лейтенант. Адмирал ценит ваши услуги. Вы свободны...

Джоул оглянулся через плечо, задумчиво изогнул бровь и вышел вслед за Егоровым. Прежде чем закрылась дверь, Майлз успел заметить, как светловолосый лейтенант устроился в кресле в приемной, откинув голову назад в расслабленной позе человека, готового к долгому ожиданию. Иногда Джоул мог быть сверхъестественно деликатным.

— Елена, — с усилием граф Форкосиган оторвался от Майлза и крепко сжал ладони Елены в своих руках. — У тебя все хорошо?

— Да, сэр.

— Это меня радует... больше, чем я могу сказать. Корделия шлет тебе привет и наилучшие пожелания. Мы договорились, что если я увижу тебя, я должен напомнить тебе, что, э-э... Я должен повторить эту фразу дословно, это одна из ее бетанских присказок: «Дом — это такое место, куда тебя должны впустить, когда тебе нужно туда придти».

— Я прямо слышу ее голос, — улыбнулась Елена. — Скажите ей спасибо. Скажите... Я запомню.

— Хорошо, — граф Форкосиган не стал более давить на нее. — Садитесь, садитесь, — он взмахом руки указал на кресла, которые пристроил поближе к комм-пульту, и уселся сам. На мгновение, как будто переключая скорость, его черты расслабились, затем вновь сконцентрировались. «Боже, он выглядит усталым, — осознал Майлз, на долю секунды это была почти мертвенная бледность. — Грегор, тебе за многое придется ответить». Но Грегор знал это и сам.

— Что слышно нового про соглашение о прекращении огня? — спросил Майлз.

— Все еще неукоснительно соблюдается, спасибо. У тех цетагандийских кораблей,

которые еще не сделали скачок туда, откуда они пришли, повреждены или тяги Неклина, или система управления, или ранен пилот. Или все вместе. Мы позволяем их починить два из них и сделать скачок с минимальной командой, остальное уже не отремонтировать. По моим оценкам, контролируемые коммерческие перевозки могут возобновиться через шесть недель.

Майлз покачал головой:

— Так закончилась Пятидневная война. Я даже не встретил ни одного цетагандийца лицом к лицу. Столько усилий и пролитой крови, только чтобы вернуться к статус-кво.

— Ну, не для всех. Несколько старших цетагандийских офицеров были вызваны в их столицу для дачи объяснений императору по поводу «несанкционированной авантюры». Ожидается, что извинения будут иметь для них смертельный исход.

Майлз фыркнул:

— Извиняться за «несанкционированную авантюру»? Скорее, искупать свою вину за поражение! Неужели кто-то в это верит? Зачем им вообще об этом беспокоиться?

— Обходительность, мальчик. Отступающему врагу должно быть предложено сохранить столько лица, сколько он может унести. Только не давай ему унести что-либо еще.

— Я так понимаю, вам удалось обойти и полианцев. Все это время я ждал, что появится Саймон Иллиан и потащит нас, потерявшихся мальчиков, домой.

— Он очень хотел поехать, но не было возможности нам обоим покинуть дом одновременно. Шаткое прикрытие отсутствия Грегора, которое мы организовали, могло развалиться в любой момент.

— Как вам, кстати, удалось с этим справиться?

— Мы нашли молодого офицера, который очень похож на Грегора, сказали ему, что против императора составлен заговор с целью убийства и что ему предстоит стать наживкой. К его чести, он сразу же вызвался добровольцем. Он — и его охрана, которой была рассказана та же история — потратили несколько следующих недель, ведя праздную жизнь в Форкосиган-Сюрло, питаясь лучшими блюдами... и мучаясь несварением желудка. В конце концов мы отправили его в поездку на лоно природы, в то время как запросы из столицы становились все настоятельней. Люди скоро разгадают нашу уловку, если уже не разгадали, но сейчас Грегор вернулся, и мы можем объяснить это как нам угодно. Как ему угодно, — граф Форкосиган коротко и странно нахмурился: странно, потому что не вполне недоволен.

— Я был удивлен, — сказал Майлз, — хотя и безмерно счастлив, что вы так быстро провели свои силы через Пол. Я боялся, они вас не пропустят, пока цетагандийцы не окажутся в Ступице. А это было бы уже слишком поздно.

— Ну да, и это еще одна причина, по которой здесь я, а не Саймон. Как премьер-министр и бывший регент я имел абсолютно резонные основания для официального визита на Пол. Мы быстро составили список из пяти самых важных дипломатических соглашений, которые они уже много лет хотели с нами заключить, и вынесли их на повестку дня. Учитывая, что дело было сугубо формальное, официальное и открытое, появились абсолютно резонные основания совместить мой визит с пробным рейсом «Принца Серга». Мы были на орбите Пола, спускаясь на планету и поднимаясь обратно на официальные приемы и обеды, — его рука неосознанно прижалась к животу в утешающем боль движении, — и я все еще отчаянно пытался выторговать нам проход в Ступицу и при этом никого не пристрелить, когда пришла новость о неожиданной атаке цетагандийцев на Верван. В этот момент получить разрешение на дальнейшее продвижение оказалось вдруг очень легко. И мы были всего в нескольких днях, а не неделях, от места событий. Заставить аслундцев объединиться с полианцами было намного более хитрым делом. Грегор поразил меня, добившись этого. С верванцами проблем не было, они к тому моменту уже имели серьезные мотивы для поиска союзников.

— Я слышал, Грегор сейчас довольно популярен на Верване.

— Полагаю, прямо сейчас в столице устраивается праздник в его честь, — граф Форкосиган бросил взгляд на хронометр. — Они от него просто в восторге. Позволить ему управлять пушкой в тактической рубке «Принца Серга», возможно, было более полезной

идеей, чем я думал. Чисто из дипломатических соображений, — граф Форкосиган казался погруженным в какую-то мысль.

— Меня... поразило, что ты позволил ему сделать скачок с вами в зону боевых действий. Я этого не ожидал.

— Ну, если уж на то пошло, тактическая рубка «Принца Серга» представляла собой, должно быть, самые защищенные кубические метры в локальном пространстве Вербана. Это было, было...

Майлз восхищенно наблюдал, как его отец пытался вытолкнуть из себя слова «абсолютно безопасно», но подавился ими. На Майлза снизошло озарение:

— Это была не твоя идея, ведь так? Грегор приказал взять себя на борт!

— Он выдвинул несколько сильных аргументов в поддержку своей позиции, — ответил граф Форкосиган. — И с пропагандистской точки зрения этот шаг, похоже, приносит свои плоды.

— Я думал, ты будешь слишком... благоразумен. Чтобы позволить ему рисковать.

Граф Форкосиган изучал свои широкие руки.

— Эта идея мне не понравилась, нет. Но однажды я дал клятву служить императору. Самый опасный с моральной точки зрения момент для опекуна наступает тогда, когда искушение стать кукловодом выглядит в высшей степени разумным. Я всегда знал, что такой момент настанет... Нет. Я знал, что если такой момент *никогда* не настанет, значит я полностью провалил свою миссию. — Он помолчал. — Однако это все же был шок. Позволить ему делать по-своему.

«Грегор тебя переборол?» О, вот бы побыть мухой на стене в *той* комнате!

— Даже учитывая многолетнюю практику с тобой, — задумчиво добавил граф Форкосиган.

— Э-э... Как твоя язва?

Граф Форкосиган скривился:

— Не спрашивай. — Он слегка просветлел: — Последние три дня уже лучше. Я могу даже потребовать на обед еду, а не эту жалкую медицинскую кашу.

Майлз прочистил горло.

— Как капитан Унгари?

Губы графа Форкосигана дернулись.

— Он не слишком тобой доволен.

— Я... не могу принести извинения. Я сделал много ошибок, но неподчинение его приказу ждать на Аслундской станции не было одной из них.

— Судя по всему, нет, — граф Форкосиган нахмурился, уставившись в дальнюю стену. — И все же... Я более чем когда-либо убежден, что регулярные войска не для тебя. Это как пытаться вставить квадратную затычку... Нет, хуже. Как пытаться заткнуть кубом круглую дыру.

Майлз сдержал приступ паники:

— Меня ведь не демобилизуют, нет?

Елена, разглядывая ногти, вставила:

— Если демобилизуют, ты сможешь получить работу наемника. По примеру генерала Метцова. Я так понимаю, командору Кавило требуются новые люди.

Майлз чуть не застонал, на его сердитый взгляд она ответила невинной улыбкой.

— Мне было почти жаль узнать, что Метцова убили, — заметил граф Форкосиган. — Мы планировали добиться его выдачи, прежде чем все пошло вразнобой из-за исчезновения Грегора.

— А! Вы наконец пришли к выводу, что смерть того комаррского пленника во время их восстания была убийством? Я это подозревал...

Граф Форкосиган поднял два пальца:

— Два убийства.

Майлз помолчал.

— Бог мой, неужели он попытался выследить бедного Ана, прежде чем уйти? — он почти забыл про Ана.

— Нет, но *мы* его выследили. Хотя, увы, к тому моменту Метцов уже покинул Барраяр. И да, комаррский повстанец был замучен до смерти. Не то чтобы намеренно: у него, похоже, были какие-то скрытые проблемы со здоровьем. Но это не было, как подозревал тогдашний дознаватель, мстью за смерть охранника. Как раз наоборот. Барраярский капрал-охранник, который участвовал или, по крайней мере, был свидетелем пыток, хотя и не без вялого протеста, по словам Ана — так вот, капрал резко изменил свое мнение и пригрозил выдать Метцова. Метцов убил его в одном из своих приступов панического гнева, а затем заставил Ана помочь ему сфабриковать и засвидетельствовать фальшивую историю с побегом. Так что Ан оказался дважды запачкан в этом деле. Метцов запугивал Ана, однако в равной степени был в его власти, если бы факты когда-либо вышли наружу: этакая странная взаимная зависимость... От которой Ан наконец бежал. Когда за ним пришли агенты Иллиана, он испытал чуть ли не облегчение и вызвался пройти допрос с фастпенталом.

Майлз с сожалением подумал о метеорологе.

— Ану теперь что-нибудь грозит?

— Мы планировали заставить его дать показания на процессе Метцова... Иллиан думал, что мы даже можем обернуть это дело в свою пользу, в смысле отношений с комаррцами. Представить им того несчастного идиота капрала как невоспетоного героя. Повесить Метцова как доказательство императорской доброй воли и стремления к справедливости для барраярцев и комаррцев в равной степени... Красивый сценарий. — Граф Форкосиган мучительно нахмурился: — Думаю, теперь мы это дело тихо замнем. Опять.

Майлз фыркнул.

— Метцов. Вечный козел отпущения. Должно быть, к нему прилипла какая-нибудь плохая карма... Не то чтобы он не заслуживал этого.

— Остерегайся жаждать справедливости. Ты можешь ее получить.

— Я это уже понял, сэр.

— Уже? — граф Форкосиган изогнул бровь. — Хм.

— Кстати о справедливости, — улучил момент Майлз. — Меня беспокоит вопрос выплат дендарийцам. Им нанесен серьезный ущерб, больше чем обычно достается наемному флоту. Единственной гарантией их контракта было мое слово. Если... Если империя откажется подкрепить мое слово средствами, я окажусь клятвопреступником.

Граф Форкосиган слегка улыбнулся:

— Мы уже продумали этот вопрос.

— Бюджет секретных операций Иллиана растянется, чтобы покрыть эти издержки?

— Если бы бюджет Иллиана попытался их покрыть, он был лопнул. Но у тебя, э-э, кажется, есть некий заступник в высших сферах. Мы оформим для тебя кредитную расписку из средств СБ, предназначенных на непредвиденные случаи, из фондов этого флота и личных средств императора. В надежде компенсировать все это позднее из специальных ассигнований, которые пробьем через Совет Министров и Совет Графов. Предоставь счет.

Майлз выудил диск из кармана:

— Вот, сэр. От бухгалтера дендарийского флота. Она не спала всю ночь. Некоторые оценки ущерба все еще носят предварительный характер, — он положил диск на комм-пульт.

Уголок рта графа Форкосигана загнулся вверх.

— А ты учишься, мальчик, — он вставил диск в пульт и быстро просмотрел его. — Кредитная расписка будет оформлена к концу обеда. Ты сможешь забрать ее перед уходом.

— Спасибо, сэр.

— Сэр, — вставила Елена, энергично подавшись вперед. — Что теперь будет с дендарийским флотом?

— То, что выберет сам флот, я полагаю. Хотя им нельзя задерживаться так близко к Барраяру.

— Нас снова бросят? — спросила Елена.

— Бросят?

— Вы когда-то определили нас в имперские силы. Так думала я. И Баз. Потом Майлз нас покинул, а потом... ничего.

— Прямо как остров Кайрил, — заметил Майлз. — С глаз долой — из сердца вон. — Он печально пожал плечами. — Полагаю, они испытали схожее падение боевого духа.

Граф Форкосиган бросил на него острый взгляд.

— Судьба дендарийцев — как и твоя будущая военная карьера, Майлз — все еще находятся в стадии обсуждения.

— А я буду участвовать в этом обсуждении? А они?

— Мы дадим тебе знать. — Граф Форкосиган положил ладони на стол и поднялся. — Это все, что я могу сейчас сказать, даже тебе. Обед, офицеры?

Майлз и Елена вынуждены были тоже встать.

— Коммодор Тан ничего пока не знает о наших истинных отношениях, — предупредил Майлз. — Если ты хочешь, чтобы все по-прежнему оставалось в тайне, мне придется играть адмирала Нейсмита, когда мы присоединимся к нему.

Граф Форкосиган как-то странно улыбнулся.

— Иллиан и капитан Унгари определенно предпочтут не разрушать потенциально полезное прикрытие. Любой ценой. Это будет любопытно.

— Должен предупредить тебя: адмирал Нейсмит не очень-то почтителен.

Елена и граф Форкосиган посмотрели друг на друга и расхохотались. Майлз ждал, собрав все свое достоинство, пока они не успокоились. Наконец-то.

Во время обеда адмирал Нейсмит был крайне вежлив.

Даже лейтенант Егоров не нашел бы к чему придраться.

Верванский правительственный курьер протянул кредитную расписку через комм-пульт коменданта скачковой станции в пространстве Вервана. Майлз подтвердил получение отпечатком большого пальца, сканированием сетчатки и энергичными нечитаемыми закорючками адмирала Нейсмита, совсем не похожими на аккуратную подпись энсина Форкосигана.

— С вами, почтенными джентльменами, приятно иметь дело, — сказал Майлз, с удовлетворением пряча расписку в карман и аккуратно его запечатывая.

— Это самое меньшее, что мы можем сделать, — ответил комендант скачковой станции. — Не могу описать вам все эмоции, которые я испытал, когда, осознавая, что следующий заход цетагандийцев будут последним, и готовый драться до конца, я увидел, как материализовались дендарийские подкрепления.

— В одиночку дендарийцы бы не справились, — скромно сказал Майлз. — Все, что мы сделали, это помогли вам удержать плацдарм до подхода настоящих крутых парней.

— И если бы его не удержали, то силы Хедженского Союза — крутые парни, как вы их называете, — не смогли бы сделать скачок в локальное пространство Вервана.

— Во всяком случае, не без серьезных потерь, верно, — признал Майлз.

Комендант станции взглянул на хронометр:

— Что ж, моя планета довольно скоро выразит свое мнение о происшедшем в более материальной форме. Позвольте мне сопровождать вас на церемонию, адмирал. Пора.

— Спасибо, — Майлз поднялся и вышел перед комендантом из кабинета, рукой ощупывая материальную благодарность в кармане. «Медали, ха! За медали флот не отремонтируешь».

Он остановился у прозрачного портала, наполовину ради открывавшегося вида и наполовину ради своего собственного отражения. Оссеровско-дендарийская серая форма выглядела неплохо, решил он: мягкая серая бархатная куртка, декорированная ослепительно белой отделкой и серебряными пуговицами на плечах, соответствующие брюки и серые ботинки из синтетической замши. Ему показалось, что в такой форме он выглядит выше.

Может быть, стоит взять этот фасон на вооружение.

За прозрачной стеной портала были видны россыпи кораблей: дендарийских, рейнджерских, верванских и союзных. «Принца Серга» среди них не было, он находился сейчас на орбите над родной планетой верванцев, и на нем продолжались переговоры на высоком, в буквальном смысле слова, уровне, где оттачивались детали долгосрочных соглашений о дружбе, торговле, снижении тарифов, взаимной обороне и так далее, между Барраяром, Вervаном, Аслундом и Полом. Грегор, как слышал Майлз, блестяще проявил себя как в публичных акциях, так и в практической, реальной части дела. «Лучше ты, чем я, парень». Скачковая станция верванцев притормозила свой собственный график ремонта, чтобы предоставить помощь дендарийцам: Баз работал круглые сутки. Майлз оторвался от захватывающего вида и последовал за комендантом станции.

Они остановились в коридоре возле большого помещения для совещаний, где должна была состояться церемония, ожидая, пока посетители займут свои места. Вervанцы, судя по всему, хотели, чтобы главные лица сделали торжественный вход. Комендант вошел внутрь, чтобы принять участие в приготовлениях. Аудитория была небольшой — слишком много важной работы — но верванцы наскребли достаточно публики, чтобы она выглядела внушительно, и Майлз со своей стороны внес взвод поправляющихся дендарийцев, чтобы разнообразить толпу. Он решил, что примет благодарность от их имени.

Пока Майлз ждал, он увидел, как прибыла командор Кавило в сопровождении своего барраярского почетного караула. Насколько было известно Майлзу, верванцы до сих пор не знали, что оружие почетного караула несло смертельные заряды и у солдат был приказ стрелять на поражение, если их пленница попытается совершить побег. Две женщины с суровыми лицами в форме барраярских вспомогательных войск были гарантией, что за Кавило приглядывают и днем и ночью. Кавило неплохо удавалось игнорировать их присутствие.

Парадная форма рейнджеров представляла собой более изящную версию их комбинезонов. Сочетание желто-коричневого, черного и белого цветов вызвало у Майлза ассоциацию с мехом сторожевых собак. «Эта сучка кусается», — напомнил он себе. Кавило улыбнулась и переместилась поближе к Майлзу. Она излучала свежий запах своих ядовитых духов: должно быть, она в них просто искупалась.

Майлз наклонил голову в приветствии, сунул руку в карман и вынул два носовых фильтра. Он вставил по одному в каждую ноздрю, где они мягко расширились, закрывая пазухи, и глубоко вдохнул для проверки. Фильтры работали отлично. Они отфильтровали бы и гораздо меньшие молекулы, чем мерзкую органику этих дурацких духов. Майлз выдохнул через рот.

Кавило наблюдала за его действиями с выражением раздосадованного гнева:

— Черт бы тебя побрал, — пробормотала она.

Майлз пожал плечами, разведя руки в стороны, как бы говоря: «А чего бы ты хотела?»

— Вы уже готовы с остатками своего войска убраться отсюда?

— Сразу после этого идиотского спектакля. Мне придется оставить шесть кораблей: они слишком повреждены, чтобы совершить скачок.

— Разумно. Если верванцы вскорости и не догадятся о вашей роли, то нелicenseприятную правду, вероятно, поведают им цетагандийцы, когда поймут, что им самим до вас не добраться. Не стоит вам задерживаться в этих местах.

— Я и не собираюсь. Надеюсь, что никогда не увижу это место. А к тебе это относится вдвойне, мутант. Если бы не ты... — она досадливо покачала головой.

— Кстати, — добавил Майлз, — дендарийцам уже заплатили за эту операцию трижды. Первый раз — наши первоначальные наниматели аслундцы, второй — барраярцы, и третий — благодарные верванцы. Каждый согласился полностью покрыть наши издержки. Получилась довольно недурная прибыль.

Она буквально зашипела:

— *Молись*, чтобы мы никогда больше не встретились.

— Тогда прощайте.

Они вошли в помещение, чтобы принять предназначенные им почести. Хватит ли железных нервов Кавило, чтобы принять награду от имени рейнджеров, которые были разгромлены из-за ее запутанных интриг? Оказалось, хватило. Майлза чуть не стошнило.

«Моя первая завоеванная медаль, — подумал Майлз, когда комендант станции прицепил ее ему, сопроводив до смущения лестной похвалой, — и я даже не смогу носить ее дома». Медаль, форма и сам адмирал Нейсмит вскоре должны будут вернуться в кладовку. Навсегда? По сравнению с Нейсмитом, жизнь энсина Форкосигана была не слишком привлекательна. И все же... Сущность военной службы оставалась той же, с какой стороны ни смотри. Если и была разница между ним и Кавило, она, должно быть, заключалась в выборе того, чему они служили. И того, как они служили. «Не все пути, но один путь».

Когда несколько недель спустя Майлз приехал обратно на Барраяр в отпуск, Грегор пригласил его на обед в императорскую резиденцию. Они сидели за столом из кованного металла в Северных садах, знаменитых тем, что они были спроектированы императором Эзаром, дедом Грегора. Летом это место будет в глубокой тени, сейчас его украшал свет, проникающий сквозь молодую листву, трепещущую на мягком весеннем ветру. Охрана выполняла свои функции вне пределов видимости, слуги ожидали вне пределов слышимости, пока Грегор не воспользуется устройством вызова. Насытившись первыми тремя блюдами, Майлз потягивал обжигающий кофе и планировал атаку на второе пирожное, которое пряталось на салфетке под толстым камуфляжем из крема. Или это превысит его силы? Такое питание было куда как лучше, чем рационы контрактных рабов, которые им приходилось делить, не говоря уже о собачей жвачке от Кавило.

Даже Грегор, кажется, смотрел на все новыми глазами.

— Знаешь, космические станции по-настоящему скучны. Все эти коридоры, — заметил он, пробегая взглядом мимо фонтана и далее по изгибающейся кирпичной дорожке, нырявшей в буйство цветов. — Я перестал видеть, как прекрасен Барраяр, глядя на него каждый день. Нужно было забыть, чтобы вспомнить. Странно.

— Были моменты, когда я не мог вспомнить, на какой космической станции нахожусь, — согласился Майлз с полным ртом выпечки и крема. — Я не говорю о роскоши, но станции Ступицы Хеджена действительно тяготели к утилитаризму. — Он скривился от ассоциаций, вызванных этим последним словом.

Беседа коснулась недавних событий в Ступице Хеджена. Грегор просветлел, когда узнал, что Майлз тоже не отдал ни одного боевого приказа в общефлотской тактической рубке «Триумфа», кроме разбирательства с внутренним кризисом безопасности, делегированного ему Таном.

— Когда начинается сражение, для большинства офицеров работа заканчивается, так как битва протекает слишком быстро, чтобы люди могли на нее влиять, — уверил Грегора Майлз. — После того как ты установил хороший тактический компьютер — и, если тебе повезло, человека с волшебным чутьем — дальше лучше держать свои руки в карманах. У меня был Тан, у тебя был... хм.

— Да, и прекрасные глубокие карманы, — сказал Грегор. — Я все еще об этом думаю. Это казалось почти нереальным, пока я не посетил впоследствии лазарет. И осознал, что вот такой-то и такой-то огонек означает потерю человеком руки, этот — замороженные легкие...

— Да уж, за этими огоньками глаз да глаз. Они рассказывают такую утешающую ложь, — согласился Майлз. — Если им позволить. — Он запил очередной липкий кусочек, помолчал и заметил: — Ты не сказал Иллиану правду насчет твоего маленького падения с балкона, так ведь? — Это было наблюдение, а не вопрос.

— Я сказал, что был пьян и спустился. — Грегор рассматривал цветы. — Как ты догадался?

— Он не говорит о тебе с тайным ужасом в глазах.

— Я только-только заставил его... немного уступить. Не хочу теперь все испортить. Ты

ему тоже не сказал, и за это тебе спасибо.

— Пожалуйста, — Майлз выпил еще кофе. — Сделай мне ответную любезность. Поговори с кем-нибудь.

— С кем? Не с Иллианом. И не с твоим отцом.

— Как насчет моей матери?

— Хм. — Грегор в первый раз откусил от своего куска торта, на котором до этого делал вилок бороздки.

— Она, возможно, единственный человек на Барраяре, которая автоматически поставит Грегора-человека впереди Грегора-императора. Все наши ранги для нее, по-моему, не более, чем оптические иллюзии. И ты знаешь, что она может хранить тайны.

— Я подумаю об этом.

— Я не хочу быть единственным, кто... В общем, единственным. Я знаю, когда выхожу за собственные пределы.

— Да ну? — Грегор поднял брови, улыбнувшись уголком рта.

— О да. Просто я обычно не сдаюсь.

— Хорошо. Я поговорю, — ответил Грегор.

Майлз продолжал ждать.

— Даю слово, — добавил Грегор.

Майлз расслабился, почувствовав огромное облегчение.

— Спасибо. — Он посмотрел на третье пирожное. У этих штук восхитительный вкус. — Нынче ты чувствуешь себя лучше?

— Намного, спасибо. — Грегор вернулся к прокладыванию борозд в креме.

— Правда?

Поперечные борозды.

— Не знаю. В отличие от того бедняги, что прогуливался по округе, изображая меня в мое отсутствие, я не вполне добровольно вызвался на эту роль.

— В этом смысле все форы — призывники.

— Любой другой фор может убежать, и никто не почувствует его отсутствия.

— Разве ты не будешь по мне хоть немножко скучать? — жалобно спросил Майлз. Грегор хихикнул. Майлз оглядел сад. — По сравнению с островом Кайрил, этот пост не выглядит слишком тяжелым.

— Попробуй ночью полежать один в постели, размышляя о том, которые из твоих генов начнут создавать монстров в твоем мозгу. Великого дяди Юрия Безумного? Или принца Серга? — его взгляд в сторону Майлза имел скрытую остроту.

— Я... знаю о, э-э, проблемах принца Серга, — осторожно ответил Майлз.

— Кажется, все об этом знали. Кроме меня.

Значит, вот что толкнуло находящегося в депрессии Грегора к первой настоящей попытке самоубийства. Ключ подошел к замку, щелк! Майлз попытался не выдать своего торжества от этого внезапного просветления.

— Когда ты узнал?

— Во время конференции на Комарре. Я и раньше наткнулся на намеки... Относил их к вражеской пропаганде.

Значит, балет на краю балкона был немедленной реакцией на шок. У Грегора не было никого, кому он мог бы излить душу...

— Правда ли, что он получал удовольствие, пытая...

— Не все, что говорят слухи насчет кронпринца Серга, правда, — быстро прервал его Майлз. — Хотя то, что правда... достаточно плохо. Моя мать знает. Она сама была свидетелем безумных событий Эскобарского вторжения, о которых не знаю даже я. Но тебе она скажет. Задай ей прямой вопрос и получишь от нее прямой ответ.

— Это, кажется, семейное, — признал Грегор. — Тоже.

— Она скажет тебе, насколько ты отличаешься от него — в крови твоей матери не было ничего дурного, насколько я слышал. В любом случае, я, вероятно, несу почти столько же

ген Юрия Безумного, сколько и ты, будь то через одну линию наследования или другую.

Грегор откровенно улыбнулся:

— Это должно меня утешить?

— Мм, скорее, это доказательство теории, что несчастье любит компанию.

— Я боюсь власти, — голос Грегора стал тихий, задумчивый.

— Ты боишься не власти, ты боишься причинить боль людям. Если будешь использовать эту власть, — внезапно сделал вывод Майлз.

— Ха. Почти угадал.

— Почти?

— Я боюсь, что мне это может понравится. Причинять боль. Как *ему*.

Он имеет в виду принца Серга. Своего отца.

— Чепуха, — ответил Майлз. — Я наблюдал, как мой дед пытался заставить тебя полюбить охоту несколько лет. Ты хорошо справлялся, полагаю, потому, что считал это своей форской обязанностью, но тебя, черт возьми, едва не тошнило каждый раз, когда ты наполовину промахивался и мы вынуждены были преследовать какого-нибудь раненого зверя. Может, в тебе содержится какое-нибудь другое извращение, но точно не садизм.

— То, что я читал... И слышал, — ответил Грегор, — было столь гипнотически ужасно. Я не могу не думать об этом. Не могу выбросить это из головы.

— Твоя голова полна кошмаров, потому что *мир* полон кошмаров. Посмотри на кошмар, который вызвала в Ступице Хеджена Кавило.

— Если бы я задушил ее, пока она спала — а у меня была такая возможность — никаких бы кошмаров не было.

— Если бы кошмаров не было, она не заслужила бы быть задушенной. Боюсь, это что-то вроде парадокса путешествия во времени. Стрела правосудия летит в одну сторону. Только. Ты не можешь жалеть, что не задушил ее сначала. Хотя, полагаю, ты можешь жалеть, что не задушил ее потом...

— Нет... нет... Я предоставляю эту возможность цетагандийцам, если они смогут поймать ее теперь, когда она получила свою фору.

— Грегор, извини, но я не думаю, что Император Грегор Безумный — это насущная проблема. Твои *советники* — вот у кого голова пойдет кругом.

Грегор уставился на поднос с пирожными и вздохнул.

— Полагаю, охрана забеспокоится, если я попытаюсь запустить кремовым пирожным тебе в нос.

— И весьма. Тебе следовало сделать это, когда нам было по восемь и двенадцать лет, тогда тебе это сошло бы с рук. Кремовое пирожное справедливости летит в одну сторону, — захихикал Майлз.

Далее обоими высокопоставленными лицами было предложено несколько неестественных и забавных вещей, которые можно проделать с подносом, полным пирожных. В результате оба расхохотались. Грегору нужен был хороший бой кремовым тортом, решил Майлз, пусть даже только словесный и воображаемый. Когда наконец смех утих, а кофе остыл, Майлз сказал:

— Я знаю, что лезть заставляет тебя лезть на стену, но, черт возьми, ты действительно хорош на своем месте. Ты и сам должен это знать, на некоем внутреннем уровне, после верванских переговоров. Так оставайся на этом месте, а?

— Думаю, так я и сделаю, — вилка Грегора более резко вошла в последний кусок десерта. — А ты останешься на своем, так?

— Чем бы оно ни было. Я встречаюсь с Саймоном Иллианом как раз по этому вопросу сегодня после обеда, — ответил Майлз. Он решил в конце концов отказаться от этого третьего пирожного.

— Не похоже, чтобы тебя это особо радовало.

— Не думаю, что он может понизить меня в звании, ниже энсина офицерских званий нет.

— Он тобой доволен, чего еще желать?

— Он не выглядел довольным, когда я отдавал ему свой рапорт о выполнении задания. Он выглядел болезненно. И говорил мало. — Он бросил взгляд на Грегора, охваченный внезапным подозрением. — Ты в курсе, так ведь? Выкладывай!

— Не должно вмешиваться в цепочку командования, — нравоучительно ответил Грегор. — Может, тебя повысят. Я слышал, место командующего на острове Кайрил свободно.

Майлз вздрогнул.

Весна в баррарейской столице Форбарр-Султане была так же прекрасна, как осень, решил Майлз. Он остановился на мгновение, прежде чем обернуться к главному входу в массивное здание, где располагалась штаб-квартира СБ. Земной клен все еще стоял дальше по улице за углом, его тонкие листья выпускали легкое зеленое сияние, подсвеченные сзади вечерним солнцем. Местные баррарейские растения обрели, в основном, тусклый красный и коричневый цвет. Посетит ли он когда-нибудь Землю? Возможно.

Майлз предъявил соответствующий пропуск охране на входе. Их лица казались ему знакомыми, это была та же команда, с которой он работал в тот бесконечный отрезок времени прошлой зимой. Всего лишь несколько месяцев назад? Казалось, прошло намного больше времени. Он все еще мог без запинки отбарабанить размеры их окладов. Они обменялись шутивными замечаниями, но будучи хорошими работниками СБ, они не задали вопрос, светившийся в их глазах: «Где вы были, сэр?» Майлзу не был выделен конвой, чтобы проводить его до кабинета Иллиана — добрый знак. Впрочем, дорогу-то он теперь знал.

Он прошел знакомым лабиринтом коридоров до лифтовых труб. Капитан в приемной Иллиана просто сделал ему знак входить, на секунду оторвавшись от своей комм-панели. Внутренний кабинет не изменился, огромных размеров комм-пульт Иллиана не изменился тоже, а сам Иллиан... Он выглядел значительно более усталым и бледным. Ему бы выбраться отсюда и погреться немножко на весеннем солнышке, а? По крайней мере, еще не все его волосы поседели, представляя собой всю ту же смесь коричневого с серым. Одежду он по-прежнему предпочитал невзрачную, почти маскировочную.

Иллиан указал на кресло (еще один добрый знак, Майлз с готовностью присел), закончил то, чем занимался, и наконец поднял глаза. Наклонившись вперед, облокотившись на комм-панель и скрестив пальцы, он посмотрел на Майлза со своего рода отвлеченным неодобрением, как будто Майлз представлял собой точку данных, портившую построенную кривую, и Иллиан размышлял о возможности все-таки спасти свою теорию, классифицировав эту точку как ошибку эксперимента.

— Энсин Форкосиган, — вздохнул Иллиан. — Кажется, у вас все еще есть маленькая проблема с субординацией.

— Я знаю, сэр. Я сожалею.

— Вы, вообще, собираетесь что-нибудь с этим делать, кроме как испытывать сожаление?

— Я ничего не могу с этим сделать, сэр, если люди дают мне неправильные приказы.

— Если вы не можете подчиняться моим приказам, вы мне в моем департаменте не нужны.

— Вообще-то... Я полагал, что подчинялся им. Вы хотели получить анализ военной обстановки в Ступице Хеджена. Я его сделал. Вы хотели знать, откуда идет дестабилизация. Я узнал. Вы хотели, чтобы дендарийские наемники ушли из Ступицы. Насколько я понимаю, они уйдут через, примерно, три недели. Вы просили результаты. Вы их получили.

— Целую кучу, — пробормотал Иллиан.

— Признаю, что я не получал прямого приказа спасти Грегора, просто я предположил, что вы бы этого хотели. Сэр.

Иллиан всмотрелся в него, ища иронию, и, видимо обнаружив, поджал губы. Майлз пытался сохранять невозмутимое выражение лица, хотя соревноваться в этом с Иллианом

была та еще задача.

— Насколько я помню, — заметил Иллиан (а памятью он обладал эйдетической, благодаря биочипу), — я дал эти приказы капитану Унгари. А тебе я дал всего один приказ. Помнишь, какой?

Он спросил это тем подбадривающим тоном, с каким обращаются к шестилетнему малышу, который учится завязывать шнурки. В ироничности соревноваться с Иллианом было столь же опасно, как и в невозмутимости.

— Подчиняться приказам капитана Унгари, — нехотя припомнил Майлз.

— Именно так, — Иллиан откинулся в кресле. — Унгари был хорошим, надежным оперативником. Если бы ты все испортил, ты бы утянул его с собой. Он сейчас наполовину сломлен.

Майлз отрицательно повел руками:

— Он принимал правильные решения, для своего уровня. Его не в чем винить. Просто... Дело стало для меня слишком важным, чтобы продолжать играть энсина, когда нужен был именно лорд Форкосиган. — «Или адмирал Нейсмит».

— Хм. И все же... Кому мне теперь тебя подчинить? Кто тот лояльный офицер, чья карьера будет разрушена следующей?

Майлз обдумал этот вопрос.

— Почему бы не подчинить меня непосредственно вам, сэр?

— Спасибо, — сухо ответил Иллиан.

— Я не имел в виду... — начал возражать Майлз и остановился, заметив приглушенный отсвет юмора в карих глазах Иллиана. «Поджариваешь меня для собственного развлечения, да?»

— На самом деле, как раз такое предложение и прозвучало. Не нужды говорить, что не из моих уст. Но галактический оперативник должен функционировать с высокой степенью независимости. Мы рассматриваем возможность превратить потребность в преимущество...

Иллиана отвлек световой сигнал на его панели. Он что-то проверил, потом нажал на кнопку. Дверь в стене справа от его стола отъехала в сторону, и внутрь вошел Грегор. Один из охранников отстал от императора, оставшись в коридоре, другой беззвучно прошел через кабинет и занял пост в приемной. Все двери закрылись. Иллиан поднялся, чтобы предложить кресло императору и кивнул ему — это был своего рода рудиментарный поклон — прежде чем снова сесть. Майлз, поднявшись с появлением императора, взмахнул рукой в салюте и тоже сел.

— Вы уже сказали ему насчет дендарийцев? — спросил Грегор Иллиана.

— Я как раз подходил к этому вопросу, — ответил тот.

«Весьма неспешно».

— Что насчет дендарийцев? — спросил Майлз, голосом выдавая волнение, хотя он и пытался поддерживать на лице некую младшую версию иллиановской бесстрастности.

— Мы решили поставить их на постоянную оплату, — сказал Иллиан. — Ты, в роли адмирала Нейсмита, будешь нашим посредником.

— Консультировать наемников? — Майлз моргнул. «Нейсмит жив!»

Грегор широко улыбнулся:

— Собственных императорских наемников. Мы им обязаны, по-моему, большим, чем просто оплатой их службы нам — и Нам — в Ступице Хеджена. И они определенно продемонстрировали, э-э, пользу от возможности достигать мест, перекрытых для наших регулярных сил политическими барьерами.

Майлз интерпретировал выражение на лице Иллиана как глубокую скорбь по поводу бюджета его департамента, нежели как неодобрение идеи в целом.

— Саймон будет реализовывать, и выискивать, возможности для активного их использования, — продолжал Грегор. — В конце концов, нам нужно оправдывать эту постоянную оплату.

— Я вижу от них пользу скорее в плане шпионажа, нежели диверсионных операций, —

поспешно вставил Иллиан. — Это не лицензия на поиск приключений, или еще хуже, что-нибудь вроде каперского свидетельства. На самом деле, первое, что я от тебя хочу, это усилить подразделение разведки. Я знаю, что деньги у тебя на это есть. Я одолжу тебе пару своих экспертов.

— Никаких больше охранников-кукловодов, сэр? — нервно спросил Майлз.

— Спросить капитана Унгари, не захочет ли он вызваться? — поинтересовался Иллиан со сдержанным колебанием губ. — Нет. Ты будешь действовать независимо. Да поможет нам Бог. В конце концов, если я не отошлю тебя куда-нибудь, ты будешь прямо здесь. Так что у этой схемы будет по крайней мере это преимущество, даже если дендарийцы вообще ничего не будут делать.

— Боюсь, причиной недостатка уверенности в твоих силах у Саймона является, в основном, твоя молодость, — пробормотал двадцатипятилетний Грегор. — *Мы* считаем, что пришло время расстаться с этим предубеждением.

Да, это было императорское «Мы», настроенные на барраярскую волну уши Майлза его не обманули. Иллиан услышал его также ясно. Мастера по запугиванию припугнули самого. На этот раз ирония Иллиана была слегка окрашена скрытым... одобрением?

— Эйрел и я работали двадцать лет, чтобы остаться без работы. Может быть, мы все-таки проживем достаточно долго, чтобы уйти на пенсию. — Он помолчал. — В моем деле это называется «успех», мальчики. Я бы не возражал. — И едва слышно: — ... наконец вынуть из головы этот чертов чип...

— Мм, не начинайте пока что искать себе домик у моря для ухода на пенсию, — ответил Грегор. Не отказываясь от своих слов и не отступая, только выражая уверенность в Иллиане. Не более и не менее. Грегор посмотрел Майлзу на... шею? Глубокие синяки от хватки Метцова наверняка уже почти прошли. — К другому вопросу вы тоже все еще подходили? — спросил он Иллиана.

Иллиан раскрыл ладонь:

— Прошу, — он начал рыться в ящике под комм-пультом.

— Мы — и Мы — подумали, что обязаны и тебе чем-то большим, Майлз, — сказал Грегор.

Майлз заметался между чем-то вроде «пустяки, ничего особенного» и «что вы мне там принесли?!» и остановился на выражении вопросительного внимания.

Иллиан показался обратно и кинул Майлзу что-то маленькое, сверкнувшее красным в воздухе.

— Вот. Ты лейтенант. Что бы это для тебя ни значило.

Майлз поймал их ладонями — пластиковые прямоугольники для петлиц, означавшие его новое звание. Он был так удивлен, что сказал первое, что пришло ему в голову, а именно:

— Что ж, это начало решения проблемы субординации.

Иллиан взглянул на него сердито:

— Не увлекайся. Около десяти процентов энсинов получают повышение после первого года службы. Ваше форское общество все равно решит, что это nepoтизм.

— Я знаю, — уныло ответил Майлз. Но отогнул ворот и начал сразу менять нашивки.

Иллиан слегка смягчился:

— Впрочем, твой отец знает, что это не так. И Грегор. И, э-э... я.

Майлз поднял голову и поймал его прямой взгляд, пожалуй, первый раз за этот разговор.

— Спасибо.

— Ты это заслужил. Ты не получишь от меня ничего незаслуженного. Включая головной боли.

— Я буду их с нетерпением ждать, сэр.